

RUSSIAN AKADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center of Korean Studies

THE KOREAN PENINSULA: HISTORY'S LESSONS

Papers presented
at the 14th Academic Conference
of Russia
and CIS Koreanists

Moscow, March 30 – 31, 2010

Moscow
IFES RAS
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН
Центр корейских исследований

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: УРОКИ ИСТОРИИ

Доклады, представленные
на XIV научной конференции
корееведов России
и стран СНГ

Москва, 30 – 31 марта 2010 г.

Москва
ИДВ РАН
2010

УДК [308+32+908](519)
ББК 66.3(5 Кор)
К 70

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакторы

А. З. Жебин (отв. ред.), К. В. Асмолов, Ким Ен Ун,
Р. В. Савельев, В. Г. Самсонова, С. С. Суслина

Корейский полуостров: уроки истории : доклады, представленные
К 70 на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Мос-
ква, 30–31 марта 2010 г.)/ИДВ РАН. – М.: ИДВ РАН, 2010. – 362 с.
ISBN 978-5-8381-0188-4

В сборнике исследуются актуальные проблемы Корейского полуострова и развития политических, экономических отношений РФ с двумя корейскими государствами. Особое внимание уделено знаменательным вехам в истории Кореи и российско-корейских отношений, таким, как 100-летие колониального порабощения Кореи Японией и 65-летие ее освобождения, 60-летие начала Корейской войны и 20-летие установления дипломатических отношений между нашей страной и РК. Рассматриваются перспективы урегулирования ядерной проблемы, ситуация в СВА, проблемы российско-корейского и межкорейского торгово-экономического сотрудничества. Используются материалы XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ, которая проходила 30–31 марта 2010 г. в ИДВ РАН в Москве при содействии фонда «Академия» и участия Корейского фонда международных обменов.

This collection contains research papers on urgent problems of the Korean peninsula and development of political and economic relations between the Russian Federation and both Korean states. Special attention was given to the important dates in history of Korea and Russian-Korean relations such as centennial anniversary of imposition of Japanese colonial rule in Korea and 65th anniversary of Korea's liberation, 60 years since the beginning of the Korean war and 20th anniversary of diplomatic relations between Russia and the ROK. Prospects for solution of the nuclear problem, situation in Northeast Asia, Russia-Korea and inter-Korean trade and economic ties were also discussed. The volume includes papers presented at the 14th Conference of Russia and CIS' Koreanists held on March 30–31, 2010 at the IFES in Moscow with the support from the «Akademia» Foundation (RF) and participation of the Korea Foundation (Republic of Korea).

ISBN 978-5-8381-0188-4

УДК [308+32+908](519)
ББК 66.3(5 Кор)

© ИДВ РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово
директора ИДВ РАН академика **Титаренко М.Л.** 11

ПОЛИТИКА

- Жебин А. З.**
Дипломатическая борьба по проблемам мирного урегулирования в Корее в конце XX – начале XXI в. 18
- Ткаченко В. П.**
Российско-южнокорейские отношения:
у истоков установления 28
- Савельев Р. В.**
65 лет освобождения Кореи: из XX в XXI век 42
- Ким Е. У.**
65 лет Победы и значение участия СССР
в войне против Японии..... 52
- Воронцов А. В.**
Ядерная проблема Корейского полуострова: в тупике
или на перепутье?..... 64
- Хрусталёв В. В.**
Северокорейская модель ядерного сдерживания:
то, что не сделала ЮАР? 74
- Толорая Г. Д.**
К вопросу о российской стратегии в корейских делах 80
- Бугай Н. Ф.**
Республика Корея и Россия в 1990-е годы — начале XXI в.:
проблемы истории взаимовосприятия..... 91
- Верхотуров Д. Н.**
Перспективы межкорейского сотрудничества в космосе 101
- Ефимова А.И.**
Современное состояние политики Европейского союза
в отношении КНДР 107

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Гринок В. А. Японские ученые о столетии аннексии Кореи	114
Сон Ж. Г. Советско-японские отношения в 1920–1930-е годы: судьбы корейцев	125
Асмолов К. В. Современная российская историография Корейской войны 1950–1953 гг.	136
Тен В. А. Об участии Австралии в Корейской войне	147
Дьякова О. В. Проблема Бохая в современной китайской историографии.....	158
Толстокулаков И. А. Положение религии в КНДР: история и современность	169
Ким Н. Н. Политическая линия Ким Гу на Юге Кореи после освобождения	181
Курмызов А. А. Вторая Республика и проблема демократии в РК (1960–1961 гг.).....	189
Дмитриева В. Н. Глобализация и особенности мультикультурного общества в РК	199
Гурьева А. А. «Традиционное в новом» в современной корейской культуре	211
Осетрова М. Е. Роль корейской кухни в формировании национального самосознания современных корейцев	223
Похолкова Е. А. Языковые особенности южнокорейской национальной рекламы и межкультурные аспекты ее перевода	231

Груздев А. А. Современный речевой этикет в Кореи	245
Ли Сан Юн Тема войны в творчестве Пак Ван Со.....	252
Ни Н. И. Дух свободы и бунтарства в поэзии Ким Су Ена	261

ЭКОНОМИКА

Суслина С. С. Российско-Южнокорейское экономическое сотрудничество: пора зрелости?.....	271
Самсонова В. Г. Основные итоги и перспективы инвестиционного сотрудничества России и Республики Корея	284
Забровская Л. В. Новая тенденция в российско-северокорейских региональных связях.....	293
Рязанова А. Н. Роль и политика государства в формировании инновационной экономики в РК	300
Захарова Л. В. Факторы, определяющие перспективы развития экономического сотрудничества между Севером и Югом Кореи	308
Стеклов М. М. Внешнеэкономическая политика Южной Кореи в Центральной Азии.....	320
Ли Б. С. Проблемы труда и занятости в отношениях Республики Корея со странами СНГ	333
Инчоль Д. Г. Трудовая миграция иностранных граждан в РК.....	340
Краткое содержание докладов на английском языке.....	349

CONTENTS

Opening Remarks Titarenko M. L. Director IFES RAS, academician	11
--	----

POLITICS

Zhebin A. Z. The Diplomatic Struggle over the Creation of a New Peace System on the Korean Peninsula: A Journey in a Closed Circle	18
Tkachenko V. P. ROK–Russian Diplomatic Relations: History of Establishment ..	28
Saveliev R. V. 65th Anniversary of Korea’s Liberation: from the 20th Century to the 21st one	42
Kim En Un 65th Anniversary of Great Victory and Significance of the USSR’s War against Militaristic Japan	52
Vorontsov A. V. The Korean Peninsula Nuclear Problem – Deadlock or Cross-road?.....	64
Khrustalev V. V. The Nuclear Deterrence Model of DPRK: Things South Africa Failed to Do?	74
Toloraya G. D. On Some Issues of Russian Strategy in Korean Affairs	80
Bugai N. F. ROK-Russia during the 1990s: History of Mutual Perceptions....	91
Verkhoturov D. N. A Perspectives of Collaboration in Space Between Korean States	101
Efimova A. I. Current Sate of the European Union’s Policies towards DPRK	107

HISTORY AND CULTURE

Grinyuk V. A. Japanese Experts on the 100th Anniversary of Annexation of Korea	114
Song J. G. USSR-Japan Relations in 1920–1930s and the Fate of Russian Koreans	125
Asmolov K. V. Trends of the Contemporary Russian Historiography of the Korean War (1950–1953)	136
Ten V. A. On Some Issues of Australia’s Participation in the Korean War..	147
Dyakova O. V. Bohai Problem in Current History Studies in China	158
Tolstokulakov I. A. Religions in DPRK: History and Modern Situation	169
Kim N. N. Political Line of Kim Gu in South Korea after Liberation.....	181
Kurmyzov A. A. The Second Republic and the Problem of Democracy in the ROK (1960–1961)	189
Dmitrieva V. N. Globalization and Features of Multicultural Society in the ROK.....	199
Guryeva A. A. «Tradition in New» in Contemporary Korean Culture.....	211
Osetrova M. E. Korean Cuisine and its Role in the Process of National Identity Making in Contemporary Korea	223
Pokholkova E. A. Linguistic Features of South Korean National Advertising and Intercultural Aspects of its Translation	231
Gruzdev A. A. Modern Speech Etiquette in Korea	245

Lee San Youn	
The Theme of War in the Works of Park Wan-seo	252
Ni N. I.	
The Spirit of Freedom and Protest in Kim Su-yong's Poetry	261

ECONOMICS

Suslina S. S.	
Economic Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Korea: Time of Maturity?	271
Samsonova V. G.	
Russian-Korean Investment Cooperation: Main Results and Perspectives	284
Zabrovskaya L. V.	
A New Tendency in Russia-North Korean Regional Economic Contacts	293
Ryazanova A. N.	
The Role and Policy of the State in the Innovation Economy in the ROK.....	300
Zakharova L. V.	
Factors Determining Prospects of Economic Cooperation Between North and South Korea	308
Steklov M. M.	
ROK Economic Policy in Central Asia	320
Lee B. S.	
On Relations in Labor Sphere between the Republic of Korea and CIS Countries.....	333
Inchol D. G.	
Labor Migration of Foreigners in the Republic of Korea	340
<i>Summary of the papers in English</i>	349

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

директора ИДВ РАН академика М. Л. Титаренко

2010 г., в котором проводится эта конференция, знаменателен тем, что в этом году мы отмечаем ряд круглых дат, связанных с корейской историей. Каждая из них, вне зависимости от того, сколько десятилетий отделяет ее от нынешнего дня, является важным историческим событием, заслуживающим изучения и осмысления в современном контексте, так как многие события, которых мы будем касаться, имеют важное значение не только для корейской, но и для мировой, в том числе — российской, истории.

Первая большая дата — 100 лет со дня аннексии Кореи. 35 лет японского колониального правления — это период очень жесткий, тяжелый, трагический и неоднозначный. Если бы колониальное правление Японии продлилось еще 15–20 лет, само существование корейской нации могло оказаться под вопросом из-за проводимой японцами политики этноцида. Сами корейцы никуда бы не делись, но их национальная идентичность вполне могла бы оказаться стертой с приходом нового поколения, для которого японские имена и японский язык как родной уже были бы естественной нормой жизни. Ведь к 1945 г. число корейцев, которые добровольно вступили в японскую армию, служили в жандармских частях или иным активным образом демонстрировали лояльность новому порядку, было сравнимо с числом активных участников антияпонского сопротивления.

Такой корейский урок стоит хорошо помнить тем, кто готов сдать национальную идентичность в обмен на более высокий уровень жизни. Ведь при японцах средняя продолжительность жизни в Корее увеличилась в 2 раза, из аграрной страны Корея превратилась в аграрно-индустриальную.

Второй исторический урок, связанный со 100-летием аннексии Кореи, касается той системы миропорядка, на фоне которой она произошла. Мы часто говорим, что аннексия противоречила международному праву, однако его нормы конца XIX в. — нача-

ла XX в. «благоволили» ситуации, когда сверхдержава берет контроль над страной, чье правительство не справляется со своими обязанностями и не может обеспечить эффективное управление. К сожалению, после разгона «Общества независимости» корейский двор не использовал шанс для модернизации страны, и вклад вана Кочжона в печальную судьбу Кореи во многом аналогичен вкладу Николая II в гибель Российской империи. Однако речь не столько об этом, сколько о том, что аннексия Кореи, несмотря на отчаянные протесты, не вызвала у Запада возмущения, а рассматривалась как закономерное явление.

И, несмотря на зверства, сопровождавшие проведение японской политики в жизнь, японцев считали не захватчиками, а цивилизаторами, приносящими современные ценности, пусть и на кончике штыка. В более позднее время от подобных принципов в международном праве отказались, выдвинув на 1-е место идею национального суверенитета, но можно заметить, как сегодня подобная доктрина возвращается в новом облике: некоторые сверхдержавы считают себя вправе вершить судьбу других государств, дабы внедрить им «общечеловеческие ценности», игнорируя национальный суверенитет. Стоит это не меньшей крови, чем японское колониальное иго.

Следующая большая дата — 65 лет со времени освобождения Кореи и завершения Второй мировой войны. Для российской аудитории она неразрывно связана с 65-летием победы в Великой Отечественной войне, заставляя еще раз вспомнить о том, каков был вклад нашей страны в победу на Дальнем Востоке. Именно вступление в войну СССР, а не американские атомные бомбардировки японских городов, оказалось тем последним ударом, который заставил японцев капитулировать. Более того, именно такой расклад сил создал на Корейском полуострове ту уникальную ситуацию, когда «освобождение» на Юге прошло без внешней помощи и без активных действий со стороны самих корейцев.

Еще одна дата — 60 лет со времени начала Корейской войны 1950–1953 гг. — конфликта, итог которого окончательно определил образ Корейского полуострова как разделенной страны, а демаркационная линия между Севером и Югом в течение долгого времени воспринималась как «самое жаркое место» холодной войны.

Острота конфликта спровоцировала появление многочисленных мифов вокруг него, из-за чего объективное восприятие и непредвзятая оценка события очень сильно затруднены большим числом пропагандистских наслоений с обеих сторон. Например, игнорируется момент приоритета не внешних, а внутренних факторов. Корейская война не была «войной Сталина», как не была она «войной Макартура или Мао». Она была следствием той ситуации, когда за 5 лет до ее начала страна, единая с VII в., оказалась искусственно разделенной из соображений политической конъюнктуры. Как Север, так и Юг страстно желали объединения страны под своим контролем, и именно поэтому Корейскую войну стоит рассматривать как гражданскую, усугубленную внешней интервенцией. И можно сказать, что в целом уроки этой войны еще до конца не осмыслены, хотя связанная с ней «тень исторического прошлого» оказывает очень важное влияние не только на межкорейские отношения, но и на региональную политику вообще.

Один из важных уроков Корейской войны — это связанная с ней «трагедия ошибок». И та и другая сторона очень часто принимали судьбоносные решения исходя из неверной информации, неверных посылок или идеологических шор. Достаточно вспомнить, что «добро» от Москвы на начало крупномасштабных военных действий было дано только тогда, когда «местные» коммунисты убедили Кремль в том, что на юге полуострова сложилась революционная ситуация и стоит начать вторжение туда, как марионеточный южнокорейский режим немедленно падет. Так же был ослеплен своими победами Макартур, когда был уверен в том, что его армия учинит китайцам и корейцам «великую бойню». Воистину, если бы и в Вашингтоне, и в Москве имелась группа здравомыслящих ученых-аналитиков, которые бы действительно разбирались в корейских проблемах и могли предостеречь руководство своих стран от необдуманных шагов в этой сфере, и крови бы пролилось гораздо меньше, и судьба полуострова могла быть другой. Но, к сожалению, реальная история сослагательного наклонения не знает, и мы, ученые, помним это, стремясь искать конструктивные решения назревающих проблем. Глядя на повестку дня и темы докладов конференции, я вижу, что российским корееведам это удается.

Не менее важной датой для корейской истории является 1960 г. — год Апрельской революции, которая смела режим Ли Сын Мана. Это очень знаменательное событие, которое можно воспринимать как одну из первых «цветных революций», во время которой ненасильственные действия и воля всего народа смели отвратительный коррумпированный режим, однозначно превосходивший по уровню «кровоавости» современный ему режим на Севере.

Тем, кто привык к современной ситуации на Корейском полуострове и воспринимает ее как данность, стоит вспомнить, что в 1960-е годы картина была прямо противоположной. Нищей и разваленной страной, по уровню жизни уступавшей даже Нигерии, был Юг. И даже современная Северная Корея, при всех ее проблемах, не является страной, 50% бюджета которой составляет американская помощь, как это было в то время на Юге.

Впрочем, события 1960 г. дают нам еще один исторический урок, связанный с кратковременным демократическим экспериментом Второй Республики. Этот, мягко говоря, неудачный опыт, завершившийся тем, что менее чем через год власть оказалась в руках военных, хорошо иллюстрирует тезис о том, что желание демократии и готовность страны адекватно воспринять демократические ценности, а не имитировать их внешнюю форму — «две большие разницы». Внимательный анализ Кореи данного периода позволил бы сделать важные выводы о том, как надо себя вести, чтобы переход от тоталитаризма к демократии состоялся бы не на словах, а на деле. Поэтому уроки Второй Республики и последовавшего за ней «корейского экономического чуда» (как позитивные, так и негативные) для нашей страны весьма поучительны.

С проблемами авторитаризма и демократии связана и следующая юбилейная дата: 30 лет со дня восстания в Кванчжу. Это трагическое событие нередко сравнивают с событиями на площади Тяньаньмэнь, которые случились позже. Однако народные выступления в Корее превосходили ситуацию в Китае и по числу жертв, и по накалу событий, хотя оказались куда менее «распиарены» мировым общественным мнением. А между тем стоит вспомнить, что событие это никоим образом не было связано с Севером, а было стихийным проявлением желания демократии и протеста против чудовищных и неадекватных действий власти.

Руководство восстания активно апеллировало именно к международному сообществу и рассчитывало на то, что западные демократии не оставят без внимания такое попираание прав человека. Но, увы! Соображения политической конъюнктуры оказались сильнее, и восстание было потоплено в крови с полного одобрения, если не поддержки, Вашингтона. Собственно, именно с этого времени антиамериканизм стал так популярен среди корейских левых.

Наконец, в 2010 г. исполняется 20 лет со дня установления дипломатических отношений между нашими странами. Этот короткий период, однако, включил в себя многое. И внезапную смену политической ориентации, связанную с желанием Э. Шеварднадзе получить все «здесь и сейчас». И период взаимных иллюзий, когда каждая из сторон была уверена в том, что уж теперь-то она достигнет своих политических или экономических целей при помощи другой. Потом был период определенного взаимного разочарования и время выработки оптимального, сбалансированного курса российской стороны в корейских делах.

В этом контексте хочется напомнить о той существенной роли, которую сыграло руководство Института Дальнего Востока РАН как в установлении дипотношений между нашими странами, так и в формировании основных направлений и приоритетов российской политики на Корейском полуострове.

На последнем моменте хочется остановиться, так как уважаемые коллеги уже успели обратить внимание на то, что, в отличие от 7 прошлых лет подряд, на сей раз Корейский фонд международных обменов не счел возможным поддержать наш форум. Правда, небольшую сумму, оставшуюся от прошлогоднего гранта, нам разрешено использовать.

Что можно сказать в этой связи? 20 лет тому назад российские ученые, руководствуясь национальными интересами нашей страны и на основе объективного анализа сложившейся в мире и в регионе обстановки, решительно выступили за установление дипломатических отношений между нашими странами. Вместе с тем мы всегда были против обвального ухудшения отношений с КНДР, говорили о необходимости для России стоять в Корее, образно говоря, на двух ногах, поддерживать ровные, добрососедские отношения с обоими корейскими государствами в ин-

тересах содействия примирению и сотрудничеству между ними. Достижению этих целей послужили подписание нового договора России с КНДР и первый визит главы российского государства в КНДР, 10-летие которых исполняется в нынешнем году. Уверен, что, независимо от политической конъюнктуры в корейских и иных столицах, при оценке наших отношений с КНДР и РК и обстановки на полуострове мы и впредь будем исходить — нравится это кому-либо или нет — из научного, непредвзятого анализа ситуации и руководствоваться прежде всего интересами укрепления мира и развития сотрудничества на полуострове, национальными интересами нашего государства.

Именно поэтому я чрезвычайно рад приветствовать всех ученых, особенно — иногородних, которые смогли приехать в Москву из Санкт-Петербурга, Владивостока, Сургута, Томска, Ташкента и даже Сеула. Такая география участников позволяет по праву назвать эту конференцию конференцией корееведов России и стран СНГ.

Не менее приятно видеть среди участников и слушателей нашего мероприятия много молодежи. Наш форум не только дает молодым ученым возможность проявить себя, но и способствует конструктивному общению студентов и аспирантов со «старой гвардией» корееведов.

И я хочу отдельно обратиться со словами приветствия и уважения к тем, кто из года в год принимает участие в работе этого мероприятия, постоянно обогащая его свежими важными и интересными материалами. К тому же, этот год — год нескольких круглых дат не только в корейской истории, но и год юбилеев нескольких присутствующих здесь коллег, которым хочется пожелать крепкого здоровья и творческого долголетия.

Можно, конечно, завершить это выступление известной фразой: «История учит тому, что она ничему не учит», однако мне хочется вспомнить другое выражение: «Глупый человек учится на своих ошибках, умный — на чужих». Не случайно тема этой конференции звучит как «Корейский полуостров: уроки истории». Значительная часть докладов посвящена и современным темам. Здесь и анализ региональной политики и так называемой «северокорейской ядерной проблемы»; и разбор политической и экономической ситуации в КНДР и РК; и изучение инвестиционных

стратегий и многосторонних экономических проектов; и изучение истории, культурологии и литературы, причем это направление даже выделено в отдельную секцию.

Мы связываем прошлое и будущее и стараемся сделать так, чтобы из опыта нашей деятельности можно было бы извлекать только позитивные примеры. Наша конференция — один из шагов в этом направлении, и, открывая ее, я еще раз желаю всем ее участникам интересных дискуссий и радости от полнокровного научного общения.

*А. З. Жебин**

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ПРОБЛЕМАМ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В КОРЕЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

11 января 2010 г. МИД КНДР выступил с предложением провести переговоры о замене Соглашения о военном перемирии в Корее от 27 июля 1953 г. мирным соглашением¹.

Свою инициативу в Пхеньяне мотивировали продолжающимся туфиком на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП). Переговоры показали, утверждают северокорейцы, что решение данной проблемы невозможно из-за отсутствия доверия между сторонами, прежде всего между КНДР и США, между которыми сохраняется «состояние войны»².

Северокорейцы также утверждали, что любая договоренность, оторванная от основного вопроса о войне и мире, «обречена на неудачу», и поэтому предложили перенести очередность обсуждения проблем, упомянутых в совместном заявлении от 19 сентября 2005 г., т.е. сначала разрешить вопрос об установлении мира, а затем уже ядерный³.

Указанное заявление, безоговорочного выполнения которого требуют от КНДР США и их союзники, действительно предусматривает созыв «отдельного соответствующего форума», на котором «прямо имеющие отношение стороны» должны договориться о «постоянном режиме мира» на полуострове⁴.

* Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва.

Тем не менее северокорейская инициатива, что называется, с ходу была отвергнута США и их союзниками — Республикой Корея и Японией⁵. Все они призвали Пхеньян как можно скорее и без всяких предварительных условий вернуться за стол переговоров и принять «решительные меры» по демонтажу своей ядерной программы. Только после этого, заявил помощник госсекретаря по связям с общественностью П. Дж. Кроули, повестка дня переговоров «может быть расширена»⁶.

Реакция России и Китая оказалась более дипломатичной: в Москве и Пекине, не отклоняя напрямую предложения КНДР, тем не менее подчеркнули важность возобновления шестистороннего переговорного процесса, в рамках которого важное значение имеет продолжение диалога по проблематике оздоровления обстановки и укрепления доверия на полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом, в том числе по вопросам нормализации отношений между соответствующими государствами⁷.

Нынешние северокорейские предложения — далеко не первая инициатива, призванная обеспечить прочный мир в Корее. Они выдвигались на разном уровне и в различных ситуациях. В 1962 г. Ким Ир Сен в своей речи на 1-й сессии Верховного народного собрания (ВНС) КНДР «Об очередных задачах правительства КНДР» призвал «изгнать американские войска, заключить между Севером и Югом мирное соглашение о взаимном ненападении, сократить численность армий [сторон] до 100 тыс. человек и менее с каждой стороны»⁸.

Несмотря на утверждения северокорейского лидера, что тогдашний южнокорейский режим является «всего лишь орудием колониального правления в руках империалистов США», в тот период позиция КНДР состояла в том, что «корейский вопрос должен обсуждаться самими корейцами в Пхеньяне и Сеуле, а не иностранцами в Нью-Йорке или Вашингтоне»⁹. КНДР придерживалась этой позиции до середины 1970-х годов.

В январе 1974 г. президент РК Пак Чжон Хи в своем новогоднем обращении предложил Северу заключить пакт о ненападении, сохранив в то же время в силе Соглашение о перемирии.

В ответ Пхеньян решил перевести обсуждение корейской проблемы на международный уровень. В письме ВНС КНДР конгрессу США 25 марта 1974 г. Соглашение о перемирии было объявлено

«устаревшим» и «не соответствующим действительности во многих отношениях»¹⁰. Поэтому было предложено заключить мирное соглашение с США. Документ предусматривал ненападение, устранение опасности прямого военного столкновения, прекращение наращивания вооружений и ввоза их в Корею из-за рубежа, вывод войск США с юга полуострова и фактически нейтрализацию Кореи¹¹.

Предложения Пак Чжон Хи были отвергнуты под предлогом того, что южнокорейцы лишены права командовать собственными войсками. Северокорейцы также напомнили, что Южная Корея отказалась подписывать Соглашение о перемирии и поэтому не может считаться его участником, намекнув тем самым, что не рассматривают Сеул участником будущего соглашения. С тех пор указанный тезис оставался в основе позиции КНДР по вопросу о возможных партнерах на переговорах о замене указанного соглашения на мирный договор.

В 1975 г. тогдашний госсекретарь США Г. Киссинджер в своем выступлении на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН впервые предложил заменить систему перемирия в Корее «новой структурой»¹². Он высказался за созыв конференции, в которой приняли бы участие «стороны, подписавшие соглашение о перемирии». Целью форума должен был стать «поиск мер по снижению напряженности» на полуострове. В числе таких шагов называлась возможность созыва «более широкого форума», который был бы призван заменить перемирие «более основательными и долговременными договоренностями»¹³.

В 1979 г. США и РК по итогам визита президента Дж. Картера в Сеул выдвинули предложение о трехсторонних переговорах по Корее с участием США, РК и КНДР. Инициатива была отвергнута Пхеньяном как «нереалистичная».

Однако 5 лет спустя, 10 января 1984 г., КНДР сама предложила созвать такие переговоры, в ходе которых предполагалось заключить мирный договор между КНДР и США и декларацию о ненападении между Севером и Югом Кореи. Но на этот раз отказом ответили Вашингтон и Сеул.

Так что не только Пхеньян не раз менял свою позицию. Делали это и Вашингтон, и Сеул.

Президент РК Ро Дэ У в октябре 1988 г. на сессии ГА ООН выдвинул предложение о созыве шестисторонней конференции

с участием СССР, США, КНР, Японии, КНДР и РК по вопросам мира и безопасности в СВА в качестве постоянно действующего консультативного органа. Эта инициатива, как и предполагалось, была отклонена Пхеньяном.

Примечательно, что предложение Ро Дэ У, по сообщению южнокорейской газеты «Тон'а ильбо», было выдвинуто без предварительных консультаций с США и встретило более чем прохладное отношение в Вашингтоне. Там не без оснований полагали, что коллективное обсуждение проблем безопасности в регионе неизбежно затронет вопросы американского военного присутствия в Южной Корее и удаления оттуда ядерного оружия¹⁴.

Два года спустя позиции союзников изменились на противоположные. В конце 1991 г. тогдашний госсекретарь США Дж. Бейкер в статье, опубликованной в журнале «Форин афферс», выдвинул идею проведения шестисторонних переговоров, которую он потом озвучил во время своей поездки по странам Азии в ноябре 1991 г., в ходе которой он посетил Японию и РК¹⁵.

Однако в Сеуле американская инициатива была встречена весьма скептически. Как писала консервативная газета «Чосон ильбо», ссылаясь на неназванного высокопоставленного представителя администрации Ро Дэ У, «правительство уже давно придерживается позиции, состоящей в том, что превращение корейского вопроса в международный является нежелательным как для межкорейского диалога, так и для стабильности в этом регионе»¹⁶.

Знакомясь с текстами предложений сторон периода 1960–1980-х годов, трудно не прийти к выводу, что они нередко преследовали не столько заявленные в них, сколько пропагандистские цели. Как правило, эти инициативы были обставлены набором условий, заранее не приемлемых для предполагаемых партнеров, и делались в форме расплывчатых политических заявлений, причем даже такими классиками дипломатии, как Г. Киссинджер¹⁷.

Геополитические катаклизмы, произошедшие в мире на рубеже 1980–1990-х годов, в первую очередь распад СССР и исчезновение социалистического лагеря, оказали серьезное влияние на ситуацию на Корейском полуострове. Оба корейских государства сделали крупный шаг к примирению, по своему политическому значению схожий с подписанием Северной и Южной Кореей

Совместного заявления 1972 г. после визита Р. Никсона в Пекин и начавшегося американо-китайского сближения.

13 декабря 1991 г. главы правительств КНДР и РК подписали Соглашение о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве (далее – Основное соглашение. – *Прим. авт.*) между Севером и Югом Кореи. В этом документе КНДР и РК обязались «прилагать усилия к превращению нынешнего состояния перемирия в прочное мирное и соблюдать действующее в настоящее время соглашение до достижения такого мирного соглашения»¹⁸. Таким образом, оба корейских государства фактически де-юре признали друг друга сторонами Соглашения о перемирии 1953 г.

Причины столь резкой перемены в позиции КНДР, до этого наотрез отказывавшейся обсуждать вопросы перемирия с РК, следует, на мой взгляд, искать в кардинальных геополитических переменах, происходивших в мире в те дни. Мало кто из обозревателей, впечатленных этими переменами, обратил внимание на то, что межкорейское соглашение было заключено через 5 дней после Беловежских соглашений, означавших для КНДР прежде всего утрату главного военно-политического союзника – СССР. Взаимное признание сложившейся к тому времени де-факто границы между Севером и Югом в виде военно-демаркационной линии и обязательство соблюдать еще неопределенное время «устаревшее» уже 30 лет назад соглашение позволило Пхеньяну зафиксировать статус-кво в Корее в условиях коренного изменения военно-политического баланса в мире не в пользу КНДР.

Весьма сдержанную реакцию в Сеуле вызвала и американская инициатива о проведении четырехсторонних переговоров. Президент РК Ким Ен Сам согласился поддержать ее только потому, что американская сторона сообщила, что в противном случае президент Дж. Картер не сможет посетить Сеул с визитом¹⁹.

Переговоры о замене Соглашения о перемирии в Корее новым документом были предложены президентами США и РК на их встрече на высшем уровне на южнокорейском острове Чечжудо 16 апреля 1996 г. По числу предполагаемых участников – две Кореи, США и Китай – эти переговоры получили название четырехсторонних.

В связи с этим интерес представляет аргументация американской стороны в обоснование своей инициативы в 1996 г. Так, соглас-

но оценкам Американского института мира, США в тот период считали, что «без процесса укрепления доверия, который касался бы фундаментальных источников напряженности на Корейском полуострове, ключевые элементы Рамочного соглашения между КНДР и США, подписанного в 1994 г., останутся уязвимыми и могут быть подорваны»²⁰.

С таким подходом были согласны и многие южнокорейские специалисты. В частности, сотрудник правительственного Корейского института национального объединения Хон Гван Хи писал, что «ослабление напряженности на полуострове должно предшествовать всем другим мерам с тем, чтобы стороны могли почувствовать, что военная угроза друг для друга уменьшилась. Только тогда они смогут реально общаться и взаимодействовать. Для этого стороны должны признать легитимность друг друга»²¹.

Эта аргументация едва ли не буквально совпадает с той, которую приводит северокорейская сторона в обоснование своей нынешней инициативы о переговорах по созданию новой системы мира на полуострове.

В этом контексте необходимо обратиться к фундаментальным причинам упорного нежелания США начать практическое обсуждение вопросов замены Соглашения о перемирии мирным договором и создания новой архитектуры безопасности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

Дело в том, что ставшие набирать силу в начале 2000-х годов процессы политического оздоровления и экономического взаимодействия в регионе, ослабления напряженности и укрепления безопасности на Корейском полуострове явно не отвечали геополитическим планам США, опасавшимся, что в новых условиях американское доминирование в регионе Северо-Восточной Азии окажется под угрозой.

Именно поэтому США вновь и вновь пытаются убедить весь мир в том, что экономически отсталая, истощенная голодом, замерзающая от отсутствия электроэнергии и тепла и буквально находящаяся на краю света Северная Корея является чуть ли не главной угрозой не только для США, но и для всего мира.

Периодические попытки США «подогреть» ситуацию на полуострове объясняются тем, что продолжение процесса нормализации в Корее неизбежно поставило бы под вопрос целесообраз-

ность американского военного присутствия на Юге полуострова. Вывод американских войск из Южной Кореи, по мнению целого ряда специалистов, в том числе американских и южнокорейских, выбил бы краеугольный камень из-под всей стратегии США в СВА, да и в АТР в целом, которая основывается на двусторонних военных альянсах с Японией и РК и передовом базировании вооруженных сил США в этих странах.

Кроме того, окончательное примирение двух Корей лишило бы США единственного более или менее серьезного аргумента, оправдывающего создание ПРО ТВД в СВА. Ведь исчезли так называемая «северокорейская ракетная угроза» — и обнажились бы истинные замыслы американского руководства, вознамерившегося с помощью ПРО нейтрализовать ракетно-ядерные средства сдерживания Китая и России.

Поэтому США выгодно либо поддержание определенного уровня напряженности на полуострове, либо ликвидация КНДР. Первый сценарий, который можно назвать программой-минимум, позволяет сохранить в регионе свои силы передового базирования, контролировать союзников — РК и Японию — и оправдывать создание систем региональной ПРО.

Второй вариант, который является программой-максимум, позволил бы американцам установить контроль над всем Корейским полуостровом — уникальным по своему военно-стратегическому значению и географическому положению районом Азии, находящимся на стыке границ России и Китая — единственных держав, которые еще могут бросить вызов мировой гегемонии США.

Ликвидация КНДР не только завершила бы процесс пересмотра итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке, но и означала бы «переигровку» Корейской войны 1950—1953 гг. Выход американских вооруженных сил с их высокоточным оружием нового поколения на почти 1400-километровую сухопутную границу с Китаем и пусть даже на 17-километровую с Россией привел бы к кардинальным изменениям военно-политической обстановки в этом регионе и во всем АТР.

Некоторые американские аналитики настаивают, чтобы вопросы американского военного присутствия на Корейском полуострове и в Восточной Азии не были предметом обсуждения на любом многостороннем форуме, который может быть создан в этом

регионе. Они также считают, что любые мирные режимы и механизмы в СВА не должны «подвергать риску» существование военно-политических альянсов США с Японией и Южной Кореей, на которых и будут продолжать основываться сильные позиции США в регионе. Задача сохранить военные союзы и передовое базирование вооруженных сил США в регионе названа в числе приоритетных и администрацией Б. Обамы. Таким образом, в США рассматривают любой возможный в будущем механизм мира и безопасности в СВА в качестве своего рода «довеска» к системе их военно-политических союзов в регионе.

Таким образом, под прикрытием борьбы с явно преувеличенной, и к тому же провоцируемой самими американцами, северокорейской ракетно-ядерной угрозой США, похоже, стремятся реализовать свои геополитические амбиции в регионе.

Для определения перспектив любых переговоров представляется важным выявить цели, которые преследуют их участники и определить поле их совпадения или совместимости, проанализировать, в каком политическом и экономическом контексте развивается дипломатическая борьба между ними.

Подходы Пхеньяна, Вашингтона и Сеула по ключевым вопросам, в первую очередь об иностранном военном присутствии в Корее, — прямо противоположны. КНДР рассматривает вывод войск США из Южной Кореи как главную предпосылку обеспечения своей безопасности и достижения объединения страны на приемлемых для нее условиях, в то время как РК по-прежнему видит в сохранении американского военного присутствия на своей территории и в военно-политическом союзе с США главную гарантию своей безопасности. В Вашингтоне и Сеуле также считают, что вопрос о дислокации американских войск в Южной Корее — это двусторонний вопрос, в решении которого какая-либо третья сторона не имеет права голоса. К тому же, согласно последним американским внешнеполитическим концепциям, миссия этих войск далеко не ограничивается пределами полуострова.

Столь противоположные позиции оставляют мало шансов на успех переговоров, и тем более на реализацию достигнутых на них договоренностей.

Представляется, что Россия много не потеряет от неучастия в возможном переговорном процессе, сроки которого неопреде-

ленны, а результаты — непредсказуемы и, по всей вероятности, не устроят ни одну из участвующих в нем сторон. К России рано или поздно обратятся. И это произойдет тем раньше, чем быстрее она окрепнет в экономическом, политическом и военном отношениях, в особенности на Дальнем Востоке, и станет проводить внятную и, что немаловажно, самостоятельную линию в корейских делах.

Впрочем, и в этом случае России не следует обольщаться и переоценивать свою возможную роль в корейском урегулировании. Там присутствуют более мощные и, что немаловажно, более заинтересованные игроки. И их ставки в корейском гамбите неизмеримо выше.

¹ The DPRK Proposes to Start of Peace Talks // KCNA. 11.01.2010/

² Там же.

³ Там же.

⁴ KCNA. 20.09.2005.

⁵ SKorea, US dismiss NKorea's peace talks proposal. AP. Seoul. 12.01.2010.; Japan, S.Korea rebuff N.Korea peace proposal. AFP.Tokyo. 16.01.2010.

⁶ Обсуждению мирного договора с КНДР должно предшествовать возобновление шестисторонних переговоров. 13 января 2010 г. Государственный департамент США.

⁷ Позиция МИД России в связи с заявлением МИД КНДР от 11 января 2010 г. Брифинг официального представителя МИД России А.А.Нестеренко 15.01.2010. www.mid.ru

⁸ *Ким Ир Сен*. Сочинения. Пхеньян, 1984. Т. 16. С. 471—472. (на рус. яз.)

⁹ Там же. С. 467, 471.

¹⁰ Предложения КНДР по объединению страны. Пхеньян, 1982. С. 120. (на рус. яз.).

¹¹ Там же.

¹² Building International Order. Address by Secretary of State Henry Kissinger before the Thirtieth regular Session of the UN general assembly // Department of State Bulletin. Vol. LXIII. No. 1894 (October 13, 1975). P. 549—550.

¹³ Secretary of State of State Henry Kissinger's Remarks on Korea at the 31st Session of the UN General Assembly. 30.09.1976.

¹⁴ Тона ильбо. 09.11.1988.

¹⁵ ТАСС. 11.11.1991.

¹⁶ Чосон ильбо. 11.11.1991.

¹⁷ *Kurata H.* The International Context of North Korea's Proposal for a «New

Peace Arrangement»: Issues after the US-DPRK Nuclear Accord // Korea Journal of Defense Analysis. Seoul, Summer 1995. Vol. VII. No. 1. P. 252.

¹⁸ ЦТАК. 13.12.1991.

¹⁹ The New York Times. 17.11.1996.

²⁰ A Coming Crisis on the Korean Peninsula? / United States Institute of Peace. August 1997. P. 1.

²¹ *Hong Kwan-hee.* Four-Party Talks and South Korea's Unification Policy // The Korean Journal of National Unification. Seoul, 1997. Vol. 6. P. 37.

*В. П. Ткаченко**

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: У ИСТОКОВ УСТАНОВЛЕНИЯ

За минувшие 20 лет в России и за рубежом опубликовано немало исследований о нормализации наших отношений с Южной Кореей, и у каждого из нас есть представление о том, как протекал процесс нормализации.

По своему жанру большинство таких публикаций можно отнести к разряду мемуарных. Дело в том, что процесс нормализации был довольно продолжительным, он растянулся почти на 20 лет и в нем принимали участие сотни людей с обеих сторон. Вначале это были журналисты, ученые, спортсмены, деятели культуры, бизнесмены, а затем — дипломаты и представители властей. Многие из них сочли необходимым поделиться своими воспоминаниями.

В таких публикациях можно обнаружить ценные, ранее не известные факты или документы, авторскую трактовку процесса нормализации. Подобного рода находки встречаются, например, в книге Чон Дже Муна, внесшего заметный вклад в установление дипломатических отношений между нашими странами. Он впервые опубликовал запись беседы президента Демократической партии объединения Ким Ен Сама с членом Политбюро ЦК ТПК Хо Дамом, которая состоялась 6 июня 1989 г. в Москве¹.

Уникальность таких публикаций состоит еще и в том, что они показывают, насколько, порой, наивны в то время были представления партнеров друг о друге, как эти представления менялись по мере углубления контактов, какие надежды они возлагали на нормализацию, что из этих надежд стало реальностью, а что так и не сбылось.

Из многочисленных исследований южнокорейских авторов на эту тему запомнились работы Ким Хак Чуна, Хан Сын Чжу, Ян Сер Чера, Ким Даль Чуна, Ю Се Хи, Ким Ю Нама и ряда других.

* Независимый эксперт, Москва.

Среди работ американских ученых привлекают внимание исследования А. Рубинштейна, Дж. Гудби, Дж. Льюиса, Д. Обердорфера.

При всем уважении к мнению каждого исследователя, мне хотелось бы остановиться на наиболее характерных расхождениях в описании происходивших событий и их оценке. Акцент на расхождениях в данном случае вовсе не ставит цель навязать кому-либо свою точку зрения. Речь идет о том, что темы, вокруг которых возникают разные мнения, требуют дополнительного изучения или более веской аргументации. Простой перечень таких тем может оказаться полезным для молодых ученых, которые еще выбирают для себя предмет исследований.

Существует мнение, что признание Советским Союзом Южной Кореи стало возможным лишь благодаря политике «нового мышления», которую проводил М. С. Горбачёв. В ряде журналистских публикаций приоритетную роль в признании РК приписывают уже и российским властям.

На самом деле, нормализация началась в эпоху, когда у власти были Л. И. Брежнев и Пак Чжон Хи. Идея установления нормальных отношений с обоими корейскими государствами зрела в Москве давно, ее истоки восходят еще к 1960-м годам, когда в научных и дипломатических кругах возобладало убеждение в том, что поддержание отношений как с Севером, так и с Югом Кореи в наибольшей мере обеспечивало бы интересы безопасности нашего государства, интересы разрядки в Азии. Правда, огласку это, слишком радикальное по тем временам, мнение получило позже².

Все началось с того, что в декабре 1970 г. президент Республики Корея Пак Чжон Хи отменил ограничения на торговлю с социалистическими странами. Для нас это оказался несколько неожиданный проект, на который надо было как-то реагировать.

К тому времени в Москве уже была разработана собственная точка зрения по проблеме признания Южной Кореи. В мае 1970 г. МИД СССР подготовил к консультациям с КНДР предложения об усилении влияния социалистических стран на различные круги общественности Южной Кореи посредством развития торгово-экономических контактов, обменов в области информации, науки, культуры и спорта. Указанная инициатива, разумеется, не встретила понимания в Пхеньяне.

Ситуация в корне изменилась к лету 1972 г., когда Север и Юг

вступили в диалог с участием высших руководителей и приступили к осуществлению разнообразных контактов. На полуострове создавалась принципиально новая обстановка, и негативное отношение Пхеньяна к нашим контактам с представителями Южной Кореи было расценено как необоснованное.

Поэтому с мая 1973 г. мы стали самостоятельно решать, какие контакты поддерживать с Южной Кореей. Тогда же были отменены ограничения на участие южнокорейских представителей в международных мероприятиях, проводимых в СССР. Впервые представитель РК участвовал в XV конгрессе Международного института театра, проходившем в Москве в мае 1973 г. Спортсмены Южной Кореи приняли участие в Московской Универсиаде (август 1973 г.). Официальные лица и представители правительства РК приезжали в СССР на XXV ассамблею Всемирной организации содействия ООН (Москва, октябрь 1975 г.), межправительственную конференцию по вопросам окружающей среды (Тбилиси, октябрь 1977 г.), конференцию Всемирной организации здравоохранения (Алма-Ата, сентябрь 1978 г.)³.

С 1965 г. между СССР и РК начались торговые связи через посредников в третьих странах. Вначале их объем не превышал 60 млн долл., но ежегодно удваивался и к 1990 г. достиг почти 0,9 млрд долл.⁴

С августа 1987 г. в СССР был упразднен разрешительный порядок контактов с Южной Кореей: научные, культурные, спортивные и другие организации получили возможность сами устанавливать прямые контакты с южнокорейскими партнерами. В декабре 1989 г. представительством Торгово-промышленной палаты (ТПП) в Сеуле и Корейского агентства по содействию торговле и инвестициям (КОТРА) в Москве поручено выполнять консульские функции, включая оформление виз.

По мнению ряда южнокорейских исследователей, для разрядки в Корее было бы полезным, если бы нормализация произошла значительно раньше⁵. С этим трудно не согласиться, хотя у каждой из сторон были на этот счет свои аргументы.

Дело в том, что после освобождения Кореи в 1945 г. каждая из двух ее частей претендовала на статус единственно законного государства на полуострове. Как известно, выборы в Национальное собрание Южной Кореи 10 мая 1948 г. комиссия ООН признала законными, тогда как аналогичные выборы

на Севере 25 августа того же года такого признания со стороны ООН не получили.

1950-е и 1960-е годы также были неподходящим временем для нормализации советско-южнокорейских отношений. Сначала в Корее была война, затем на полуострове происходило формирование системы блокового противостояния. Да и остальной мир в целом жил по законам и правилам, которые отнюдь не благоприятствовали добрососедству и взаимопониманию. США не воспринимали политику мирного сосуществования и были слишком далеки от провозглашения идеи «перекрестного» признания великими державами обоих корейских государств. Указанные тенденции появились значительно позже.

Шанс ускорить процесс нормализации появился осенью 1983 г., когда в Сеуле должна была состояться конференция Межпарламентского союза. В Москве понимали, что поездка в Сеул государственных деятелей СССР приведет к установлению контактов с южнокорейским руководством и откроет перспективы для нормализации отношений с этой страной. Понимали это и в Пхеньяне и поэтому оказывали на СССР сильное давление с целью организации бойкота конференции. И все же в Москве решили направить делегацию Верховного Совета СССР в Сеул. Но в тот момент, когда, казалось, уже ничто не могло помешать первому контакту парламентариев СССР и РК, 1 сентября 1983 г. вблизи Сахалина произошла трагедия с южнокорейским пассажирским самолетом. О поездке в Сеул парламентской делегации не могло быть и речи.

Расследования трагедии с южнокорейским лайнером так и не прояснили причину вторжения этого самолета в зону действия стратегических средств обороны Советского Союза. Поэтому у многих наблюдателей остались сомнения в том, что указанный инцидент был случайным. К тому же вычислить тех, кто был заинтересован в инциденте, было не так уж трудно.

К нормализации отношений с Советским Союзом не был готов и Сеул. Начало 1960-х годов было связано в Южной Корее с бурными политическими событиями, которые, в конечном итоге, привели к падению режима Ли Сын Мана в апреле 1960 г. Комендантский час, действовавший в стране с конца Второй мировой войны, был отменен только в январе 1962 г. В декабре 1979 г.

Пак Чжон Хи был убит своим ближайшим помощником — директором Центрального разведывательного управления.

Проблема легитимности режима, соблюдения прав человека в Южной Корее в то время стояла довольно остро, она была предметом постоянного внимания международных организаций. По-видимому, не случайно в течение 10 лет южнокорейские президенты не приглашались в США. Этой чести удостоился Чон Ду Хван лишь в 1981 г. Первые в истории РК прямые президентские выборы на основе всенародно одобренной конституции состоялись в декабре 1987 г., что фактически и явилось для нас главным аргументом в пользу признания Южной Кореи.

Между СССР и РК не было проблем, которые могли бы затруднить нормализацию отношений. Хотя СССР был на стороне КНДР в период Корейской войны 1950–1953 гг. и оказывал ей существенную помощь и поддержку, он не являлся воюющей стороной в этом конфликте⁶. Для администрации президента Ро Дэ У, который продолжил курс Пак Чжон Хи на установление связей со странами другой социальной ориентации, важно было не выяснять, кто с кем воевал, а прежде всего «пробить брешь в стене» и нормализовать отношения с Китаем и СССР. В этом была суть его «северной политики».

После того как цель была достигнута, на Юге оживилась дискуссия по поводу ответственности КНДР, СССР и Китая за развязывание Корейской войны. Вероятно, и впредь время от времени будут напоминать нам о нашей роли в этой войне.

Однако в конце 1980-х годов у Сеула были другие приоритетные задачи, и ни о каких препятствиях для нормализации наших отношений с РК не могло быть и речи. Хотя мы и не имели официальных отношений, но исходили из того, что в Корее есть два государства и что с одним из них у нас временно отсутствуют дипломатические отношения⁷.

Сеульская Олимпиада 1988 г. заметно ускорила процесс нормализации. В Москве не было сомнений относительно участия в Играх. Существовала лишь проблема реакции Пхеньяна на это решение советской стороны.

В апреле 1985 г. было найдено компромиссное решение — провести в 1989 г. в Пхеньяне очередной XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который рассматривался как не менее пре-

стижное международное мероприятие, чем Олимпиада. Проблему поездки советских спортсменов в Сеул на Игры удалось вывести за скобки наших политических контактов с Пхеньяном. На встрече Горбачёва и Ким Ир Сена в октябре 1986 г. вопрос о сеульской Олимпиаде вообще не затрагивался. Тем не менее в ряде публикаций отечественных и зарубежных исследователей можно встретить утверждения о том, что в Кремле тогда состоялась сделка: вам — Олимпиада, нам — АЭС. На деле же соглашение о строительстве в КНДР атомной электростанции было подписано Н. И. Рыжковым и Кан Сена Саном 26 декабря 1985 г. А Ким Ир Сен лишь уточнял сроки завершения проекта.

К концу 1988 г. в Москве сложились два подхода к нормализации отношений с РК. Один из них был сугубо профессиональный и предполагал естественный процесс последовательных шагов к взаимному сближению: вначале уточнение намерений сторон, нормализация дипломатических отношений, а затем и всех иных отношений, включая экономические и торговые. При этом подразумевалось, что последовательный характер нормализации будет формировать понятную, вполне предсказуемую политику и не создаст кому бы то ни было трудностей.

Однако со временем в нашем руководстве сложилось мнение, что вначале следует установить с РК экономические связи, а затем, в зависимости от темпов их развития, приступить к нормализации политических отношений. Такая очередность нормализации была согласована в процессе обмена посланиями между президентами СССР и РК в июле 1989 г.

Примерно по этому сценарию и шло развитие событий. К тому времени между СССР и РК уже сложился определенный уровень отношений: деловые контакты на неправительственном уровне, непрямая торговля, участие в международных мероприятиях, проводимых на территориях друг друга. Такая практика не создавала серьезных осложнений для нашей политики в регионе. Китай опережал нас в деловом сотрудничестве с РК и довел свою торговлю до уровня 3 млрд долл. в год, но не был готов пойти на установление до политических контактов, предпочитая следовать «на два шага позади СССР»⁸.

В научных кругах обсуждались альтернативные принципы нормализации, в частности возможность увязывания процесса

нормализации наших отношений с Сеулом с темпами продвижения межкорейского диалога. Для обеспечения параллельности развития этих двух процессов главным условием было признание Пхеньяном факта существования на полуострове двух государств, однако Северная Корея оказалась не готовой признать указанную реальность и корректировать свой политический курс.

Другой подход к нормализации отношений с РК был обусловлен так называемыми «перестроечными» настроениями в советском руководстве, когда предпочтение все больше отдавалось политическим импровизациям и нестандартным решениям. Реформы в СССР пробуксовывали главным образом из-за отставания преобразований в экономике. Надо было спасать «перестройку». Во властных структурах искали альтернативные выходы из застоя, так называемые «нестандартные решения», в том числе и на международной арене. Заниматься этими новациями в аппарате президента СССР было поручено его помощнику Г. Х. Шахназарову. Позитивные подвижки, происходившие на корейском направлении, выглядели наиболее реальными и сулили определенный политический эффект. В итоге был взят курс на форсирование нормализации отношений с РК.

К разработке новой советской политики в Корее подключились крупнейшие исследовательские центры: Институт Дальнего Востока, Институт востоковедения, Институт мировой экономики и международных отношений. В октябре 1988 г. Институт Дальнего Востока АН СССР и Международный институт стратегических исследований при Стэнфордском университете (США) разработали совместные предложения по вопросам укрепления безопасности и развития сотрудничества на Корейском полуострове, которые были направлены правительствам КНДР, РК, СССР, США, Китая и Японии. В то время не было прецедентов сотрудничества советских и американских ученых в исследовании столь сложной политической проблемы. Состоялись первые контакты советских и южнокорейских ученых, в том числе между ИДВ АН СССР и Ханьянским университетом Сеула⁹.

В октябре 1988 г. ведущие исследовательские центры Академии наук СССР провели экспертный анализ обстановки на Корейском полуострове и изложили свои соображения на совещании в ЦК КПСС. По итогам состоявшейся дискуссии был подготовлен анали-

тический материал «О нашей политике в отношении Южной Кореи», одобренный на заседании Политбюро ЦК КПСС 18 ноября 1988 г.

В этом документе шла речь о принципиально новом подходе к отношениям с двумя корейскими государствами. Стержневым элементом указанных рекомендаций было обоснование необходимости радикальных изменений советской политики в Корее. Анализировалась несостоятельная практика прошлых лет, когда наша страна чаще всего безоговорочно ориентировалась на оценки и мнение Пхеньяна, приспособливая свою политику к его линии, порою в ущерб собственным интересам.

Одним из ожидаемых результатов сближения с РК на первом месте были названы опыт и знания в сфере современных методов управления крупными предприятиями, производством потребительских товаров, в сельском хозяйстве. Рассматривались возможности создания совместных предприятий, свободных экономических зон на Дальнем Востоке и прямых инвестиций РК в советскую экономику.

Следует отметить, что такой принципиально важный документ, как концепция новой политики в Корее, создавался на довольно широкой основе с участием сотен экспертов во многих государственных структурах. Перед его окончательным утверждением в высших инстанциях власти документ посылали на апробацию в десятки министерств и комитетов. В результате первый наиболее радикальный вариант документа по мере редактирования приобрел некоторую обтекаемость.

На каком-то этапе из него исчезли рассуждения о гонке вооружений в Корее и ее возможных последствиях. Появился пассаж о несвоевременности дипломатического признания РК, вписанный по настоянию МИД СССР, который подключился к работе над документом на завершающей стадии. Тем не менее в нем впервые была предпринята попытка разобраться, в чем состоят кратковременные и долгосрочные интересы СССР и РК в процессе нормализации отношений между ними; целый ряд мыслей этого документа остаются актуальными и сегодня.

«Перестройка» в СССР, несомненно, ускорила нормализацию наших отношений с РК. Однако в этой спешке было допущено немало ошибок из-за несогласованности действий различных ведомств и некомпетентности отдельных руководителей. Особенно

настораживала безответственность заявлений лидеров, когда сплошь и рядом слова расходились с делами. Так, в ходе визита в СССР президента Ким Ир Сена в октябре 1986 г. Горбачёв заверил его в том, что Советский Союз не будет иметь никаких дел с Южной Кореей¹⁰. Никаких разъяснений, почему он давал такие обещания, не последовало. Тем, кто стал свидетелем этой сцены, конфиденциально советовали не обращать внимания на это высказывание президента. Как бы там ни было, но руководство КНДР с радостью приняло неожиданный для них подарок и впоследствии неоднократно цитировало заявление Горбачёва, уличая советскую сторону в «вероломстве».

Столь же непоследовательными были и некоторые другие наши шаги в Корее, что зафиксировано в официальных документах и может ввести в заблуждение исследователей.

Так, в коммюнике о встрече министров иностранных дел СССР и КНДР в январе 1986 г. по настоянию северокорейской стороны была включена фраза о том, что Москва осуждает маневры, нацеленные на создание «двух Корей», а также попытки одновременного вступления Северной и Южной Кореи в ООН¹¹. Конечно же, такие взгляды не отражали точки зрения советской стороны, но она предпочла не спорить по поводу отдельных формулировок коммюнике.

В другом сообщении по итогам визита в Пхеньян Э. А. Шеварднадзе в декабре 1988 г., в ходе которого советская сторона информировала о своем решении активизировать контакты с Сеулом, зафиксировано положение о том, что СССР не имеет намерений официально признавать Южную Корею, устанавливая с ней политические и дипломатические отношения¹². Показательно, что в Пхеньяне не поверили обещаниям Э. А. Шеварднадзе, несмотря на то что в ходе переговоров советский министр в необычной для дипломатической практики эмоциональной манере давал «слово коммуниста», заверяя, что мы не станем признавать РК.

Следующим этапом нормализации отношений между Москвой и Сеулом должны были стать политические контакты. В условиях отсутствия дипломатических отношений контакты на уровне государственных чиновников считались нежелательными. Поэтому директор ИМЭМО АН СССР академик Е. М. Примаков пригласил в Москву лидера влиятельной оппозиционной Демократической

партии объединения Ким Ен Сама. Уже первые контакты с ним в Сеуле, которые имел директор ИДВ АН СССР М. Л. Титаренко осенью 1988 г., показали, что политический курс этой партии может оказаться полезным для углубления взаимопонимания с южнокорейским социумом. Поездка в Москву была в то время рискованным предприятием для южнокорейца, поскольку по возвращению на родину его могли обвинить в несанкционированных контактах с коммунистами и посадить за решетку. Поэтому Ким Ен Саму понадобились гарантии ЦРУ и согласие президента РК.

Два визита Ким Ен Сама в нашу страну, в июле 1989 г. и в марте 1990 г., позволили согласовать общую позицию по поводу перспектив нормализации советско-южнокорейских отношений, которая, как предполагалось, будет проходить поэтапно с учетом общей ситуации на Корейском полуострове¹³.

Об итогах встреч с Ким Ен Самом был информирован находившийся в то время в Москве член Политбюро, секретарь ЦК ТПК Хо Дам, который, как выяснилось, также встречался с Ким Ен Самом в Москве¹⁴.

В ходе второго визита Ким Ен Сама состоялась его «спонтанная», как писали газеты, встреча с М. С. Горбачёвым. Это был непродолжительный контакт в кабинете Е. М. Примакова в Кремле, к которому президент «зашел посоветоваться по парламентским делам»¹⁵. Общий смысл состоявшегося разговора, который собеседники провели стоя посреди кабинета, сводился к признанию наличия хороших перспектив для нормализации двусторонних отношений «в свое время»¹⁶. В южнокорейской интерпретации эта встреча представлена несколько иначе¹⁷.

За коротким разговором в Кремле с Ким Ен Самом последовали весьма решительные действия М. С. Горбачёва. В мае 1990 г. он направляет в Сеул советника своего аппарата А. Ф. Добрынина для организации встречи на высшем уровне. Она состоялась 4 июня в Сан-Франциско, где М. С. Горбачёв и Ро Дэ У договорились форсировать нормализацию двусторонних отношений.

В августе 1990 г. министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе направил письмо руководству МИД КНДР с информацией о намерении советского руководства установить дипломатические отношения с РК, а в начале сентября он выезжал в Пхеньян для проведения консультации.

Переговоры, состоявшиеся в Пхеньяне 2–3 сентября того же года, были жесткими и, по признанию Э. А. Шеварднадзе, наиболее трудными в его дипломатической практике. В Северной Корее ему был оказан прохладный прием, впервые с ним не пожелал встретиться Ким Ир Сен, который прежде питал определенные симпатии к нашему министру¹⁸.

Аргументируя свою позицию, наш министр отмечал, что ситуация в мире и в самой Корее существенно изменилась. Он сослался также на политические изменения внутри СССР, где в условиях многопартийности общественное мнение стало складываться в пользу нормализации отношений с Южной Кореей.

Реакция Пхеньяна, изложенная министром иностранных дел КНДР Ким Ен Намом, была жесткой и состояла в следующем:

- Советская сторона нарушила обещания не признавать Южную Корею, которые давал М.С. Горбачёв в беседе с Ким Ир Сеном в октябре 1986 г.

- Нормализация отношений СССР и Южной Кореи автоматически приведет к расторжению союзного договора между СССР и КНДР.

- КНДР будет вынуждена разработать средства, альтернативные американскому ядерному оружию в Южной Корее, а также выйти из договора о нераспространении ядерного оружия.

- Советский Союз присоединяется к проискам США и Южной Кореи, направленным на закрепление раскола Кореи, на свержение существующего в КНДР строя.

- СССР несет долю ответственности за раскол Кореи, а теперь и за признание Южной Кореи. В этих условиях Пхеньян намерен признать независимость советских союзных республик и установить с ними дипломатические отношения.

- Действуя по принципу «Азия — для азиатов», КНДР пойдет на нормализацию отношений с Японией и поддержит ее территориальные притязания к Советскому Союзу.

При всем различии позиций, выявившихся в ходе переговоров в Пхеньяне, они все же оказались полезными. Стороны имели возможность выяснить точки зрения и намерения друг друга, «выпустить пар» из котла накопившихся взаимных претензий. По крайней мере, драматических последствий для наших отношений с КНДР тогда не последовало. 12 сентября МИД КНДР передал

советской стороне памятную записку, в которой содержалась подробная аргументация позиции, изложенной Ким Ен Намом, но уже в более мягкой форме.

Дипломатические отношения между СССР и РК были установлены раньше предварительно согласованных сроков, что в значительной мере дезорганизовало процесс нормализации отношений.

В начале августа 1990 г. в Москве состоялся 1-й тур советско-южнокорейских переговоров об экономических и финансовых отношениях, на которых в принципе были согласованы основные направления сотрудничества. Южнокорейская сторона обещала предоставить СССР довольно крупный кредит, называлась сумма в 5–6 млрд долл. Однако зафиксировать предварительные договоренности тогда не удалось, и переговоры были перенесены на конец года.

30 сентября 1990 г. в Нью-Йорке встретились министры иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и РК Цой Хо Чун с целью договориться о предстоящей нормализации дипломатических отношений. В согласованном проекте совместного коммюнике отмечалось, что СССР и Республика Корея решили установить дипломатические отношения на уровне послов начиная с 1 января 1991 г. Однако советский министр неожиданно для всех предложил установить отношения немедленно.

По информации дипломатов, сопровождавших советского министра в поездке в США, Шеварднадзе был удручен переданным ему в тот день сообщением о том, что северокорейская газета «Минчжу чосон» 19 сентября раскрыла содержание его переговоров с Ким Ен Намом. Министр решил отреагировать на этот шаг Пхеньяна без промедления и предложил своему южнокорейскому коллеге изменить согласованные сроки нормализации отношений. Произошло это за столом переговоров, когда уже не было времени на перепечатывание заготовленного текста документа. Министры вычеркнули прежнюю и тут же вписали от руки новую дату установления дипломатических отношений: с 30 сентября 1990 г.¹⁹

Таким образом, Сеул досрочно получил то, к чему больше всего стремился, и, естественно, охладел к экономическим переговорам. Они состоялись в январе 1991 г., предельный размер всех кредитов, предоставляемых СССР, был определен в сумме 3 млрд долл.

Вряд ли было бы уместным сводить нормализацию советско-южнокорейских отношений к финансовой проблеме, несмотря на ее очевидную важность для СССР и России. В Южной Корее есть немало критиков решения администрации Ро Дэ У о предоставлении СССР кредита²⁰. Сегодня все это выглядит иначе, чем в те годы, наполненные большими ожиданиями перемен к лучшему.

Значение и последствия нормализации отношений с СССР для Сеула были многоплановыми и весомыми. Главный стимул к сближению диктовался соображениями безопасности РК. В Сеуле рассчитывали, что с помощью Москвы удастся удержать Северную Корею от агрессии, гонки вооружений и ядерных исследований в военных целях²¹.

Бесспорно, что в Сеуле взвешивали и такие перспективы нормализации отношений с СССР, как упрочение международных позиций РК на региональном и глобальном уровнях, включая более широкое признание в мире, прием в ООН, приобретение нового качества в регионе. Открывались также определенные перспективы для сотрудничества РК с СССР на многосторонней основе в решении проблем мирового политического и экономического развития. Несомненный интерес для РК представляли экономические связи с СССР, участие в освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, в том числе совместно с КНДР²².

С нормализацией отношений между СССР и Республикой Корея в системе отношений на Дальнем Востоке появился новый фактор стабильности, игнорировать который стало невозможно. Советский Союз имел дело с обоими корейскими государствами, что существенно расширяло его возможности активно участвовать во всех политических акциях, способствовать стабилизации в регионе²³. Москва сделала этот радикальный шаг первой и получила определенные политические преимущества. Вся проблема тогда состояла в том, чтобы максимально реализовать эти преимущества.

¹ Чон Дже Мун. Россия далекая и близкая. М.: ИДВ РАН, 2004.

² См., напр.: Шабшина Ф.И. Можно ли распутать корейский узел // Известия. 01.09.1989.

³ Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000. С. 180–186.

⁴ Lee Jae-You. Barriers and prospects for the Korean-Russian economic cooperation // Sino-Soviet Affairs. No 55. P. 201–215.

⁵ Han Sung-Joo. Russia in South Korean Policy in an Age of Transition. P. 25–40.

⁶ Помимо вооруженных сил Северной и Южной Кореи в корейской войне участвовали воинские подразделения 16 государств: США, Великобритании, Австралии, Бельгии, Канады, Колумбии, Эфиопии, Франции, Филиппин, Южно-Африканского Союза. На стороне КНДР - подразделения китайских народных добровольцев. См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945–1980. Документы и материалы. М.: Наука, 1981. С. 404.

⁷ Заявление Правительства СССР // Известия. 07.12.1960.

⁸ Из беседы автора с заместителем заведующего международным отделом ЦК Компартии Китая Ли Шучжэн в июле 1988 г.

⁹ Титаренко М.Л. Пособие для хорошей политики // Московская правда. 30.10.1988.

¹⁰ Из архива автора. Не опубликовано.

¹¹ Правда. 24.01.1986. Текст коммюнике помещен в приложении 8. С. 336.

¹² Правда. 25.01.1988. Текст коммюнике помещен в приложении 13. С. 355.

¹³ Фрагмент беседы заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенца с Ким Ен Самом 6 июля 1989 г. Из архива автора.

¹⁴ Фрагмент беседы автора с Хо Дамом 7 июля 1989 г. Из архива автора.

¹⁵ Во время визита Ким Ен Сама в СССР Е. М. Примаков был переведен с поста директора ИМЭМО АН СССР на должность председателя палаты Верховного Совета СССР.

¹⁶ Из архива автора. Не опубликовано.

¹⁷ Чон Чже Мун. Указ. соч. С. 89–92.

¹⁸ Известия. 11.09.1990.

¹⁹ Ткаченко В.П. Указ. соч. С. 192.

²⁰ См.: Цой Сун. К планам визита президента Кима в Россию // Пукхан. 1994. № 2. С. 28–29.

²¹ Chee Choung-II. The future of South Korean-Soviet relations: a South Korean view // The Journal of East Asian Affairs. 1991. Vol. V. No 2. P. 334.

²² Han Sung-Joo. Op. cit. P. 40.

²³ Kil Jeong Woo. Building peace on Korean Peninsula: in Search of a multi dimensional approach // The Korean Journal of National Unification. 1992. Vol. 1. No. 2. P. 74.

*Р. В. Савельев**

65 ЛЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ КОРЕИ:

из XX в XXI век

Прошли десятилетия после окончания Второй мировой войны, завершившейся вначале разгромом фашистской Германии в Европе и последовавшим за этим крахом на Дальнем Востоке в августе 1945 г. агрессивной милитаристской Японии. С тех пор многое изменилось в мире и в нашей стране. Появились новые поколения, для которых минувшая история — это подчас что-то неведомое и непонятное. Ими не учитывается, что забвение ушедших исторических событий, где бы и когда бы они не происходили, затрудняет обоснованный выбор развития страны и личности в нынешнее непростое время.

С географической точки зрения, далеки друг от друга Дальний Восток и нынешний Кавказ. Различно их историческое и национальное прошлое. Тем не менее, если быть последовательным, то следует отметить, что долго готовившаяся у нас на глазах и связанная более года назад агрессия против Южной Осетии — это следствие национального эгоизма правящих кругов Грузии, их амбициозных устремлений, попыток и сегодня на свой лад переделывать судьбу других народов.

Подобное было присуще и бывшим японским правящим, особенно военным, кругам в еще не забытом историческом прошлом. Аннексировав Корею, японцы методично стремились изменить национальные традиции, уклад и мышление местного населения. Они отводили полуострову особое место в планах по превращению его в плацдарм и стартовую площадку на период начала военных действий против Советского Союза, центральных районов Китая и Маньчжурии. Как в свое время свидетельство-

* Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва.

вал командующий нашими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский¹, в Корею размещались крупные силы японских войск, объединенные в 17-ю фронтовую армию. Располагались многие японские военные предприятия, пролегли важные линии коммуникаций. Вдоль наших границ на сопредельной территории были созданы 4 крупных укрепрайона с задачей формирования благоприятных условий для сосредоточения и развертывания японских войск в боевые наступательные порядки. На северо-восточном побережье Корейского полуострова функционировали японские военно-морские базы. С воздуха их прикрывала 5-я воздушная армия. Таким образом, там находился противник, который не одно десятилетие готовился к войне, существовала, как отмечено выше, и не была ликвидирована давнишняя угроза дальневосточным районам нашей страны. Несмотря на атомные удары американской авиации по Хиросиме и Нагасаки, под полным контролем японцев находилась Восточная Азия, ряд стран ЮВА, природные ресурсы которых издавна привлекали их внимание и стран Запада. Ликвидировать контроль японцев и предотвратить их будущие угрозы могли только решающие удары наших вооруженных сил по миллионной Квантунской сухопутной группировке на материке — в Маньчжурии и на Корейском полуострове. В ходе Ялтинской конференции на этом настаивали Ф. Рузвельт и У. Черчилль, наши союзники по антигитлеровской и антияпонской коалиции во Второй мировой войне.

С нашей стороны решить эту задачу можно было только за счет новой перегруппировки вооруженных сил и мобилизации оставшихся экономических возможностей и материальных ресурсов нашей страны. Соответственно, сама предстоящая военная кампания не могла стать для нас легкой прогулкой. Тем не менее сложившиеся внутренние и международные условия вынуждали правительство принять нелегкие решения.

Оценить важность тех решений и проследить развитие последующих событий более чем важно, поскольку особенности и условия того времени подчас забываются нами, а кое-где за рубежом просто искажаются в угоду политическим потребностям нынешнего времени.

Последовала скрытая переброска на Восток целых армий, соединений и частей, участвовавших до этого в изнурительных

сражениях, принесших нам и западным союзникам победу над гитлеровской Германией. В какой морально-психологической обстановке и сложных условиях происходила тогдашняя передислокация войск, сегодня только отчасти можно себе представить, посмотрев правдивый остросюжетный художественный фильм под названием «Эшелон», который летом прошлого года неоднократно показывался по российскому телевидению.

Разгром японской армии предстояло начать с внезапного и стремительного наступления на фронте протяженностью более 3 тыс. км — от Приморского края до границ с Монголией. 1-й Дальневосточный фронт, действуя на левом фланге, совместно с Тихоокеанским флотом и ударными десантами моряков, нанес удар вдоль побережья Восточного моря. Его части и подразделения в жестоких боях штурмовали порты Сейсин (Чондин) и Радин, а затем продвинулись с боями вплоть до Вонсана. В районе Пхеньяна были высажены наши десантники. Некоторые подразделения пересекли 38-ю параллель и были готовы вести бои за Сеул. Таким образом, группировка японцев на полуострове после ожесточенного сопротивления была полностью разгромлена. Попытки японцев удержать отдельные укрепленные районы были локализованы, и задача освобождения Кореи была окончательно решена.

До 1940 г. удары по японским оккупационным войскам в северных провинциях Кореи с территории Маньчжурии, в том числе у Почхонбо, наносили небольшие отряды корейских партизан. Японцам не удалось ограничить их действия, хотя в соответствующие районы направлялись карательные полицейские отряды.

Анализируя события 65-летней давности, нелишне вспомнить еще более ранние, но уже подзабытые исторические факты из отношений России с некоторыми соседями на Дальнем Востоке. Из имеющихся исторических документов, и не только из них, известно, что более века назад министры царского правительства С. Витте, В. Ламздорф и др. под напором извне политически и экономически увели Россию из Кореи. Страны-оппоненты, стремившиеся к расширению сфер своего влияния, особенно японцы, не удовлетворились этим. Последовала японо-русская война 1904–1905 гг., потеря нами Сахалина, Курильской гряды, уход с Ляодунского п-ва и из Порт-Артура. Позже японские воинские подразделения вышли к нашей границе, начав в преддверии

Второй мировой войны пробу сил в 1938 г. у оз. Хасан и в 1939 г. — у Халхин-Гола. В 1941–1942 гг., когда войска фашистской Германии продвигались к Москве, а затем к Сталинграду, не только руководители страны, но и значительная часть нашего населения задавались вопросом, а не начнут ли японцы боевые действия против нас с территории Кореи и Маньчжурии?

Сказанное выше — это напоминание о фактах из реального прошлого. С. Лавров, российский министр иностранных дел, по этому поводу высказался достаточно конкретно. По его словам, к сожалению, в наши дни нередко попытки использовать тематику Второй мировой войны, вопросы о причинах этой глобальной катастрофы в своекорыстных целях, в том числе в надежде скроить «под себя» набирающие темпы процессы трансформации международных отношений, а то и попросту встать на их пути. И далее: «В последние годы активизировались разнородные политические силы, которые посредством избирательного, да и просто жульнического подхода к событиям того периода фальсифицируют историю в угоду политической конъюнктуре, подвергают ревизии положения, закрепленные в Уставе ООН и в других основополагающих международных документах»².

С учетом подобных оценок примечательно, как известные исторические события смотрятся ныне глазами некоторых наших соседей на Дальнем Востоке. Так, по поводу войны 1904–1905 гг. южнокорейская проправительственная газета «Чунан ильбо» заявила, что она «началась как схватка России с Японией за контроль над Кореей». Далее сообщалось, что жители южнокорейского портового город Инчхон вышли на демонстрацию с протестами, когда туда с официальным визитом прибыл отряд российских кораблей из состава ТОФ для участия в памятных мероприятиях, посвященных сражению крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой в феврале 1904 г. Из призывов демонстрантов, которые цитировала газета, следовало, что не Япония, а Россия должна признать за собой вину за превращение корейской нации в колонию.

На расширенном заседании в МИДе в июле 2009 г. президент РФ Д. Медведев обратил внимание на следующее: «Нам необходимо к истории обращаться регулярно — иначе, по понятным причинам, будем ее повторять, причем в самых негативных сце-

нариях, извлекать из нее уроки, но не пытаться пересматривать... в угоду существующей политической конъюнктуре, подгоняя под свои личные воззрения»³. Это заявление обращено и к нашим зарубежным партнерам. Прислушаются ли к этому разумному призыву наши зарубежные оппоненты на Востоке и Западе, покажет время.

Хотим мы того или нет, но, затронув подобную тему, нам придется говорить и вот о чем. Пренебрежительное отношение к прошлой и нынешней действительности нередко отмечается и у наших СМИ, политологов и историков-исследователей. Не так уж давно были в ходу предложения фактически безоглядно следовать курсу Вашингтона в корейских делах, оказывать «коллективное давление» на тех или иных его оппонентов, пытаться силой воздействовать на их внутренние дела. Такие предложения были отвергнуты здравомыслящими учеными и политиками, но, тем не менее, они имели место.

С другой стороны, вызывают недоумение исследования, нашедшие отражение в книге под названием «Корея: расчленение, война, объединение». Она создавалась под эгидой Института военной истории. В ней искажена и принижена роль нашей страны в разгроме японцев и освобождении Кореи. Названный институт, по имеющимся оценкам, является солидным исследовательским военно-научным учреждением, но подключился к распространению сомнительных «исторических» материалов и выводов, которые далеки от реальной действительности.

Нет смысла скрывать наши давние, продолжающиеся и в нынешнем 10-лети, расхождения с корейскими исследователями, а более точно — с пропагандистами, по поводу освобождения их страны от японского колониального прошлого.

С конца 1950-х годов на Севере полуострова вначале внутри страны, а затем и вовне распространялась версия об освобождении страны корейскими партизанами во главе с Ким Ир Сенем. И пропагандисты из Пхеньяна в этом настолько преуспели, что у нас по конъюнктурным соображениям уже долгое время кое-кто с этим молча, а иногда и вслух соглашается. На Юге среди обывателей культивируется версия об освобождении Кореи американцами. Политики в Сеуле, а вслед за ними ученые утверждают это в некоторых своих исследованиях.

Освобождение страны открыло перед корейской нацией дорогу к воссозданию нации и формированию двух самостоятельных государств. На Севере страны со временем, более интенсивно с начала 1960-х годов, стала формироваться политическая и социальная система, присущая корейскому менталитету и мировоззрениям. К вывеске-лозунгу о строительстве процветающего социалистического общества была подверстнута пресловутая теория «чучхе», а затем лозунг «Армия — впереди». В таком виде эта конструкция и северокорейское общество переключались в XXI в. и сейчас в несколько подновленном виде и функционируют. Первые сигналы о начале подобного процесса прозвучали после 3-го съезда Трудовой партии Кореи (ТПК) (апрель 1956 г.), в котором участвовали советская партийная делегация во главе с Л. И. Брежневым, китайская партийная делегация, официальные представители из других стран.

В прошлом и сейчас круг лиц в России, осведомленных о тех событиях, весьма узок. Гораздо больше их в самой Северной Корее и Китае. Южнокорейцы по-прежнему особо интересуются подобной исторической фактурой, поскольку она ими используется при выстраивании внешнеполитических отношений, особенно с Россией и Китаем.

На Юге полуострова с 1945 г. жестко закрепились американцы, высадившие там свои войска только тогда, когда поражение японцев стало свершившимся фактом, а военные действия на полуострове были завершены.

Это не отрицание или недооценка общего вклада наших американских и других союзников по Второй мировой войне в низвержение гитлеризма и милитаристской Японии. Незабываема роль их лидеров — президента Рузвельта, многих его сподвижников — Гопкинса, Гарримана и др., готовивших вместе с нами, английским премьером У. Черчиллем, подпольными силами сопротивления в Европе и Китае поражение японо-германской коалиции.

С началом 1990-х годов в международной практике сложились иные подходы и решения, отличные от прошлого. После ухода в небытие мощного Советского Союза американцы решили, что настала пора расширить свое присутствие на Дальнем Востоке и на Корейском полуострове к северу от Демилитаризованной

зоны. Движение в этом направлении представилось им вполне осуществимой задачей. Жесткий прессинг на Пхеньян начала администрация Б. Клинтона. Продолжили этот курс, как известно, Дж. Буш и его команда. В тактическом плане несколько иначе, но с неизменными целями в отношении Северной Кореи действует сегодня администрация Б. Обамы – Х. Клинтон.

Урегулирование и развитие в последние годы политических российско-северокорейских отношений, наша совместная с Китаем общая поддержка (хотя с отдельными отклонениями) позволяли КНДР вплоть до мая 2009 г. активно противодействовать, в том числе по линии ООН, силовому американскому давлению. Идет жесткий спор северокорейских политиков с администрацией южнокорейского президента Ли Мен Бака, объявившего «новую», неуступчивую линию в отношении Севера. Похоже, что на исходе первого десятилетия XXI в. мы присутствуем при тщательно маскируемом трехстороннем процессе, в ходе которого Юг стремится предотвратить нормализацию отношений и сближение Севера с США на политической или экономической основе. А Вашингтон, неизменно подчеркивая союзнические отношения с Сеулом, продолжает неспешно реализовывать линию на вовлечение Пхеньяна в орбиту своего влияния.

В этом раскладе для России все еще небезразлично, какой сектор влияния в дальнейшем остается для нее на Корейском полуострове. И сохранится ли он для нас вообще и в каком случае?

Если именно в этом ракурсе проследить российские связи с КНДР и Южной Кореей в конце первого десятилетия XXI в., то они выглядят следующим образом.

Основы отношений с КНДР на нынешнем этапе отражены в базовом двустороннем документе – Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, подписанном 9 февраля 2000 г. (вместо договора от 1961 г.).

26 июля – 18 августа 2001 г. Россию посетил руководитель КНДР Ким Чен Ир. Результатом переговоров с ним президента В. Путина стало подписание Московской декларации, в которой стороны подтвердили намерение содействовать сохранению глобальной стабильности и укреплению двусторонних отношений. Вслед за политическим диалогом начали приобретать положительную динамику деловые связи. Объем двусторонней торговли

увеличился со 105 млн долл. в 2000 г. до 234,8 млн. долл. в 2005 г. В связи с уменьшением поставок российской нефти в 2006 г. объем торговли между Россией и КНДР сократился до 209 млн долл. В 2008 г. этот показатель упал до 120 млн долл.

Россия поддержала резолюцию 1874 и другие документы СБ ООН, резко осуждающие проведение Северной Кореей ракетно-ядерных испытаний. По официальным оценкам российских ведомств, в первую очередь нашего МИДа, странам удалось сохранить потенциал добрососедских отношений. Но по другим оценкам, со второй половины 2009 г. наши связи приобрели несколько иной, условно говоря, сдержанный характер. Это стало видно и из посещения Пхеньяна председателем Совета Федерации РФ С. Мироновым, где, по его словам, состоялся «откровенный и доверительный» разговор с корейскими должностными лицами. Но, по-видимому, в дальнейшем нам придется, как это сегодня обычно происходит в международной практике, меньше ориентироваться в отношениях с Пхеньяном на «откровенность и доверительность» и больше – на осознание того, где и в чем северокорейские партнеры видят пользу и выгоду от конкретных связей и сотрудничества с нами. Кстати говоря, в этом отношении не стоит делать исключение и для Сеула.

В XXI в. российский фактор для Пхеньяна перестал быть главенствующим. Возросло присутствие Китая на Корейском полуострове. Как отмечено выше, не отказались от мысли проникнуть в северную его часть и США. Нарастание соперничества между этими двумя державами в создавшихся условиях вполне вероятно. Но это не значит, что они, соперничая, одновременно согласятся за Россию решать ее проблемы в данном регионе и «таскать для нее каштаны из корейского костра».

А этот костер, образно говоря, еще тлеет, и обе корейские стороны оказываются к этому сопричастными. 26 марта 2010 г. в Желтом море, маневрируя вблизи северной разделительной линии у о. Пэннёндо, стремительно затонул сторожевой корабль южнокорейских ВМФ. Есть версии о его непредвиденном столкновении с мощной «подводной миной». Откуда она появилась в названном районе – неясно. Возможно, она была установлена самими южнокорейцами. Или течением была принесена извне. Следствие Югом начато и будет явно продолжаться не

один месяц, оставаясь раздражителем в двусторонних корейских отношениях.

Того же числа без видимой связи с этим чрезвычайным происшествием Генштаб КНА в Пхеньяне выступил с заявлением, адресованным американцам и южнокорейским властям. В нем объявлено, что «Корейская народная армия использует весь свой потенциал, включая ядерные силы сдерживания, в случае попыток американских империалистов и их южнокорейских марионеток свергнуть существующую в КНДР систему». Подобное заявление стало реакцией на публикацию, появившуюся в южнокорейской газете «Тона ильбо», о намерении командования США на Тихом океане совместно с официальными южнокорейскими структурами обсудить план действий на случай возникновения в КНДР «чрезвычайной ситуации».

Говоря о Республике Корея, практически невозможно сравнивать с Севером южнокорейские экономические достижения, которых на Юге сумели достичь, используя американский военный зонтик и имея двухкратное преимущество в численности населения.

Наши отношения с Южной Кореей подчас характеризуются на уровне стратегического партнерства. Чаще эта оценка появляется с российской стороны. Но по этому поводу имеются и другие суждения наших специалистов, политологов и экономистов. Считается, в частности, что для достижения желаемого стратегического уровня надо еще многое сделать, особенно если не предвзято проследить наши практические связи в комплексе и по отдельным направлениям.

Последний пример этому известен. Так, южнокорейская газета «Кориа таймс», ориентированная на официальные южнокорейские круги, неожиданно поместила на своих страницах оскорбительные карикатуры и комментарии к ним, увязанные с трагедией и гибелью российских граждан в Московском метрополитене 29 марта 2010 г. МИД России и наше посольство в Сеуле осудили эти действия и потребовали от газеты извинений. Таковых не последовало. Невнятные ссылки на «свободное творчество художника» и просчеты отдельных редакционных работников остались на совести редакции газеты и ее попечителей.

Не следует также забывать о перспективных устремлениях южнокорейской стороны — воссоединении корейской нации под

своим началом. Видимо, южнокорейцы осознают, что без внешней поддержки этого сделать им не удастся ни сегодня, ни в ближайшей перспективе.

Сеульская элита, как это четко видно, вступая то в примирительные дискуссии, то в силовое противостояние с Севером, будет стремиться в полном объеме использовать поддержку своих целей со стороны других стран. На этом направлении, когда речь пойдет о России, южнокорейская дипломатия, как и прежде, будет действовать активно и настойчиво. Все другие направления сотрудничества с нами не будут забыты южнокорейцами, но будут выстраиваться с учетом первостепенной в их понимании цели, о которой сказано выше и которая стала для них более осязаемой после того, как Север в последние десятилетия стал терять политико-пропагандистскую активность на полуострове и внутреннюю экономическую стабильность.

¹ *Василевский А.М.* Освобождение Кореи (предисловие). М.: Наука, 1976. С. 5–6.

² Информационный бюллетень МИД России. 05.04.2010. С. 2–5.

³ Информационный бюллетень МИД России. 14.06.2010. С. 3.

*Е. У. Ким**

65-ЛЕТ ПОБЕДЫ И ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ СССР В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ

В России и в большинстве стран мира в этом году отмечалось 65-летие Победы над фашистской Германией. Разгром фашистской Германии был главным вкладом в окончание Второй мировой войны.

Победа была достигнута ценой огромных потерь воинов и гражданского населения. И в то же время она была достигнута благодаря совместным действиям стран антигитлеровской коалиции, а также национально-освободительной борьбе народов Европы, Азии, Океании против нацистов и японских милитаристов.

Мы особо отмечаем эту дату, потому что имеем на это право со всех точек зрения. Во-первых, потому что показали высшие проявления военной стратегии и тактики, героизм и мужество воинов и тружеников тыла, а также не превзойденные в мировой истории силу духа и любви к отчизне. Один только подвиг Ленинграда, с поразительной стойкостью выдержавшего 900 дней блокады и продолжавшего производить оружие, создавать выдающиеся произведения литературы, музыки, науки, не прекращавшего в самые трагические дни концерты симфонического оркестра, навсегда войдет в историю человечества. Во-вторых, не умаляя вклада всех других народов, отметим, что наша страна внесла огромный, решающий вклад в разгром двух основных сил войны и агрессии того времени. На нашем театре военных действий были задействованы самые крупные военные силы в истории человечества, когда одновременно вели наступательные бои более 5,5 млн военнослужащих. Ни на одном театре военных действий Второй мировой войны, ни в каких других сражениях в истории человечества не

* Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва. Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00765а.

была сосредоточена такая мощь и не было опыта управления подобными гигантскими соединениями. Президент США Рузвельт писал Макартуру: «С точки зрения большой стратегии ясен простой факт — русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»¹. В-третьих, наша страна больше всех пострадала от войны. Общие прямые человеческие потери СССР в войне оцениваются примерно в 27 млн человек², в том числе военнослужащих — 8,67 млн. Потери среди военнослужащих Германии составили чуть больше 7,17 млн. Польша потеряла в общей сложности 6 млн, Китай — 5 млн³, Япония — 2,5 млн⁴ человек. Не случайно незадолго до своей трагической гибели президент США Дж. Ф. Кеннеди сказал: «Во всей истории войн еще не было страны, которая выстрадала бы больше, чем Россия во время Второй мировой войны»⁵.

В то же время все еще приходится сталкиваться с фактами, что даже в тех странах, которые приобрели независимость благодаря победе над нацизмом и японским милитаризмом, роль Советского Союза в их освобождении не только умаляется, но даже игнорируется или извращается.

Вот как пишет об этом южнокорейский автор Ким Кен Мук в книге «Ияги Росиаса (Рассказы об истории России)», изданной издательством «Чона чулпанса» в 2007 г. в серии рассказов об истории стран мира массовым тиражом: «Сразу после завершения войны с Германией США тайно просили СССР принять участие в войне против Японии. Но Сталин под предлогом соблюдения Договора 1941 г. с Японией о взаимном ненападении сроком на 5 лет откладывал решение об участии. Но как только была взорвана атомная бомба в Хиросиме, Сталин быстренько объявил войну Японии и, не пролив ни капли крови, собрал военные трофеи»⁶.

Можно сослаться и на мнение видного южнокорейского историка, ныне покойного, Ли Ги Бека. В книге «История Кореи: новая трактовка» он писал: «15 августа 1945 г. Япония безоговорочно капитулировала, а Корея окончательно освободилась от ига японского колониализма. В условиях обостряющихся противоречий между националистами и коммунистами в обеих частях Кореи стали дислоцироваться войска США и СССР. СССР накануне падения японской империи, т.е. 9 августа, объявил Японии

войну. Советские войска перешли корейско-советскую границу и после капитуляции Японии оккупировали Пхеньян, Хамхын и ряд других крупных городов северной части Кореи. Американские войска высадились в Инчхоне в сентябре 1945 г., т.е. спустя месяц после капитуляции Японии, и заняли Сеул и другие города Южной Кореи»⁷.

Относительно того, когда СССР принял решение о вступлении в войну против Японии, есть много свидетельств, что впервые о согласии вступить в войну против Японии Сталин заявил в ноябре 1943 г. на Тегеранской конференции⁸. Причем, он тогда отметил, что это произойдет спустя 2–3 месяца после окончания войны в Европе, т.е. после разгрома нацистской Германии. СССР подтверждал это обещание неоднократно, по меньшей мере 6 раз до начала 1945 г. Черчилль писал, что Сталин всегда выполнял свои обещания и договоренности, достигнутые во время Второй мировой войны: «Союз Советских Социалистических Республик никогда не нарушал ни обязательств, ни договоров»⁹.

11 февраля 1945 г. на Ялтинской конференции был принят секретный документ, в котором говорилось, что через 2–3 месяца после окончания войны в Европе СССР вступит в войну с Японией. Условиями этого были: сохранение независимости Монгольской Народной Республики, восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращение южной части о. Сахалина и всех прилегающих к нему островов; б) интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды Порт-Артура как военно-морской базы СССР; в) совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен»¹⁰, г) передача Советскому Союзу Курильских островов»¹¹.

Эта же дата была подтверждена Сталиным 28 мая 1945 г. госсекретарю США Гопкинсу и послу США в СССР Гарриману: «Капитуляция Германии произошла 8 мая, следовательно, советские войска будут находиться в полной готовности к 8 августа»¹², — и потом в Берлине, на Потсдамской конференции в июле 1945 г., причем начальник Генерального штаба Советской Армии генерал армии Антонов, докладывая о подготовке к началу войны против

Японии, на прямой вопрос Трумэна ответил, что к 8 августа, т.е. ровно через 3 месяца после окончания войны в Европе, советские войска будут готовы к военным действиям против Японии.

Сталин вернулся из Потсдама 5 августа и в этот же день провел совещание по вопросу о войне против Японии. Главнокомандующий вооруженными силами СССР на Дальнем Востоке маршал А. Василевский, подробно рассказав о готовности советских войск, предложил перенести начало наступления на 2 дня. Учитывались сильные дожди и разведанные, свидетельствующие о мерах Квантунской армии по подготовке к обороне (уже в июне японская разведка сообщала из Москвы в Токио, что на восток ежедневно идут не менее 8 эшелонов с войсками). Кроме того, Трумэн сообщил Сталину о проведенном ядерном взрыве, не называя его атомной бомбой, а ограничившись выражением об орудии необычайной мощности. Сталин, как известно, очень спокойно выслушал эту новость, сообщенную после одного из заседаний, когда все расходились, и, по свидетельству Черчилля, даже шутил с Трумэном, из чего был сделан вывод о том, что Сталин не имел представления, о чем идет речь. Может быть и так, но известно, что он был в курсе разработки ядерного оружия в США из разведанных и мог догадаться, что США непременно попытаются использовать его против Японии.

Во всяком случае, когда Василевский предложил перенести на 2 дня начало наступления, т.е. на 18.00 по московскому времени 8 августа, Сталин дал согласие. Это решение было оформлено директивой ГКО, подписанной 7 августа в 16 час. 30 мин. Таким образом, с одной стороны, изменение сроков было предложено еще до Хиросимы, но, с другой — официально утверждено уже после и, возможно, под влиянием атомной бомбардировки.

О так называемом договоре о ненападении с Японией. На самом деле, после бесплодных попыток коллективными усилиями поставить преграду на пути нацистов и японских милитаристов, СССР, чтобы избежать войны на Дальнем Востоке, подписал 13 апреля 1941 г. Пакт о нейтралитете с Японией. Он был заключен сроком на 5 лет и, по условиям ст. 3, подлежал автоматическому продлению на следующие 5 лет, если за год до окончания срока его действия одна из сторон не объявит о денонсации пакта.

Собиралось ли японское правительство соблюдать его?

25 июня 1941 г., т. е. через 3 дня после нападения фашистской Германии на Советский Союз, в ходе беседы с советским послом Я. Маликом министр иностранных дел Японии Мацуока подчеркнул, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы»¹³.

Японский генеральный штаб планировал не только захват дальневосточных территорий СССР, но и раздел территории по меридиану Омска между фашистской Германией и империалистической Японией. Это предусматривалось планом Генштаба японской армии 1941 г. «Кантокуэн токубэцу энсю» (Особые маневры Квантунской армии)¹⁴.

С 1 декабря 1941 г. по 10 апреля 1945 г. около 200 советских торговых и рыболовных судов были остановлены и досматривались японскими военными кораблями. Некоторые из них были задержаны на длительный срок, а 18 судов потоплено¹⁵. СССР вынужден был держать на Дальнем Востоке до 40 дивизий¹⁶.

Выполняя условия Ялтинских соглашений и в соответствии с нормами международного права, 5 апреля 1945 г. нарком иностранных дел СССР В. Молотов вызвал посла Японии Сато и объявил решение Советского правительства о денонсации пакта. Посол Сато пояснил, что пакт заключен на 5 лет, и срок его действия заканчивается 25 апреля 1946 г. Молотов заявил в ответ: «Фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились до заключения пакта». Потом, правда, понимая, что такой ответ фактически означает скорое вступление СССР в войну против Японии, когда еще не закончилась война с гитлеровской Германией, нарком решил смягчить свой ответ и сказал, что советско-японские отношения, очевидно, вернутся к положению, которое было до заключения пакта, «по истечении 5-летнего срока действия договора», т. е. он будет действовать еще год. Хотя главное было сказано и все, не только союзники, но и противники, понимали, что СССР, объявив о денонсации пакта о нейтралитете, в скором времени вступит в войну против Японии.

Новое правительство Японии, сформированное 7 апреля 1945 г. адмиралом Судзуки, не вняло предупреждениям Советского пра-

вительства. Премьер Судзуки заявил: «Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»¹⁷.

Теперь о том, как умудрился, по версии корейского автора, СССР за 2 дня подготовить наступление против японских войск. Против кого предстояло советским войскам вести наступление?

Япония имела к августу 1945 г. под ружьем свыше 5,365 млн человек, из которых 4,1 млн находились в сухопутных войсках и авиации, 1,265 млн — в военно-морском флоте¹⁸. На территории Китая Япония держала 1,856 млн военнослужащих сухопутной армии, а собственно в Японии — 1,416 млн человек¹⁹. Главные силы флота и морской авиации находились в военно-морских базах метрополии²⁰.

Главной ударной силой Японии против СССР была Квантунская армия. Она насчитывала 1,040 млн солдат и офицеров, 1155 танков, 5360 артиллерийских орудий, 25 кораблей и 1800 самолетов. Вместе с подчинявшимся командующему Квантунской армией войсками Маньчжоу-Го, Внутренней Монголии князя Дэ Вана и Суйюаньской армейской группой общая численность непосредственно противостоявших советским войскам сил составляла 1,420 млн человек, 1215 танков, 6700 орудий и минометов, 25 кораблей и 1907 самолетов²¹. В остальной части оккупированного Китая Япония имела войска численностью более 800 тыс. человек. В случае войны с СССР имелось в виду перебросить эти войска на Северо-Восток Китая²².

К моменту наступления советских войск японским войскам была поставлена задача не допустить продвижения Красной Армии в южном и юго-восточном направлениях и сохранить за собой Корею и юго-восточную часть Маньчжурии. Это нужно было также для того, чтобы, удерживая оборону на рубеже рек Туманган и Амноккан, отбиться от возможного вторжения американских и английских войск в собственно Японию, а затем перейти в наступление против советских войск и вернуть потерянные территории²³.

С этой целью в состав Квантунской армии был передан 17-й фронт, войска которого дислоцировались в Корее, и 5-я воздушная армия, насчитывающая 600 самолетов, также находившаяся на территории Кореи.

Корея к 1945 г. была не только тыловой базой японской армии, коммуникационным центром Квантунской армии и японс-

кой метрополии, но и крупным поставщиком сырья для японской военной промышленности, а также производителем вооружения, боеприпасов, обмундирования, продовольствия для японской армии. В Корее добывалось 100% графита, слюды, магнетита, 88% вольфрама, 85% молибдена, 95% плавикового шпата, 70% бария, около 68% свинца, добываемого во всех оккупированных Японией территориях и в метрополии. На химических предприятиях работали десятки тысяч рабочих, которые производили взрывчатку и синтетическое топливо, поставлявшиеся в японские войска на территории Китая. В последние годы войны в Корее выпускались и военные самолеты. Текстильные предприятия поставляли обмундирование для японской армии и флота, а также льняные и пеньковые изделия для авиационной промышленности²⁴.

Советское командование учитывало и то обстоятельство, что на дальневосточных рубежах в Красной Армии в основном были необстрелянные солдаты. Учитывался также опыт военных столкновений 1938 г. в окрестностях оз. Ханка и 1939 г. на Халхин-Голе в Монголии, а также опыт войны на Тихом океане, которые показали военное искусство японских командиров. Почти все операции по захвату Индокитая, Малайи, Голландской Ост-Индии, Бирмы были проведены при численном меньшинстве, одной—двумя дивизиями, а Сингапур был сдан в феврале 1942 г. имевшим под рукой 130-тысячное войско английским генералом Персивалем японцам, у которых было вдвое меньше войск²⁵. Кроме того, учитывалось особое упорство и самопожертвование японских солдат при обороне. Возьмем две самые крупные победы американских войск на Тихом океане в 1945 г. Первая — бои за о. Иводзима площадью около 25 кв. км, практически лишенный растительности. США после 72 суток мощнейших артобстрелов и бомбардировок штурмовали остров, обороняемый 20 тыс. японских солдат и офицеров, 30 тыс. солдат отборных частей морской пехоты²⁶. Через 36 суток американцы овладели островом, потеряв при этом 6,5 тыс. убитыми и 20 тыс. ранеными. Японцев в живых осталось 216 человек, попавших в плен ранеными²⁷.

Вторая — штурм Окинавы, который начался 1 апреля и закончился 2 июля 1945 г. США сосредоточили для операции по захвату острова 550 тыс. военнослужащих, из них 180 тыс. непосредственно в боевых (наступающих) частях. Им противостояли 85 тыс.

японских солдат. За период штурма американцы потеряли убитыми 12,5 тыс., ранеными 36 тыс. человек. Потери японцев только убитыми составили около 70 тыс. человек, не считая почти столько же убитых из числа мирного населения²⁸.

Советское командование также учитывало, что за все время Второй мировой войны до августа 1945 г. Япония потеряла убитыми 1,74 млн военнослужащих²⁹, а пленными всего 41 тыс.³⁰

Было очевидно, что нужно было создать решающий перевес в численности войск, вооружениях, боевой технике, а также задействовать имевших многолетний боевой опыт солдат и офицеров, победивших в Европе. Нужно было передислоцировать на расстояние 9—11 тыс. км почти 1 млн военнослужащих со всеми штабами, вооружениями. И такая задача была решена в кратчайшие сроки за 3 месяца. Сквозной автомобильной дороги из Восточной Европы до Приморья не было, поэтому нужно было перебрасывать по железной дороге, которая большей частью была однокольной. А ведь кроме военных грузов нужно было завозить на Дальний Восток и в Сибирь и народно-хозяйственные грузы. И это все надо было сделать в разоренной войной стране.

Советские сухопутные войска на границе с Маньчжурией и Кореей к началу августа 1945 г. насчитывали 1,578 млн человек, более 26 тыс. орудий и минометов, около 3,5 тыс. боевых самолетов. Тихоокеанский флот имел 427 боевых кораблей и более 1500 самолетов. В Амурской флотилии было 83 боевых корабля³¹. Были также развернуты три армии ПВО. Советско-монгольские войска превосходили противника в людях в 1,1 раза, в орудиях — в 4 раза, в танках и самоходно-артиллерийских установках — в 7 раз и в самолетах — в 2,5 раза³².

Менее чем через неделю после наступления советских войск правительство Японии объявило о капитуляции, но войскам Квантунской армии приказ о капитуляции поступил только 19 августа. К тому времени японские войска потеряли 84 тыс. убитыми и около 600 тыс. пленными.

Что касается вопроса об атомной бомбардировке японских городов, в особенности о времени ее начала, то он в значительной степени был связан с самим фактом и датой вступления Советского Союза в военные действия на Дальнем Востоке. Президент Трумэн, уже зная о том, что к 9 августа советские вой-

ска будут развернуты на фронте военных действий, и считая, что 15 августа они начнут наступление³³, отдал еще 24 июля приказ об атомной бомбардировке Японии. В 1965 г. бывший госсекретарь США Бирнс сказал, что бомбардировка Хиросимы 6 августа 1945 г. была произведена с целью «опередить наступление русских в Маньчжурии»³⁴. Поскольку у США на этот момент было всего две атомные бомбы, то и было решено использовать их в целях достижения «шокового воздействия»³⁵.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

1. СССР не дал себя втянуть в длительные военные операции против Японии. Самое важное: СССР избежал одновременных военных действий на двух фронтах — против Германии и на Дальнем Востоке. Цена, которую заплатил СССР в борьбе против японской агрессии, была несравненно меньшей, чем в войне с фашистской Германией.

2. Разгромив Квантунскую армию и вынудив Японию капитулировать, Советский Союз спас от неминуемой гибели сотни тысяч солдат и офицеров союзных армий, а также миллионы самих японцев, кроме того предотвратил дальнейшее истребление японскими захватчиками народов поработанных стран, жертвы которых и без того были огромными.

3. Вступление СССР в войну и его решающая роль в ускорении победы над японским милитаризмом в условиях возросшего за годы войны влияния Советского Союза на мировой арене привели к коренному изменению положения в Восточной и Юго-Восточной Азии.

4. СССР выполнил задачу обеспечения безопасности своих дальневосточных рубежей.

Участие СССР в войне против Японии, быстрый разгром наиболее боеспособной Квантунской армии ликвидировали японский милитаризм как значимое политическое и военное явление в Азии и в мире.

5. Вступление СССР в войну против Японии помогло сохранить Китай как самостоятельное государство, вернуло Маньчжурию Китаю. Сейчас Китай, поддерживая дружественные отношения с Россией, стал одним из главных факторов мира в Северо-Восточной Азии и вместе с Россией является гарантом

сохранения мира и безопасности. По крайней мере, пока есть такие геополитические реальности, как Россия и Китай, да еще сотрудничающие между собой в вопросах безопасности региона и мира, японский милитаризм и реваншизм не могут угрожать безопасности народов региона.

6. На протяжении веков Япония представляла собой угрозу Корее. Это относится не только к годам непосредственно колониального гнета с 1910 по 1945. Можно вспомнить интервенцию японских захватчиков на территорию Кореи в 1592 г. В г. Осака есть «Могила десяти тысяч ушей», где захоронено 10 тыс. ушей, которые японские захватчики тогда отрезали у убитых ими корейцев, будь то воины, дети, женщины, старики, и отправляли в Японию в доказательство своего злодеяния.

Разгром Японии позволил корейскому народу восстановить свою независимость и сохранить себя как нацию. В годы Второй мировой войны на работу в Японии были вывезены около 1 млн корейцев, в том числе 140 тыс. для работы на шахтах (30% всех шахтеров Японии).

При планировавшихся США 9 атомных ударах перед наступлением на собственно Японию потери гражданского населения исчислялись бы миллионами, в том числе погибли бы десятки тысяч корейцев. В Хиросиме погибли тысячи корейцев.

Как известно, СССР обвиняют в том, что, дескать, наша страна навязывала установление опеки над Кореей после ее освобождения.

12 мая 1945 г. посол США в СССР А. Гарриман совещался в Госдепартаменте с и. о. госсекретаря Дж. Грю, помощником военного министра Дж. Макклоем и военно-морским министром Форрестолом и среди прочих поставил вопрос, следует ли США поддерживать идею установления над Кореей опеки держав-победительниц или предоставить корейцам право самим создать свое правительство, которое, «несомненно, станет большевистским или советским»³⁶. Грю в этот же день направил официально меморандум на имя военного министра Стимсона и Форрестола с предложением согласиться с установлением над Кореей опеки со стороны США, Англии, Китая и СССР, которые явились бы «единственной властью, уполномоченной сформировать временное корейское правительство».

7. В совместных военных операциях против Японии объективно реализовалась идея коллективного отпора агрессорам, за которую Советский Союз ратовал еще в 1930-е годы.

- ¹ *Поспелов П. Н.* Исторические итоги и уроки Великой Отечественной войны // Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над фашистской Германией. Книга первая. Общие проблемы. М.: Наука, 1966. С. 33.
- ² Гриф секретности снят. Потери ВС СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 128.
- ³ Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. С. 212–213.
- ⁴ См.: *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945. С. 606.
- ⁵ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. Авторизованный перевод с англ. М.: Военное изд-во, 2001. С. 3.
- ⁶ *Ким Кен Мук.* Ияги Росиаса (Рассказы об истории России). Сеул: Изд.во «Чона чулпанса», 2007. С. 445–446.
- ⁷ *Ли Ги Бек.* История Кореи: новая трактовка. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2000. С. 386–387.
- ⁸ *Василевский А. М.* На Дальнем Востоке // Освободительная миссия на Востоке. М.: Воениздат, 1976. С. 3–4.
- ⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 1957. Т. 1. С. 89.
- ¹⁰ Пункты «б» и «в» подлежали согласованию с правительством Китая, т.е. с Чан Кай-ши. Причем Рузвельт обещал договориться с Чан Кай-ши, но не успел, потому что об этом документе Чан Кай-ши еще в мае 1945 г. не знал.
- ¹¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 111.
- ¹² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М.: Воениздат, 1963. Т. 5. С. 539.
- ¹³ Архив ВП СССР. Ф. 436. Оп. 2, 972. Л. 556.
- ¹⁴ *Кошкин А. А.* СССР и Япония: Проблема нейтралитета // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 118.
- ¹⁵ Вторая мировая война. Итоги и уроки. Указ. соч. С. 106.
- ¹⁶ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Указ. соч. Т. 5. С. 524.
- ¹⁷ См.: *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 336–337.
- ¹⁸ См.: *Кoen Дж.* Военная экономика Японии. М., 1951. С. 291.
- ¹⁹ См.: История войны на Тихом океане. М., 1958. Т. 3. С. 178.

- ²⁰ Вторая мировая война. День за днем. 1939–1945 / Пер. А. Колина, Я. Колиной. М.: Эксмо, 2005. С. 35.
- ²¹ Военно-исторический журнал., 1966. № 8. С. 67.
- ²² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Указ. соч. Т. 5. С. 494.
- ²³ Освободительная миссия Советских вооруженных сил во второй мировой войне / Под общ. ред. А. А. Гречко. М.: Политиздат, 1971. С. 428.
- ²⁴ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). М: Наука, 1974, Т. 11. С. 131–132.
- ²⁵ Война на Востоке: Битва под Москвой. Сражения на Тихом океане: июнь 1941– май 1942. Пер. с англ. /Науч. ред. и воен. консультант Ю. О. Соколов. М.: Мир книги, 2007. С. 119–121.
- ²⁶ Для справки: США не применяли морскую пехоту ни в Нормандии, ни в Италии.
- ²⁷ Вторая мировая война. День за днем. 1939–1945. Указ. соч. С. 231.
- ²⁸ Там же. С. 238–241.
- ²⁹ В том числе 685 230 на Тихом океане.
- ³⁰ Вторая мировая война. День за днем. 1939–1945. Указ. соч. С. 245.
- ³¹ Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 67.
- ³² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945. Указ. соч. Т. 5. С. 552.
- ³³ См.: *Сафронов В. П.* Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта. 1931–1945 гг. М.: БИМПА, 2007. С. 363.
- ³⁴ Цит. по: *Кузнец Ю. Л.* От Пёрл-Харбора до Потсдама. Киев, 1975. С. 320.
- ³⁵ Американские военные считали необходимым нанести 9 атомных ударов в начале операции вторжения в Японию, а в целом использовать против нее 50 атомных бомб, чтобы принудить к капитуляции (Wyden P. The Day One. N.Y., 1984. P. 15, 17, 293). — Цит. по: *Сафронов В. П.* Указ. соч. С. 367. Если учесть, что 2 атомные бомбы привели к гибели 270 тыс. человек, то получается, по данным американских стратегов, что только гибель 6,5 млн человек в результате атомных бомбардировок могла привести к поражению Японии, имевшей население 72 млн. человек. Поистине чудовищные калькуляции!
- ³⁶ *Harriman W.A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N.Y., 1975. P. 461; The Forrestal Diaries. N.Y., 1965. P. 56). — Цит. по: *Сафронов В. П.* Указ. соч. С. 337–338.

*А. В. Воронцов**

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА: В ТУПИКЕ ИЛИ НА ПЕРЕПУТЬЕ?

Прошедший 2009 г. прошел под знаком очередного острого кризиса на Корейском полуострове. Его рубежными событиями стали запуск КНДР спутника связи (по версии Запада – баллистической ракеты дальнего радиуса действия) 4 апреля и проведение второго ядерного испытания 25 мая, повлекшие за собой осуждение в ООН, в том числе принятие жесткой резолюции СБ ООН 1874, предусматривающей введение против Пхеньяна широкого набора финансово-экономических санкций, эмбарго на поставки и экспорт оружия и пр. В результате перспективы урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова и, в частности, продолжения шестисторонних переговоров в Пекине, последний раунд которых состоялся более года назад, до сих пор остаются неясными.

Влияние негативного разворота событий оказалось весьма сильным. Как известно, КНДР в знак протеста против предпринятых против нее рестриктивных мер по линии ООН заявила о полном и бесповоротном выходе из шестисторонних переговоров по ядерному урегулированию и решимости возобновить работы по наращиванию своего ядерного арсенала. Были проведены работы по размораживанию объектов атомного комплекса в Ненбене, предприняты усилия, в дополнение к наработкам оружейного плутония, запустить собственную урановую программу. В начале сентября 2009 г. в Пхеньяне было объявлено об успешном завершении серии экспериментов по обогащению урана.

В свою очередь США и их ближайшие союзники постарались по максимуму изолировать северокорейцев, блокируя любые финансовые потоки в КНДР и из нее и отсекая доступ этой страны

* Институт востоковедения РАН, г. Москва.

к международным финансово-банковским институтам. Впервые был задействован и другой инструмент давления – досмотр судов, следующих в КНДР или оттуда, при наличии информации или просто подозрений, что груз содержит предметы или материалы, запрещенные к ввозу или вывозу резолюциями СБ ООН 1718 и 1874. Такая практика уже применяется на деле. В июле северокорейцы были вынуждены под угрозой принудительной инспекции вернуть в порт приписки свое судно, следовавшее в Мьянму. Судно «АНЛ-Австралия» было задержано с грузом оружия, предположительно северокорейского производства, у берегов Объединенных Арабских Эмиратов, а самолет с таким же грузом – в Таиланде в декабре 2009 г.

Тем не менее дальнейшего развития ситуации по конфронтационной спирали все же удалось избежать. В августе 2009 г. в Пхеньяне официально побывал Б. Клинтон для того, чтобы забрать на родину двух американок, задержанных за нелегальное проникновение на территорию КНДР, что положило начало возобновлению американо-северокорейского диалога.

Параллельно, в том числе и для того чтобы создать позитивный фон для продвижения этих контактов, Пхеньян пошел на определенные шаги в целях смягчения климата в межкорейских отношениях, который оставался весьма напряженным с момента вступления в должность президента Ли Мен Бака в феврале 2008 г. В августе 2009 г. Сеул впервые за время правления новой администрации посетила высокопоставленная делегация из КНДР (формально для участия в траурных мероприятиях в связи с кончиной бывшего президента Ким Дэ Чжуна), которая была принята нынешним главой Голубого дома. Одновременно в Пхеньяне приняли решение разморозить гуманитарные контакты, прежде всего встречи членов разделенных семей, возобновить совместные туристические проекты, активизировать экономическое сотрудничество в Кэсонском технопарке.

В комментариях СМИ КНДР на южнокорейские темы бранная риторика постепенно уступает место более корректным высказываниям. Указанные жесты пока воспринимаются в Сеуле настороженно. С одной стороны, они расцениваются как уловки со стороны Пхеньяна с целью улучшить свой имидж и добиться политических и материальных преимуществ, с другой – как ре-

зультат действия санкций против Северной Кореи, проявление слабости последней. На основе таких выводов следует логичная рекомендация: еще более усилить коллективное давление на Пхеньян, чтобы дожать его окончательно.

И все же из Пхеньяна продолжают поступать сигналы, которые в целом можно охарактеризовать как примирительные. В совместной передовой статье, опубликованной 1 января 2010 г. в трех центральных газетах, которая по традиции считается установочной, отмечается неизменная приверженность республики миру и денуклеаризации Корейского полуострова. «Последовательная позиция КНДР, — утверждается в публикации, — состоит в создании прочной системы мира в Корее и обеспечении безъядерного статуса полуострова путем проведения переговоров и диалога»¹.

Вслед за этим президент Республики Корея Ли Мен Бак в годовом телевизионном обращении к нации выступил с инициативой о создании двумя Кореями миссий связи соответственно в Пхеньяне и Сеуле с тем, чтобы способствовать поддержанию межкорейского диалога и контактов на постоянной основе². В начале января 2010 г. между военными ведомствами двух Корей была установлена прямая оптико-волоконная линия «горячей связи», что, конечно, стало важным практическим шагом на пути развития двусторонних контактов³. В Сеуле подтверждают, что Ли Мен Бак готов встретиться с Ким Чен Ирмом «в любое время и в любом месте для обсуждения вопроса о том, как добиться денуклеаризации Кореи в сжатые сроки». По словам министра по делам объединения Хен Ин Тхэка, кардинальные сдвиги в решении этой проблемы должны произойти именно в результате продуктивного диалога между Сеулом и Пхеньяном. Справедливости ради надо отметить, что чуть позднее устами представителя Голубого дома было сделано разъяснение по данному вопросу. Его суть состоит в том, что Сеул заинтересован не в саммите ради саммита и что условием для нормализации остается денуклеаризация Северной Кореи⁴.

Если суммировать вышеизложенное, то можно прийти к выводу, что после продолжительного периода конфронтации, вызванной последствиями ракетно-ядерных испытаний в КНДР (апрель—май), и реакции на это международного сообщества в развитии ситуации вокруг корейских дел наметилась тенденция

к постепенному спаду напряженности, а заинтересованные стороны приступили к поиску возможностей для возобновления переговорного процесса.

Нынешняя динамика в развитии событий уже порождает в отдельных столицах явно завышенные оптимистические ожидания насчет перспектив многостороннего переговорного процесса по ядерной проблеме. Так, глава южнокорейского МИД полагал, что пекинские переговоры можно было бы начать не позднее конца марта 2010 г.⁵ Американцы высказывались чуть более осторожно, делая упор на необходимости проявлять «стратегическое терпение», чтобы «дать плоду созреть».

Однако принципиально важным и пока открытым вопросом остается следующий: предполагается ли возврат к прежним шестисторонним переговорам, причем с того рубежа, на котором они были приостановлены в декабре 2008 г., или же это будет иной формат с иной повесткой и алгоритмом работы; будет ли сохранен солидный массив договоренностей, наработанных партнерами в предшествующий период, или же вся работа будет начата с «чистого листа» и воссоздание договорной базы будет вестись заново и по новым лекалам?

Весьма активно пытается действовать Сеул, который не скрывает своего стремления на предстоящем этапе играть одну из ведущих ролей в урегулировании ядерной проблемы. Южнокорейские представители не жалеют сил, чтобы убедить партнеров принять выдвинутую Ли Мен Баком идею так называемой «большой сделки» по ядерной проблеме Корейского полуострова. В Сеуле считают, что одной из слабых сторон прошлых переговоров была схема действий, условно называемая «принципом салями», при которой северокорейцы имели возможность мелкими порциями «продавать» свои уступки в ядерной области, получая за это конкретные экономические и политические дивиденды от партнеров. При этом реального движения к главной цели — денуклеаризации — якобы не происходило, зато Пхеньян мог в любой момент, когда это отвечало его интересам, заблокировать переговорный процесс в расчете на получение дополнительных выгод.

С учетом этого негативного опыта южнокорейцы хотели бы заранее договориться о комплексе мер с целью всеобъемлющего и окончательного решения ядерной проблемы. Пока эти предло-

жения сформулированы довольно общо и предусматривают необратимый демонтаж всех северокорейских ядерных объектов, поэтапный вывоз из КНДР ядерных материалов и оружия, возвращение этой страны в режим ДНЯО и МАГАТЭ. В этом случае остальные участники переговоров будут добиваться постепенного смягчения режима санкций, вплоть до их полной отмены, предоставят Пхеньяну значительную экономическую и энергетическую помощь, а также гарантии безопасности. Одновременно предполагается нормализовать отношения КНДР с США, Японией и РК. Однако стержнем данной программы остается стратегия согласованных действий «пятерки» в отношении Пхеньяна с формальной целью побудить его вернуться в шестисторонние переговоры. Данную установку подтверждают прозвучавшие в очередной раз в сентябре 2009 г. призывы президента РК ко всем участникам «шестерки» предпринять «объединенные действия против КНДР с тем, чтобы положить конец ее ядерным амбициям»⁶.

Эти тезисы получили развитие в выступлении Ли Мен Бака в Совете по вопросам международной политики в Нью-Йорке 21 сентября 2009 г. В нем утверждалось, что санкции СБ ООН в отношении Пхеньяна должны продолжаться, даже если международное сообщество попытается вовлечь его в процесс денуклеаризации на основе позитивных стимулов, что само международное сообщество должно ужесточить тон переговоров с Северной Кореей, которой сейчас предоставляется последний шанс принять его условия, и т.д.⁷

Следует сказать, что все эти концептуальные построения внешне выглядят достаточно стройными и убедительными. Проблема, однако, в том, что на практике они оказываются нереалистичными в силу диаметрально противоположных позиций между ключевыми участниками переговоров. И вскоре после того, как Ли Мен Бак выступил с предложением о заключении «большой сделки», которая предусматривала бы полную ликвидацию северокорейского ядерного потенциала в обмен на экономическую помощь и предоставление Пхеньяну «международных гарантий безопасности»⁸, северокорейцы его с ходу отвергли, расценив как очередную попытку «разоружить КНДР в одностороннем порядке»⁹.

Такой демарш не случаен. Весь прошлый опыт ведения дел с КНДР демонстрирует, что даже в худшие периоды времени, на-

пример в середине 1990-х годов, когда, по утверждениям западных СМИ, проблема голода стояла остро, руководители страны не допускали мысли о возможности капитуляции перед Западом. Все эти реалии хорошо понятны опытным экспертам. Так, например, бывший министр по делам объединения в правительстве Но Му Хена и соперник Ли Мен Бака на президентских выборах 2007 г. Чон Дон Ен подчеркивал в этой связи, что «санкции могут лишь на время улучшить условия для проведения переговоров, однако в долгосрочной перспективе, как показывает весь опыт деятельности бушевской администрации, санкции сами по себе не способны служить инструментом решения северокорейской ядерной проблемы»¹⁰.

При этом доводы Пхеньяна, объясняющего причины появления у него ядерных средств сдерживания, своеобразны, но не лишены убедительности: ядерная проблема на Корейском полуострове в начале 1990-х годов была в значительной мере порождена «враждебной политикой» и военной угрозой со стороны США, для защиты от которой КНДР, не имевшая к тому времени надежных союзников, и была вынуждена создавать свой ядерный щит. Северокорейские аналитики в связи с этим указывают на то, что, в отличие от Японии и Южной Кореи, «у нас никогда не было “ядерного зонтика”, прикрывающего от американской ядерной угрозы... Единственным местом на Корейском полуострове и в прилегающих районах, не защищенным ядерным оружием или “ядерным зонтиком”, остается северная часть Республики»¹¹.

Параллельно северокорейцы попытались обосновать их новый взгляд на «шестисторонний клуб», который изначально был не самым оптимальным форматом. Они, в частности, подчеркивают, что «шестисторонние переговоры — это были переговоры, которые не могли продвинуться вперед из-за сложного состава участников и игнорирования принципа уважения суверенитета и равенства. За исключением нашей страны, которая является всего лишь членом Движения неприсоединения, все остальные участники переговоров являются либо постоянными членами СБ ООН, либо военными союзниками США»¹².

В этой ситуации в полной мере проявилась постоянно усиливающаяся роль Китая в «корейских делах». Во второй половине 2009 г. — начале 2010 г. он четко дал понять всему миру, что не до-

пустит того, чтобы санкции ООН, направленные против военного, прежде всего ракетно-ядерного, потенциала Пхеньяна, были использованы для расшатывания и развала самой КНДР. Подход Пекина можно назвать весьма продуманным и эффективным. Несмотря на, казалось бы, непривлекательный имидж северокорейского режима, неуступчивость Пхеньяна в ядерных вопросах, делающих его «парией» в глазах Запада, Пекин почти открыто игнорирует этот стереотип, выстраивая отношения с КНДР так, как считает нужным с точки зрения своих национальных интересов.

Показательно, что в последние месяцы в Северную Корею отправляются одна за другой высокопоставленные китайские делегации: вслед за членом Госсовета Дай Бинго там побывал председатель Госсовета Вэнь Цзябао, официально закрыв «год китайско-корейской дружбы». Невзирая на существующие санкции, продолжается сотрудничество даже по военной линии. В сентябре Пекин посетила делегация Министерства Народных вооруженных сил КНДР во главе с заместителем министра Пак Чэ Генем, в ноябре — и сам глава оборонного ведомства КНДР¹³.

Чтобы успокоить своих западных партнеров, китайцы ссылаются на то, что подобным образом они продолжают работу с северокорейским руководством с целью убедить вернуться в шестисторонний переговорный процесс. Видимо, отчасти это действительно так, хотя китайцы не склонны делиться информацией о том, какие меры поощрения они предлагают Пхеньяну, если тот проявит должную кооперативность.

Вместе с тем, как представляется, истинная повестка китайско-северокорейского диалога на самом деле гораздо шире и включает, в первую очередь, обсуждение перспектив дальнейшего развития двустороннего сотрудничества, мероприятия со стороны Китая по стабилизации экономической ситуации на Севере. Смысл этих шагов — в поддержании постоянных близких контактов с высшим руководством КНДР, создание предпосылок для усиления возможностей оказывать влияние на корейскую элиту и процесс принятия внешнеполитических решений в этой стране в завуалированной форме «добрых советов». Этим целям послужил и визит заведующего Отделом международных связей ЦК КПК Ван Цзяжуя, передавшего Ким Чен Иру устное послание генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао¹⁴.

Параллельно китайцы, действуя неторопливо, без спешки, создают базу для экономического проникновения в Северную Корею и закрепления постоянного китайского присутствия, по крайней мере в северо-западных и северо-восточных районах страны, где сосредоточена основная масса стратегически важных промышленных объектов и природных ресурсов. Важно и то, что Китай в настоящее время остается для КНДР фактически единственными распахнутыми воротами во внешний мир: до 70–80% северокорейских экспортно-импортных поставок идет через границу с Китаем. В феврале 2010 г. мировое общественное мнение было взбудоражено известием о предложении Пекином грандиозной программы инвестиций в экономику КНДР общим объемом в 10 млрд долл.¹⁵

Вышеназванные усилия китайской стороны постепенно дают свои результаты: Пхеньян осенью 2009 г. с целью урегулирования ядерной проблемы сначала выразил согласие участвовать в многосторонних переговорах, а затем допустил возможность возврата в «шестерку».

Излишне напоминать, что если многосторонние переговоры все же возобновятся, то вести их предстоит в новых, гораздо более трудных условиях, чем раньше, сложившихся в результате проведения КНДР ракетно-ядерных испытаний, принятия в отношении Северной Кореи жестких санкций как по линии СБ ООН, так и дополнительных, введенных отдельными западными государствами по собственной инициативе.

Важно понимать, что и КНДР пока еще не сказала своего последнего слова в отношении планов возобновления пекинского процесса. Действительно, после настойчивой работы, которую на протяжении нескольких месяцев вели китайцы с руководством КНДР, в Пхеньяне отошли от категорического неприятия шестисторонних переговоров. Однако свое согласие возобновить участие в их работе они сопроводили рядом серьезных условий, главными из которых являются достижение взаимопонимания на двусторонних переговорах с США как по вопросам улучшения межгосударственных отношений, так и по основным параметрам процесса денуклеаризации, а также отмена санкций ООН.

В данном контексте необходимо сказать о позиции России в рассматриваемых процессах. В последнее время ей, похоже, не

хватает четкости и динамизма, что при развитии наиболее драматических сценариев может поставить вопрос: останется ли Москва в числе активных игроков на корейском поле или нет.

Дело в том, что, в отличие от Пекина, в последнее время мы стремимся не столько укрепить рычаги своего политического и экономического присутствия в КНДР — стране, которая является нашим соседом и традиционным партнером, сколько действовать в унисон с западным «концертом», для которого КНДР — это прежде всего страна-изгой, не достойная нормального общения, поскольку не следует неким «цивилизованным нормам поведения». Похоже, что в Москве сложилось мнение, что ей на данном этапе спокойнее и удобнее заниматься не поиском точек соприкосновения с Пхеньяном (а они существовали всегда), а выстраивать свою линию с учетом коллективной стратегии США и Европы, формируемую в рамках «большой восьмерки». Иными словами, линия в отношении КНДР и корейских дел в целом выстраивается под влиянием глобальных приоритетов, где доминирующей остается задача расширения сферы нашего взаимодействия и взаимопонимания с Вашингтоном, особенно под влиянием так называемой «перезагрузки», за счет включения в нее корейской темы. Не удивительно, что при подобном раскладе возможности установления доверительных отношений между Москвой и Пхеньяном практически отсутствуют, а шансы России выступать в качестве самостоятельного игрока, способного оказывать реальное влияние на развитие ситуации вокруг корейских дел, приближаются к нулю.

По нашему мнению, назрела необходимость переломить эту неблагоприятную тенденцию. Россия имеет богатый опыт участия в урегулировании различных проблем Корейского полуострова, в том числе ядерной. И если мы сможем не плестись в хвосте у событий, а, не забывая свои собственные национальные интересы в этом районе мира, вновь предложить партнерам оригинальные и практические идеи, которые будут востребованы, то тогда роль России как полноценного участника переговорного процесса будет подтверждена.

¹ Совместная передовая статья газет «Нодон синмуи», «Чосон инмингун» и «Чхонён чонви» 01.01.2010; Пресс-релиз Посольства КНДР в РФ. 01.01.2010.

² Lee proposes establishing regular dialogue channel with N.K.. Yonhap, Seoul, 04.01.2010.

³ 2 Koreas open modern military hot lines // Korea Times. Seoul, 20.12.2009.

⁴ S. Korea not to seek inter-korean summit for summit's sake: presidential office // Xinhua News. Seoul, 05.01.2010.

⁵ S. Korea wants six-party talks 'no later than FEB// Agence France Presse. Seoul, 22.12.2009.

⁶ S. Korea urges N. Korea to return to nuclear talks // Agence France Presse. Seoul, 06.01.2010.

⁷ Meeting with His Excellency Lee Myung-bak/ [http:// www. cfr.org](http://www.cfr.org), 21.09.2009.

⁸ Lee proposes 'grand bargain' on NK nukes// Korea Times. Seoul, 22.09.2009.

⁹ N. Korea rejects 'grand bargain' nuke offer"//Korea Times. Seoul, 30.09.2009.

¹⁰ Агентство «Рёнхап». Сеул, 19.09.2009.

¹¹ Заявление Представителя МИД КНДР // ЦТАК. 27.09.2009.

¹² Там же.

¹³ N. Korea sends military delegation to China amid sings if thaw in nuclear talks // Yonhap News. Seoul, 09.22.2009.

¹⁴ Лидер КНДР Ким Чен Ир провел встречу с Ван Цзяжуем // Синьхуа. 09.02.2010.

¹⁵ China arranging foreign investment deal for N.Korea: report //Agence France Presse. Seoul, 15.02.2010.

*В. В. Хрусталёв **

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ: ТО, ЧТО НЕ СДЕЛАЛА ЮАР?

Одной из ключевых проблем военно-политического прогнозирования ситуации вокруг ядерной программы КНДР является отсутствие как прямых аналогов среди стран — обладателей ядерным оружием, так и функционально сравнимых ситуаций. Однако если посмотреть на проблему в более широком контексте, то у северокорейского кризиса аналог есть — это кризисная ситуация вокруг ЮАР в 1970—1994 гг.

ЮАР в недалеком прошлом, как КНДР сегодня, относилась к режимам, которые являлись маргиналами мировой политики, но при этом не вступала в прямую конфронтацию с международным сообществом и не относилась к жестко изолированным странам, таким, например, как Ирак в 1990—2003 гг.

Причины такого положения дел в каждом государстве разные. Если ЮАР в первую очередь была ключевым поставщиком ряда наименований стратегического сырья для стран капиталистического мира, то КНДР в случае осуществления мер по тотальной изоляции может оказаться на грани коллапса, и последствия будут катастрофическими.

Рассматриваемые страны сильно отличаются от своего окружения по уровню социально-экономического развития. ЮАР была самым развитым государством южнее Сахары, КНДР же, по большинству аналогичных индикаторов, относится к «пятому отсталости» на фоне своего окружения.

В обоих случаях внешнеполитическая ситуация рассматривалась как несущая опасность сохранения как элит, так и основных привилегированных групп. В ЮАР это было белое расовое мень-

* МГУ, г. Владивосток.

шинство, в КНДР — это нынешний многочисленный госаппарат и члены их семей.

В южноафриканской ситуации вариант передачи власти белым меньшинством черному большинству рассматривался как несущий угрозу геноцида этой группы. В качестве примера была судьба европейского населения Алжира, Анголы и других африканских колоний, получивших независимость в 1960—1970-е годы.

Для северокорейской элиты и нынешних сотрудников государственных, в том числе силовых, структур и членов их семей важнейшим примером являются события, происходившие в социалистическом лагере с конца 1980-х годов. Румынские события декабря 1989 г., судебные преследования в отношении бывших лидеров Польши и ГДР, дискриминационные законы в отношении бывших членов компартии Чехословакии, членов КПСС в странах Прибалтики, судьбы Милошевича и Саддама воспринимаются как примеры того, что будет в случае, если власть и характер системы будут изменены.

Как и власти КНДР, власти ЮАР в 1970-х в качестве одного из ключевых средств борьбы за выживание рассматривали создание ядерного арсенала.

Согласно современным данным, власти ЮАР заинтересовались ядерными взрывными технологиями еще в 1960-х годах. Это были довольно популярные в то время технологии, и специалисты как в США, так и в СССР занимались ядерными испытаниями и ядерными взрывами в мирных целях¹.

Уже в 1971 г. министр рудной промышленности ЮАР одобрил программу проведения предварительных исследовательских работ относительно возможностей использования ядерных взрывов для создания морских гаваней, разработки рудных месторождений и строительства дорог в горных условиях.

Программа имела ограниченный характер и сводилась в основном к изучению имеющейся литературы, теоретическим расчетам и исследованию ядерных взрывов. Проводилось также изучение разных типов ядерных взрывных устройств.

В 1974 г. подготовка доклада была завершена. Он содержал вывод о возможности создания ядерных взрывных устройств для мирных целей, и на его основе глава правительства Дж. Форестер

одобрил разработку таких устройств. Началось выделение финансовых средств, в том числе и для строительства ядерного полигона.

В условиях быстро растущей политической изоляции ЮАР, усиления угрозы со стороны Севера правительством было принято в 1974 г. решение о создании «стратегического сдерживающего средства». Официальные лица при этом заявляли, что «альтернативы созданию своего ядерного сдерживающего средства практически не существует, и этот аргумент, с точки зрения Южной Африки, весьма убедителен».

В апреле 1978 г. премьер-министр ЮАР одобрил «стратегию сдерживания», основанную на трех этапах.

Этап 1. Стратегическая неопределенность, при которой способность создать ядерное оружие не будет ни признаваться, ни опровергаться.

Этап 2. Если южноафриканская территория подвергнется угрозе, будет рассмотрена возможность тайного признания наличия сдерживающего средства у некоторых держав, например США.

Этап 3. Если такое частичное раскрытие возможностей ЮАР не приведет к международному вмешательству для устранения угрозы, то будет рассмотрен вариант публичного признания или демонстрация таких возможностей за счет проведения подземного испытания.

Реально стратегия сдерживания действовала в рамках первого этапа и за его пределы не выходила. Было произведено 6 боезарядов. 7-й находился в процессе изготовления. В 1989 г. было решено свернуть программу создания ядерного арсенала. К этому времени из 6 устройств были полностью применимы 4 авиабомбы.

В последующем ЮАР ликвидировала свой ядерный арсенал. В конце 1980-х годов появился ряд внешних и внутренних факторов, которые вынудили правительство белого меньшинства ЮАР отказаться от дальнейшего развития военной атомной программы, демонтировать уже изготовленные ядерные боезаряды и присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства. Аналогичные требования сейчас предъявляются уже Пхеньяну.

В основном известно, какие конкретно тенденции привели к этому результату в ЮАР.

Ее внешняя политика в конце 1970-х — начале 1980-х годов осуществлялась в рамках доктрины «тотальной» стратегии, нацеленной на мобилизацию всех ресурсов с целью предотвращения краха системы апартеида, удержания Намибии и сохранения необходимых для выживания страны внешних связей. Логическая основа этой доктрины, разработанная Питером Ботой вместе с военными структурами ЮАР, исходила из предпосылок, что одновременное использование экономических, политических, дипломатических и военных акций способно затормозить процессы национального освобождения, укрепить экономическое доминирование государства в регионе, дать возможность режиму выиграть время, необходимое для постепенной адаптации системы апартеида в современном мире².

Оценки дальнейших действий Питера Боты даются разные. Одни считают, что он шел на необходимые реформы, пытаясь сохранить режим апартеида, другие считают, что он и начал целенаправленный демонтаж системы³.

Законы 1979–1981 гг. легализовали африканские профсоюзы и отменили «цветной барьер» в промышленности.

В ноябре 1983 г. в ЮАР прошел референдум по вопросу о новой конституции, в мае 1984 г. парламент принял закон об изменении некоторых ее статей. Началась работа по отмене основных законов апартеида: «О расселении по расовым группам», «О регистрации населения», «О безнравственности», «О запрещении смешанных браков».

В 1984 г. Бота посетил 8 европейских государств: Португалию, Швейцарию, Великобританию, ФРГ, Бельгию, Францию, Австрию и Италию. Провел в Риме консультации с представителями администрации Рейгана.

В феврале 1985 г. министр иностранных дел ЮАР вел переговоры с представителями администрации Рейгана, министром иностранных дел Голландии, исполнявшим в тот период обязанности председателя Совета министров ЕС, в сентябре 1986 г. посетил Японию.

В заявлении от 21 сентября 1987 г., сделанном в день открытия сессии, объявил о готовности «приступить к переговорам с каждым из государств, обладающих ядерным оружием, относительно возможности подписания Договора о нераспространении».

Это происходило уже в условиях, когда на территории государства многие основополагающие законы системы апартеида либо были отменены, либо де-факто парализовали многие отрасли экономики страны. Параллельно в городах вспыхивали беспорядки, происходили террористические акты, оппозиция становилась более непримиримой.

В 1989 г. к власти в ЮАР пришел Фредерик де Клерк. Одним из первых его действий было принятие решения о ликвидации военной ядерной программы и уже созданного ядерного арсенала.

В феврале 1990 г. де Клерк легализовал Африканский национальный конгресс (АНК) и другие партии, выступавшие против апартеида, и освободил из заключения лидера АНК Н. Манделу. Дальнейший ход событий общеизвестен.

КНДР в наши дни является высоко милитаризованным авторитарным государством. Это достаточно бедная страна, располагающая ядерным оружием, находящаяся под действием целого ряда международных ограничений.

Аналогично стихийным процессам расовой десегрегации в ЮАР, вкупе с признанием де-юре лишь существующего положения дел в экономике КНДР с середины 1990-х годов происходит процесс эмансипации целого ряда ранее маргинальных наследственных социальных групп, в первую очередь из-за стихийного развития в стране рыночных отношений. Действия же ее властей с 2002 г. можно обозначить как признание существующего положения дел и как молчаливое игнорирование либо как последовательность не слишком удачных попыток вернуть систему в 1980-е годы.

Для КНДР характерна высокая степень зависимости от поставок энергоносителей, товаров широкого потребления, продовольствия из КНР и Республики Корея, а также от их прямой экономической помощи.

В ходе ядерного кризиса Северная Корея воспроизвела всю последовательность действий, аналогичную трем этапам ядерного сдерживания по типу ЮАР. И одновременно стоит вопрос о преемственности в элите. Ясно, что нынешние власти в Пхеньяне достаточно сплочены и прекрасно осознают, что альтернативы ядерному козырю у них нет. На этом основании большинство экспертов делают вывод, что КНДР в принципе

не может пойти по пути ЮАР, демонтировавшей свою военную ядерную программу.

Однако это возможно при крайне маловероятном сейчас, но не исключаемом в будущем, сценарии появления в Пхеньяне более управляемой извне элиты. В случае угрозы возникновения значительных социальных потрясений, относительно скорого и неизбежного краха политической системы новое поколение северокорейских руководителей может попытаться фактически променять свой ядерный арсенал на какие-то личные гарантии безопасности. Скорее всего, не на американские, а на китайские. Хотя внешне это будет выглядеть как ядерная сделка США–КНДР.

Исходя из вышеизложенного автор считает, что если Пхеньян пойдет на реальное ядерное разоружение навстречу требованиям США, то это будет индикатором того, что ситуацию сегодня скорее всего контролирует Китай. По мере усиления китайского фактора в экономике КНДР, а соответственно и в политике, вероятность такого хода событий будет возрастать.

¹ Яблоков А.В. Миф о безопасности и эффективности мирных подземных ядерных взрывов. М.: ЦЭПР, 2003.

² Южно-Африканская Республика. М., 2007. С. 3–6.

³ Жуков Д.В. Апартеид: история режима. М.: Политиздат, 2007. С. 10–11.

*Г. Д. Толорая**

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ В КОРЕЙСКИХ ДЕЛАХ

Ситуация на Корейском полуострове остается не только региональным, но и глобальным вызовом для российской внешней политики. В последнее время реальное содержание борьбы в корейском вопросе все дальше уходит от ядерной проблематики (служащей частично в качестве «прикрытия» интересов вовлеченных сторон) и «корейская игра» все больше приобретает черты геополитического противоборства. Северная Корея попала в фокус соперничества великих держав, прежде всего США и Китая, причем за их реальными намерениями с беспокоеством следят в Южной Корее. И в КНР, и в РК (с участием США) разработаны планы «реагирования в случае кризиса в КНДР», а по сути — оккупации. Не стоим ли мы накануне новой «схватки за Корею» (100 лет назад в результате подобной схватки Россия потерпела поражение в войне с Японией, что открыло шлюз революционному движению — известно, чем все кончилось для России)?

Конечно, сегодня ставки не столь высоки. Однако Россия после распада СССР уступила США и Китаю инициативу в корейских делах, и решения, которые ее касаются, иной раз принимаются без нее. Мы не готовы к возможному кризисному развитию ситуации на полуострове (в которое немедленно вмешаются США — а возможно, будет непосредственно вовлечен и Китай). Но и при условиях стабильного развития будущей международной уклад, касающийся Корейского полуострова, скорее всего, будет формироваться без нашего участия. А ведь его параметры во многом определяют будущее всей Северо-Восточной Азии — включая место России в региональном раскладе сил и экономических процессах. И при недостатке «веса» (политического и экономического) в СВА

* Институт экономики РАН, г. Москва.

мы рискуем остаться «за бортом» регионального сотрудничества и эвентуальной интеграции. Предпосылки к перегруппировке сил в АТР, формированию новой архитектуры безопасности, в основном исключают Россию, налицо. Активизация же российской политики в корейском вопросе сделает Россию нужной крупнейшим мировым державам — США, Китаю, Японии, а также Южной Корее, чьи жизненные интересы сходятся в корейском фокусе.

Задачи и интересы России по отношению к Корейскому полуострову толком не сформулированы: публично акцент делается на необходимости денуклеаризации, обеспечения мира и безопасности, для «внутреннего употребления» все согласны с необходимостью укрепления позиций и влияния России в корейских делах, но зачем этого добиваться и какие у нас существуют возможности, противники и союзники — остается областью эмпирического знания. Политика неизбежно становится реактивной, всего лишь реагирующей на внешние раздражители. Мало кто отдает себе отчет в том, что наши интересы в Корее все больше расходятся как с интересами Запада (непременная денуклеаризация как возможная прелюдия к смене режима), так и поддерживающего Пхеньян Китая, который не против консервации режима или его замены на «дружественный» в целях вовлечения Севера Кореи в свою орбиту.

Необходимо выстроить долгосрочные приоритеты, ответив на вопросы:

- Какова вероятность коллапса нынешнего режима в Пхеньяне, объединения? Возможна ли его трансформация и эволюция?
- Какова реальная опасность ядерного потенциала КНДР для России?
- Каковы шансы денуклеаризации и выгода для России от нее?
- Каковы наши рычаги влияния в корейских делах?
- Насколько нашим интересам в СВА отвечает изменение статус-кво и насколько эти интересы совместимы с интересами партнеров (Запада и Китая), каковы пределы эффективного взаимодействия с ними?

Центральным вопросом для определения нашей стратегии остается прогнозирование перспектив существования КНДР и правящего в стране режима.

По правде говоря, нельзя абсолютно исключить вариант, прогнозируемый на Западе (тем более, его реализации там активно помогают), а именно коллапса режима. Способно ли северокорейское руководство достойно ответить на новые угрозы? Насколько адекватно нынешний «коллективный разум» (с Кимом или без него) реагирует на растущие вызовы — отсутствие прогресса в мирном урегулировании, экономические трудности, народные брожения?

Конечно, экономический кризис в КНДР носит перманентный, системный характер и до сих пор не сказался на устойчивости режима. Однако международные санкции и «экономические эксперименты» властей по искоренению рыночных отношений подтачивают терпение населения. Режим контроля над ним в последнее время стал давать сбои. В страну, несмотря на все меры по ее закрытию, стали проникать не только импортные товары (показывающие северокорейцам всю глубину их экономической отсталости), но и идеология свободы, масс-культура (в том числе южнокорейская). Пока что властям удается «держать крышку закрытой» — поддерживать стабильность, несмотря на хронический экономический кризис. Но борьба с «буржуазными проявлениями» не достигает цели. Ползучее наступление рынка продолжается. Осознанный выбор того или иного варианта реформирования, т.е. управления процессами, становится все более насущным. Однако разработать толковую стратегию реформ не удастся. Реформы несут в себе угрозу полной разбалансировки политической системы и краха государства.

Сверхзадача режима — обеспечение выживания государства и его политической структуры — встречает известное понимание и поддержку народа. Население в целом сохраняет лояльность властям, редкие протесты не выходят за рамки экономических поводов. Многолетняя пропаганда привела к тому, что значительная часть северокорейцев искренне убеждены в том, что проявление нелояльности руководству, «измена идеалам» будут иметь катастрофические последствия, а опасения оказаться «порабощенными» империалистами и южнокорейцами выглядят в этой системе координат достаточно логичными.

Проблема «престолонаследия» хотя и является вызовом для руководства, но вполне разрешима в рамках той модели (имеющей корни не столько в сталинском социализме, сколько в кон-

фуцианстве), которая сформировалась в Северной Корее. Можно ожидать, что после ухода Ким Чен Ира страной будет руководить группа его единомышленников, объединенных вокруг символической (для начала) фигуры сына «полководца». Она вряд ли допустит, чтобы экономические проблемы и проблема преемственности руководства поставили под угрозу ее власть.

Несмотря на распространенную в России «аллергию» к северокорейскому режиму, строить политику исходя из надежд на его падение нереалистично: правящая элита накопила запас прочности. С глубоко эшелонированной властью повязанного тысячами родственных и дружеских нитей правящего класса придется считаться и любому альтернативному руководству, тем же китайцам, даже если на повестку дня встанет возможность замены верхушки режима. Новые лидеры будут вынуждены опираться на выпестованную в течение десятилетий по «признаку крови» многотысячную номенклатуру. В ней случайных людей нет. Альтернативы ей в стране, с учетом особенностей северокорейского доступа к образованию и информации, тоже пока нет (на ближайшие несколько лет, во всяком случае).

Таким образом, ключом к нашей стратегии в корейском вопросе остается сохранение добрых отношений с руководством КНДР, при опоре на исторический капитал, в том числе с учетом смены поколений. В наших интересах с самого начала налаживать нормальные, а если получится — доверительные отношения со «старым—новым» руководством в Пхеньяне и пойти на определенные жертвы для восстановления экономических связей. Между тем из-за невнятной позиции России по многим вопросам — например, в эпизоде с ракетным пуском в апреле 2009 г. — руководство КНДР пошло на искусственное обострение отношений Россией (в плохом смысле этапным тогда же стал визит министра иностранных дел РФ, что подтвердил отказ Ким Чен Ира принять спикера Совета Федерации РФ С. Миронова в ноябре 2009 г.). Положение надо исправлять. Надо при этом понимать, что, хотя корректные и доброжелательные отношения выгодны обеим странам, следует избегать поддакивания Пхеньяну, спокойно и твердо обозначая свою позицию без попыток нравоучений и критики — в том числе о том, что Россия считала бы модернизацию режима и снижение его враждебности к окружающим полезным и необходимым.

Что касается наших стратегических подходов к проблеме объединения, хотелось бы высказать следующее предположение. В отношениях Севера и Юга дает о себе знать конфликт «социалистического» и «коммунистического» менталитетов, в существовании которого каждый из участников не отдает себе отчета, закидываясь на своей принадлежности к одной нации. На деле же корейцы на Севере и Юге превратились в практически разделенные суб-этноты, хотя и с почти одинаковым языком и общими традициями, и «спонтанное» объединение Кореи, по сути, не соответствует интересам не только правящих кругов, но и широких слоев населения обеих стран. Северокорейцы не готовы к вхождению в рыночно-демократическое общество (даже беженцы остаются на положении изгоев в Южной Корее), а Юг не желает и не способен взвалить на себя бремя «содержания» Севера.

России, не отрекаясь от поддержки объединения Кореи (не уточняя его сроков и характера), следовало бы озвучить мысль о том, что наименее болезненным вариантом развития событий был бы длительный период мирного сосуществования с постепенной конвергенцией, который мог бы привести к созданию единой государственности в той или иной форме (сначала, возможно, в виде конфедерации). Для этого необходимо создание системы поддержания безопасности на полуострове, основанной не только на взаимном сдерживании, но и на общепринятых нормах ненападения, уважения суверенитета и невмешательства. Такую мысль следовало бы последовательно проводить в отношениях с Южной Кореей. Упор надо делать на том, что мы поддерживаем только мирное урегулирование как ядерной проблемы, так и объединения. Однако это — дело перспективы, а сегодня главным для нас являются вопросы экономического сотрудничества, включая трехсторонние проекты.

Ядерный потенциал КНДР является фактором в большей степени политико-психологическим, чем военным. Использование ядерного оружия в военном конфликте крайне маловероятно, да и сам такой конфликт, именно в силу фактора ядерного сдерживания, может возникнуть лишь случайно или в результате внутреннего кризиса в КНДР. Непосредственная угроза для России от северокорейских ОМУ фактически сводится лишь к опасности непреднамеренного применения или несчастных случаев.

Налицо, однако, ущерб от нарушения принципов нераспространения. Надо признать, что дальнейшее совершенствование КНДР ядерных зарядов параллельно с развитием ракетных программ может привести к изменению военного баланса в регионе (в том числе «нуклеаризации» Японии, Южной Кореи, Тайваня), разрушению режима нераспространения, а поэтому мы заинтересованы в прекращении подобных программ КНДР. В этом наши интересы совпадают с интересами США, Японии и Южной Кореи. Однако хотелось бы прямо сказать, что сама по себе полная ликвидация уже имеющегося ядерного потенциала КНДР не является для нас абсолютным приоритетом, по отношению к которому все остальные цели носили бы подчиненный характер (как это декларируют вышеуказанные страны). Необходимо отдавать себе отчет в том, что если это произойдет без создания прочной системы коллективной безопасности в регионе, военные риски могут даже увеличиться. Слабым утешением служит то, что ядерный статус КНДР фактически (при условии, если удастся избежать развития потенциала ОМУ и тем более распространения) служит фактором поддержания мира в регионе.

Нельзя повторять ошибки 1990-х годов, когда, абсолютизируя интересы ядерного нераспространения, в том числе в качестве козыря в отношениях с США, мы оказались оттеснены от корейского урегулирования в целом. Для нас сохранение переговорного процесса на Корейском полуострове важно в первую очередь для обеспечения нашей вовлеченности в процессы в СВА, хотя и недопущение подрыва режима нераспространения, и предотвращение экспорта технологий массового уничтожения (особенно в исламские страны, в первую очередь в Пакистан) также важны. Однако это не означает, что мы должны полностью поддерживать американскую линию. Только самостоятельность наших позиций и отказ от блокирования как с США, Южной Кореей, Японией, так и с Китаем позволят сохранить нашу ценность для партнеров.

Надо посмотреть правде в глаза: при сохранении нынешних «правил игры» добровольной денуклеаризации КНДР ожидать не приходится. Если в рамках нынешнего переговорного процесса ликвидация ядерного потенциала КНДР практически недостижима, почему же мы должны ставить ее впереди других внешнеполитических приоритетов в регионе? Ведь даже не вполне ясно, что

вкладывается в понятие «денуклеаризация». Полный отказ КНДР от национальных ядерных программ в принципе невозможен, поскольку лишение страны права на мирные разработки противоречит принципам Договора о нераспространении. К тому же даже в этом случае будет сохранен научно-технический и людской потенциал, что означает возможность возобновить их в любой момент — а такая «денуклеаризация» противников КНДР не устроит. Очевидно, теоретически речь может идти о ликвидации только военного потенциала (оружия в войсках и запасов расщепляющих материалов), проверяемость которой, однако, упрется в проблему верификации. Закрытый характер общества КНДР исключает возможность верификации (в том числе возможных программ обогащения урана) в удовлетворяющих мировое сообщество масштабах. Поэтому следует признать, что денуклеаризация в широком смысле, т.е. достижение убежденности мирового сообщества в отсутствии у КНДР военного ядерного потенциала, невозможна без смены режима, — которая, однако, для большинства акторов неприемлема.

Единственной разумной альтернативой является обуздание ядерных амбиций КНДР и постепенное снижение значимости для Пхеньяна фактора ядерного сдерживания в целях прекращения им дальнейших ядерных разработок дипломатическим путем, ориентированным на декларативную неконкретизируемую цель «денуклеаризации» в отдаленном будущем. При таком понимании главным в переговорах становятся не технические вопросы сворачивания тех или иных аспектов программ, а ликвидация застарелых военно-политических противоречий и укрепление режима безопасности на полуострове и вокруг него.

Ключ к этому — гарантия сохранения статуса правящей политической элиты в КНДР, так что настойчивость Пхеньяна в получении гарантий безопасности путем первоочередного заключения мирных договоров со своими противниками вполне объяснима. Однако и в этом случае полный отказ КНДР от ядерного оружия не совпадал бы с внутривнутриполитическими целями руководства (поддержание имиджа «самостоятельной державы» внутри страны и за рубежом в целях охраны интересов правящей элиты). Таким образом, полный добровольный отказ режима КНДР от ядерного оружия в принципе возможен лишь в отдаленной перспективе

в случае исчезновения внешней угрозы и необходимости поддерживать «образ врага» для сохранения контроля за внутривнутриполитической ситуацией.

Понятно, что главную роль в корейском урегулировании играют США. Только они могут — во всяком случае, теоретически — дать гарантии безопасности для правящей элиты КНДР. Однако на деле правящий истеблишмент этой державы не готов смириться с существованием кимченировского режима по глубоким идеологическим соображениям и, даже в случае принятия Пхеньяном всех условий «денуклеаризации», будет стремиться к его демонстражу. США и их союзники по-прежнему делают упор на санкции и изоляцию Северной Кореи (в особенности на ограничения финансового доступа) в надежде на ослабление режима.

Кроме того, контролируемый уровень напряженности в СВА отвечает геополитическим целям США в качестве обоснования военного присутствия в регионе и военных союзов с Японией и Кореей, а также соответствует долгосрочной стратегии сдерживания Китая. США также стремятся лишить Пхеньян (упирая на его «плохое поведение» в контактах с Пекином) китайской поддержки.

Китай же никогда не пойдет на то, чтобы «сдать» Северную Корею (входящую в сферу его многовекового влияния) по причинам как геополитическим, так и военным (выход на границы американских войск), а также в связи с возможными территориальными притязаниями объединенной Кореи.

Реальные возможности для проведения самостоятельной политики в корейском вопросе Южной Кореей и Японией ограничены, несмотря на то что эти проблемы для них жизненно важны. Они вынуждены апеллировать к США для достижения устраивающих их решений, но не обладают правом их принятия.

Приходится сделать вывод, что для России сохраняемая при нынешнем раскладе конфронтационная стабильность в Восточной Азии, похоже, менее опасна, чем ее надлом, даже с учетом потенциальной угрозы для режима нераспространения. Вряд ли отвечает нашим интересам усиление здесь влияния как США, так и Китая, равно как и рост конфронтации между ними. Именно сохранение статус-кво, включая независимость КНДР (вне контекста ее социального устройства) позволило бы избежать здесь крупных сдвигов в расстановке сил.

Поддержка переговоров в шестистороннем формате продиктована для нас тем, что только они могут обеспечить управляемость ситуации с нашим участием. Важно, с этой точки зрения, активизировать усилия по подготовке концепции многостороннего механизма безопасности и сотрудничества в регионе — за что Россия отвечает в рамках шестистороннего процесса.

В наших интересах поддерживать все шаги в направлении нормализации обстановки — признание КНДР Западом, развитие межкорейских отношений. Имеются определенные возможности для совместных усилий России с США и странами Запада для предотвращения незаконного оружейного экспорта КНДР, недопущения дальнейшего разрушения ею режима нераспространения. Ситуация на Корейском полуострове — одна из немногих международных проблем, где у нас нет особых противоречий с США на уровне практической политики (а не на стратегическом), а возможно сотрудничество, особенно с демократической администрацией — а значит, в этом проекте Вашингтон объективно может воспринимать Россию как «ответственного акционера».

В дипломатическом процессе следовало бы, по нашему мнению, упирать на то, что сегодня на повестке дня должно стоять «замораживание» имеющегося ракетно-ядерного потенциала КНДР при принятии ею обязательства не претендовать на признание в качестве ядерной державы, выполнять требования ДНЯО (возможно, пребывая в нем в «особом» статусе). Далее, надо стремиться к отказу от военного ядерного компонента в будущем, когда удастся найти развязки по ее озабоченностям. Возможно стремиться к созданию зоны, свободной от ядерного оружия, хотя необходимо определить границы подобной зоны таким образом, чтобы это не снизило наши военные возможности. Цель денуклеаризации отодвигается «за горизонт», но выигрыш в плане политической стабилизации и остановки «размывания» режима нераспространения очевиден.

Отдаленность цели денуклеаризации Корейского полуострова означает необходимость постановки более конкретных целей. Недопустимо, чтобы от прогресса (или его отсутствия) на денуклеаризационном треке зависело продвижение на треках, посвященных вопросам безопасности. При этом декларировать цель денуклеаризации, разумеется, необходимо и дальше, — несмотря

на то что де-факто ядерный статус КНДР для интересов России представляет наименьшую, по сравнению с другими участниками, опасность. Однако ясно, что санкциями денуклеаризации и снижения конфронтации не добьешься, — поэтому стоило бы трезво проанализировать их эффективность и необходимость участия в столь жестком режиме России (тем более, что результатом является лишь возрастание зависимости КНДР от Китая).

Существует определенная опасность, что центр тяжести принятия решений переместится в формат, обсуждающий новый режим поддержания мира (США—РК—КНДР и КНР). В связи с этим особое значение приобретает рабочая группа по механизму мира и безопасности в рамках шестистороннего процесса, особенно выработка и принятие всеми участниками руководящих принципов будущего мирного режима.

Позиции России в СВА никогда не будут сколько-нибудь прочными, если не произойдет решительного расширения нашего экономического присутствия в регионе, в том числе на Корейском полуострове. Например, стратегия на превращение России в энергетическую сверхдержаву имеет в Восточной Азии весьма благоприятные возможности для реализации. И Корейский полуостров играет в этом не последнюю роль.

В таком контексте наше содействие КНДР в энергетике имеет не только узко северокаорейское измерение. Кое-что начато, но дела и со строительством ЛЭП через Север на Юг Кореи, и с модернизацией построенных нами электростанций пока не движутся с места. Не говоря уже о пока что утопической идее газопровода через северокаорейскую территорию (хотя она и явилось предметом российско-южнокаорейских договоренностей, что для России можно считать хорошим заделом на будущее). Вряд ли проекты реализуемы при нерешенности проблемы финансирования, в том числе кредитного, а на его пути стоят проблемы северокаорейского долга. Пора, наверное, найти ее решение, отдавая себе отчет в том, что возврата долга ждать не приходится.

Не стоит забывать и про транспортные проекты — прежде всего железнодорожного транзита с Юга через Север на Транссиб. Он сулит миллиардные доходы всем участникам и рано или поздно будет реализован, хотя нынешнее обострение межкорейских отношений затормозило реализацию уже согласованных в трех-

стороннем формате планов. Показательным примером могли бы стать меры по реанимации первого этапа — строительства ветки Хасан—Раджин для транспортировки контейнеров из Южной Кореи, неспособность реализовать который сеет определенные сомнения в серьезности России как партнера и в ее реальной заинтересованности в корейских делах.

Нельзя сбрасывать со счетов и вопрос строительства АЭС на легководных реакторах в КНДР: для России то или иное участие в этом проекте (хотя бы в поставках периферийного оборудования и ядерного топлива) важно не только по экономическим, но прежде всего по престижно-политическим соображениям.

*Н. Ф. Бугай**

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ И РОССИЯ В 1990-е ГОДЫ — НАЧАЛЕ XXI в.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

К началу 1990-х годов были созданы все предпосылки для установления между Республикой Корея и Союзом ССР, Россией дипломатических отношений, которым исполнилось в этом году 20 лет. Корейцы проживают как в КНР, США, Австралии, так и в России и других государствах СНГ. По приблизительным данным, они составляют в государствах СНГ более 550 тыс. человек, непосредственно в России — около 200 тыс. человек.

Роль корейской общины в России заметно возросла, она стала ощутимой в российско-корейских отношениях. В связи с этим приобретает особую актуальность проблема взаимовосприятия России и Кореи (КНДР, Республики Корея), российских корейцев, имеющая свою глубокую историю, оставаясь при этом органичной составляющей укрепления отношений между Россией и государствами Корейского полуострова, воспитания культуры межнационального общения.

Изучение проблемы российских корейцев в системе межнациональных отношений в Советском Союзе, России позволило выделить в качестве самостоятельной такую важную, имеющую не только научное, но и практическое значение, тему, как восприятие этнической общности. Дело в том, что перестройка систем управления обществом, межэтническими отношениями, коренные изменения в бывшем Союзе ССР, а затем и его распад обострили вопросы взаимоотношений между этническими общностями.

В условиях повышенной этнической мобильности в 1990-е годы для многих общностей в России стало приоритетной за-

* ИРИ РАН, г. Москва.

дачей правильно сориентироваться в условиях перехода к совершенно новым отношениям в общественном развитии — к рыночным отношениям. В такой ситуации проявилась более отчетливо и сфера отношений между группами населения, принадлежащих к одной и той же этнической общности, однако проживающих на разных континентах и в разных государствах.

Несмотря на короткую историю дипломатических отношений, Россия и Республика Корея добились значительного развития контактов на разных жизненных направлениях, в торговле. Сфера культуры в этом плане не является исключением, и в конкретных случаях проявлялась ее особая активность. В Республике Корея получили широкую известность балетные и оперные труппы, которыми по праву гордится Россия, а также многие коллективы и деятели культуры и искусства, работающие в других областях и жанрах. «И в России наблюдается тенденция к постепенному расширению знаний и представлений о корейской культуре»¹, — замечал посол Чон Тэ Ик.

Конечно, изучению явления содействует наличие богатой историографии² участия советских корейцев в защите завоеваний Октября 1917 г., в партизанском движении времен Гражданской войны на Дальнем Востоке, в строительстве союзного государства в 1920-е годы, в проводившихся социалистических преобразованиях последующего периода. В этих трансформациях корейцы, и особенно на Дальнем Востоке, играли не последнюю роль³. Они также проявили себя с положительной стороны и в других регионах Советского Союза. Важное место занимали корейцы в развитии национального корейского движения, во взаимодействии с другими этническими общностями, в общественно-политической работе уже начиная с 1917 г.⁴

Для Кореи длительное время была характерной освободительная борьба за свое самостоятельное существование. Об этих событиях неоднократно писали в своих исследованиях, записках и духовные миссионеры, и путешественники, и ученые, и дипломаты, т.е. те, кто первыми прокладывали тропу дружбы между народами России и Кореи. Отсюда неоспорим тот факт, что история отношений корейцев с народами России берет свое начало в далеком прошлом. Конечно, связующим элементом в территориальном отношении выступал Дальний Восток России.

Этим проникнуты и многие художественные произведения, театральные постановки, основанные на событиях прошлого, которые в значительной мере помогают зрителю ощутить дух отношений между народами. Историческим событиям своей страны, духовным связям с другими странами в Корее придают особое значение.

В начале октября 2003 г. в Москве посольством Республики Корея (посол Чон Тэ Ик) было организовано выступление одного из ведущих театральных коллективов Республики Корея — «Современного театра». Требовательному и благодарному российскому зрителю был представлен на суд мюзикл «Пхальман тэчжангён».

Сюжет мюзикла «Река вечной любви» по своему содержанию впечатляет. Он построен на исторических событиях XIII в. Эти события связаны с созданием корейцами 81 258 ксилографических форм-клише с текстом буддийских священных писаний, которые были предназначены в дар Будде, чтобы он защитил королевство Корё и помог спасти страну от порабощения в тяжелые годы войны.

Полный текст буддийского канона был вырезан на деревянных досках буддийскими монахами, которые в молитвах обращались к Будде, прося о покровительстве и защите. Это было «выражением страстного желания народа вымолить покровительство и защиту Будды, чтобы отстоять независимость своей родины». Спектакль тепло воспринимался российским зрителем.

В связи с этим событиям прошлого была дана емкая, всесторонняя и корректная оценка дипломата — посла Республики Корея в Российской Федерации Чон Тэ Ика. По этому поводу он констатировал: «В процессе этой борьбы корейский народ познал мудрость и ценность национального единения. Великий русский художник Рублев выражал дух сопротивления монгольским завоевателям в иконах, а корейский народ передал и воплотил это чувство в ксилографических досках с выгравированными на них текстами сур, число которых составляет более 80 тыс.»⁵. Именно таким образом воспринимает дипломат события минувших времен, наполняя их смыслом глубокого содержания.

Обращение к истории позволят сделать позитивные выводы об идентичности помыслов и действий в то далекое время народов

корейского и русского государств. Их объединяла борьба с врагами. Это мы должны понимать и помнить. Посол Чон Тэ Ик в связи с этим напоминает, что в России говорят: «История наказывает тех, кто ее не помнит»⁶.

Непосредственно само событие — выступление театра в России (2003 г.) — имело большое значение не только как примечательное в области культуры, но и как историческое явление. Такие мероприятия «дают возможность, — замечал Чон Тэ Ик, — почувствовать дух общей истории, сыграть роль моста для углубления двустороннего взаимопонимания и сотрудничества»⁷. Именно через культуру народы больше всего познают друг друга, становятся толерантными и сознательно воспринимают друг друга⁸.

Эта же точка зрения поддержана и в исследовании директора Института истории христианства (Республика Корея) Ли Ман Еля⁹, прикоснувшегося к проблеме добровольного переселения и вопросов обустройства корейцев в России.

Можно считать, замечает Ли Ман Ель, что первые иммигранты начали появляться в России с 1860-х годов, точнее в 1-й половине шестидесятых годов. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней дневники и записи первых поселенцев. Так, в одном из дневников, найденных Ли Ман Елем, констатировалось: «...Весной 1864 г. Чве Ун Бо, уроженец Мусана, и Ян Ын Сик, уроженец Кенхына, вдвоем тайно перебрались через реку Туманган в местечке Чжисинхэ (Тизинхэ. — *Н.Б.*), располагавшемся в районе Енджу (Приморье. — *Н.Б.*), где и занимались хлебопашеством на целинной земле...»¹⁰.

По мнению автора статьи, «они были пионерами освоения новой земли. Их мужественные поступки послужили примером, нашли много последователей»¹¹. Первые исторические документы свидетельствуют и о стремлении местного населения и прибывавших на поселение на Дальний Восток корейцев познать друг друга. Конечно, к корейцам по-разному относилось местное начальство. Неодинаковой была и позиция к ним казачьих атаманов, губернаторов края.

Тяжелое экономическое положение первых переселенцев из Кореи, преодоление выпавших на их долю трудностей за более чем 2 десятилетия проживания на российской земле облегчала и Сеульская конвенция между Россией и Кореей (1884 г.), когда

проблемы проживания корейцев на территории России переводились впервые на юридическую основу взаимоотношений двух государств.

Царское правительство, заинтересованное в то время в заселении пустовавших территорий Дальнего Востока, поощряло иммиграцию корейцев небольшими группами. Однако в целом миграция строго регулировалась со стороны царской администрации, поэтому не случайными были и постоянные ограничения географического района проживания корейцев.

Вероятно, сказывалось проявление на практике разработанной известными специалистами по военной статистике XIX в. В. Золоторевым, А. Макашевым и Н. Обручевым доктрины «географии неблагонадежности». Она исходила из территориальной дифференциации и соотношения с конкретной местностью «благонадежного» и «неблагонадежного» населения. Только те районы считались благоприятными по благонадежности, где русское население составляло не менее половины. Градиент благонадежности сокращался по мере продвижения от центра к окраинам империи¹². В 1898 г. численность корейцев составила 23 тыс. человек, а в 1903 г. — уже 32,41 тыс. человек.

Корейцы занимались во многих сферах хозяйствования. Рабочие-корейцы пользовались заслуженным авторитетом на строительстве транспортных коммуникаций на Дальнем Востоке, были известны как создатели телефонизации Транссиба на участке Владивосток — Хабаровск, а также на других участках сибирской магистрали.

Как известно, в царской России корейцы были приверженцами буддистской или православной веры. Например, насколько серьезно корейцами было воспринято православие, косвенно можно судить по тому факту, о котором сообщалось в Забайкальских епархиальных ведомостях (1914, № 20): 30 прихожан-корейцев читинской Миссионерской церкви обратились к архимандриту Ефрему с выражением желания пойти на войну добровольцами. Отец Ефрем их благословил и посоветовал обратиться к военному губернатору.

Отслужив молебен, отец Ефрем обратился с словом, в котором сказал: «Корейцы, приняв православие, идут теперь в ряды русских защитников России, этим доказывают, что они возлюбили ее, вторую родину, за которую готовы положить жизнь»¹³.

Очевидно не случаен и тот факт, что царское правительство откликнулось положительно на предложение отметить 21 сентября 1914 г. историческую дату — 50-летие переселения корейцев в Россию. Однако по известной причине это не увенчалось успехом. Безусловно, это было связано с началом войны¹⁴.

Хотя это не совсем так. Ли Ман Ель приводит интереснейший документ, который свидетельствует о том, что все-таки празднества, приуроченные к 50-летию добровольного переселения корейцев в Россию, были. Они проводились по инициативе местного общественного движения и его участников. Ли Ман Ель пишет: «Позднее по инициативе “Квонопхве” (Общества поощрения промысла и промышленности, организованного приморской корейской общиной) широко отметили даже 50-летие иммиграции корейцев. Днем иммиграции было решено установить 21 сентября. В связи с торжественными мероприятиями по случаю этого праздника газета «Квонопхве синмун» писала: «...21 сентября по русскому календарю было установлено Днем иммиграции»¹⁵.

Надо констатировать, что кратковременная эйфория этнической свободы, порожденная свержением царизма в России и Гражданской войной против «белой гвардии», стремительно переходит к «красному террору», закрытию или ликвидации многочисленных национальных (нерусских) общественных организаций местного, городского, областного и краевого уровней. Причем, с самого начала репрессивной национальной политики сталинизма корейцы не были изолированной сферой. Добровольно-принудительная натурализация сопровождалась вымыванием из текста Конституции СССР (1936 г.), Конституции РСФСР (1937 г.) понятия «национальные меньшинства».

Политические репрессии против корейского населения Приморья и других реально обитавших в Союзе ССР нацменьшинств резко усиливались по мере обострения международной ситуации. Как замечает профессор В. Ф. Ли, «своего рода политическая паранойя в отношении “японского шпионажа”» приводила на практике к тому, что массовые аресты охватили наиболее образованных представителей местной интеллигенции, руководящие кадры в промышленности, сельском хозяйстве, народном образовании, командном составе вооруженных сил Особой Краснознаменной дальневосточной армии (ОКДВА)».

Именно в самый разгар репрессивных воздействий на граждан 24 июня 1938 г. была принята Директива Наркомобороны СССР за № 200/ш. Основное требование ее сводилось к тому, чтобы немедленно были изгнаны из сферы обороны не только корейцы, но также поляки, немцы, румыны, латыши, эстонцы и представители других этнических общностей. Противоправные акции как раз и привели «к дезорганизации всей военной машины, к потере инициативы, нагнетанию в государстве нервозности, страха»¹⁶.

По мнению современных исследователей, все более масштабные репрессии, переходившие то и дело в государственный терроризм, «были вызваны отсутствием жизненной основы для нормального функционирования централизованно сконструированного социалистического хозяйства». Аргументация этого тезиса сводится к тому, что «почти все интересы личности в Союзе ССР оказались враждебными реалиям социализма, у любого начинающего появлялись все новые и новые враги».

Российские корейцы рассматривались послом РК Чон Тэ Иком в качестве «связующего звена», и в то же время российско-корейские отношения (Россия — Республика Корея. — *Н.Б.*) по своему сроку давности — как «молодые отношения». Посол видел в этом явную возможность «для обогащения всего российского общества посредством совместного взаимодействия среди различных этнических групп»¹⁷.

Что это именно так, свидетельствуют и оценки других дипломатов, а также лидеров общественных объединений России. Посол РФ Т. О. Рамишвили в своих оценках констатировал, что в его понимании «российские корейцы — граждане Российской Федерации — это связующий мост между Россией и государствами Корейского полуострова». Президент ОО «Бомминрен» Г. М. Ли 15 мая 2003 г. писал: «Корейцы в российском обществе занимают достойное место благодаря доброжелательному отношению к ним со стороны коренных россиян, и своему трудолюбию, и природному складу ума».

6 февраля 2004 г. председатель правительства РФ подписал распоряжение № 149-р о проведении в 2004 г. мероприятий, посвященных 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Это был первый исторический документ, появившийся за период полуторавекового проживания корейцев в России, до-

кумент, свидетельствующий об отношении государства к судьбе этнических меньшинств.

Отношения между странами в начале XXI в. подтверждают позитивные тенденции их развития, и особенно в сфере образования, культурных связей. Узлы дружбы между Российской Федерацией и Республикой Корея укреплялись. Во время беседы с послом Т. О. Рамишвили, проходившей в июне 2002 г., будущий президент РК Но Му Хен заявил, что «корейский народ с симпатией относится к России и верит, что Россия преодолет нынешние сложности и станет снова влиятельной державой»¹⁸.

На наш взгляд, в плане расширения контактов, более глубокого познания культуры корейского народа имеется еще множество неиспользованных возможностей. Так, Россия была выбрана стартовой площадкой для сближения литераторов, «глобализации корейской литературы». Литературные связи России и Кореи имеют давние традиции, еще 106 лет назад в Петербурге был открыт первый корейский факультет¹⁹. Разумеется, ученые-литературоведы обязаны заботиться о популяризации русской и корейской литературы в своих государствах. По этому поводу еще посол Ли Ин Хо замечала: «... Мы почти не знаем писателей советского периода. Но сейчас это внимание возрождается..., появилась группа переводчиков с русского языка...».

Одним словом, для популяризации достижений русской и корейской литературы имеются веские основания: влияние русской классической литературы на корейскую литературу, наличие учебных заведений, где функционируют факультеты корейского языка, интерес российских корейцев, граждан других национальностей Российской Федерации к культуре Кореи.

Уважение к сложившимся традициям, бережное сохранение богатого накопленного жизненного опыта народами России и Кореи, уважительное отношение к их истории, к участникам войн, к символам государственной власти — все это подтверждение развития активных отношений государств с другими народами, толерантном восприятии их друг другом.

Таковы реалии современности. Ученые, обществоведы должны бережно относиться ко всему тому, что накоплено позитивного в наших отношениях как между государствами, так и собственно между народами, восприятию их друг другом, во взаимопонима-

нии. Необходимо постоянно приумножать накопленный опыт новыми контактами, наполнять эти отношения во имя строительства государств — Российской Федерации, единой Кореи, в которых народы проживали бы комфортно, проявлять искреннюю заботу друг о друге, создавая все условия для поддержания мира и гражданского согласия.

¹ Пресс-релиз мюзикла «Река вечной любви» на сцене театра «Новая опера» в Москве. М., 2003. С. 4.

² Пак Б.Д. Образ жизни и занятия корейских переселенцев на русском Дальнем Востоке. МДН, 2000; Сагитова И.О., Прозорова Г. Миссионерские станы для корейцев-русскоподданных на территории Приморского края (вторая половина XIX в. — начало XX в.). Владивосток, 2007; Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004; Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: ИВ РАН, 2004 и др.

³ См.: Крупник И. Национальный вопрос в СССР: поиски объяснений. Век. Рига, 1990. № 33; Науко Ока. Корейцы в современном Казахстане: стратегия выживания в роли этнического меньшинства // Диаспоры. 2001. № 2-3; Бугай Н. Ф. «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации. М., 2005; Ли В. Ф. Культурно-национальная автономия и возрождение корейской диаспоры в России // Диаспоры национальных меньшинств в Китае и России. Сеул, 2000; Сим Л.М. Культура корейцев юга России // Культурная жизнь юга России. Краснодар, 2006. № 4 и др.

⁴ Сим Хон Енг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX в. // Отечественная история. М., 1998; Бугай Н.Ф., Сим Хон Енг. Общественные объединения корейцев в России: конститутивность, эволюция, признание. М.—Сеул, 2004 и др.

⁵ См.: Пресс-релиз к мюзиклу «Река вечной любви». Указ. соч. С. 7.

⁶ См.: Ариран. 2002. № 7.

⁷ Пресс-релиз к мюзиклу «Река вечной любви». Указ. соч. С. 4.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ См.: Ли Ман Эль. Иммиграция корейцев в Российское Приморье. Ее социально-историческая обусловленность. Рукопись. Из архива пастора Ли Хен Кына.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Сабанчиев Х.-М. А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е годы — начало XXI). Дис. ... д.и.н. Ростов-на-Дону, 2007. С. 67–69.

- ¹³ Цит. по: *Бугай Н.Ф.* Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI в.). М., 2007. С. 30.
- ¹⁴ *Ли Ман Ель.* Иммиграция корейцев в Российское Приморье. Ее социально-историческая обусловленность. Указ. соч.; Письмо Г. М. Ли министру Российской Федерации Ю. Зорину от 15 мая 2003 г.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Сон Ж. Г.* Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920–1930-е годы. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *Ким Е. У.* Президентские выборы в Южной Корее // Ариран. 2002. № 10.
- ¹⁹ Из дневниковых записей автора.

*Д. Н. Верхотуров**

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖКОРЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОСМОСЕ

Два корейских государства сделали решительные шаги на пути развития ракетных технологий. 5 апреля 2009 г. КНДР осуществила запуск ракеты-носителя «Ынха-2» с полигона Мусудан, 25 августа 2009 г. РК осуществила запуск своей ракеты KLSV-1 с космодрома Наро.

Ракеты-носители имели сопоставимые характеристики. «Ынха-2», по оценкам специалистов, может выводить полезную нагрузку 100 кг на орбиту до 400 км¹, а KLSV-1 – нагрузку в 100 кг до 300 км.

Оба запуска оказались неудачными. Северокорейская ракета не вышла на орбиту из-за отказа системы разделения 2-й и 3-й ступеней и упала в Тихий океан. Южнокорейская ракета вышла на орбиту, но из-за отказа системы отделения головного обтекателя спутник не вышел на орбиту.

Иными словами, корейские государства находятся примерно на одном уровне развития ракетных технологий. Они имеют ракеты-носители, способные вывести около 100 кг полезной нагрузки на орбиту высотой 300–400 км (табл. 1).

Примерно к одному уровню корейские государства пришли разными путями. КНДР создала трехступенчатую ракету-носитель с жидкостными реактивными двигателями с равным удельным импульсом. РК пошла по пути комбинирования мощной первой ступени с жидкостным двигателем российской разработки РД-190 с твердотопливной второй ступенью KSR-I.

Результаты запусков показывают принципиальную работоспособность ракет-носителей. Однако у обоих корейских государств практически одинаковые технические проблемы, из-за которых

* Агентство Илбек-Сибирь, Москва.

Таблица 1

Параметры корейских ракет-носителей

Ракеты-носители	Первая ступень		Вторая ступень		Третья ступень	
	Удельный импульс, сек	Время работы, сек	Удельный импульс, сек	Время работы, сек	Удельный импульс, сек	Время работы, сек
Унха-2 *	225	120	255	110	270	40
KSLV-1 **	338	330	250	25	-	-

Примечания

* David Write. An Analysis of North Korea's Unha-2 Launch Vehicle. March 20, 2009. <http://www.ucsusa.org/assets/documents/nwgs/Wright-Analysis-of-NK-launcher-3-18-09.pdf>

** Первая ступень – РД-190 (ГКНЦ им. Хруничева), вторая ступень – KSR-1 (Korea Aerospace Research Institute).

запуски оказались неудачными: сбои в работе систем разделения ступеней и обтекателя полезной нагрузки.

Состояние ракетных технологий обоих корейских государств в этом отношении можно оценить как пороговое состояние перед успешным выводом собственных космических аппаратов (КА) собственными ракетами-носителями со своей территории. Видимо, в течение 5–6 лет оба корейских государства войдут в число стран, обладающих собственными ракетами-носителями.

Сопоставимый уровень развития ракетных технологий в обоих государствах позволяет им когда-либо ставить вопрос о возможном сотрудничестве в области космонавтики. Наличие работающих, оборудованных космодромов (Мусудан – в КНДР, Наро – в РК), наличие ракет-носителей, которые в принципе способны выводить полезную нагрузку на околоземную орбиту, создает для такого сотрудничества благоприятные условия.

Обзор международных космических проектов позволяет создать определенную типологию схем двухстороннего сотрудничества (табл. 2).

В настоящее время наиболее распространены 3-й и 4-й типы сотрудничества, в которых один из партнеров (обычно NASA, ESA) выполняет запуски космических аппаратов, тогда как другие партнеры предоставляют оборудование, размещаемое на КА, и участвуют в выполнении совместных программ. Подобный подход

Таблица 2

Типология схем двустороннего сотрудничества

Схема	Тип сотрудничества	Пример
1	1. Раздельный запуск 2. Собственные КА 3. Совместные программы в космосе	«Союз»– «Аполлон»
2	1. Запуск КА одним из партнеров 2. Совместное создание КА 3. Совместные программы в космосе	Akari, IRAS
3	1. Запуск КА одним из партнеров 2. Предоставление оборудования 3. Совместные программы в космосе	«Луноход-1»
4	1. Запуск КА одним из партнеров 2. Создание КА одним из партнеров 3. Совместные программы в космосе	«Мир»

к сотрудничеству позволяет расширить круг участников космических программ и привлечь к нему страны, не обладающие ракетными технологиями, позволяющими построить ракету-носитель.

Однако корейские государства, в силу определенных условий, обладают ракетными технологиями, следовательно им доступны 1-й и 2-й типы сотрудничества.

Сегодня может быть высказано возражение, что межкорейское сотрудничество в космосе невозможно из-за политических разногласий. Признавая всю сложность этих отношений, тем не менее можно утверждать, что в принципе сотрудничество в космосе возможно даже в условиях политической конфронтации.

История сотрудничества в космосе знает пример прямого сотрудничества между странами, находящимися в остром военно-политическом соперничестве. Речь идет о программе совместного экспериментального полета советского космического корабля «Союз-19» и американского космического корабля «Аполлон».

Поиски путей сотрудничества в космосе двух сверхдержав заняли длительное время. Так, первые попытки СССР предложить сотрудничество в космосе относятся к 1959 г.² После продолжительных переговоров договоренность была достигнута, несмотря на сложную международную обстановку.

24 мая 1972 г. было заключено Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, которое утвердило программу совместного экспериментального полета. Программа предусматривала испытание системы сближения на орбите, стыковочных агрегатов, проверку техники. Также программа предполагала изучение возможности управления ориентацией состыкованных кораблей, проверку межкорабельной связи и координации действий советского и американского центров управления полетом.

Полет проходил с 15 по 19 июля 1975 г., в ходе которого 17 июля в 19 час. 12 мин. была совершена стыковка «Союза» и «Аполлона», а 19 июля совершена повторная стыковка кораблей. Время полета в состыкованном состоянии составило 46 час. 36 мин.

Несмотря на значительные сложности, в частности разный способ поддержания атмосферы на советском и американском кораблях («Аполлон» имел атмосферу чистого кислорода и пониженное давление, а «Союз» — атмосферу, близкую к земной по составу и давлению), эксперименты прошли успешно и программа полностью выполнена.

И хотя сотрудничество не было устойчивым, определенная тенденция к нему имела место. 15 апреля 1987 г. между СССР и США было подписано соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, в рамках которого было утверждено 16 совместных проектов³. До этого соглашения также осуществлялись многочисленные научные контакты и обмен информацией по ряду космических программ, в частности исследования планет и межпланетного пространства.

Другим важным международным проектом была орбитальная станция «Салют-8» («Мир»), которая находилась на орбите с 19 февраля 1986 г. по 23 марта 2001 г., в течение 5511 дней, в том числе была обитаема 4594 дня. На ней работали 104 космонавта из 12 стран.

Эти примеры указывают на принципиальную осуществимость мирного сотрудничества в космосе, даже несмотря на политическую конфронтацию между партнерами. Более того, стремление к развитию космонавтики само по себе является фактором разрядки напряженности и улучшения политических отношений.

В свете сказанного можно предложить некоторую возможность межкорейского космического проекта, учитывающего достижения двух государств в области создания ракет-носителей и космических аппаратов.

Во-первых, оба государства могли бы развернуть сотрудничество в сфере доводки ракет-носителей. Наиболее важный этап — создание работоспособных ступеней ракет-носителей, который в наибольшей степени был связан с военными ракетными технологиями, — обоими государствами уже пройден. Однако пока и те и другие корейцы испытывают трудности в области работы систем последних ступеней в условиях космоса, и эти проблемы были причиной неудачи обоих запусков. На этом этапе сотрудничество может идти в области исследования и улучшения работы механизмов и автоматики последних ступеней ракет-носителей.

Во-вторых, следующим этапом сотрудничества может быть разработка и запуск спутника, с выходом на создание орбитальной группировки, причем в программе из 5–6 запусков могут быть поочередно задействованы северокорейские и южнокорейские ракеты-носители.

В-третьих, еще одним направлением сотрудничества может быть отработка маневрирования и стыковки на орбите КА с выходом на сборку в космосе более сложных КА из отдельно запускаемых частей.

В-четвертых, совместные эксперименты и научные программы в космосе с использованием КА собственной разработки, а в перспективе и участие в международных космических программах.

Дальнейшее сотрудничество зависит от прогресса ракет-носителей и увеличения веса полезной нагрузки. Однако, думается, на ближайшие 15–20 лет будет достаточно и достигнутого уровня.

Можно говорить о некоторых выгодах от межкорейского сотрудничества в космосе.

Сотрудничество в космонавтике можно рассматривать как фактор улучшения отношений двух государств и общей обстановки на Корейском полуострове.

Главный позитивный момент — это вовлечение КНДР в мирное использование космоса и перевод значительной части северокорейских ракетных технологий из военной в мирную сферу,

конверсия ракетной программы. Активное вовлечение КНДР в такое сотрудничество объективно приведет к сокращению военных ракетных программ, поскольку у северокорейцев нет ресурсов для одновременного развития сразу двух ракетных программ. Одновременно это позволит им «сохранить лицо» и использовать собственные наработки в области ракетной техники, отказ от чего их руководство считает совершенно неприемлемым.

¹ *David Write*. An Analysis of North Korea's Unha-2 Launch Vehicle // March 20, 2009. URL: <http://www.ucsusa.org/assets/documents/nwgs/Wright-Analysis-of-NK-launcher-3-18-09.pdf>

² *Edward Ezell & Linda Ezell*. The Partnership: A History of the Apollo-Soyuz Test Project. URL: <http://www.hq.nasa.gov/office/pao/History/SP-4209/ch1-3.htm>

³ Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях от 15 апреля 1987 г.

*А. И. Ефимова**

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ КНДР

Стремление Европейского союза занять собственное место в решении корейского вопроса было частью курса на повышение политической роли ЕС в урегулировании международных проблем. Активное вовлечение Евросоюза в урегулирование северокорейской ядерной проблемы должно было весомо повысить его международный статус как глобального центра силы.

С момента установления отношений с Северной Кореей в 2001 г. Европейский союз достаточно последовательно проводил «политику вовлечения». Еще до установления официальных отношений ЕС являлся одним из основных доноров гуманитарной помощи, а также спонсором КЕДО (Korean Peninsula Energy Development Organization — Организации содействия развитию энергетики Кореи). С 1995 г. ЕС предоставил помощь Северной Корее на общую сумму в 366 млн евро — в виде продовольственной, гуманитарной, медицинской и технической помощи¹.

В ходе второго ядерного кризиса Евросоюз избрал довольно жесткую линию поведения, сблизив свои позиции с линией администрации США.

В декабре 2009 г. ЕС утвердил дополнительные санкции в отношении Северной Кореи, внеся также в черный список 12 высокопоставленных ее деятелей². Ранее, в июле 2009 г., ЕС уже ввел подобные санкции в дополнение к санкциям Совета Безопасности ООН от 12 июня 2009 г. (резолюция СБ 1874).

Помощь развитию экономики страны была заморожена до разрешения ядерной проблемы. Европейский союз также больше не оказывает продовольственную помощь КНДР. На сегодняшний день приоритеты Евросоюза в отношении КНДР сосредото-

* МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва.

чены в сфере технической помощи и образовательных программ (в области сельского хозяйства). ЕС осуществляет только техническую помощь КНДР, утвержденную Европейской комиссией. В этих рамках на период с 2007 по 2010 г. было выделено 35 млн евро. Помощь предоставляется, главным образом, в сфере сельского хозяйства — в виде поставок оборудования и удобрений, а также поддержки деятельности неправительственных организаций на местах, осуществляющих образовательную работу в области сельского хозяйства.

Осуществление проекта по содействию в проведении экономических реформ в КНДР приостановлено на неопределенный срок. Не в последнюю очередь это связано и с отсутствием заинтересованности со стороны Пхеньяна: процесс частичной либерализации экономики, начатый в 2000-е годы, был де-факто свернут.

Европейский бизнес, со своей стороны, также проявляет сдержанный интерес к проектам в Северной Корее. В 2005 г. была основана European Business Association — независимая организация, объединяющая европейские компании в КНДР. Существует несколько совместных проектов. Среди них — совместные фармацевтические предприятия PyongSu Pharma, Korean-Polish Joint Venture, Nosotek и др.³

Осуществляя одну из центральных задач общей внешней политики — продвижение прав и свобод человека в отношении КНДР, Европейский союз использовал комбинацию инструментов «политики кнута и пряника». С одной стороны, пытаясь вовлечь КНДР в диалог и сотрудничество в обмен на помощь в различных сферах, с другой — выступая инициатором критических резолюций и докладов о положении дел в стране.

Европейская комиссия публикует ежегодный доклад по правам человека. Европейский парламент также неоднократно принимал резолюции о ситуации с правами человека в КНДР. По инициативе Евросоюза вопрос о нарушении прав человека в КНДР поднимался в ходе заседаний Генеральной ассамблеи, Третьего комитета, заседаний Совета по правам человека ГА ООН. Прежде всего выражается беспокойство по поводу практикующихся в КНДР смертных казней. Во-вторых, поднимается вопрос о мигрантах из КНДР, которые пересекают границу с Китаем. В-третьих, выражается обеспокоенность продовольственной ситуацией в стране.

В целом, можно констатировать тот факт, что инициатива диалога по правам человека и политического диалога ЕС с КНДР не получила эффективного развития.

Так, в марте 2009 г. состоялся последний визит «тройки» в Пхеньян (предшествующий визит был в декабре 2007 г.). Официальные сообщения о результатах проведения таких переговоров малоинформативны и ограничиваются, в основном, перечислением затронутых в ходе переговоров тем. В тексте ежегодного доклада ЕС по правам человека 2008 г. отмечается, что ситуация с соблюдением прав человека в КНДР продолжает оставаться сложной, а призывы ЕС и инициативы ООН на практике остаются без внимания со стороны Пхеньяна⁴.

Более полная информация о взаимодействии КНДР с соответствующими международными органами в сфере прав человека содержится в материалах ООН. Так, в декабре 2007 г. КНДР проголосовала против резолюции ГА ООН о моратории на смертную казнь. Не признан мандат докладчика по вопросу о положении в области прав человека в КНДР В. Мунтарбхорна. По его утверждению, Северная Корея не согласна с выводами ежегодных резолюций ООН по правам человека в этой стране, считая применяемый к ней подход проявлением двойных стандартов, и, соответственно, не признает мандат специального докладчика⁵. В ООН критикуют КНДР за «формализм» подхода к улучшению ситуации в этой области, огромный разрыв между нормами, закрепленными в законодательстве, и практикой их применения⁶. В то же время отмечаются позитивные сдвиги в развитии сотрудничества КНДР с Комитетом ООН по правам ребенка, Универсальным периодическим обзором ООН, Фондом в области народонаселения.

В начале 2010 г. на основе инициативы, предложенной министром иностранных дел Италии Ф. Фраттини, в ЕС была создана рабочая группа, задачей которой стала выработка механизма двустороннего взаимодействия Евросоюза и отдельных стран, в которых ущемляются права религиозных меньшинств, в первую очередь христиан. К концу апреля планировалось принятие единого руководства для посольств Евросоюза. По словам Фраттини, в группу стран, заслуживающих пристального внимания в этом отношении, могут войти Северная Корея, Иран, Сомали, Саудовская Аравия и др.⁷

Утверждения о том, что ЕС не имеет интересов на Корейском полуострове и поэтому для европейцев наиболее предпочтительной остается позиция наблюдателя, готового, в случае необходимости, оказать гуманитарную или экономическую помощь, как представляется, не совсем соответствуют действительности.

Ядерный кризис на Корейском полуострове, выход КНДР из ДНЯО, отказ от сотрудничества с МАГАТЭ, проведение ядерных испытаний представляют угрозу для существующего режима нераспространения. В этом смысле активность ЕС на иранском направлении продемонстрировала его заинтересованность в использовании своих ресурсов для урегулирования подобных кризисных ситуаций. Следует принять во внимание и тот факт, что Евросоюз уже оказал помощь КНДР на общую сумму более 350 млн евро.

Поэтому выжидательная позиция ЕС в отношении развития событий вокруг ядерной программы КНДР связана, как представляется, не столько с тем, что корейский вопрос не актуален для Евросоюза, а, скорее, может быть обусловлена следующими факторами. Во-первых, ЕС как международный актер является относительно новым игроком на полуострове и не обладает ни эффективными ресурсами давления, ни правом, в силу исторического прошлого или близкого географического положения, требовать учета своей позиции в корейском урегулировании. Во-вторых, в силу уже сформировавшегося круга заинтересованных в урегулировании держав, процесс урегулирования может успешно идти без активного вмешательства со стороны ЕС, безусловно, если предпочтение будет отдано дипломатическим методам. Представляется, что разногласия могут возникнуть только в случае выбора в пользу военной операции. Как показали опросы общественного мнения, европейцы склонны оставаться приверженцами мирных методов урегулирования в Корее и не считают угрозу со стороны КНДР реальной. Более того, у европейской общественности сложилось критическое восприятие действий администрации Дж. Буша-мл. в отношении КНДР⁸.

В ходе анализа ситуации закономерно возникает вопрос, почему Евросоюз, активно участвуя в поиске путей урегулирования иранской ядерной проблемы, фактически отстранился от участия в корейском урегулировании?

Представляются обоснованными несколько доводов.

Ядерная программа Северной Кореи для стран – членов ЕС не представляет прямую угрозу их безопасности. Эти государства не враждебны КНДР, поэтому вряд ли могут стать объектом потенциального военного удара с ее стороны.

Потенциальный коллапс северокорейского режима, возможная потеря им контроля над территорией и населением для ЕС также не являются прямой угрозой, в отличие от нестабильности, например, на Балканах или африканском континенте. Такая угроза стоит скорее перед соседними с КНДР странами, которым предстоит урегулировать ситуацию с беженцами, а также оказывать помощь в налаживании социально-экономической жизни в стране.

Отмечаемое снижение интереса к корейской проблеме связывают и с внутренними процессами в Евросоюзе. В частности, расширение ЕС до 27 членов к 2007 г. отвлекло ресурсы и затруднило осуществление общей внешней политики и политики в области безопасности и обороны.

Позиция ЕС по прекращению диалога и сотрудничества с КНДР до разрешения ядерного вопроса, как представляется, является тупиковой для развития двусторонних отношений. По всей видимости, Европейский союз отказался от самостоятельной роли в урегулировании на полуострове, координирует свою позицию с США, неоднократно заявлявшими, что развитие отношений с КНДР станет возможным только после полного ее отказа от ядерной программы.

До настоящего времени в США не был выработан четко сформулированный комплексный подход по урегулированию северокорейской проблемы. Европейский союз также не выступает со стратегической инициативой в отношении Северной Кореи, занимая выжидательную позицию.

Евросоюз оказывается неминуемо заинтересованным в урегулировании, прежде всего, ситуации вокруг ядерного статуса КНДР. Являясь одним из центров силы в мировой политике, ЕС ратует за сохранение и укрепление режима нераспространения ядерного оружия. Интерес в этом Евросоюза была однозначно продемонстрирован в ходе работы тройки по иранской ядерной проблеме.

Кроме того, нестабильность в удаленном для стран-членов ЕС регионе представляет угрозу их экономическим интересам: значительные объемы торговли с Китаем (2-й торговый партнер ЕС), Японией (5-й) и Республикой Корея (8-й торговый партнер) делают европейскую экономику зависимой от развития ситуации в регионе и на Корейском полуострове как одном из региональных очагов конфликтности.

Как представляется, вклад ЕС в урегулирование на Корейском полуострове в среднесрочной/долгосрочной перспективе мог бы заключаться в содействии модернизации экономики Северной Кореи. Европейский союз не вовлечен напрямую в урегулирование ядерного кризиса, не является участником шестисторонних переговоров. Однако, если придерживаться распространенной точки зрения о том, что северокорейская ядерная проблема может быть решена только в комплексе проблем КНДР, ЕС в качестве «мягкого» реформатора может сыграть существенную роль. Его экономический и технологический потенциал может быть успешно использован для вовлечения Пхеньяна в сотрудничество в экономической сфере⁹.

В частности, отмечается, что вектор любых изменений в КНДР должен исходить «изнутри». Способствовать этому следует путем вовлечения КНДР, особенно образованной части населения, в культурные, образовательные обмены, а также путем работы с северокорейскими диссидентами в Южной Корее.

Такой сценарий, однако, представляется вероятным только в случае разделения проблемы ядерного урегулирования и осуществления сотрудничества в других сферах, повышения статуса северокорейского направления в общей внешней политике и политике в области безопасности Евросоюза, а также координации его усилий с заинтересованными региональными державами.

¹ Democratic People's Republic of Korea (North Korea). Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/korea_north/index_en.htm

² Council meeting. Environment. Brussels, 22 December 2009. Mode of access: www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/.../112072.pdf

³ European Business Association, Pyongyang DPRK. URL: <http://eba.nosotek.com/aboutus/index.php>

⁴ Council of the European Union: EU Annual Report on Human Rights 2008. Brussels, 27 November 2008.

⁵ Human Rights Council. Report of the Working Group on the Universal Periodic Review. Democratic People's Republic of Korea. 4 January 2010. Mode of access: URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/13session/A.HRC.13.13_En.pdf

⁶ См., например: United Nations A/HRC/13/47 General Assembly. Human Rights Council: Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Democratic People's Republic of Korea, Vitit Muntarbhorn. 17 February 2010. Mode of access: URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G10/107/93/PDF/G1010793.pdf?OpenElement>

⁷ Интервью министра иностранных дел Италии Франко Фраттини газете «Аввенире». La fede negata. Frattini: "Fermiamo gli attacchi ai cristiani" // Avvenire. 24.02.2010.

⁸ Кузнецов Д.В. Северокорейская проблема в зеркале общественного мнения // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 43.

⁹ О преимуществах ЕС, которые могут быть использованы в отношениях с КНДР, например, для осуществления посреднических функций в диалоге КНДР с США — см.: Berkofsky, Axel. EU's Policy Towards the DPRK-Engagement or Standstill? // EIAS Briefing Paper. 2003.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

В. А. Гринюк*

ЯПОНСКИЕ УЧЕНЫЕ О СТОЛЕТИИ АННЕКСИИ КОРЕИ

В 2010 г. исполняется 100 лет японской аннексии Кореи. 22 августа 1910 г. генеральный резидент в Корее Масатакэ Тэраути добился от главы корейского правительства подписи под договором, согласно которому корейский король «полностью и на вечные времена» передал японскому императору свои суверенные права в Корее¹. С точки зрения корейцев, подписанный договор «был плодом заговора между предателями из среды корейских должностных лиц, ставших объектом народного гнева, и японскими чиновниками из управления генерального резидента. Оглашению договора предшествовали жестокие карательные меры, включая закрытие газет и аресты тысяч корейских руководителей. Столица была окружена кольцом японских войск»².

Аннексия Кореи была одним из важнейших, ключевых событий в XX в. как для Кореи, так и для Японии. Проблема захвата Кореи и длившегося 36 лет колониального господства Японии над этой страной сохраняет свою актуальность и сегодня. Во-первых, до сих пор не установлены дипломатические связи Японии с Корейской Народно-Демократической Республикой, занимающей северную часть Корейского полуострова. Во-вторых, наследие колониального прошлого создает серьезные помехи для раз-

* Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва.

вития сотрудничества между Японией и Южной Кореей. В подписанный 22 июня 1965 г. Договор об основах отношений между Японией и Республикой Корея, несмотря на настояния Сеула, не была включена оценка документа 1910 г. как грубо навязанного Корею акта. Это позволило японской стороне утверждать, что обозначенный договор соответствовал международному праву и ситуации, сложившейся на тот момент в межгосударственных отношениях³. Проблема характера этого договора составляет один из пунктов непрекращающегося спора между Японией и государствами Корейского полуострова по поводу трактовки исторического прошлого. В-третьих, для Японии существуют также и сложные внутренние проблемы, ведущие свое начало от колониального господства в отношении ближайших географических соседей. Эти вопросы связаны с постоянным проживанием на Японских островах многочисленных граждан КНДР и РК.

Поэтому 100-летие аннексии Кореи стало поводом для выхода в японских журналах материалов, посвященных тематике отношений Японии с государствами Корейского полуострова. В данной статье анализируются работы, напечатанные в общественно-политическом ежемесячнике «Сэкай» (№ 1 за 2010 г.). Речь идет о записи беседы с участием почетного профессора Токийского университета историка Харуки Вада, профессоров университета правоведа Киёси Фудзивара и политолога Кан Сан Чжуна. Этот материал озаглавлен: «Чем было колониальное господство в Корее». Кроме того, будет проанализирована напечатанная в этом же номере журнала статья профессора университета Нихон дзёси дайгаку социолога Рюити Нарита «Так называемая “ответственность империи”».

Излагая обстоятельства заключения договора об аннексии Кореи, Р. Нарита обращает внимание на определенную изощренность, которую проявили в том эпизоде японские дипломаты. Для передачи в договоре понятия «аннексия» руководитель политического управления японского МИДа Тэцукити Курати придумал новый политический термин «хэйго» (аннексия, присоединение), который, с одной стороны, не создавал впечатления «объединения равных партнеров», а с другой — был достаточно обтекаемым и не должен был вызывать у корейской стороны излишнего раздражения. Бывший генеральный резидент М. Тэраути, ставший первым

японским генерал-губернатором аннексированной Кореи, убеждал корейского премьер-министра Ли Ван Ена, что его страна, в отличие от имевшихся в мировой практике примеров, присоединена к Японии не насильно, а по обоюдному согласию, на основе договора⁴.

Относительно характера господства Японии в отношении Кореи К. Фудзивара указывает на две особенности: Токио с самого начала проводил колониальную политику на Корейском полуострове именно как государственную политику (в отличие от Великобритании, где на раннем этапе правительство доверяло колониальное управление Индией частной «Ост-Индской компании» и государство лишь оказывало ей поддержку). Такой государственный стиль управления колониями был также у Германии и США, оказавшихся, как и Япония, в положении «late comers» («пришедших позже других») в деле приобретения колоний. «Поздний приход» диктовал необходимость «быстрого созревания» Японии как колониального государства.

Вторая особенность колониальной политики Японии определялась геополитическими моментами. Ее колониальная стратегия была тесно связана со стратегией военной. В тот исторический период в основном уже был завершён раздел колоний и их захват и удержание рассматривались в рамках единого целого с обороной метрополии. В этом плане подход Японии имел сходство с подходом США. Америка придавала большое значение Филиппинам не столько из-за стремления получить монопольные права на торговлю сахаром и другими товарами, сколько из-за большой роли, которую играли в военной стратегии Соединённых Штатов морские порты этой страны⁵.

Однако в США не прекращался спор по поводу того, стоит ли удерживать колонии. С одной стороны, существовали сомнения насчёт морального права Соединённых Штатов, в прошлом получивших независимость в результате войны против метрополии (Британии), самим иметь колонии. С другой — широко распространялась точка зрения, что США полезнее закреплять за собой территории в качестве рынка для ведения свободной торговли. В результате Соединённые Штаты предоставили независимость своим бывшим колониям — Кубе и Филиппинам, и, в конечном счёте, в области колониальной политики Вашингтон переиграл Токио⁶.

В период до войны на Тихом океане в Японии имелись политики вроде Тандзан Исибаси, которые отстаивали идеи свободной торговли и указывали, что обладание колониями и агрессия против Китая несут ущерб Японии. Однако такие люди составляли меньшинство в политических кругах страны, верх в руководстве одержала тенденция ультранационализма.

Официальная пропаганда утверждала, что геополитические интересы Японии тесно связаны с обороной государства и определяют само существование нации. Для оправдания своего колониального господства Япония прибегала к риторике о том, что она якобы способствует национальному освобождению народов Азии, их национальному самоопределению, поддерживает малочисленные нации. Одновременно с этим Токио проводил линию, к которой редко прибегали другие колониальные государства: добивался «однородности» между жителями японских колоний и собственно японцами, т.е. стремился уничтожить национальную идентичность народов, оказавшихся в колониальной зависимости. Этому служили обучение японскому языку и истории, манипулирование понятиями «подданства» и «народа». Разумеется, в этом случае неяпонцы, получившие подобное образование, не признавались в качестве составной части японской нации и оставались на положении подданных «второго сорта», что порождало двойственную структуру населения Японии⁷.

К. Фудзивара отмечает, что ещё до начала Второй мировой войны в Японии ставили вопросы о том, возможно ли управление империей при полном отказе корейцам в человеческих правах, а также, как должна развиваться японская империя: как многонациональное образование либо как «Великая Япония» — в принципе национально однородное государство. В конце концов получила господство тенденция развития японской империи как расширения национального государства и усиления национализма⁸.

После поражения в войне против союзных держав Япония приобщилась к идее свободной торговли, однако проблема «странной империи» осталась неразрешённой. Японцы полагали, что вернулись к состоянию национального государства, но при этом забыли о своём имперском прошлом. На китайцев и корейцев они смотрели как на «пострадавших иностранцев», игнорируя то,

что этнические китайцы и корейцы живут и в Японии и представляют для страны внутреннюю проблему⁹.

Известный историк Х. Вада обратил внимание, что в отношении Кореи Япония широко использовала посыл о том, будто господство над этой страной направлено на обеспечение ее независимости. Это положение Токио озвучил и при объявлении войны цинскому Китаю в 1894 г., и в начале русско-японской войны в 1904 г. Однако реальные действия Японии означали попрание независимости и самоопределения Кореи. Разрешению этого противоречия должно было служить распространение мифа о том, будто бы по мере формирования единства подданных императора Японии корейцы объединятся с японцами и получают подлинную независимость¹⁰.

Касаясь особого отношения японцев к Корее, Х. Вада отметил, что оно возникло после периода Мэйдзи, когда Япония проводила политику «богатого государства и сильной армии» и осуществляла линию территориальной экспансии. В это время возникла устойчивая и навязчивая идея о том, что экспансия должна быть направлена в первую очередь на Корею. «На геополитические представления об угрозе Японии с материка наложилось издавна существующее отношение к Корее как к слабому партнеру. Такое отношение возникло как реакция на осознание факта, что Япония в большой мере обязана Корее как стране — источнику культуры. Под влиянием этого психологического комплекса Япония совершала в отношении Кореи специфические, можно сказать, болезненные, действия. Полагаю, что оттого и сегодня сохраняется эта тягостная проблема, создающая сложности для корейцев и несущая огорчения японцам», — подчеркнул ученый¹¹.

По мнению Х. Вада, после окончания Второй мировой войны, когда для японцев наступило время серьезных политических переоценок, они отдавали себе отчет в том, что произошло их освобождение от милитаризма и власти деспотического государства (от монархической системы). Вместе с тем историк считает, что «от совести японцев долгое время ускользала еще одна серьезная тема как предмет самокритики, а именно тема колониального господства»¹².

Между тем связанная с колониями проблема распадается на две составные части: на вопрос сведения счетов с прошлым ко-

лониального господства за пределами Японии и вопрос нахождения в собственной стране жителей бывших колоний. Поскольку в Японии реально проживают корейцы, эта часть проблемы осознала как тема корейцев — жителей их страны. Однако, руководствуясь соображениями общественной безопасности, японцы смотрели на корейцев как на нежелательных соседей, «объект усилий по непрерывному “выдавливанию” за пределы страны». При этом они не понимали необходимости исторического сведения счетов и урегулирования совместно с государствами — бывшими колониями вопросов империализма и колониального господства в применении к корейцам, проживающим в Японии.

Политолог Кан Сан Чжун поднимает вопрос исторической ответственности Японии и обращает внимание на различия в восприятии исторического прошлого в Германии и Японии. Так, высадка десанта союзников в Нормандии в июне 1944 г. рассматривается как важное событие в процессе освобождения европейских народов от нацизма, и в памятных церемониях, посвященных годовщине высадки, наряду с представителями других европейских государств участвуют и представители Германии. А в Японии отмечается только годовщина окончания войны на Тихом океане. Подразумеваемая отсутствие в Японии консенсуса при оценке прошлого страны, исследователь ставит вопрос: «До какой степени осознание “освобождения от милитаризма” является общим для всей японской нации?»¹³.

Вопросы исторической ответственности подробно исследованы в упоминавшейся выше статье Р. Нарита «Так называемая “ответственность империи”».

Автор отмечает серьезные различия во взглядах корейских и японских ученых на заключительный этап процесса подчинения Кореи Японией (1904—1910 гг.). Большинство японских историков считают, что хотя договор от 22 августа 1910 г. несправедлив, он был заключен юридически действенным образом, Корея была аннексирована и стала колонией Японии. В то же время некоторые ученые из Южной Кореи отстаивают точку зрения, согласно которой акты, подписанные представителями Кореи и Японии в период с 1904 по 1910 г., были не только навязаны корейской стороне вопреки ее воле, но и имели проблемы с точки зрения процедуры и формы. Таким образом, аннексия была несостоятельна

с точки зрения права и в действительности имела место насильственная оккупация Кореи¹⁴.

Р. Нарита пишет, что когда японская империя в 1945 г. потерпела крах, японцы, являвшиеся колонизаторами, не могли сразу отбросить ментальность «хозяев жизни». В доказательство он приводит выдержки из воспоминаний Ф. Мори, японской колонистки из Маньчжурии, которая после капитуляции Японии вместе с тремя малолетними детьми из Чаньчуня возвращалась на родину через Корею. В воспоминаниях, опубликованных в 1948 г., женщина писала, что когда они прибыли в Корею, населенные пункты этой страны были украшены национальными флагами и местное население провожало поезд с колонистами-японцами насмешками и угрозами. Оценивая такую обстановку как «жестокую реальность поражения», автор воспоминаний так отзывалась о корейцах: «Дураки, они вели себя таким образом, хотя победа была завоевана не их руками». Исследователь обращает внимание на то, что, хотя воспоминания Мори были написаны и опубликованы в обстановке оккупации Японии войсками союзников, их автор не отдавала себе отчета в развале империи и не осознавала, какая ситуация сложилась в результате поражения. Кроме того, Р. Нарита приводит такое характерное высказывание депутата японского парламента С. Сикума: «Мы больше не будем молчать и закрывать глаза на то, что выходцы с Тайваня и корейцы, которые до окончания войны в качестве японских подданных проживали в Японии, важничают так, будто сами они представляют народы государств-победителей». Р. Нарита обращает внимание на то, что, несмотря на поражение Японии и крах империи, вчерашние колонизаторы говорят так, будто именно они, а не представители народов стран — вчерашних колоний являются пострадавшей стороной, и не расстаются с привычной позой превосходства в отношении людей других национальностей. Ученый видит в этом «проклятие» колониализма, преследующее японцев¹⁵.

Некоторая часть японской интеллигенции проявляла симпатию в отношении корейцев и сочувствие их борьбе за независимость. Так, искусствовед М. Янаги в 1920 г. в обстановке цензурных ограничений выступал в японской прессе со статьями, исполненными сострадания к корейскому народу, высказывался против подавления его национальной самобытности, давал высо-

кую оценку корейскому национальному искусству. Однако даже в позиции наиболее прогрессивно настроенных японских интеллигентов присутствовали элементы снисходительного отношения к народу, находившемуся в колониальной зависимости от Японии. В послевоенный период южнокорейские публицисты критиковали М. Янаги за то, что он не удерживался от употребления в отношении корейцев пренебрежительных выражений, выступал с позиции «друга», но не сумел выработать уважительного подхода «постороннего человека», демонстрировал доброжелательность, но она включала в себя покровительственность в отношении корейцев¹⁶.

Р. Нарита полагает, что японские историки в целом достаточно полно проанализировали и осветили проблему ответственности Японии за войны. В то же время проблема ответственности страны за колониальное господство в отношении народов Восточной Азии остается неразработанной. Более того, в Японии сегодня популярны публикации, оправдывающие колониальную политику. С другой стороны, получившая широкую известность книга о войнах эпохи Сёва, подготовленная Комиссией по новому изучению ответственности за войны в редакции газеты «Ёмиури»¹⁷, главным образом освещает вопрос ответственности за развязывание войн, но не касается темы колониального господства. Учитывая эти обстоятельства, Р. Нарита предлагает ввести в научный оборот новое понятие, обозначаемое словосочетанием «*тэйкоку сэкинин*» («ответственность империи»). Это комплексное понятие должно включать ответственность Великой японской империи за ведение войн и за обладание колониями, а также ответственность Японии за то, что в послевоенный период государство не только не ликвидировало и не разрешило проблемы, порожденные упомянутыми выше видами ответственности, но и добавило новые противоречия¹⁸.

Исследователи, выступившие на страницах журнала «Сэкай», подробно анализировали события послевоенного периода: трагический раскол Кореи, войну на Корейском полуострове, установление дипломатических отношений Японии с Южной Кореей. Ученые вскрывали связи между прошлым и настоящим в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова. Такой подход четко выразил профессор Кан Сан Чжун: «Нельзя

ограничиваться только прошлым или только настоящим. Важно для понимания настоящего исследовать прошлое и для понимания прошлого изучать настоящее»¹⁹.

Политолог высказал интересное соображение по поводу похищений японских граждан спецслужбами КНДР — одной из самых актуальных проблем внешней политики Японии. «Война в Корее — эта “гражданская война”, разразившаяся на территории бывшей японской колонии, — стала “божественным ветром” для японской экономики. Но, с точки зрения Северной Кореи, страна восходящего солнца — бывшая метрополия, с которой даже не было дипломатических сношений, — сыграла роль прифронтовой базы американских вооруженных сил. Поэтому, в силу двух взаимно наложившихся причин, враждебные чувства корейцев к Японии были особенно сильны. Думаю, что именно эти обстоятельства стали историческим фоном совершенно абсурдного государственного преступления Пхеньяна — похищений невинных граждан»²⁰.

Участники дискуссии уделили большое внимание вопросам отношений Японии с КНДР и ракетно-ядерной проблеме на Корейском полуострове. Ученые проявили позитивный подход и высказывались за активное ведение переговоров с северокорейскими партнерами. Профессор К. Фудзивара подчеркивал, что исходной позицией японской стороны на переговорах должно быть сохранение нынешнего режима в КНДР и стремление избежать разрушения основ жизни ее населения. В этом случае можно было бы рассчитывать на уступки со стороны КНДР в важных для Японии вопросах. Профессор Кан Сан Чжун отметил, что нормализация отношений между Японией и КНДР послужила бы демократизации последней — подобно тому, как установление японо-южнокорейских дипотношений в 1965 г. подтолкнуло процесс демократизации в Республике Корея.

Х. Вада выразил несогласие с нынешним курсом правительства Японии в отношении КНДР, предусматривающим решение в первую очередь вопроса похищений японских граждан и ядерной проблемы и лишь затем нормализацию двусторонних связей. По мнению историка, приоритет должна получить нормализация японо-северокорейских межгосударственных отношений. В преамбуле договора об основах отношений между Японией и КНДР

было бы целесообразно включить оценку колониального господства Японии в Корее. Это стало бы положительным результатом для северокорейской стороны. Продолжив двусторонние переговоры, можно было бы договориться об экономическом сотрудничестве. Необходимо, чтобы северокорейская сторона сделала шаги навстречу Японии в ядерной проблеме. Х. Вада считает, что Северная Корея сохраняет стремление преодолеть тупик в отношениях с Японией²¹.

У вышеуказанных ученых имеется глубокое понимание проблем отношений между народами Японии и государств Корейского полуострова. Налицо также принципиальная, нравственная позиция в отношении милитаристского и колонизаторского прошлого Японии и глубокая заинтересованность в преодолении взаимной отчужденности, сложившейся в отношениях между японцами и корейцами.

В то же время надо четко представлять, что изложенные в рассмотренных работах взгляды не разделяются всем научным сообществом Японии. Цитированные исследователи указывают на отсутствие у японцев консенсуса в отношении к милитаристскому и колонизаторскому прошлому их страны.

¹ История Японии. 1868—1998. Учебное пособие. М.: ИВ РАН, 1998. Ч. II. С. 219—220.

² Корея. Справочник. Корейская служба информации для зарубежных стран. Сеул, 1993. С. 107.

³ Сэнго нихон гайкоси (Послевоенная история японской дипломатии). Токио, 1983. Т. 2. С. 362.

⁴ *Haruma Ryūmi*. «Тэйкоку сэкинин» то йу кото (Так называемая «ответственность империи») // Сэкай. 2010. № 1. С. 160.

⁵ Тёсэн сёкуминти сихай ва нани датта но ка (Чем было колониальное господство в Корее?) // Сэкай. 2010. № 1. С. 150.

⁶ Там же. С. 150—151.

⁷ Там же. С. 151.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 152.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Там же. С. 146-147.

¹⁴ Нарита Рюити. Указ. соч. С. 162.

¹⁵ Там же. С. 163.

¹⁶ Там же. С. 164.

¹⁷ См.: Гринюк В. From Marko Polo Bridge to Pearl Harbor. Who Was Responsible? [От моста Марко Поло до Пирл-Харбора. Кто несет ответственность?]. Токуо: The Yomiuri Shimbun, 2006. P. 414; Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С.175–180.

¹⁸ Нарита Рюити. Указ. соч. С. 168.

¹⁹ Тёсэн сёкуминти сихай то ва нани датта но ка (Чем было колониальное господство в Корее?) // Сэкай. 2010. № 1. С.145.

²⁰ Там же. С. 153.

²¹ Там же. С. 156–158.

Ж. Г. Сон *

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1920–1930-е ГОДЫ: СУДЬБЫ КОРЕЙЦЕВ

После образования молодого советского государства на Дальнем Востоке происходили серьезные изменения. В целях установления двусторонних контактов представителями СССР и Японии 20 января 1925 г. в Пекине была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом ССР и Японией. Соглашение содержало ряд значительных уступок в пользу Японии, на которые советская сторона пошла ради налаживания дипломатических отношений и стабилизации ситуации на российском Дальнем Востоке.

Конвенция устанавливала двусторонние дипломатические и консульские отношения между Советским Союзом и Японией. В ней подтверждались условия русско-японского Портсмутского договора 1905 г. и содержалось согласие на возможный пересмотр всех договоров и соглашений (а следовательно, и рыболовной конвенции 1907 г.), заключенных между бывшей Российской империей и Японией до 25 октября (7 ноября) 1917 г. Пекинский договор обеспечил советскому государству продолжительную мирную передышку на Дальнем Востоке. Уже в первой половине мая 1925 г. эвакуация японских войск из северной части Сахалина была закончена.

Одним из важнейших положений пекинского договора было взаимное обязательство государств не допускать присутствия на территориях, находящихся под их юрисдикцией, организаций или групп, «претендующих стать правительством на какой-либо части территории одной из Договаривающихся Сторон».

Советской стороне это положение позволяло добиваться того, чтобы территория Кореи и других дальневосточных стран (Китай)

* ГОУ СОШ № 1257 г. Москвы.

не использовались осевшими там белогвардейскими эмигрантами. С другой стороны, это же положение было направлено против деятелей корейских организаций, действующих на территории СССР, в том числе и «Чхондогё», которые были настроены против Японии. По этой же причине советское руководство не дало разрешения на проведение в Москве очередного съезда Союза корейцев, проживающих на территории СССР. Более того, Союз был взят под жесткий контроль, а в 1926 г. его деятельность была запрещена¹.

Москва предлагала Токио пойти дальше и заключить пакт о ненападении. Цель такого пакта — исключить вооруженные столкновения между японскими и советскими войсками. Советскому руководству было известно, что Япония планировала закрепиться в Китае, где шла гражданская война.

Руководители советского правительства не отказывались от идеи мировой революции и были намерены оказывать всестороннюю помощь китайским коммунистам. Японцы помогали китайской группировке во главе с маршалом Чжан Цзолинем в Маньчжурии.

С середины 1920-х годов советская разведка и органы Коминтерна посылали советских корейцев в Корею для подпольных операций. Кадровых проблем не было: большинство российских корейцев поддержало Октябрьскую революцию. Коммунисты и комсомольцы желали бороться за освобождение своей родины от японских колонизаторов и местных «помещиков и капиталистов». В задачи подпольщиков входили пропаганда коммунистических идей и установление связей с местными коммунистами. С этой целью многие корейцы проходили обучение в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). В 1920-е годы это учебное заведение окончили 200 корейцев (по 20 человек ежегодно)².

Заинтересованность советского государства в корейском вопросе прослеживается в письме Л.М. Карахана Г.В. Чичерину от 15 февраля 1925 г., посвященном мерам по реализации пекинской конвенции. В нем говорится о том, что для Союза ССР генеральное консульство в Сеуле представляет громадный политический интерес. Впервые будет «открыт непосредственный доступ к корейским делам», однако, чтобы не испортить отношения

с Японией, никакой корейской политики проводить не удастся. Далее, Л.М. Карахан отмечал, что будущему консулу необходимо быть достаточно гибким и осторожным по той причине, что «все живые корейские элементы потянутся» в советское консульство. Задача консула в Сеуле заключалась в том, чтобы «поддерживая хорошие отношения с корейским обществом, в то же время не давать повода для протестов со стороны японцев»³.

С 1910 г. японская политика «крови и железа» активно проводилась в Корею, и Токио считало себя полновластным хозяином на полуострове. Сущность этой политики красноречиво изложена в меморандуме⁴ премьер-министра Японии генерала Г. Танака от 25 июля 1927 г. Этот документ был представлен для одобрения императору Японии Хирохито, основные пункты его раскрывали хищнические планы, направленные на захват Китая и Монголии. Японские официальные лица всегда отрицали подлинность опубликованного меморандума.

В этом проекте есть часть, касающаяся корейской иммиграции. Она озаглавлена как «Стимулирование и защита корейской иммиграции». В этом документе отмечается, что благодаря богатству страны (Китая) и созданию благоприятных условий для корейской иммиграции число корейских иммигрантов в Маньчжурии и Монголии растет с каждым днем. По данным генерала, в трех восточных провинциях проживают свыше 1 млн корейцев.

Предложение Г. Танака заключалось в том, чтобы довести их число в Маньчжурии и Монголии до 2,5 млн, и в этом случае корейцев можно будет при необходимости подстрекнуть к военным действиям, а Япония окажет им поддержку, утверждая, будто подавляет корейское движение.

Генерал Танака считал, что «приток корейцев на эти территории имеет колоссальное экономическое и военное значение и императорское правительство не может не поддержать его. Это открывает новые перспективы для развития нашей империи»⁵. Японские власти рассчитывали силами корейцев развивать богатства Маньчжурии и Монголии и стремились монополизировать в своих руках торговые права.

Как видно, Танака основную ставку в завоевании Маньчжурии и Монголии делал на корейцев, отмечая, что Япония сумеет восстановить там для них привилегии, полученные

в связи с соглашением Лансинга — Исии⁶, лишь в том случае, если в Маньчжурии будет находиться несколько миллионов корейцев. Он также отмечал, что «с юридической точки зрения, в области международных отношений нам здесь не придется столкнуться ни с какими затруднениями...»⁷.

По этому документу можно понять, что японские власти создавали для корейцев невыносимые условия для проживания на своей родине, вынуждающие их эмигрировать в соседние страны. В дальнейшем японцы планировали использовать корейское население в качестве марионеток. Такие действия не могли не настораживать советское правительство уже потому, что поток корейцев-иммигрантов стал увеличиваться и на советском Дальнем Востоке.

После захвата Японией Маньчжурии в правящих кругах Токио устойчивое влияние сохраняла группировка, ориентированная на захват советского Дальнего Востока и части Сибири. На дальневосточной границе в предвоенные годы происходили постоянные вооруженные конфликты. В Москву регулярно в течение 1934—1937 гг. поступали сообщения из резидентур о возможном нападении Японии на СССР, подкрепленные аналитическими докладами, добытыми у японских военных атташе⁸.

Спецслужбы Японии обладали большими возможностями. Для легальной разведывательной работы на Дальнем Востоке и Сибири имелось 7 консульств. Японские рабочие и служащие работали на Сахалине, где, согласно межправительственным экономическим соглашениям, были открыты японские нефтяная и угольная концессии. Во Владивостоке действовали транспортная и рыбопромышленная конторы.

Что касается корейского меньшинства (около 200 тыс. человек) на советском Дальнем Востоке, то в 1920—1930-е годы и СССР, и Япония связывали с ним планы по его использованию в своих интересах. В создавшихся условиях корейское население стало своего рода «заложником» в решении внешнеполитических задач двух государств.

С 15 июня 1927 г. Президиум ЦИК СССР предоставил ОГПУ право расстреливать во внесудебном порядке бывших белогвардейцев, шпионов и бандитов. По всей стране активно насаждалась шпиономания, нагнетались слухи о неизбежности начала войны.

В следственных материалах и приговорах ОГПУ все чаще фигурировали обвинения в шпионаже в пользу таких стран, как Англия, Германия, Япония, Польша и др.

В июле 1932 г. произошел инцидент, который определяет особое отношение к советским корейцам со стороны органов государственной власти. По свидетельству начальника ОГПУ по ДВК Т. Д. Дерибаса, агент ОГПУ корейской национальности Ли был схвачен японскими властями во время диверсионного акта на территории Маньчжурии⁹. В ходе допросов он сознался, что по заданию Владивостокского ГПУ совместно с еще тремя корейцами намеревался взорвать несколько мостов.

И. В. Сталин, узнав об этой неудачной акции, предложил в письме Л. М. Кагановичу наказать виновников: «Тов. Каганович! Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти? Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие! Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников. Привет! И. Сталин»¹⁰.

Японское правительство обратилось с запросом в Наркомат иностранных дел СССР для разъяснений данного факта. В официальном ответе Советского правительства это дело было расценено как провокационное и выразилась надежда, что «японские власти примут все меры для выявления тех, кто пытается ухудшить отношения между Японией и СССР»¹¹.

По статистическим данным, усиление репрессий по отношению к корейскому населению отмечается в следующие периоды: 1926—1927, 1931—1932, 1937—1938 гг.¹² В 1926 г. за шпионаж в пользу Японии было осуждено 260 корейцев; в 1927 г. — 349; в 1932 г. — 1521; в 1937 г. по ст. 58 п.п. 1, 2, 3, 5, 6, 193 Уголовного кодекса СССР были осуждены 1436; в 1938 г. — 2774 корейца¹³.

Изучение архивных материалов позволило выявить масштабы репрессий, хотя сведения эти разнятся. Согласно сводке Первого специального отдела НКВД о количестве арестованных и осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г.¹⁴, по национальному составу арестованные (1 420 711 человек) представляли 28 национальностей, из которых 46,3% — русские. Корейцев значилось в этой категории 5161 человек.

Из опубликованных архивных данных с 1920 по 1953 г. репрессиям подверглись 6385 человек корейской национальности¹⁵ (поименный список), из них за 3 года, с 1936 по 1938 г., были осуждены 4418 корейцев. По данным других источников, с 1926 по 1939 г. были репрессированы 2640 корейцев (только в 1932 г. арестованы 1275)¹⁶.

В документах Российского Государственного военного архива (РГВА) содержатся материалы, свидетельствующие о действительных масштабах японского шпионажа в 1935–1936 гг., о системе организации и методах японской агентуры, а также сведения о японо-маньчжурских организациях, проявлявших повышенный интерес к Дальневосточному краю Союза ССР. Эти сведения были обобщены Председателем военного трибунала ОКДВА дивизионным военным юристом Б. Антоновым в Информационной сводке по судебным делам о японском шпионаже¹⁷ от 14 февраля 1937 г. и направлены командующему войсками ОКДВА маршалу В. К. Блюхеру. Особый интерес представляет третий раздел сводки, содержащий информацию о численности осужденных, их национальной и социальной принадлежности, гражданстве.

По сведениям Б. Антонова, в 1935 г. половину из 73 осужденных шпионов (36) составляли русские, 2-е место (27) занимали корейцы, 3-е — китайцы (10). В 1936 г. доля русских сократилась до 14%, корейцев — увеличилась до 50% от всех осужденных шпионов. Таким образом, на шпионской работе, судя по данным Антонова, японцы начали активно использовать корейцев со второй половины 1935 г.

По тем же данным, из 26 корейцев-иностранцев, переброшенных в СССР с целью шпионажа, 9 имели в Советском Союзе близких родственников, а остальные 17 человек — знакомых, проживавших в различных населенных пунктах Дальневосточного края. Это обстоятельство давало возможность прибывшим из-за

границы шпионам «легко находить приют на советской территории, что, безусловно, значительно облегчало их деятельность»¹⁸.

В документе отмечается, что основная проблема, о которой неоднократно докладывалось командованию ОКДВА, состояла в том, что среди корейского населения ДВК очень слабо ведется разъяснительная работа о злобности контрабанды. По целому ряду дел приходится убеждаться, что корейцы-колхозники, преданные советской власти, в любое время готовы задержать и передать властям шпиона, диверсанта и всякого контрреволюционера, однако в то же время не считают для себя зазорным пустить к себе в дом и дать приют на несколько дней контрабандисту, пришедшему из-за границы¹⁹.

Из «45 корейцев, осужденных за шпионаж, — писал Б. Антонов, — 26 человек являлись иностранцами — агентами японской разведки, вместе с ними были осуждены 16 корейцев — граждан СССР за то, что принимали их в своих домах, не зная, что они агенты японской разведки»²⁰.

В заключение к названной справке Б. Антонов отмечает: «Когда мы говорим о японском шпионаже в Советском Союзе, то имеем в виду только территорию Дальневосточного края — территорию ОКДВА»²¹. Вышеприведенный документ свидетельствует о том, что шпионаж в пользу Японии на советском Дальнем Востоке присутствовал, но не в тех масштабах, в каких был развернут в действительности по всей территории Союза ССР²².

Двойственное отношение советской власти к корейскому населению ярко проявилось в средствах массовой информации. С одной стороны, корейцы рассматривались как самые активные строители социализма на Дальнем Востоке. Фактически в каждом номере газет «Красное Знамя» и «Тихоокеанская звезда» помещались статьи и очерки о передовиках производства, сельского хозяйства и стахановцах. В них делается акцент на то, что советская власть предоставила им свободу, землю, которых они не имели на своей родине в Корее. В ноябре 1935 г. в «Тихоокеанской звезде» помещена статья о том, что к 18-й годовщине Октября киностудия «Мосфильм» выпустила новую ленту режиссера А. П. Довженко «Аэроград». Фильм посвящен героическим революционным событиям на Дальнем Востоке, одним из главных героев фильма показан начальник корейского партизанского отряда Цой²³.

С другой стороны, в 1934 г. в газете «Правда» и в дальневосточных газетах появляется информация о судебном процессе над шпионско-диверсионной организацией на железнодорожном транспорте во главе с Ким Заеном²⁴. С 28 января по 4 февраля 1936 г. в «Тихоокеанской звезде» печатается материал о процессе над шпионами и диверсантами. В течение недели в сознание граждан ДВК и Союза ССР в целом активно насаждается информация о том, что 20 корейцев и один русский-белогвардеец по поручению «некоего государства» проводили разведывательную работу на территории советского Дальнего Востока. 25 января 1936 г. военным трибуналом ОКДВА оглашен приговор, в котором Ли Шен До, Ким И Себ, Семена Георгий, Пак Ен Ха, Тю Хва Сун приговорены к расстрелу, остальные — к разным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях от 3 до 10 лет²⁵.

С марта 1937 г. поиски «японских агентов» начались во всех корейских колхозах: «Дальневосточный партизан», «Трактор», «Новый путь», «Тревога», «Октябрьская революция», «Искра—Октябрь», «Просвещение», «Большевик», на приисках «Незаметный», «Благодатный», в рыболовецких колхозах и совхозах, лесхозах и т.д. В 1937 г. на Дальнем Востоке были репрессированы 1436 корейцев²⁶, из них более половины являлись рабочими, колхозниками, крестьянами.

В апреле 1937 г. «Правда» печатает статью И. Володина «Иностраный шпионаж на советском Дальнем Востоке»²⁷, в июле «Известия» публикуют статью К. Кирилловича «Шпионы некоей державы»²⁸. Обе статьи содержат информацию о готовящейся войне Японии с СССР, с этой целью на ДВК ею активно проводятся разведывательные и диверсионные операции против СССР, и используются при этом корейцы.

В июне 1937 г. «Известия» печатают статью Татьяны Тэсс «На Дальнем Востоке». В ней дается информация о книге П. Павленко «На Востоке», по мотивам которой был снят художественный фильм. В этом произведении одна из главных ролей принадлежит корейцу по фамилии Цой, только роль его совершенно противоположна предыдущей: он — японский шпион. Характеристика этого героя следующая: «Как развернулся Цой — этот “замученный маленький человечек”, который еще недавно приплыл на наш берег! Артист Свердлин, играющий Цоя, показал подлинно блестящее

мастерство. Два человека, два образа, идущие рядом, — доверчивый партизан и опаснейший японский шпион...»²⁹.

В конце июля 1937 г. Сталин, отправляя Г. С. Люшкова³⁰ на Дальний Восток, инструктировал его о том, что война с Японией неизбежна; Дальний Восток, несомненно, станет ареной боевых действий. Необходимо очистить армию и тыл наиболее решительным способом от вражеских шпионов и прояпонских элементов.

Прибыв в Хабаровск 9 августа 1937 г., Люшков развил активную деятельность в точном соответствии с полученными в Москве инструкциями. С его прибытием на Дальний Восток аресты в УНКВД по ДВК и областных управлениях и расстрелы приобрели массовый характер. Из стенограммы допроса Г. С. Люшкова японцами известно, что накануне депортации корейского населения в сентябре 1937 г. были арестованы 2,5 тыс. корейцев³¹.

Характерно, что в сельской местности главарями «повстанческих, диверсионных организаций» властью определялись грамотные, руководящие работники — председатели колхозов, их заместители, зоотехники, агрономы, служащие районных и сельских предприятий, а членами организаций — колхозники, земледельцы, рыбаки и т.д. В городской черте «главными японскими шпионами» «становились» работники обкомов, райкомов, руководящий состав учреждений и предприятий, прочие служащие, а участниками — рабочие и все остальные представители социальных слоев корейского общества.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что обвинения корейского населения в «японском шпионаже» были преднамеренными. Ведя игру с главным международным противником на Дальнем Востоке — Японией, советское правительство занималось всесторонней подготовкой общества к восприятию этого мифа. Так готовилась юридическая база для депортации корейского населения с территории Дальнего Востока.

¹ Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. М., 2004. С. 117.

² Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 146. Среди них такие коммунисты-революционеры, как Пак Чун, Хон Бин, Ким Хен Ган, Кван Один, Ко Мен Джа, Ким Ман Гём, Нам Ман Чхун, Пак Никифор и др.

³ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 54–61. Копия; Москва — Токио. Поли-

тика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сборник документов. Кн. 1. М., 2009. С. 342.

⁴ Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. М., 2008. С. 580–598; История войны на Тихом океане. Т. 1. С. 337–353.

⁵ Там же.

⁶ Лансинга–Исии соглашение 1917 г. – американо-японское соглашение; заключено 2 ноября в форме обмена нотами между государственным секретарем США Р. Лансингом и чрезвычайным уполномоченным Японии в США К. Исии. Представляло собой временную сделку США и Японии за счет Китая, заключенную в тот период, когда США, вступив в Первую мировую войну 1914–1918 гг. на стороне Антанты, оказались союзником Японии. США признали «наличие особых интересов Японии в Китае». Соглашение было аннулировано США в 1923 г.

⁷ Лота В.И. Указ. соч. С. 580–598.

⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 г. / Под ред. Яковлева А.Н.; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 482–489.

⁹ Там же. С. 315, 807.

¹⁰ См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. Сборник документов. М., 2001. С. 208; Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Указ. соч. С. 315, 807.

¹¹ Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Указ. соч. С. 808.

¹² См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–12. М., 2000–2008.

¹³ Списки жертв политических репрессий. <http://www.memo.ru/memory/spiski.htm>. 08.06.2009; Сталинские списки. <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm>. 04.06.2009; Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 572; Данилов В.П. Сталинизм и советское общество // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Краснодар, 2003. С. 10–11.

¹⁵ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. Указ. соч. (Из них имена 404 корейцев выявлены автором из других источников.)

¹⁶ Мозохин О.Б. Указ. соч.

¹⁷ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 119. Л. 29–39.

¹⁸ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 91. Л. 38.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Д. 119. Л. 39.

²¹ Там же.

²² В 1933 г. за шпионаж в пользу Японии были осуждены 213 корейцев. В 1934 г. – 104, в 1935 г. – 200, в 1937 г. – 1209, в 1938 г. – 2486 (подсчитано по данным мартиролога: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. Указ. соч.; Мозохин О.Б. Указ. соч.

²³ Тихоокеанская звезда. 14 ноября 1935.

²⁴ Красное знамя. 27.07.1934.

²⁵ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 75; Амурская правда. 20.01.1936; Тихоокеанская звезда. 28.01–04.02.1936.

²⁶ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. Указ. соч.

²⁷ Правда. 23.04.1937.

²⁸ Известия. 24.07.1937.

²⁹ Известия. 17.06.1937.

³⁰ Люшков Генрих Самойлович (1900, Одесса – 19.08.1945). Зам. нач. Секретного политического отдела (СПО) ГУГБ НКВД СССР с 10.07.34 по 29.08.36; начальник УНКВД Азово-Черноморского края с 29.08.36 по 31.07.37; начальник УНКВД по Дальневосточному краю с 31.07.37 по 13.06.38. Получив вызов в Москву, совершил побег в Маньчжурию утром 13.06.38, выступил с серией газетных интервью, разоблачающих сталинский террор.

³¹ Соох, 1998. Р. 151. Из стенограммы допроса Люшкова, проводившегося в Токио в ноябре 1938 г.

*К. В. Асмолов**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1950–1953 гг.

Представленный доклад посвящен описанию и оценке в России Корейской войны 1950–1953 гг. В основном речь пойдет о работах, вышедших в XXI в., будет также коротко обозначена эволюция официальной и массовой точек зрения. Акцент будет сделан не только на анализе наиболее заметных трудов на данную тему, но и на сравнении определенных концепций и используемых ими пропагандистских мифов.

До начала перестройки советская историография в целом подерживала официальную северокорейскую версию о том, что войну начал Юг. Эта точка зрения отражена в двухтомном учебнике истории Кореи, изданном в 1974 г.

Но так как этот учебник заканчивался описанием 1970 г., в 1980–1990-е годы преподавание новейшей истории Кореи велось практически по рабочим материалам лекторов, чья картина корейской истории отличалась большей адекватностью. Так, М. Н. Пак, который читал курс истории Кореи в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете, прямо говорил о том, что войну начал Север, и критически отзывался о политике Сталина и Ким Ир Сена.

Темы Корейской войны касался в своих мемуарах, вышедших на Западе, Н. С. Хрущёв. Признавая, что войну начал Север, бывший советский лидер скорее обвинял Сталина в недостаточной решительности и недостаточной вовлеченности в корейские проблемы: «Мне осталось совершенно непонятно, почему, когда Ким Ир Сен готовился к походу, Сталин отозвал наших советников, которые были раньше в дивизиях армии КНДР, а может быть, и в полках»; «Если бы Ким Ир Сен получил от нас еще один, мак-

* Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва.

симум два танковых корпуса, то ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы Пусан» и т.д.¹

Именно с обсуждения этих высказываний в российских исследованиях о Корейской войне возник вопрос о том, можно ли рассматривать Корейскую войну как «войну Сталина», инициированную не столько Пхеньяном, сколько Москвой, и направленную на решение геополитических проблем СССР.

В трудах корееведов конца 1980-х данный аспект Корейской войны «опускался». Так, в работе В. Д. Тихомирова «Корейская проблема и международные факторы (1945 г. – начало 1980-х годов)», написанной в конце 1980-х, но опубликованной в 1998 г., значится: «Между тем ситуация на Корейском полуострове все более накалялась, вдоль 38-й параллели непрерывно происходили военные столкновения, которые затем переросли в войну.

Такое развитие событий не было случайным, оно было подготовлено всем предшествующим процессом углубления и обострения неразрешимых противоречий внутреннего и внешнего плана на фоне заметно усилившейся на рубеже 1940–1950-х годов холодной войны США и западного мира против Советского Союза»².

В труде «Война в Корее. 1950–1953»³ вопрос о начале Корейской войны был обойден. Лишь указывалось, что советские источники сообщают по этому поводу одно, а американские – другое. В переиздании этой работы в 2003 г. в отношении американской точки зрения было добавлено, что «публикация ряда материалов в современной России косвенно подтверждают» ее⁴.

В мемуарах М. С. Капицы «На разных параллелях», опубликованных в 1996 г., этот вопрос также дипломатично обойден. Указывается, что к войне готовились обе стороны и «посторонним наблюдателям трудно было понять, кто же произвел первый выстрел»⁵.

Первым, кто открыто сказал, что войну начал Север, был А. Н. Ланьков в книге «Северная Корея: вчера и сегодня». Книга была написана в конце 1980-х – начале 1990-х, но вышла только в 1993 г.: после распада СССР политическая ситуация в стране существенно изменилась.

Немного позже тему Корейской войны начал разрабатывать ректор МГИМО А. В. Торкунов. В 1995 г. Корейской войне была посвящена глава в его книге «Корейская проблема: новый взгляд»,

где пересматривался традиционный для того времени подход к проблемам Корейского полуострова в целом⁶.

Ельцинский период истории России был характерен определенным пропагандистским перекосом. Хотя по накалу и качеству пропаганда того времени не уступала советской, ее направление стало строго противоположным. Стремясь откеститься от советского наследия, режим Ельцина всячески пытался дискредитировать Советский Союз и его руководство, и обвинение Москвы в инициировании Корейской войны было как бы еще одним «вкладом в общую копилку».

Кроме этого, установление дипломатических отношений с Республикой Корея в 1990 г. и последующее развитие культурных связей с ней позволили российским исследователям ознакомиться с большим массивом ранее не доступных им трудов западных и южнокорейских авторов. Информационный голод и определенная идеологическая накачка привели к тому, что, хотя часть подобных работ также можно было считать пропагандистскими и пропитанными духом «холодной войны», их нередко принимали на веру без критического анализа.

Тенденцию подстегнул визит Б. Ельцина в РК в 1992 г., в ходе которого он передал корейским властям большое количество рассекреченных документов, подтверждающих концепцию «войны Сталина». Правда, к настоящему времени выяснилось, что документы эти были пристрастной выборкой. Так, американка Кэтрин Везерсби после работы в российских архивах пришла к выводу, что Сталин не был заинтересован в расширении своей зоны контроля и рассматривал КНДР скорее как буферное государство для защиты своих собственных границ⁷.

Изменения ситуации внутри России в период правления В. В. Путина начали формировать новую тенденцию, которая, однако, коснулась скорее военных историков, чем историков-корееведов. С одной стороны, была предпринята попытка отойти от прежних пропагандистских мифов — как советских, так и постперестроечных. С другой — антиамериканские настроения, распространенные в определенных кругах российской интеллигенции, привели к тому, что Корейскую войну начали рассматривать в первую очередь через призму советско-американского противостояния.

Одновременно в этот же период у ученых-корееведов возникла потребность написать учебники новой и новейшей истории Кореи взамен морально устаревших. К тому же в 2000 г. отмечалось 50-летие начала Корейской войны, и к этой дате было приурочено несколько знаковых мероприятий, в том числе организованная Институтом военной истории конференция, посвященная этой войне.

Формат конференции не позволил провести полномасштабные дискуссии между представителями разных точек зрения, но на ней был рассмотрен целый ряд различных аспектов Корейской войны — как чисто военных, так и военно-политических. Материалы конференции были изданы⁸, однако очень малым тиражом и потому не оказали существенного влияния на «информационное поле». Не получила продолжения и практика проведения подобных конференций.

В этом же году вышла новая книга А. В. Торкунова «Загадочная война»⁹, которая впоследствии была переведена на английский, японский и корейский языки. Позиция автора хорошо выражается в следующих строках: «Считать, что Пхеньян и Сеул были просто заложниками в большой игре великих держав, было бы неправильно. К войне на полуострове тщательно готовились и обе корейские стороны. И, готовясь к этой войне, они никак не стремились оказаться в роли пешек, обслуживающих глобальные амбиции Москвы и Вашингтона. В основе их политики лежали прежде всего властные и националистические устремления. Можно с определенностью сказать, что Корейская война изначально носила характер войны гражданской с той лишь особенностью, что раздел страны по 38-й параллели географически обусловил и раздел противостоящих политических сил»¹⁰.

Начиная с XXI в. был опубликован целый ряд трудов на русском языке, в которых затрагивалась тема Корейской войны. Это как авторские работы, так и комментированные переводы книг иностранных авторов, в первую очередь — «Корейская война» У. Стьюка (М., 2002), где «комментарии редакции» содержали полемику с автором.

Целенаправленной политики перевода на русский язык зарубежной литературы о Корейской войне в России нет. Основные работы Б. Камингса, М. Гастингса, А. Миллета, Ким Ён Сика,

иных авторитетных исследователей известны массовому читателю только в изложении их высказываний кем-либо из российских ученых.

Изложение событий Корейской войны российскими авторами довольно часто носит мифологизированный характер, но эти мифы весьма четко разбиваются на два направления, которые можно условно назвать «красным» и «синим»¹¹, ибо использовать термины «просеверокорейский» и «проюжнокорейский» в данном случае не совсем корректно. Откровенно просеверокорейская точка зрения присутствует в основном в публикациях левой ориентации. Например, в текстах Александра Брежнева в газете «Завтра» по-прежнему говорится о том, что войну начал Юг¹².

Сторонники «синей» мифологии обычно представляют себя приверженцами либерально-демократических взглядов. Их позиция окрашена в той или иной степени неприязнью к сталинизму в его советском или корейском варианте. Стандартные ошибки этой позиции таковы:

- Корейская война воспринимается ими как «война Сталина», однозначно инициированная (а не одобренная) Москвой. Пхеньян играет роль послушной марионетки, в лучшем случае старающейся произвести впечатление на Хозяина. Внутриполитическая ситуация в Корее в расчет не принимается.

- Советский Союз – вдохновитель и прямой участник войны, доказательством чего являются участие его военных советников в разработке операции, помощь Пхеньяну оружием и кадрами и действия советских летчиков и прожектористов, принимавших непосредственное участие в боевых действиях.

- Агрессивные действия Южной Кореи игнорируются, отчего ситуацию пытаются представить как внезапную и ничем не спровоцированную агрессию Севера против «беззащитного» Юга.

- Итог Корейской войны представляется как победа международного сообщества над коммунистическими агрессорами.

«Красный» миф необязательно означает коммунистическую ориентацию его сторонников. Он скорее антиамериканский и имперский, черпающий силы в распространенных в российском обществе умонастроениях:

- Корейская война представляется как прямое противостояние СССР и США и единственный случай, когда советские

и американские военные смотрели друг на друга через прицел оружия. При этом итог боевого взаимодействия советских и американских летчиков (при этом статистика тоже бывает некорректной, как и у «синих») однозначно трактуется как советская победа над США.

- Американская политика перед войной и во время войны активно демонизируется, при этом не учитывается существовавшее в американском руководстве различие точек зрения.

- Отдельное внимание уделяется применению или угрозе применения Соединенными Штатами оружия массового поражения. Подчеркивается их готовность применить ядерное оружие и применение в Корее и в Китае бактериологического оружия, подчеркивается роль применения напалма и периодического уничтожения заведомо гражданского населения, на основании чего армии США нередко предъявляют обвинение в сознательной политике геноцида корейского народа.

- Также можно отметить определенное занижение американской военной мощи и выставление этого противника тупым и способным воевать только в условиях заведомого стратегического преимущества.

Распространенность этой концепции в определенных российских кругах понятна. Отчасти она возникла как попытка заново доказать, что войну начал Юг. В этом случае получается, что, хотя войну как таковую начал Север, инициаторами конфликта были южане и американцы, и начало войны можно расценивать как попытку КНДР разрубить гордиев узел и нанести превентивный удар. Отчасти эта концепция возникла в противоположность версии «демократов» – пропагандистов, недостаточно хорошо знающих вопрос или готовых пожертвовать фактами ради концепции.

Можно обратить внимание на то, что носители обоих мифов совершают одни и те же распространенные ошибки. Характер этих ошибок довольно четко указывает на отсутствие именно корееведческих знаний, что не позволяет оценить ситуацию должным образом. Это понятно, так как большинство авторов популярных книг о Корейской войне являются военными, дипломатами, регионоведами, которые смотрят на войну как бы снаружи, в отличие от собственно корееведов, которые способны понимать ее изнутри.

▪ Пропагандистские шоры мешают им воспринимать картину комплексно, допустив, что и в СССР, и в США по стратегическим вопросам не было единодушия, а то или иное политическое решение может быть следствием нескольких причин, и не всегда одна из них является определяющей.

▪ Не принимаются во внимание внутренние факторы. Корея представляется неким абстрактным полем битвы между СССР и США, в то время как интересы Пхеньяна и Сеула описываются как не играющие ведущей роли. Ким Ир Сен и Ли Сын Ман предстают исполнителями, а не организаторами войны. Ситуация на Юге Кореи приводит к ложному представлению о том, что если бы не Сталин, война на Корейском полуострове не началась бы.

▪ Не учитываются формальные правила меры вовлеченности в конфликт, вследствие чего советское участие в войне приравнивается к американскому. Ведь о прямом участии Советского Союза в Корейской войне говорить нельзя: Северной Корее помогали оружием и советниками, а советские летчики в небе Кореи и Китая выполняли строго ограниченный комплекс задач по прикрытию стратегических народно-хозяйственных объектов КНДР и КНР. Но и ура-патриоты, и ненавистники СССР представляют это как полномасштабное участие в этой войне в качестве воюющей стороны.

▪ Представление об абсолютной компетентности и информированности лиц, принимавших ключевые решения. Игнорирование случайностей и человеческого фактора как «права на ошибку». Сегодня не до конца представляют, что в конце 1940-х — начале 1950-х годов информации о Корее у Москвы и Вашингтона было не так уж много, а та, которая была, могла быть «отретушированной».

Хотелось бы отметить работы последних лет, которые, по мнению автора, оказали определенное воздействие на общественное мнение, исходя из частоты их цитирования.

▪ *Орлов А. С., Гаврилов В. А.* Тайны Корейской войны. М., 2003.

Один автор — военный летчик, другой — бывший сотрудник военной разведки, имевший отношение к ситуации, но не являющийся профессиональным корееведом. Именно поэтому, приводя очень много интересных фактов из своей профессиональной области, они хуже владеют информацией о собственно корейских делах. Возможно, это связано с тем, что направленность книги,

которая вышла в серии «Военные тайны XX в.», вынуждает делать акцент именно на тайное противостояние СССР и США.

В целом это довольно типичная работа представителей «красного мифа», где нападение Севера на Юг объявляется провокацией американцев и их пособников, стремящихся развязать себе руки и осуществить объединение Кореи на выгодных им условиях.

▪ *Попов И. М., Лавренев С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. М., 2005.

Авторы во многом опираются на европейские источники и данные российских архивов, пытаясь достаточно подробно осветить все аспекты войны, в том числе — войны тайной. Внутрикореysкую ситуацию авторы знают недостаточно хорошо, и разделы их книги, посвященные ей, фактически являются пересказом других работ с большим количеством ошибок в транскрипции имен.

В тексте книги много ссылок на архивные материалы, что делает ее полезной для массового читателя как своего рода «цитатник».

▪ *Ванин Ю. В.* Корейская война (1950—1953) и ООН. М., 2006.

Как видно из названия, книга сконцентрирована на международных аспектах войны и анализе того, как этот вопрос рассматривался в ООН. Подробно описана и предыстория вопроса. Автор, кореевед старой закалки, ранее руководивший корейским отделом в Институте Востоковедения РАН, в целом придерживается левых взглядов, но демонстрирует высокую степень объективности.

▪ *Панцов А. В.* Большая игра кремлевского отца народов¹³.

По мнению автора — известного китаиста, Сталин не только «продавил» идею начать войну, но и сделал это для того, чтобы начать третью мировую, столкнув в военном конфликте Китай и Соединенные Штаты. Правда, такая точка зрения базируется в основном на личной оценке автором мотиваций и политики Сталина, хотя из приводимых им документов вполне можно сделать и совсем другие выводы. Автор, которому жесткая американская реакция на вторжение кажется естественной, недопонимает, что, с точки зрения ситуации лета 1950 г., такой ответ США был очевиден, и, принимая решение о вторжении, Москва и Пхеньян вполне могли рассчитывать на успешный блицкриг. Тем не менее на данный момент это, пожалуй, наиболее аргументированная работа «синего» направления.

▪ *Ледовский А. М.* СССР, США, Китай и корейский вопрос. Кто развязал корейскую войну? Мифы и факты (рукопись)¹⁴.

Основная ценность этой книги в том, что как профессиональный китаист (в годы войны А. М. Ледовский был генеральным консулом СССР в Шэньяне), автор обращает особенное внимание на роль китайского фактора, который как корейские, так и зарубежные историки действительно склонны преуменьшать.

С точки зрения Ледовского, понимая отсутствие мирного пути к объединению, СССР и США должны были проявлять максимальную осторожность и терпение, пресекая авантюристические устремления руководителей Севера и Юга, направленные на силовое решение вопроса. При этом лицом, ответственным за начало войны на Корейском полуострове, является не столько Сталин, сколько Мао Цзэдун, который вел двойную игру: с одной стороны, он поощрял северокорейское руководство решить вопрос объединения в рамках его доктрины коммунизации Азии, с другой — докладывал Сталину, что отвергает подобные намерения Ким Ир Сена.

▪ *История Кореи (Новое прочтение).* М., 2003.

В этом учебнике, созданном группой авторов под эгидой МГИМО, раздел, посвященный Корейской войне, написали В. И. Денисов, преподаватель МГИМО и экс-посол РФ в КНДР, и В. П. Ткаченко, длительное время руководивший Центром корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. Корейская война там особо не выделяется, но авторы отмечают, что в конце 1949 — начале 1950 г. интенсивность вооруженных конфликтов на 38-й параллели была так велика, что они больше напоминали ведение позиционной войны с применением как стрелкового оружия, так и артиллерии.

Что же до причин войны, то авторы полагают, что Сталин решился на войну по нескольким причинам. Помимо известного заявления госсекретаря США Д. Ачесона, победы коммунистов в Китае и создания советской атомной бомбы, авторы обращают внимание еще на два фактора. Во-первых, необъявленная война шла фактически с весны 1949 г., и эта проблема нуждалась в решении. В Москве понимали, что от более серьезных военных действий Ли Сын Мана удерживает только слабость его армии, и превентивный удар мог рассматриваться как эффективная мера

пресечения длительного и выматывающего конфликта. Во-вторых, КНР в это время была готова продолжать военные действия и захватывать Тайвань, чей режим пользовался более явной поддержкой Соединенных Штатов. Конфликт там имел гораздо больше шансов перерасти в третью мировую, и потому, с точки зрения Москвы, война в Корее могла рассматриваться как меньшее зло¹⁵.

▪ *Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.

В этой книге Корейской войне посвящена отдельная часть, название которой «“Великая ограниченная война” на Корейском полуострове», которая довольно четко отражает позицию авторов. С их точки зрения, «... война в Корее вспыхнула вначале в качестве внутреннего гражданского противоборства между северянами и южанами, между коммунистами просоветской ориентации и правыми националистами проамериканской ориентации. В дальнейшем, после прямого и опосредованного вмешательства великих держав, произошла стремительная интернационализация конфликта, что само по себе создало новую опасную угрозу всей системе международной безопасности и стабильности»¹⁶.

Выводы

Тема Корейской войны продолжает занимать определенное место в российской историографии, хотя далеко не все работы на эту тему написаны специалистами-корееведами. При этом вопросы Корейской войны по-прежнему остаются достаточно политизированной темой, связанной с различным отношением «заинтересованных групп» к советскому периоду истории России. Из-за этого пропагандистская составляющая таких трудов часто преобладает над объективным историческим подходом.

В то же время в работах российских корееведов к настоящему времени выработался определенный консенсус. Корейская война воспринимается ими как гражданская, спровоцированная расколом страны и усугубленная внешним вмешательством.

¹ www.hrono.ru/libris/lib_h/hrush39.html

² *Тихомиров В. Д.* Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М., 1998. С. 33.

- ³ Этот военно-исторический очерк Корейской войны был разработан еще в 1950-е годы и являлся закрытым материалом, предназначенным для генералов и офицеров.
- ⁴ Война в Корее, 1950–1953. СПб.: Полигон, 2003. http://militera.lib.ru/h/korea_50_53/02.html
- ⁵ Капица М. С. На разных параллелях. Записки дипломата. М. 1996. С. 219.
- ⁶ Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М.: «Анкил», 1995.
- ⁷ Везерсби К. Советские цели войны в Корее. 1945–1950. Холодная война. Новые подходы. Новые документы. М., 1995. С. 315.
- ⁸ Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет // Материалы международной научно-теоретической конференции (Москва, 23 июня 2000 г.). М., 2001.
- ⁹ Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг. М., 2000.
- ¹⁰ Торкунов А.В. Корейская война: уроки истории // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Материалы 4-й научной конференции корееведов. Москва, 15–16 марта 2000 г. М., 2001. С. 130-140.
- ¹¹ На картах военных действий Советский Союз традиционно отмечал действия «своих» красным цветом, а США — соответственно синим или голубым, оставляя красный для обозначения противника.
- ¹² <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/00/343/52.html>
- ¹³ Панцов А. В. Большая игра кремлевского отца народов // Независимое военное обозрение. 2008. http://nvo.ng.ru/history/2008-07-18/10_stalin.html
- ¹⁴ Рукопись, которая, однако, оказалась довольно широко распространена в научных кругах.
- ¹⁵ История Кореи (Новое прочтение). С. 339–340.
- ¹⁶ Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. С. 131–132.

*В. А. Тен**

ОБ УЧАСТИИ АВСТРАЛИИ В КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЕ

До окончания Второй мировой войны Австралия полностью держалась в русле внешней и оборонной политики Великобритании. После войны — в условиях холодной войны и роста национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии — австралийское правительство стало переходить от своего прежнего патрона к новому покровителю в лице США. Поэтому логично, что Австралия приняла участие в корейской гражданской войне, действуя в составе «Объединенных вооруженных сил ООН» под американским командованием.

Написавший официальную историю участия Австралии в корейской войне Роберт О'Нил утверждает, что именно «корейская война дала Австралии редкую возможность официально вступить в союз с Соединенными Штатами»¹. Критик О'Нила историк Г. Маккормак подчеркивает, что роль Австралии в Корее началась с конца 1947 г. в учрежденной ООН Временной комиссии для решения корейской проблемы. По его мнению, вплоть до начала боевых действий в июне 1950 г. Австралия была «вовлечена в корейские дела больше, чем любая другая страна, за исключением двух великих держав, США и Советского Союза»².

Когда начались бои в Корее, Австралия стала первой — после США — страной, обязавшейся направить туда подразделения всех трех видов войск: ВМФ, ВВС и пехоту. В последующие полвека австралийские войска также участвовали во всех локальных конфликтах в Азии, в которых воевали США: от Вьетнама до Афганистана.

Несмотря на немногочисленность (17 тыс.) австралийских военнослужащих, воевавших в Корее, нельзя считать, что в Австралии забыли о своем участии в этой войне. Правда, после ее окончания в странах, воевавших в Корее под флагом ООН,

* МГОУ, Московская обл.

четверть века старались не вспоминать о ней³. Макс Хастингс объяснял это тем, что «многие люди на Западе — целое поколение — были счастливы забыть о Корее после окончания войны, омраченного привкусом дорого обошедшегося тупика, лишённого всякого намека на славу»⁴. В Австралии выражение «забытая война» относится к периоду 1955—1980 гг. По оценке Г. Маккормака, «с 1953 г., когда закончилась корейская война, до 1981 г. в Австралии не была опубликована ни одна монография или научная статья об этой войне»⁵. Правда, Маккормак не учитывает книгу Н. Барлетта «Вместе с австралийцами [военными] в Корее» (1954), видимо потому, что она представляет собой не научную монографию, а документально-публицистическую работу⁶.

Ситуация начала меняться после опубликования в 1981 г. 1-го тома («Стратегия и дипломатия») книги Роберта О'Нила «Австралия в корейской войне»⁷. К 2000 г. участие австралийских вооружённых сил в корейской войне было описано примерно в 10—12 книгах. А с началом XXI в. число публикаций резко растёт, особенно мемуарного и источникового характера. На начало 2010 г. библиография имеющихся в Национальной библиотеке Австралии книг об участии этого государства только в корейской войне насчитывает уже 37 названий⁸.

В российской исторической литературе эта тема не получила отдельного освещения, что вполне объяснимо ее незначительностью как для истории, так и для внешней политики нашей страны в советское время. В 1990-е годы появились военно-исторические публикации и журнальные статьи документального и мемуарного характера, где чаще всего описываются действия советских летчиков в Корее, в том числе и против самолетов австралийской 77-й авиаэскадрильи⁹. Многие монографические издания последних 10 лет, посвященные корейской войне, вообще не касаются участия в ней под флагом ООН других стран — кроме США и Великобритании. Иногда авторы ограничиваются упоминанием Австралии в контексте действий основных участников войны в Корее¹⁰.

В настоящее время Республика Корея и Австралия играют все возрастающую роль в экономике и политике Восточной и Юго-Восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Обе страны успешно вовлечены не только в региональное и глобальное, но и двустороннее сотрудничество. Поэтому представляется

достаточно актуальным изучение в России не только современного состояния австралийско-южнокорейских отношений, но и их истории, в частности рассмотрение политических аспектов вступления Австралии в корейскую войну, особенно спорных его моментов, а также уточнение реального значения роли Австралии в этой войне.

Австралийская историография «корейского вопроса» придерживается традиционного, антикоммунистического и антисоветского, подхода в изучении истории войны в Корее и участия в ней Австралии. Большинство авторов писали, что австралийское общество и политические партии были едины в «корейском вопросе». О'Нил утверждал, что в «австралийском парламенте была двусторонняя поддержка вовлеченности страны в войну»¹¹. В действительности, на начало военных действий в Корее австралийские политические партии реагировали по-разному. Либеральная и Аграрная (Сельская) партии составляли коалиционное правительство Австралии, возглавляемое лидером либералов Робертом Мензисом. Правительство Р. Мензиса сразу же последовало примеру Соединенных Штатов и поддержало резолюцию № 82 Совета Безопасности ООН от 27 июня 1950 г. Оно немедленно предложило свою военную помощь для ее совместного выполнения. Оппозиционная Лейбористская партия не сразу смогла определить свою политику в корейском вопросе. Так, 1 июля лидер лейбористов Дж. Б. Чифли объявил, что руководство его партии примет решение о своей позиции на заседании, назначенном на 5 июля¹². Лейбористов упрекали, что они опасаются влияния прокоммунистических членов партии, которые уже выступали против поддержки Австралией борьбы с коммунистами в Малайе. Столичная газета призывала лейбористов «осудить коммунистическую точку зрения и одобрить действия правительства» Мензиса¹³.

В течение менее одного месяца позиция лейбористов в корейском вопросе меняется. К середине июля 1950 г. партия выражает принципиальную поддержку «активному участию Австралии в корейской войне». Чифли призывает Мензиса твердо стоять вместе с США в ООН и заставить северокорейцев вернуться за 38-ю параллель. Резолюция конференции лейбористов штата Новый Южный Уэльс теперь клеймит СССР как «зачинщика корейской войны». Но на этой конференции некоторые влиятельные лейбористы призыва-

ли к взвешенному подходу в корейской войне. Например, бывший министр иностранных дел Г. Эват заявил, что «третья мировая война легко может возникнуть из корейской войны, если она будет продолжаться неопределенно долго, а интенсивность боев будет нарастать». Поэтому он предлагал, чтобы Австралия «непосредственно участвовала в планировании всех военных действий» в Корее¹⁴.

Компартия Австралии провела 3 июля 1950 г. «достаточно большой митинг» коммунистов и членов левых профсоюзов, в резолюции которого резко осудила премьер-министра Мензиса. Участники митинга «заклеймили вмешательство США как преступную агрессию». Резолюция, принятая на этом митинге, призвала «к выводу всех иностранных сил вторжения в Корею» и поддержала «политику невмешательства» в корейские дела. Генеральный председатель компартии Диксон назвал правящий класс Америки «зачинщиком» событий в Корее, во имя интересов которого «мы находимся на грани третьей мировой войны». Он обвинил правительство не только в поддержке «грязной войны» в Корее, но и в том, что Мензис «хочет отдать народ Австралии в залог [США] без каких-либо консультаций с ним, парламентом или своим собственным кабинетом». Назвав решение СБ ООН по Корее «незаконным» по причине «отсутствия единогласия между великими державами», Диксон призвал австралийцев «бороться против этой войны»¹⁵. Но уже осенью 1950 г. влияние коммунистов на общественное мнение резко упало. Когда популярный политик, член компартии, призвал австралийских военнослужащих не участвовать в корейской войне и «оставаться дома, чтобы бороться за улучшение условий» жизни, аудитория реагировала весьма негативно и даже враждебно¹⁶. Правда, обе попытки (1950 г. и 1951 г.) запретить компартию Австралии не удалось.

Начало войны в Корее было использовано Мензисом для нового призыва к Канаде и другим державам «объединиться в Тихоокеанском оборонительном пакте». Это предложение не нашло тогда поддержки ни у Канады и Индии, ни даже у США и Англии, которые считали преждевременным создание такого союза¹⁷. Но ссылка на боевые успехи австралийских летчиков позволила австралийскому министру иностранных дел получить 13 сентября 1950 г. согласие Г. Трумэна на заключение договора об АНЗЮС. В феврале 1951 г. был парафирован проект договора,

а в сентябре того же года Австралия, Новая Зеландия и США образовали военно-политический блок АНЗЮС.

В течение лета 1950 г. в политической жизни Австралии фактически прекратились острые противоречия и дебаты по корейской проблеме. Оппозиционная Лейбористская партия официально поддержала внешнеполитический курс правящей коалиции в Корее. «Согласно опросам населения, 70% австралийцев поддержали решение об отправке австралийских войск» в Корею¹⁸. В 1950 г. была введена «всеобщая воинская повинность». О'Нил полагал, что «австралийское правительство, несмотря на давление критиков левого крыла его военной политики в 1952–1953 гг., сумело сохранить значительную поддержку общественности в этом конфликте»¹⁹. Основной причиной поддержки была вера в легитимность действий ООН в Корее.

При этом удивительно, что австралийская пресса уделяла мало внимания участию австралийских подразделений в военных действиях. «Canberra Times» опубликовала с 1 июля по 31 декабря 1950 г. всего 6 материалов по этой тематике. За этот же период внутриполитическим дебатам по корейскому вопросу было посвящено 9 сообщений и статей, а международным аспектам участия Австралии в корейской войне — 13 сообщений. Такое соотношение вполне объяснимо, потому что даже решения о присоединении австралийских подразделений к силам США в Корее были приняты очень быстро: «29 июня 1950 г. [направить] фрегат и эсминец, 30 июня — 77-ю авиаэскадрилью и 26 июля — 1 пехотный батальон»²⁰. Всего в первый год войны Австралия послала в Объединенные силы ООН 1 пехотный батальон, 1 авиаэскадрилью, 1 легкий авианосец с 3 авиаэскадрильями и попарно сменявших друг друга 4 эсминца и 4 фрегата.

Уже 2 июля 1950 г. один австралийский эсминец присоединился к 7-му флоту США в районе Тайваня. В тот же день истребители «Мустанг» 77-й эскадрильи Королевских австралийских ВВС (RAAF) выполнили свою первую военную задачу, сопровождая американское транспортное судно в Корею²¹. В боевые действия над территорией Кореи самолеты RAAF летом 1950 г. не вступали как из-за «плохой погоды», так и из-за того, что они «еще не приспособлены для посадки по приборам». Поэтому было принято решение, что 77-я эскадрилья ограничится лишь конвойными и

патрульными действиями, пока пилоты «не ознакомятся с местностью Кореи»²².

3-й батальон Королевского австралийского полка (RAR) высадился в Пусане 28 сентября 1950 г.²³ Вскоре численность батальона была увеличена вдвое благодаря пополнению его 39 офицерами и 971 солдатом. Этот батальон участвовал в войне до заключения перемирия и вернулся домой только в марте 1954 г.²⁴ В период позиционной войны были задействованы также 1-й батальон RAR (март 1952 г. — март 1953 г.), а также сменивший его в марте 1953 г. 2-й батальон RAR, который убыл из Кореи в апреле 1954 г.²⁵ Австралийские подразделения были частью более крупного соединения сухопутных войск Содружества, которое позднее было переименовано в 27-ю бригаду²⁶. В июле 1951 г. эта бригада вместе с 25-й канадской и 29-й британской бригадами образовали 1-ю дивизию сил Содружества в Корею²⁷. По мере продолжения боевых действий некоторые страны были готовы вывести свои войска из Кореи. Австралия, наоборот, как отмечалось выше, послала еще один свой батальон (1-й батальон RAR). Он воевал вместе с 3-м батальоном почти год, до марта 1953 г.²⁸ Военный историк Макс Хастингс назвал оба австралийских батальона «исключительно хорошими»²⁹.

3-й батальон Королевского австралийского полка провел свой первый бой в корейской войне 22 октября 1950 г. около г. Енджу. По другим сведениям, он провел одну успешную операцию 17 октября 1950 г. у г. Саривон. А 29 октября того же года австралийцы участвовали в наступлении, вынудившем противника отступить на север до г. Чонджу, недалеко от китайской границы³⁰. В течение 1951 г. австралийские сухопутные войска участвовали в целом ряде боев, но особенно успешно проявили себя в сражениях в Капенге 23—25 апреля 1951 г. и за гору Марян 3—15 октября 1951 г. В длившихся трое суток боях в долине Капенг 900 австралийцев и столько же англичан и канадцев отбили наступление 10 тыс. китайских добровольцев. Австралийцы потеряли при этом 32 человека убитыми и 53 ранеными. За участие в этом бою 3-й батальон был отмечен в приказе президента США и получил ленту отличия США. Австралийский подполковник Брюс Фергюсон был награжден британской медалью³¹.

Вторым крупным для австралийцев сражением была «Операция Коммандо», или сражение за гору Марян («Высота 117»), ког-

да 3-й батальон после 5 дней наступления в излучине р. Имчжин (в районе Сеула) вынудил отступить превосходящие силы китайских войск. Австралийские потери составили 20 человек убитыми и 89 ранеными³². Роберт О'Нил писал об этом сражении: «В этом бою 3-й батальон Королевского австралийского полка одержал одну из самых впечатляющих побед, когда-либо достигнутых силами одного австралийского батальона... Победа при Марян-Сане — это, вероятно, наибольший подвиг, самостоятельно совершенный австралийской пехотной частью во время корейской войны»³³.

В дальнейшем в ходе позиционной войны австралийская пехота ничем особенным себя не проявила. Не случайно Роберт О'Нил характеризует последние 2 года корейской войны как «скорее войну командиров взводов, чем войну генералов»³⁴. Тем не менее к осени 1952 г. потери австралийской пехоты составили 1014 человек, включая раненых³⁵.

И хотя в печатных изданиях страны утверждалось, что австралийские пехотные подразделения «внесли важный вклад в военные усилия ООН в Корею»³⁶, это скорее следует считать данью патриотического преувеличения. По данным на май 1952 г., доля Австралии в общей численности пехотных частей Объединенных сил ООН равнялась примерно 0,3%.

В корейской войне было задействовано более 190 военных кораблей сил ООН, включая 9 австралийских (4,7%): 1 легкий авианосец, 4 эсминца и 4 фрегата. Уже 1 июля 1950 г. фрегат Shoalhaven и эсминец Vataan присоединились к американским и британской эскадрам, направлявшимся для морской блокады Корейского полуострова³⁷. Но лишь через месяц эсминец Vataan провел свой первый бой, обстреляв северокорейскую береговую батарею. Вскоре после этого и другие австралийские суда были развернуты возле берегов Кореи для обстрела береговых сооружений и линий снабжения. В течение войны австралийские корабли, кроме авианосца «Сидней», участвовали в боевых действиях попарно, сменяя друг друга. Фрегат Murchison принимал участие в блокаде р. Хан с июля по сентябрь 1952 г. Кроме того, в 1951 — 1953 гг. австралийские корабли охраняли занятые Южной Кореей острова возле западного побережья Северной Кореи. Австралийцы сохранили все свои корабли, а потери экипажей судов были минимальны: 1 убитый, двое пропавших без вести и 6 человек раненых³⁸.

Морская авиация Австралии, действовавшая в корейской войне, состояла из 3 эскадрилий, базировавшихся на авианосце «Сидней». Он вступил в боевые действия в конце 1951 г. Его самолеты бомбили наземные силы противника, а также прикрывали авианосец от атаки с воздуха. За время войны было сбито 10 самолетов авианосца «Сидней» и повреждено зенитным огнем 80 самолетов, при этом 3 пилота погибли, а 1 летчик был ранен³⁹. Старший офицер Королевского австралийского флота Дж. Х. Страчек приводит несколько иные данные о потерях австралийской морской авиации: 11 сбитых и 77 поврежденных самолетов⁴⁰.

Военно-воздушные силы Австралии, участвовавшие в корейской войне, состояли из 77-й эскадрильи Королевских австралийских ВВС, имевшей вначале 40, а позднее 99 самолетов, 1 звена из 4 транспортных самолетов и обслуживающих наземных подразделений. Основную часть военно-воздушных операций в Корею совершали летчики 77-й эскадрильи, летавшие до апреля 1951 г. на поршневых устаревших истребителях-бомбардировщиках P-51 Mustang. К этому времени австралийцы потеряли 14 машин, сбитых зенитным огнем китайцев и северокорейцев⁴¹. Первое шоковое впечатление на австралийских летчиков произвел факт гибели командира 77-й эскадрильи, «Мустанг» которого был сбит 9 сентября 1950 г.

Появление МиГ-15 сильно осложнило существовавшее до тех пор безраздельное господство американских ВВС в корейском небе. Командование RAAF приняло решение перевооружить 77-ю эскадрилью реактивными истребителями. Американцы не нашли возможности предоставить новейшие самолеты F-86 «Сэйбр», поэтому австралийцы приняли на вооружение истребители британского производства «Глостер Метеор Mk 8»⁴². Но и эти самолеты были хуже, чем истребители «Сэйбр», на которых летали американцы. Поэтому австралийские пилоты хронически завидовали летавшим на «Сейбрах»⁴³.

Первый бой между австралийскими «Метеорами» и китайскими МиГаами произошел 25 августа 1951 г. и закончился без потерь с обеих сторон⁴⁴. После появления советских МиГов ситуация для австралийцев ухудшилась. Так, 30 октября 1951 г. в районе Пхеньяна «относительно небольшая группа из 16 МиГ-15 внезапно атаковала 16 самолетов “Метеор-4”. 12 “Метеоров” было сбито, МиГи потерь не

имели»⁴⁵. Своей первой победы над МиГ-15 летчики 77-й эскадрильи добились 1 декабря 1951 г. По данным австралийской стороны, «по меньшей мере, один из 50 МиГов, атаковавших 14 «Метеоров», был сбит. При этом 3 австралийских самолета были повреждены, а один из их пилотов был взят в плен в районе Пхеньяна»⁴⁶.

Боевая репутация летчиков 77-й эскадрильи способствовала дипломатическому успеху правительства Р. Мензиса, оказав влияние на заключение пакта АНЗЮС. Но за свои успехи 77-я эскадрилья заплатила высокую цену. За 3 года боев «54 “Метеора” из 99 имевшихся в эскадрильи были сбиты; погибли 40 летчиков. Из них 30 пилотов были убиты в бою, 8 — умерли из-за аварий в воздухе и двое — в результате несчастных случаев на земле. Шестеро летчиков были захвачены на земле и попали в плен»⁴⁷.

По подсчетам российского автора А. И. Суровцева, «война в Корею в целом стоила им [США и их союзникам] 4000 машин»⁴⁸. Потери австралийских ВВС составляют от 1 до 2% общих потерь авиации союзников. Доля Австралии в авиации союзников была менее 4% (99 из 2400 самолетов в 1953 г.)⁴⁹, т.е. так же невелика.

В общей сложности в 1950–1953 гг. прошли через корейскую войну 17 тыс. австралийских военнослужащих. Из них, по западным данным, 339 человек погибли и 1245 были ранены или пропали без вести⁵⁰. Число военнопленных австралийцев было незначительным: 29 человек, из которых только 1 человек умер в плену⁵¹.

За участие в корейской войне награды и знаки отличия получили «615 австралийских военнослужащих, в том числе 173 человека были награждены другими странами»⁵². Но, по мнению Г. Маккормака, для Австралии «корейский вопрос всегда был вторичным, в том числе и в ведении войны не меньше, чем в дипломатии вокруг него». Поэтому он называет АНЗЮС «вознаграждением, причитающимся Австралии» и уточняет, что «АНЗЮС был для Австралии, пожалуй, самым выдающимся и длительным результатом ее обязательств в Корею»⁵³. Действительно, для австралийского правительства самым важным стало подписание договора АНЗЮС с США и Новой Зеландией.

Реальное участие австралийских военных в боевых действиях 1950–1953 гг. было несущественным. Роль Австралии в корейской войне скорее можно оценить как демонстративную, предна-

значенную показать приверженность этой страны внешней политике Соединенных Штатов Америки⁵⁴. На протяжении более полувека курса на союз с США придерживается и Южная Корея. Начавшееся во время корейской войны сотрудничество двух стран получило новейшее продолжение 5 марта 2009 г., когда Австралия и Республика Корея подписали соглашение об усилении сотрудничества в области обороны⁵⁵.

¹ The Korean War and Australia. Australian War Memorial Anniversary Oration by Robert O'Neill 11 November 2003. Talks at the Memorial. <http://www.awm.gov.au/events/talks/oration2003.asp/>

² *McCormack, G.* Cold war, hot war. An Australian perspective on the Korean war. Sydney, 1983, P. 21.

³ См., напр.: *Blair C.* The Forgotten war: America in Korea. New York, 1987; *Hooker, J.* Korea: the forgotten war. Sydney, 1988.

⁴ *Hastings, M.* The Korean war. L., 1988, P. XIV.

⁵ *McCormack, G.* Op. cit. P. 168.

⁶ *Bartlett, N.* With the Australians in Korea. Canberra, 1954.

⁷ *O'Neill, R.J.* Australia in the Korean War, 1950–1953. Vol. 1. Canberra, 1981.

⁸ <http://catalogue.nla.gov.au>

⁹ Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет. М., 2001; *Лобов Г.А.* В небе Северной Кореи //Авиация и космонавтика. 1990. № 11. С. 31–32; *Крылов Л., Тенсуркаев Ю.* Хроника потерь истребительной элиты. Корея, 1951–1953// Мир авиации. 1996. № 1; *Сеидов И.* Метеоры терпят фиаско // Мир авиации. 1995. № 2 и др.

¹⁰ См., напр.: *Ванин Ю.В.* Корейская война (1950–1953) и ООН. М., 2006. С. 7, 36, 43, 100–101, 155; *Орлов А.С., Гаврилов В.А.* Тайны корейской войны. М., 2003. С. 44–45, 75, 95, 102, 180; *Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н.* Корея в огне войны. К 55 –летию начала войны в Корее 1950–1953 гг. М.-Жуковский, 2005. С. 104, 108, 109, 114, 273, 274, 517.

¹¹ <http://www.awm.gov.au/events/talks/oration2003.asp/>

¹² The Canberra Times. 01.07.1950.

¹³ The Canberra Times. 03.07.1950.

¹⁴ См.: The Canberra Times. 05, 06, 17, 24. 07; 14.08.1950.

¹⁵ The Canberra Times. 03.07.1950.

¹⁶ The Canberra Times. 11.09.1950.

¹⁷ The Canberra Times. 08.07.1950.

¹⁸ *McCormack G.* Op. cit. P. 106, 164.

¹⁹ <http://www.awm.gov.au/events/talks/oration2003.asp/>

²⁰ См.: *McCormack. G.* Op. cit. P. 100.

²¹ The Canberra Times. 03.07.1950.

²² Ibid.

²³ <http://www.awm.gov.au/atwar/korea.asp>

²⁴ В книге «Корея в огне войны» (2005) авторы не вполне точно называют этот батальон «бригадой». См.: *Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н.* Указ. соч. С. 109.

²⁵ *Hastings, M.* Op. cit. P. 443.

²⁶ <http://www.awm.gov.au/exhibitions/korea/ausinkorea/army/>

²⁷ The Korean War and Australia. Oration by Robert O'Neill 11 November 2003. Op. cit.

²⁸ <http://www.awm.gov.au/exhibitions/korea/ausinkorea/index.asp>

²⁹ *Hastings, M.* Op. cit. P. 287.

³⁰ <http://www.anzacday.org.au/history/korea/austinvolv.html>

³¹ <http://www.awm.gov.au/exhibitions/korea/ausinkorea/army/>

³² Ibid.

³³ *O'Neill, R.J.* Australia in the Korean War, 1950–1953. Vol. 2. Op. cit. P. 348.

³⁴ <http://www.awm.gov.au/events/talks/oration2003.asp>

³⁵ The Canberra Times. 15.09.1952.

³⁶ <http://www.awm.gov.au/exhibitions/korea/ausinkorea/army/>

³⁷ *Straczek J.H.* RAN in the Korean war. http://www.diggerhistory.info/pages-navy/ran_korea.htm/

³⁸ *Straczek J.H.* Op. cit.

³⁹ <http://www.awm.gov.au/exhibitions/korea/ausinkorea/navy/>

⁴⁰ *Straczek J.H.* Op. cit.

⁴¹ http://www.awm.gov.au/units/subject_721.asp

⁴² *Крупник Вл.* Метеоры против МИГов. <http://www.argo.net.au/andre/MIGandMETEORS1.html>

⁴³ *Hastings, M.* Op. cit. P. 316.

⁴⁴ *Крупник Вл.* Указ. соч.

⁴⁵ См.: *Орлов А.С., Гаврилов В.А.* Указ. соч. С. 180.

⁴⁶ <http://www.awm.gov.au/exhibitions/korea/ausinkorea/raaf/>

⁴⁷ <http://www.awm.gov.au/exhibitions/korea/ausinkorea/raaf/>

⁴⁸ *Суровцев А.И.* Война в небе Кореи // Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет. М., 2001. С. 122.

⁴⁹ *Орлов А. С., Гаврилов В. А.* Указ. соч. С.143.

⁵⁰ Подсчитано авт. по: *Hastings, M.* Opus cit. P. 407; *Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н.* Указ. соч. С. 517.

⁵¹ <http://www.kmike.com/oz/kr/chapter24.htm>

⁵² См.: *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Указ. соч. С. 517.

⁵³ <http://www.awm.gov.au/exhibitions/korea/armistice/>

⁵⁴ *McCormack, G.* Op. cit. P. 166, 167, 102.

⁵⁵ <http://www.rosbalt.ru/2009/03/05/623419.html>

О. В. Дьякова*

ПРОБЛЕМА БОХАЯ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В китайской историографии оценка государства Бохай отличается стабильностью и за более чем тысячелетнюю историю практически не претерпела каких-либо серьезных изменений. Подобная стабильность базируется на письменных источниках, в частности на китайских династийных хрониках. Бохаю посвящены небольшие разделы в «Цзю Тан шу», в «Синь Тан шу», а также в более позднем источнике «Вэньсянь тункао». В них изложены основные вехи бохайской истории, отмечена дипломатическая деятельность и зафиксирована генеалогия тунгусо-маньчжурских племен — сушени—илоу—мохэ—чжурчжэни—маньчжуры. Поскольку основу государства Бохай составляли племена сумо мохэ, то и бохайский этнос включался в эту же генеалогическую цепь.

Однако китайская интерпретация в последние десятилетия встретила резкое противостояние со стороны южнокорейских исследователей. Подобное положение прямо связано с политической ситуацией, сложившейся в регионе. Причем каждая из сторон оперировала практически одним и тем же объемом восточноязычных, преимущественно китайских, письменных источников, интерпретируемых специалистами по-разному, в зависимости от интересов своих стран. В аргументации китайских исследователей появились новые доводы и новые подходы к проблеме.

Исторический контекст возникновения Бохая. Корейский полуостров и Маньчжурия с древности являлись территорией агрессивных притязаний Китая, Японии и других этносов, регулярно создававших многочисленные военные конфликты. В VII в. на Дальнем Востоке сложилась беспокойная обстановка. Танский

* ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.

Китай вел активные завоевательные войны: в 630 г. он уничтожил Первый тюркский каганат, в 668 г. — государство Когурё и переселил часть племен сумо мохэ, входивших в состав этого государства, в северные пограничные районы Китая (совр. г. Чаян). Начиная с династии Хань практика переселения захваченных племен была обычной для Китая, перемещавшего покоренные этносы в контролируемые и безопасные места. «Если само вторжение нарушило политические отношения, сложившиеся в этом регионе между киданями, сумо мохэ, хэйшуй мохэ, когурёсцами, то падение Когурё создало здесь своеобразный политический вакуум. Первыми его попытались заполнить победители-китайцы, создав здесь наместничество Аньдун. Оно оказалось весьма непрочным и вынуждено было менять свои границы»¹.

В 696—697 гг. против Китая подняли восстание кидани. Данной неурядицей воспользовались переселенные племена сумо мохэ, томившиеся к тому времени в изгнании уже 30 лет (с 668 по 698 г.), однако не забывшие о своей родине и не растратившие воинский дух. Сумо мохэ снялись с отведенных им мест и ушли на северо-восток в свои родные земли. Им удалось объединить вокруг себя часть других родственных племен, а также когурёсцев, имевших опыт в государственном строительстве и умевших организовывать административную систему. В ответ на такое самоуправство танский Китай предпринял карательный поход на сумо мохэ с целью вернуть всех «на места своя». Поход кончился для Тан неудачей. В 698 г. сумо мохэ провозгласили мохэское государство Чжэнь, вождем которого стал Да Цзожун. Государство Чжэнь включало значительные территории Приморья, Северной Кореи и Маньчжурии. По составу оно было полиэтничным. В него входили, помимо нескольких мохэских племен, когурёсцы, китайцы, палеоазиаты. На севере Чжэнь граничило с племенами хэйшуй мохэ, на юге — с государством Силла, на юго-западе — с киданями, на северо-западе — с шивэй (древними монголами). Согласно письменным источникам, данное государство «...имело территорию в 5 тыс. ли... по квадрату»². В 713 г. Чжэнь после урегулирования отношений с танским Китаем благополучно было переименовано в Бохай. Бохай имел 5 столиц, которые нужны были для постоянных переездов *вана* со свитой по различным провинциям, дабы пресекать сепаратизм и осуществлять контроль. В Бохае

было 15 областей. В каждую область входило 62 округа, каждый округ включал 125 уездов. Уезд состоял из одного или нескольких городов и окружавших их поселков. Административный аппарат состоял из 2-х министерств, в которые входили по 3 отдела и по 3 ведомства. В Бохэе чиновники имели ранги и соответствующую рангам одежду и знаки отличия.

Дипломатические отношения Бохэя. После того как Бохай позиционировал себя на политической арене Азии в качестве самостоятельного государства, хотя и в традиционном для того времени положении вассала, он начал устанавливать дипломатические отношения с окружающим миром, и в первую очередь со своими ближайшими соседями – Силла, тюрками, Японией, Тан. Чтобы выжить, необходимо было позаботиться об организации безопасности своего государства. Для этого требовались союзники, поскольку существовала реальная угроза, в первую очередь нападения Китая, хотя и другие этносы не проявляли особой благосклонности и каждый действовал в своих интересах и в соответствии с военно-политическими и экономическими реалиями. С юга по рекам Тэдонган и Йонхынган проходила бохайско-силласская граница.

Хотя Силла в 700 г. и признала государство Чжэнь в качестве «ачхан», т.е. в качестве равного себе, но уже в 713 г. построила крепости на границе с Бохэем, затем, несколько позднее, возвела пограничную стену. Каждое из двух государств искало союзников для уничтожения друг друга. Силла стремилась найти поддержку у Китая и зажать Бохай с флангов. С Силла у Бохэя были достаточно сложные отношения. По мнению современных ученых Южной Кореи, в VII в. Силла выступила как национальный предатель Кореи, оказав поддержку Китаю по уничтожению Когурё и Пэкче, а по мнению северокаорейских ученых, «Силла занималась низкопоклонничеством перед великими державами»³.

Бохайцы пытались заручиться поддержкой Японии, о чем имеются не только письменные, но и археологические артефакты. Для решения задачи безопасности Бохэя была создана дипломатическая служба, в которой, еще до создания государства, весьма преуспели мохэские племена, многократно посылавшие свои посольства в Китай и имевшие определенные отношения с Японией и тюрками, а также получившие богатый опыт лавирова-

ния во времена «эпохи великого переселения народов», выступая в качестве военного контингента то на стороне тюрков, то киданей, то Когурё, то Китая. Бохай не только унаследовал эту тактику, но и значительно преуспел в этом. В целом же политическая ситуация была сложной, достаточно быстро менялась, часто переходя с одного полюса взаимоотношений на другой. Примером тому может служить ситуация с тюрками. В Восточной и Центральной Азии в VIII в. в геополитических отношениях тюрки играли первостепенную роль. Они являлись главными противниками танского Китая и активно мешали проводить ему экспансионистскую политику в отношении северных территорий. Бохай в случае, когда Тан начинал расширять свою территорию, не противодействовал этому. Но как только Китай слабел, а мощь тюрков, наоборот, усиливалась, – Бохай примыкал к тюркам и принимал участие в противостоянии Китаю.

Дипломатические отношения Бохай – Тан. Китайский император, чтобы контролировать ситуацию в регионе, в 705 г. сам прислал посла в Бохай, что означало принятие в сюзеренитет. При Да Цзожуне отношения Бохэя с Китаем были уравновешенными. Бохай поддерживал дипломатические связи со всеми соседними государствами, но особенно тесные контакты были с Китаем. Согласно «*Синь Тан шу*», Бохай отправлял посольства в Тан: Да Цзожун – 1 раз, Да Уи – 1 раз, Да Циньмао – 54 раза, Да Сунлинь – 4 раза, Да Жэньсю – 22 раза, Да Ичжэнь – 16 раз, Да Сюаньси – 3 раза. Всего – 101 по одной версии, и 130 – по другой⁴.

В 712 г., после нормализации отношений с танским Китаем, Цзожун получил от Китая титул *вана* префектуры Бохай, генерал-губернатора округа Хуань и автоматически утратил свое «мохэское» название. По оценке российских ученых, этот акт преследовал двойную цель. Титул *вана* «...сам по себе повышал статус правителя до независимого, но в соединении с префектурой, генерал-губернаторством, воскрешением топонима ханьского вассального владения (Бохэй), вытеснением мохэского звания – он придавал правителю вассальные функции». Да Цзожун как вассальный правитель был обязан присылать в качестве заложника к танскому двору одного из своих сыновей и отправлять с «данью» своих послов в Тан. Это была обычная практика, и степень независимости определялась удаленностью от Китая, а также военной и экономической мощью вассала.

В 719 г. Да Цзожун умер. Его сын Да Уи при вступлении на престол ввел свой девиз правления, что являлось исключительной привилегией Тан и Японии. Это означало, что Бохай независим и претендует на расширение своей территории за счет ближайшего окружения, в частности за счет племен мохэ, не вошедших в состав Бохая, а также за счет возвращения когурёских земель, которые в это время находились под властью Силла.

Это резко осложнило ситуацию, так как Китай сам стремился подчинить племена хэйшуй мохэ, а Силла мечтала овладеть всей территорией Бохая. Их интересы совпадали. Конкретный повод не замедлил появиться. Бохайский ван Да Уи начал конфронтацию с Тан из-за того, что хэйшуй мохэ в 716 г. отправили в Тан посольство в обход Бохая. Более того, когда в 720 г. Тан обратилась к Бохаю за помощью, чтобы подчинить киданей и си, ранее подчинявшихся тюркам, Да Уи ответил отказом. В ответ в 726 г. хэйшуй мохэ отправили в империю Тан посольство с данью и просьбой о покровительстве, и Тан объявила о создании административно-территориальной единицы Хэйшуйчжоу (с 725 г. обл. Хэйшуйфу), взяв хэйшуй мохэ под защиту. Да Уи (У-ван) считал хэйшуй мохэ своими вассалами и пошел на них войной. Но тут случились коллизии в собственной семье Да Уи, повлекшие за собой серьезные последствия. Мэньи, младший брат Да Уи, бежал в Китай, поскольку не хотел войны с Китаем из-за хэйшуй мохэ. Да Уи потребовал от Китая его выдачи, получил отказ и в 732 г. организовал набег на порт Дэнчжоу (п-ов Шаньдун).

Отношения с Китаем были нормализованы только при Вэньване, вступившем в правление в 738 г. и правившем 58 лет. Бохайцы стали ездить на учебу в Китай. В 762 г. Китай официально утвердил Бохай в статусе королевства. К тому же Китаю нужно было решать свои внутренние осложнения, связанные с мятежом Ань Лушаня.

Пришедший к власти в 818 г. внук Вэньвана — Сюаньван значительно расширил границы Бохая за счет мохэских племен и частично территории Силла (818—820 гг.).

«Гибель династии Тан в 907 г. заставила бохайцев переориентироваться в своей внешней политике. В 901 г. на севере Корейского полуострова возникло Позднее Когурё, а в 918 г. пришло к власти государство Корё. Положение Бохая стало критическим: оба

новых государства претендовали на его земли. Корё — по праву преемственности на земли Когурё, кидани — по праву завоевателей. Уже в 919 г. кидани захватили часть земель Бохая на юго-западе. В 925—926 гг. крупная киданьская армия разгромила Бохай, но лишь часть его владений досталась киданям и корейцам⁵. На землях Бохая кидани создали марионеточное государство Дундань («Восточное Кидань») во главе со старшим сыном киданьского императора. Но начиная с 926 г. бохайцы регулярно восставали, правда, неудачно, и около 2/3 всего бохайского населения было переселено насильственно на территорию киданьской империи, а 1/5 часть бохайцев бежали в Корею. Этноты северо-восточных территорий (современные российские Приморье и Приамурье), где были и бохайцы, сохраняли определенную независимость, время от времени отправляя дань в Ляо.

Современная китайская версия. Как следует из вышеизложенного, Китай во все времена считал все образующиеся на дальневосточной территории государства своими вассалами, а, следовательно, их земли тоже считал своими. Это следует не только из династийных хроник, но и из всех международных договоров. В зависимости от внешнеполитической ситуации и внутреннего экономического состояния страны, то активизируя свою позицию по данной проблеме, то приглушая ее, но во всех случаях строго соблюдая свои национальные («имперские») интересы. Современная историография по бохайской проблеме однозначно свидетельствует, что продолжается планомерное укрепление данной доктрины и, в зависимости от современных научных требований, используются не только новые материалы, но и новые методы и подходы.

Квинтэссенция взглядов китайских специалистов сосредоточена в приводимой ниже цитате из книги Цзоу Лан: «Государство Бохай династии Тан было государственным образованием меньшинств — мохэских племен, в первую очередь сумо, а также других этнических групп северо-востока древнего Китая. Его правитель постоянно получал от Танской династии почетные титулы, такие, как “великий вождь, командующий левым флангом конницы”, “князь Бохайский”, “военный правитель провинции Хухан”, “советник с золотой печатью и лиловой лентой”, “почетный инспектор-командующий”, “властелин Бохая” и т.п. Следовательно,

государство Бохай было локальным феодальным режимом в подчинении Танской династии».

Бохайская проблема не упускалась из поля зрения никогда. Это видно по публикациям китайских специалистов, содержащих следующее: «После образования КНР ученые нашей страны много раз проводили археологические изыскания в городище Шанцзин. В начале 1960-х годов совместная китайско-корейская археологическая экспедиция еще раз провела раскопки части поселения Шанцзинчэн. В конце 1970-х годов административный комитет по культурным ценностям уезда Нинъань провел в жизнь решение осуществить раскопки руин ворот № 1 императорского города Шанцзин (руины ворот с восточной стороны Умэнь), и в результате этого были новые находки и дальнейшее углубление знаний относительно конструктивных особенностей “Умэнь”.

В начале 1980-х годов, под руководством провинциального управления по культурным ценностям, силами провинциального археологического отряда, административного поста по культурным ценностям по муданьцзянскому району, административного комитета по культурным ценностям уезда Нинъань, а также с участием прочих организаций были проведены раскопки руин первого дворца, галереи, основания башни Умэнь; в результате этой работы были сделаны новые находки и получена свежая информация, которая смогла бы не только исправить заблуждения, изложенные в “Дунцзинчэн”, “Культура Бохай”, но и заполнить лакуны во всех вышеназванных книгах»⁷.

К бохайской проблеме очень серьезно относилось правительство Китая. В марте 1963 г. Госсовет КНР принял указ, согласно которому данные культурные ценности защищают и охраняют на всекитайском уровне. Естественно, что все полученные данные использовались при решении политических вопросов.

В 1990-х годах, когда достаточно активно решался вопрос о дальневосточной границе с Россией, в частности по Большому Уссурийскому острову в районе Хабаровска, на международной конференции в Германии 8 августа 1996 г. старшим научным сотрудником Института истории Академии общественных наук пров. Ляонин Лю Юаньгу был сделан доклад на тему «Управление цинским правительством островом Большой Уссурийский и изучение вопроса о литере “Е”». Доклад имел две задачи: убедить

международную общественность в законности территориальных притязаний Китая к России и приучить всех к мысли, что современные китайцы являются наследниками всех этносов, когда-либо упоминавшихся в исторических хрониках. В качестве аргументов приводились такие факты: «В эпоху Тан правительство Китая учредило в районе Боли (Хабаровск) округ и назначило вождя местного племени хэйшуй мохэ Нишулицзи начальником этого округа. В дальнейшем связи этого района с центром Китая усилились благодаря тому, что он занимал узловое положение в транспортных связях с нижним течением Амура, портами и восточными прибрежными районами Китая. По этой причине остров Большой Уссурийский, расположенный в слиянии Усури с Амуром, на протяжении длительного исторического периода неизменно являлся внутренним речным островом и не входил в состав пограничного района»⁸. Таким образом, вся территория Приамурья включалась в состав Китая.

В феврале 2002 г. правительство Китая выделило Академии общественных наук ассигнования на 5 лет на создание центра по исследованию истории земель, прилегающих непосредственно к Корейскому полуострову, получившего название «Северо-восточный проект». В первую очередь проект был нацелен на Когурё и Бохай, памятники которых охватывали северо-восточную территорию современного Китая (провинции Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь). Результат исследования был предсказуемым. Государства Когурё и Бохай рассматривались не более чем вассалы древнего Китая, и их территория объявлялась частью территории Китая. Причем, в силу политической обстановки, больший упор делался на Когурё, а Бохай подразумевался как его правопреемник. Данное положение Китай попытался закрепить на международном уровне. Согласно проекту, китайские археологи провели инвентаризацию когурёских и бохайских памятников пров. Цзилинь и опубликовали материалы в Китае, а реестр фресок когурёских гробниц подали в декабре 2003 г. для регистрации в Комитет всемирного культурного наследия ЮНЕСКО с целью признания последних в качестве китайских уникальных исторических памятников мирового значения. Данная акция означала территориальные притязания, и Корея прекрасно понимала, чем это ей грозит — риском утраты части своих земель. Это вызвало

бурный протест Южной Кореи в виде различного рода выступлений, в том числе в Интернете.

КНДР не стала открыто протестовать против своего почти единственного союзника — Китая, хотя не изменила свою позицию, считая, что огромные территории, входящие в Китай и Россию, всегда населялись корейцами. Северная Корея предвидела действия Китая в отношении Когурё и Бохая. Она попыталась заранее упредить планы Китая, начав в 2001 г. готовить реестр когурёских памятников, и за полгода до акции Китая (30 июня — 5 июля 2003 г.) намеревалась зарегистрировать фрески когурёских гробниц в ЮНЕСКО, но получила отказ в связи с «необходимостью принятия дополнительных мер для решения технических вопросов». Голоса двух постоянных северокорейских представителей в ЮНЕСКО потерялись среди 25 громких и дружных голосов делегации Китая, состоявшей из представителей правительственных и научных кругов. Следующее заседание Комитета всемирного культурного наследия ЮНЕСКО состоялось в 2004 г. в КНР в г. Сучжоу во главе с китайским председателем г-ном Чжан Синьшеном, на котором было принято решение зарегистрировать одновременно реестр из 12 гробниц с фресками Северной Кореи (г. Пхеньян, пров. Южный Пхёнан, и г. Нампхо, пров. Южный Хванхэ) и реестр Китая из 5 гробниц с фресками (округ Хуанжень, пров. Ляонин, и г. Цзиань, пров. Цзилинь)⁹. Для Китая ситуация осложнялась тем, что реально на этой территории археологи не обнаружили собственно китайских захоронений Танского времени. Поэтому потребовались дополнительные научные обоснования их притязаний. Стала активно разрабатываться проблема этногенеза когурёсцев, мохэсцев, бохайцев, в том числе с привлечением генетического анализа как с китайской, так и с южнокорейской сторон.

Китайская версия этногенеза бохайцев в наиболее аргументированном и обобщенном виде прозвучала в работе Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнью, Чжуан Янь «Этническое происхождение бохайцев». Исследователи, тщательно проанализировав весь корпус китайских нарративных источников, пришли к следующему выводу: «Мнению ученых о том, что бохайский этнос имел много истоков — сумо мохэ и оставшийся народ гаоли, едино. Споры заключались в том, какой из истоков был главным — сумо мохэ или гаоли? Исторические материалы, на которые опираются споря-

щие стороны, в основном одинаковы, однако вследствие разного толкования этих материалов точки зрения различаются». Одним из камней преткновения в толковании этнической истории и этногенеза бохайцев является фраза в письменных источниках, что сумо мохэ — это особый род Гаоли. Китайские исследователи считают, что ее нельзя толковать как ассимиляцию когурёсцами сумо мохэ. Эта фраза, по их мнению, означает, что «сумо мохэ, как и гаолисы, происходили от вэймо, только потому их и назвали особым родом Гаоли». Далее китайские исследователи пишут: «Народ вэймо в древности распространялся очень широко, в разное время им были образованы государства и племенные союзы Фуюй, Когурё, Воцзюй. Остальные племена вэймо обитали по рекам Сунгари, Хуйфахэ, Туманган, Хуньчунхэ в Китае и северной части Кореи. В разное время они по отдельности подчинялись Фуюй и Когурё». Завершается анализ этнического происхождения бохайцев заключением, что «...сумо мохэ являются одной из родственных ветвей вэймо, а оставшиеся когурёсцы впоследствии вошли в состав Бохай, ассимилировавшись в бохайский этнос... После Бохая оставшийся народ в большинстве переселился на запад и постепенно вошел в ханьский этнос. Отсюда становится известно, что после эпох Суй и Тан определенная часть народа вэймо через Бохай вошла в состав ханьского этноса»¹⁰. *Таким образом, по версии китайских ученых, получается следующая генеалогическая цепь: суншени — вэймо — илоу — уцзи — сумо — мохэ — когурё — бохай — хань.*

В настоящее время мы видим перевод китайскими учеными устоявшихся и незыблемых исторических материалов в новую концепцию, согласно которой самостоятельные тунгусо-маньчжурские этносы — сумо мохэ и бохайцы — были трансформированы в хань. Единственным материалом, позволяющим признать или отвергнуть данную формулировку, является археологический, свидетельствующий, что ситуация не была столь однозначной и тунгусо-маньчжурские народы сумели сохранить, несмотря на все исторические перипетии и военные коллизии, самостоятельность, традиции, язык, территорию обитания и существуют до настоящего времени.

¹ Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. СПб., 1828. Т. I—II.

² Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до VII в. включительно). Владивосток, 1994. С. 114.

³ Ким А. А. История государства Бохай. Автореф. дис. ... к. и. н. Владивосток, 2007. С. 11–12.

⁴ Воробьев М. В. Указ. соч. С. 116.

⁵ Там же. С. 118.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Атлас карт археологических памятников. Пекин, 1992. Том Цзилинь. На кит. яз.

⁸ <http://www.levking.ru/samo.htm>

⁹ Петров Л. А. Современная историография КНДР и древнее государство Когурё. // URL: <http://www.Korusforum.org/RHP/stv>

¹⁰ Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнь, Чжуан Янь. Этническое происхождение бохайцев // История и археология Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 107–108.

*И. А. Толстокулаков**

ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИИ В КНДР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Многовековая история Кореи — это история создания и развития замечательной национальной культуры, важнейшим элементом которой является особый комплекс религиозных систем, не только сыгравший одну из определяющих ролей в исторической судьбе корейского народа, но и сохранивший свое непреходящее значение в современной жизни. Культурные и религиозные ценности корейцев отмечены ярко выраженной национальной спецификой, поскольку большинство культурных заимствований, в том числе и религиозных, обуславливалось практическими потребностями и национальными условиями, проходило сложным путем трансформации и впитывало местный колорит и традицию, и только после такой своеобразной «творческой переработки» становилось неотъемлемой составляющей собственно корейской культуры. Духовность корейской нации формировалась под воздействием многочисленных факторов, но определяющую роль при этом сыграли религиозные, философские и этические системы конфуцианства, буддизма, даосизма и, впоследствии, христианства.

С конца 1960-х годов важное место в северокорейской идеологии заняла установка об особой роли Ким Ир Сена в корейской революции и построении социализма, что было сформулировано в идеях *чучхе*, принятых в 1967 г. Верховным народным собранием КНДР как единственная идеологическая основа северокорейского общества и государства. Впоследствии это было закреплено в Конституции КНДР 1972 г.

Переход на чучхейскую основу потребовал развернуть борьбу с различными проявлениями ревизионизма, иными словами — с инакомыслием в партии и обществе. Одновременно Трудовая

* ДВГУ, г. Владивосток.

партия Кореи обрушилась на «архаичное наследие традиционной культуры», мешавшее продвижению к социалистическим идеалам; борьба с ревизионистами, традиционалистами и другими внутренними врагами социалистической Кореи проходила на рубеже 1960–1970-х годов и приобрела форму культурной революции. Окончательное искоренение идейно вредных течений привело к появлению в КНДР «единой идеологии» и созданию так называемого «монохромного» общества, не допускающего самой возможности мыслить и поступать иначе, чем это предписывается официальным курсом. Все это в полной мере отразилось и на положении религии в Северной Корее.

Определяя КНДР как светское государство, Конституция социалистической Кореи всегда предусматривала свободу совести. В редакции Основного закона 1948 г. в ст. 14 оговаривалась полная свобода вероисповедания как один из демократических принципов народовластия: «Граждане пользуются свободой вероисповедания и отправления религиозных культов»¹. Конституция 1972 г. трактует свободу совести уже несколько иначе, неразрывно сопрягая ее с правом на ведение атеистической пропаганды, что было закреплено в ст. 54: «Граждане имеют свободу совести и свободу антирелигиозной пропаганды»².

И, наконец, последняя редакция северокорейской Конституции, ст. 68 которой гласит: «Гражданам гарантируется свобода совести. Это право обеспечивается разрешением на строительство религиозных зданий и на отправление религиозных обрядов»³. Обратим внимание на появление в последней редакции Конституции КНДР жесткого ограничения свободы религиозной деятельности интересами социалистического строя: ст. 68 завершается фразой «Не допускается использовать религию как средство для проникновения внешних сил и нарушения общественного и государственного порядка»⁴. Очевидно, что, с правовой точки зрения, свобода совести определена в данной редакции более полно, что отражает принятую в КНДР в последнее время линию на допущение более широкого участия религиозных организаций в общественной жизни, но в то же время запрет на использование религии в подрывных целях позволяет государству сохранить всеобъемлющий контроль над растущей религиозной активностью в республике.

Оценивая состояние религиозной жизни в КНДР, мы не можем не признать печального факта, заключающегося в том, что вплоть до недавнего времени религиозный фактор практически не играл ощутимой роли в общественно-политической сфере республики. Более того, как и в любом другом социалистическом государстве, религия была вытеснена на задворки общественного сознания и не имела существенного веса в системе общественных ценностей.

История религии в КНДР связана с многими, в том числе и трагическими, событиями. Весьма схематично мы могли бы разбить ее на 3 периода:

- формирование политики северокорейского государства и общества по отношению к религии и религиозным организациям (1945–1953 гг.);
- подавление религиозной жизни в КНДР как официальный курс северокорейского государства и общества (1953–1988 гг.);
- постепенное формирование предпосылок для восстановления религиозной жизни в КНДР (с 1988 г. по настоящее время).

Выделение довоенного периода объясняется тем, что перед северокорейскими властями в это время стоял выбор между курсом на сотрудничество с религиозными кругами или на их полное подавление. Окончательное решение на искоренение религиозной среды в КНДР было принято в ходе Корейской войны (1950–1953 гг.), когда многие религиозные деятели и организации оказались пособниками врага, по оценке идеологов Трудовой партии Кореи. Кроме того, имеются свидетельства о сохранении некоторых условий для отправления культовых потребностей граждан КНДР, по крайней мере в довоенный период.

По окончании Корейской войны религиозная деятельность, за редчайшим исключением, стала оцениваться северокорейским руководством как враждебная и не соответствующая интересам социалистической Кореи. Приверженность марксистским принципам привела к всепоглощающему торжеству атеизма в общественном и даже индивидуальном мировоззрении. Уже в начале 1960-х годов власти КНДР официально объявили, что в республике «с развитием новых общественных отношений, оказавших огромное воздействие на сознание людей и их мировоззрение, больше не существует каких-либо значительных действующих религиозных групп или сект»⁵.

Официальная чучхейская идеология сочетала в себе некоторые элементы марксистско-ленинской теории и традиционного дальневосточного национализма, в том числе культ личности руководителя (что при желании можно воспринимать как своеобразную форму квазирелигии), но основой ее мировоззрения был и остается атеизм, причем в достаточно воинственной форме. Все, что не вписывалось в официальную доктрину, в том числе и религиозность, было уничтожено в годы культурной революции, сопровождавшей процесс социалистического строительства.

Несмотря на сохранение в рамках официальной доктрины многих черт, характерных для конфуцианской традиции, особенно в области социального устройства, общественных отношений и политической культуры, власти КНДР подвергли серьезным ограничениям и преследованиям элементы местных суеверий (шаманизма) и былых религиозных представлений (буддизма, христианства и конфуцианства). В 1960-е годы сама возможность отправления какого-либо культа или сохранения религиозного мировоззрения практически была уничтожена. Многие деятели различных культов и священники стали жертвами масштабных репрессий, преследованиям подвергались и их ближайшие родственники.

Свидетельством катастрофического искоренения религии в КНДР в период после Корейской войны является известная специалистам система деления северокорейского общества на 3 социальных слоя в зависимости от происхождения: «основной», «колеблющийся» и «враждебный». В последнем среди различных категорий есть «лица, исповедующие протестантизм и исполняющие протестантские обряды», «лица, исповедующие буддизм и исполняющие буддийские обряды», «лица, исповедующие католицизм и исполняющие католические обряды»; иные категории включают «местных конфуцианцев», «подозрительных женщин (бывших шаманок, кисэн и их ближайших родственников)» и «бывших членов Партии молодых друзей Небесного пути»⁶.

Деление граждан КНДР на «дружественные» и «враждебные» категории было введено в феврале 1964 г., когда VIII Пленум ЦК ТПК 4-го созыва принял специальное постановление «О дальнейшем усилении работы с различными слоями и группами населения». Настоящим документом на многие годы вперед была

определена судьба граждан КНДР в зависимости от социального происхождения. А. Н. Ланьков утверждает, что постановление не утратило силу и по сей день⁷. Полагаем, что сегодня ситуация несколько изменилась, особенно в контексте общего отношения современных властей КНДР к вопросам религии, но, в любом случае, до конца 1980-х годов указанные выше группы населения существенно дискриминировались с точки зрения их гражданских прав и социальных возможностей в силу своей «враждебности» по отношению к социалистическому строю.

Обратим внимание на тот факт, что перечнем «враждебных» социальных групп были охвачены все представленные в Корею религиозные группы, начиная с традиционного шаманизма и заканчивая христианскими конфессиями.

Окончательному устранению религии из общественно-политической жизни Северной Кореи способствовал политический курс на «унификацию и монохроматизацию общества», провозглашенный в конце 1960-х годов и означавший отказ от любого инакомыслия и иной, нежели *чучхе*, идеологии. В соответствии с ним религиозное мировоззрение было объявлено «архаизмом», попытки сохранить традиционные верования трактовались как некритическое наследование устаревшей феодальной культуры или иностранное буржуазное влияние. Многие рядовые граждане, деятели науки и культуры КНДР в целях «искоренения проявлений ревизионизма в партии и обществе» подверглись преследованию по религиозным мотивам. Северокорейский режим стремился ликвидировать религию и ее приверженцев по примеру «великой пролетарской культурной революции» в Китае, однако, в отличие от КНР, где культовые учреждения и некоторые священнослужители уцелели, власти КНДР устранили религиозный фактор из жизни социалистического общества «окончательно и бесповоротно».

Воспитанием северокорейского общества в духе *чучхе* занимается прежде всего система образования КНДР, в которой нет места религии. Большое внимание воспитанию и соответствующей идеологической обработке уделяется с момента поступления детей в дошкольные учреждения; средняя школа и вузы продолжают воздействие на мировоззрение подрастающего поколения с целью пропаганды идей атеизма, социализма и духа преданности ТПК

и лично Ким Ир Сену и Ким Чен Иру. Лишь на бытовом уровне в качестве суеверий можно предполагать сохранение отдельных элементов различных религиозных систем, характерных для корейцев.

Формально действующие культовые учреждения вновь появились в КНДР только во 2-й половине 1980-х годов, когда она пыталась выйти из международной изоляции и укрепить свой престиж на мировой арене. Небезуспешными оказались усилия южнокорейской христианской церкви по развитию диалога между христианами Севера и Юга. После Глионской встречи их представителей в 1988 г. власти КНДР построили в Пхеньяне две церкви: протестантскую церковь *Понсу* и католический храм *Чанчхун*, ставшие первыми официально разрешенными культовыми центрами на Севере со времен Корейской войны. Обратим внимание на тот факт, что провозглашенная Конституцией КНДР в редакции 1972 г. свобода на строительство культовых сооружений была реализована только в 1988 г.

С октября 1988 г. в Пхеньяне действует католический приход *Чанчхун*. Первоначально храм предназначался для обеспечения культовых потребностей пребывавших в столице КНДР иностранцев, в том числе тех, кто мог приехать на Олимпиаду-88 (напомним, что в момент строительства храма оговаривалась возможность совместного проведения Олимпийских игр в Сеуле и Пхеньяне). Сегодня утверждается, что в церковных мероприятиях принимают участие «католики города, разные по профессиям — деятели искусства, интеллигенты, рабочие и крестьяне; в молитве они дают клятву с горячей любовью к Родине и нации посвятить себя делу развития и процветания страны»⁸. Следует обратить внимание на то, что информация о религиозной жизни размещается *не только* в изданиях, рассчитанных исключительно на иностранцев. В нашем распоряжении имеется несколько журналов и газет для «внутреннего пользования», освящающих деятельность христианских приходов⁹. Кроме того, в молитвенных мероприятиях часто участвуют священнослужители и религиозные активисты из Южной Кореи. Очевидно, что ввести их в заблуждение гораздо сложнее, чем европейцев.

Во время визитов Ким Чен Ира в Россию в 2001–2002 гг. и в последующем обсуждалась возможность строительства в сто-

лице КНДР православного храма, для которого свита северокорейского лидера даже приобрела во Владивостоке несколько икон. Пхеньянский православный храм в честь Святой Троицы был открыт в августе 2006 г. при участии россиян, проживающих в северокорейской столице, официальных делегаций из Москвы и Владивостока. Для жителей Пхеньяна у храма было проведено привычное общественно-политическое мероприятие — массовый митинг, на котором им объяснили, что это за иностранцы в необычных одеяниях прибыли в столицу. Примечательно, что в ходе церемонии практически ни один гражданин КНДР, за исключением нескольких духовных лиц, прошедших подготовку в Москве и Владивостоке, внутрь православного храма так и не вошел... Несмотря на это, мы считаем открытие православного храма и постепенное формирование его прихода в Пхеньяне настоящим подвигом Русской Православной Церкви, который может стать еще одним мостиком между нашими народами, а также между КНДР и мировым сообществом. Православные делегации из Северной Кореи неоднократно бывали в дальневосточных районах России.

Несомненно, религиозная ситуация в КНДР меняется к лучшему. Если верить наблюдениям очевидцев и ограниченной информации северокорейских СМИ, сегодня формируется местная паства католического и православного храмов в Пхеньяне. В журнальных публикациях, рассчитанных не только на иностранцев, можно видеть фоторепортажи из их жизни, телевидение иногда показывает сюжеты, снятые в пхеньянских церквях. Однако задача по формированию местных приходов, действительно нуждающихся в *свободном* духовном окормлении христианской церковью, остается делом будущего.

При желании мы можем обратиться к официальной статистике, правда, дана она северокорейской стороной и нам трудно судить о ее объективности. В любом случае, в 2007 г. было озвучено количество верующих в КНДР: более 10 тыс. буддистов, около 10 тыс. протестантов и 1 тыс. католиков, объединенных в 500 местных приходов по всей территории КНДР; православная паства оценивается в 300–400 человек¹⁰. В КНДР создано Общество верующих (председатель Чан Чже Он), объединяющее приверженцев всех религий, а в правительстве введена должность министра по делам религии.

В нашем распоряжении имеются свидетельства очевидцев, которые позволяют усомниться в приведенной статистике, да и в целом в том, насколько популярным и свободным становится вероисповедание в современной КНДР¹¹. Иными словами, преувеличивать успехи в восстановлении религиозной жизни в КНДР не следует. По оценкам наблюдателей, фактически единственными прихожанами православной церкви в Пхеньяне остаются сотрудники российского посольства. Больше всего верующих христиан из числа местных жителей можно увидеть на богослужениях в протестантском храме *Понсу*, куда на воскресные службы собираются до 300 человек. Как отметила английская баронесса Каролина Кокс, посетившая церковь в феврале 2009 г., «среди прихожан этой церкви, несомненно, есть действительно верующие люди, а не только подставные или доносчики». По ее словам, храм *Понсу* «не может быть обычным средством пропаганды в руках властей»¹².

В последнее время руководство КНДР неоднократно демонстрировало мировому сообществу готовность восстановить и собственные национальные религиозные традиции. С конца 1980-х годов северокорейские представители участвуют в ряде международных буддистских форумов. Именно с этого времени туристы, посещающие храм *Мёхянса*, могут наблюдать буддистские богослужения с участием местных жителей, которых гиды представляют как прихожан. Такая же картина складывается в нескольких буддийских храмах, расположенных в горах Кымгансан, а также в буддийском центре Пхеньяна, построенном в середине 1-го десятилетия XXI в. в районе реконструированной гробницы Томёвана.

Сегодняшнее северокорейское руководство в собственных идеологических интересах готово использовать некоторые элементы традиционных верований. Подобная метаморфоза произошла с культом Тангуна, к которому руководство КНДР обратилось в начале 1990-х годов. Некоторый интерес к мифу об основателе легендарного Древнего Чосона в Северной Корее проявляли в первой половине 1960-х годов, когда лидеры социалистической Кореи разрабатывали конкретное содержание новой идеологической доктрины *чучхе*. Ее националистическое содержание в духе «опоры на собственные силы» могло быть усилено апелляцией

к историческому прошлому корейского народа, поэтому переход на курс самостоятельного развития сопровождался большим интересом к тангунскому прошлому. Сам Ким Ир Сен неоднократно подчеркивал необходимость изучать древнюю историю Кореи, особенно личность Тангуна. В 1963 г. он провел специальное совещание с историками, на котором обратил внимание на искажение ранней истории страны японскими исследователями, предложил срочно решить проблему Тангуна. С этого времени в научных кругах и обществе КНДР реальное существование «основателя нации» никогда не подвергалось сомнению. И все же Тангун оказался не востребованным северокорейскими идеологами, более того, насаждение *чучхе* в конце 1960-х годов сопровождалось критикой «архаичного наследия традиционной культуры», поэтому признанный историческим фактом миф о Тангуне до поры до времени не превращался в определенную идеологическую установку.

В самом конце жизненного пути Ким Ир Сен вновь обратился к прежней идее, по его требованию в окрестностях Пхеньяна начались раскопки, и в 1993 г. была «обнаружена», а через год «восстановлена» усыпальница легендарного первопредка корейской нации. Существует «легенда» о том, что «Великий вождь» даже точно указал место, где надлежит искать следы Тангуна. Северокорейские историки «обнаружили» подтверждение существования могилы Тангуна и его супруги в древних исторических источниках. Их коллеги-археологи в 1995–1997 гг. «открыли» в Пхеньяне остатки древней крепости, которая после детального изучения «оказалась» столицей Древнего Чосона. Разумеется, их работу вдохновлял новый северокорейский руководитель Ким Чен Ир.

Новыми «достижениями» чучхейской археологии активно пользуются политики и руководство КНДР, принявшие на вооружение постулат о «5-тысячелетней истории единой корейской нации, происходящей от одного предка». В этом их взгляды совпадают с мнением южнокорейских коллег, но, в отличие от националистических идеологов из Республики Корея, не акцентирующих внимание на месте «пребывания» Тангуна и допускающих точку зрения о том, что он «основывал» корейский народ на территории современного Китая, в Северной Корее настаивают, что центром процветающего Древнего Чосона и тангунской столицей был ны-

нешний Пхеньян. Уникальное и самостоятельное происхождение Кореи, таким образом, соотносится с Севером, а значит, именно КНДР должна стать объединителем нации Тангуна на основе идеологии *чучхе*. Миф о первопредке наконец-то стал одним из идеологических штампов северокорейского руководства.

С середины 1990-х годов в КНДР проводится общегосударственная церемония жертвоприношения духу Тангуна. По большому счету это означает официальное признание традиционного культа предков, конфуцианского по содержанию и уходящего в древнюю историю по своей сути. Суть культа предков заключается в признании того факта, что дух умершего может воздействовать на благополучие живущих, а традиционную жертву ему приносят с целью обеспечить вспомоществование и заступничество покойного.

Возрождение особого отношения к Тангуну в КНДР можно напрямую связать с попыткой насадить культ еще одного великого усопшего — основателя социалистической Кореи Ким Ир Сена. Тезис о «вечной жизни Великого вождя» активно насаждается с момента его кончины в июле 1994 г. Конституцией 1998 г. он объявлен «вечным президентом КНДР», а бывшая пхеньянская резиденция Ким Ир Сена превращена в мавзолей. По замыслу северокорейских идеологов, через особое отношение к Тангуну, восстановленное незадолго до кончины «Великого вождя», гражданам навязывается культ покойного. Самоотверженность, патриотизм и вера в социалистические идеалы должны стать той повседневной мерой жертвы, которую каждый житель республики должен приносить на алтарь, посвященный умершему Ким Ир Селу.

Статус вождя в КНДР еще при Ким Ир Сене стал явлением гораздо более высокого порядка, чем просто идеологическая установка. Сегодня и «Великий Вождь», и «Великий Руководитель» уже освящены тангунской мифологией, общество воспринимает их как легендарных героев, потомков и продолжателей дела самого Тангуна, поэтому формальные титулы им ни к чему, это лишь дань уважения со стороны народа, призванного следовать за Вождем. В любом случае, харизматическое содержание титула Великого (Вождя ли, Руководителя ли) во сто крат выше должности президента, генерального секретаря или еще чего-либо земного и формального. Сыновья почтительность диктует Ким Чен Иру продолжать дело отца.

Современный культ вождя заключается не только в его обожествлении, сентенциях о мудром руководстве, постоянном воспроизведении идеологемы о его центральном и вечном положении в политической системе КНДР. Образ Ким Ир Сена преломился через хорошо продуманную призму мифа и оказался наделенным исключительными способностями героического предка — основателя социалистической Кореи. Такой подход вполне оправдывает появление новой династии корейских руководителей, получившей «небесный мандат» на руководство страной.

Какие бы мероприятия ни проводил сегодня Пхеньян в религиозной сфере, до подлинного восстановления прав и возможностей верующих, а также для воссоздания реальной религиозной среды в КНДР еще очень далеко.

¹ Конституция Корейской Народно-Демократической Республики (8 сентября 1948 г.) // О социалистической Конституции Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 1975. С. 299.

² Чосон Минджуджый Инмин Конхвагук Хонпоп. 1972нен 12воль 27иль (Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. 27 декабря 1972 г.). Пхеньян, 1980. С. 10.

³ Сахведжуиджок Чосон Минджуджый Инмин Конхвагук хонпоп. Чучхе 87 (1998) нен 9воль 5иль (Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. 5 сентября 1998 г. (87 год чучхе)) // Нодон синмун. 06.09.1998.

⁴ Там же.

⁵ Сахведжуый кёюк тхэджо (Программа социалистического образования) // Сахведжуый кёюк. 1963. № 10. С. 34–35.

⁶ Подробнее см.: Ланьков А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня. М, 1995. С. 260–262.

⁷ Там же. С. 262.

⁸ Хан Чхоль Чжу. Чанчхунская церковь // Корея сегодня. 98-й год Чучхе (2009). № 12. С. 44.

⁹ См., напр.: Юн Хек. Чуиль ребэ (Еженедельные воскресные богослужения) // Кымсуганьсан (Корея). — 98-й год Чучхе (2009). № 12. С. 50–51.

¹⁰ Интервью министра КНДР по делам религии, председателя православного комитета Общества верующих КНДР Хо Иль Чжина агентству «Владивостокские новости» от 26 ноября 2007 г. (из личного архива авт.).

¹¹ Наблюдатели в Пхеньяне отмечают, что кроме северокорейских духовных лиц и членов их семей прихожанами православной церкви остаются сотрудники российских миссий, причем далеко не все они ходят туда

по личному убеждению... В таком случае православный приход столицы КНДР насчитывает всего несколько десятков человек. Не все ясно и с деятельностью католического и протестантского собора: несмотря на настойчивые попытки попасть туда на широко заявленные воскресные службы, информаторы неизменно оказывались перед закрытыми дверями. См.: Беседа с аспиранткой ИВ РАН Панкиной И.Ю. от 31.03.2010 г. (из личного архива авт.).

¹² Интервью Каролины Кокс от 23.02.2009 г. <http://rodon.org/relig-090223134242>

*Н. Н. Ким**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ КИМ ГУ НА ЮГЕ КОРЕИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Политические планы Ким Гу и дискуссионные вопросы вокруг его имени в современной южнокорейской историографии. Деятельность многих корейских политиков после освобождения предопределялась разработанными ими еще до капитуляции японской армии планами действий. Предвидя скорый крах японской империи, такие известные корейские националисты, как Е Ун Хен, Ким Гу, Ан Чже Хон, заранее готовились к «освобождению». Конечно, никто не мог точно знать, в какой именно форме произойдет освобождение Кореи от ненавистного колониального режима, но то, что это рано или поздно произойдет, полагали многие. Если, к примеру, Е Ун Хен до августа 1945 г. сосредоточил свои основные политические усилия на программе возрождения корейской государственности, плане возможных реабилитационных мер сразу после падения японского режима, то Ким Гу длительное время готовился к непосредственному вовлечению своего правительства в процессы освобождения Кореи¹. Руководствуясь данной задачей, при его активном содействии, 17 сентября 1940 г. из корейских добровольцев была создана Армия освобождения (*Кванбоккун*), налаживались контакты с высшим военным руководством китайской армии, а также — с американским правительством.

Ким Гу возлагал очень большие надежды на Армию освобождения. Хотя на инаугурационной церемонии 17 сентября 1940 г. в Чунцине присутствовало всего 12 офицеров-корейцев, по существующему плану Временного правительства (далее — ВП) армия должна была в скором времени насчитывать около 30 тыс. солдат². Постепенно ряды армии пополнялись за счет бежавших из японской армии корейских солдат, так что в целом к 1945 г.

* Сеульский национальный университет, г. Сеул, РК.

в ее составе насчитывалось уже около 1 тыс. человек, 200 из которых имели офицерское звание. Финансировало армию китайское правительство во главе с Чан Кайши. Это официально подтверждает договор, который был заключен между Временным правительством Ким Гу и китайским правительством в ноябре 1941 г. Согласно договору, взамен оказания финансовой помощи военной деятельности Армии освобождения должна была полностью контролироваться китайским военным руководством³.

Ким Гу, согласившись подписать договор такого содержания, пошел, как мы можем судить, на очень большие уступки китайскому правительству. Впрочем, другого способа отыскать тогда средства для корейской армии было практически невозможно. Заключив договор, глава ВП надеялся получить полноценную материальную помощь от китайцев, но этого не произошло. Так что после продолжительных переговоров в апреле 1945 г. договор был изменен, и хотя финансирование по-прежнему должно было осуществляться за счет вливания денежных средств китайского правительства, военный контроль над *Кванбоккун* отныне перешел к Временному правительству Ким Гу.

По воспоминаниям Ким Гу, существование Армии освобождения на территории Китая, пусть и в несколько жалком виде, все-таки вызвало интерес у американцев. Возможно, что именно с момента организации корейской армии американское правительство более внимательно отнеслось к деятельности ВП⁴. Эту точку зрения отчасти подтверждает тот факт, что только с 1940-х годов американское правительство стало собирать подробную информацию о действующем в Китае Временном правительстве Республики Корея. Кларенс Увимз, сотрудник OSS (Office of Strategic service), был специально назначен ответственным за сбор информации о ВП в Китае. Позже он напишет книгу «Korea and the Provisional Government», в которой очень лестно отзовется о высокой военной подготовке солдат Армии освобождения⁵.

По соглашению, заключенному между OSS и ВП, американцы занимались частичной военной подготовкой солдат *Кванбоккун*⁶. На неофициальном уровне американским военным руководством планировалось задействовать отряды корейской армии при освобождении Кореи. Эти идеи активно поддерживал Чан Кайши. То

что их так и не удалось реализовать, вызвало глубокое разочарование Ким Гу⁷.

Освобождение Кореи в августе 1945 г. без участия «сил» ВП стало первым политическим ударом для Ким Гу. Эта первая серьезная политическая неудача лидера ВП во многом предопределила гибкость его политической линии после возвращения в Сеул в ноябре 1945 г. Политические метания Ким Гу («союзы» и «разрывы» с Ли Сын Маном, Демократической партией, временное сотрудничество с левыми группами) обусловили сложность точного определения его места на политической арене Южной Кореи в переходный период (1945–1948 гг.): к кому отнести Ким Гу – к ультраправым националистам, умеренно правым или центристам?

Другой проблемой современной историографии, посвященной теме ВП, является проблема концептуального измерения политических и социально-экономических взглядов Ким Гу: стоит ли определять ее в терминах «самгюнчжуи», теоретически близкой американскому социальному либерализму, или же сосредоточить свое внимание на консервативно-правой части его воззрений.

Третья проблема – это определение политической роли Ким Гу в объединительных процессах на территории Кореи, в частности вопрос об организованном лидером ВП движении по борьбе с опекой: отвечало ли оно задачам объединения Кореи или же, наоборот, только помешало ему?

Политическая идеология Ким Гу. По словам Ким Гу, если в одном слове попытаться выразить его политическую концепцию, то это будет «свобода»⁸. Ким Гу был противником любых форм диктатуры. Данная позиция имела отношение не только к широко распространенным в то время идеям социалистического учения о диктатуре пролетариата, но и к конфуцианской идеологии. Длительное господство конфуцианской идеологии в Корее, определявшей государственную политику, семейный уклад, привело, в конечном счете, по его мнению, к истощению национальной культуры⁹. Господство конфуцианства блокировало развитие каких-либо других возникавших прогрессивных концепций, мешая, таким образом, естественному «взрослению» корейской нации.

Самой опасной из всех знакомых Ким Гу форм диктатуры была классовая диктатура¹⁰. Ким Гу был убежденным антикоммунистом. Его негативное отношение к коммунистическому уче-

нию и движению нисколько не изменилось и после освобождения Кореи. Мы здесь особо подчеркиваем «не изменилось», поскольку, в принципе, в условиях освобожденной Кореи союз с левыми был наиболее адекватным решением проблемы «единого политического фронта», единства Кореи. Упорное нежелание Ким Гу сотрудничать с левыми проистекало из его резко негативного отношения к социалистическому учению, в частности к классовой теории. Несогласие Ким Гу с тезисом о «классовой природе» социальных отношений вовсе не значило, что он отказывался признать наличие социального неравенства в корейском обществе. Ким Гу отлично понимал, что социальный конфликт существует. Однако природа этого конфликта не классовая, не связана с отчуждением рабочих масс от средств производства. Социальные разногласия имеют место в силу глубокой иерархичности общества, неравного распределения ролей между социальными группами. Иерархичность, будучи имманентным свойством любой общественной структуры, не может быть устранена никакими коммунистическими способами — обобществлением средств производства, уравнительным распределением материальных благ и т. п. Выдвинутый лидером ВП в теории «трех равенств» (*самгюнчжуи*) тезис о равных политических и экономических правах не означает, таким образом, социалистический/коммунистический принцип равенства. В духе социального либерализма американской Демократической партии (1930—1960-е годы) Ким Гу делает акцент на обеспечение равенства в возможностях, а не на материальное уравнивание всех слоев населения.

Политическая деятельность Ким Гу после освобождения: его отношения с различными политическими группами, Американской военной администрацией (АВА). Судя по анализу многих документов, научных статей, книг, посвященных теме ВП, отношение АВА к Ким Гу было в целом положительным. Американское правительство не признало официально возглавляемое Ким Гу ВП Республики Корея, но не отказалось от сотрудничества с ним¹¹. По сообщениям Кларенса Н. Увимза, Ким Гу не мог претендовать на роль главы будущего корейского правительства в силу определенных личных качеств¹².

Действительно, если посмотреть ретроспективно на отношения АВА с Ким Гу после 1945 г., то станет очевидным нежелание

американцев продвигать его в качестве общенационального лидера освобожденной Кореи. Американцы знали, что Ким Гу — известный корейский националист, пользующийся определенным влиянием в обществе. Но, ввиду имеющейся у нее информации о связях ВП с правительством Чан Кайши, АВА избегала тесных контактов с Ким Гу. Их отношения претерпели два серьезных испытания: в период организации движения по борьбе с опекой (1946—1947 гг.) и из-за союза с левыми в борьбе против сепаратных выборов (1948 г.).

Выше говорилось о том, что отношения Ким Гу с коммунистами имеют длительную историю и осложнялись главным образом из-за идеологических разногласий. Надо сказать, что Пак Хон Ён, в принципе, после возвращения ВП на родину, не отказывался сотрудничать с ним, но не как с правительством Республики Корея, а как с политической партией¹³. Умеренно левые тогда в лице Народной партии (Е Ун Хен) также высказались за сотрудничество с ВП, но только как с политической организацией. Из всех действующих на Юге Кореи партий только Демократическая партия официально выразила свое согласие признать ВП в качестве правительства Кореи. Но в силу того, что другие национальные силы Кореи, а также АВА не поддержали ее позиции, она негласно отказалась следовать ранее провозглашенной линии в отношении ВП.

Взаимоотношения Ким Гу с крайне левыми группами резко испортились после того, как по его инициативе было организовано движение по борьбе с опекой (конец декабря 1945 г.)¹⁴. Хотя движение по борьбе с опекой было поддержано и лидером крайне правых Ли Сын Маном, отношения между ними часто менялись. Ким Гу то сближался с Ли Сын Маном, то отдалялся от него. В целом, до 1948 г., когда лидер ВП подключился к борьбе левых сил против сепаратных выборов, он упорно пытался выработать такую политическую линию, которая бы гарантировала его политическое лидерство. Однако, избегая тесного сотрудничества с какой-либо известной политической партией, Ким Гу в конечном итоге утратил существенное влияние на развитие политической ситуации на Юге Кореи.

Проблема объединения и роль Ким Гу. В условиях оккупации Кореи войсками СССР и США проблему объединения страны невозможно было рассматривать отдельно от вопросов взаимо-

действия с этими державами, их участия в будущем корейского государства. Ким Гу, высказываясь за создание «полностью самостоятельного и независимого корейского государства», пытался отмежеваться от любого иностранного вмешательства в процессы воссоздания национальной государственности¹⁵. Единственное, с чем он мог согласиться, — это с экономической помощью. Думаю, он был очень искренен в своем желании добиться независимости Кореи хотя бы потому, что он был одним из тех корейских политиков, которые длительное время в суровых условиях боролись за освобождение Кореи. Поэтому, собственно, он не смог принять «решение об опеке». Ким Гу, организовывая движение по борьбе с опекой, не думал, выгодна она или нет стране, он был просто против опеки, без всяких лишних рассуждений о том, как и зачем принималось это решение на Московском совещании.

В отличие от широко распространенного в южнокорейской историографии мнения, что организованное Ким Гу движение по борьбе с опекой только помешало политическому союзу национальных сил, существует и иная позиция, согласно которой оно было логичным и закономерным следствием взглядов лидера ВП на будущее Кореи как единого независимого государства. И вообще, все в его поведении после освобождения определялось именно данной логикой рассуждений: «Корея должна быть единым самостоятельным и независимым государством» (Чжон Гён Хван)¹⁶. Следует отдать должное высказанному Чжон Гён Хваном мнению о Ким Гу. Именно его точка зрения вносит сомнения в распространенное среди историков левого толка мнение, что Ким Гу «мало думал», действуя чаще обструктивно, мешая созданию «единого политического фронта». Но если действительно посмотреть на политическую практику Ким Гу как на отражение его теоретических взглядов, то окажется, что он был весьма последователен в своем желании отстоять единство и независимость Кореи.

В конечном счете, Ким Гу согласился сотрудничать с левыми еще до того, как было официально опубликовано решение ООН о проведении отдельных выборов в двух зонах оккупации (февраль 1948 г.). Насколько крепким было его сотрудничество — это, конечно, вопрос, но все же оно состоялось и было связано с общим пониманием Ким Гу угрозы разделения страны в результате проведения данных выборов.

Заключение. Из всех корейских националистов, активно борющихся за независимость и целостность корейского государства после освобождения страны, Ким Гу был наиболее консервативным политиком. В данном случае автор не имеет в виду его политическую идеологию. Ким Гу был убежденным националистом, политическая воля которого целиком была сосредоточена на идее возрождения и усиления корейского государства. Он не был гибким политиком, как Ли Сын Ман или Е Ун Хен, также он не был жестким ортодоксом, как Пак Хон Ен. Ким Гу был очень консервативен в своей политической деятельности в том смысле, что он не собирался «подстраивать» свою тактику поведения под новые вызовы времени, возникшие перед Кореей после освобождения. Поэтому, даже не обладая серьезным политическим влиянием на Юге Кореи, он продолжал сохранять опасность для нового режима Ли Сын Мана. Опасность «упорного» бойца и националиста, который до самого конца готов был бороться за свои сугубо националистические идеи. В итоге, 26 июня 1949 г. он был убит на территории своей резиденции Кёнгёчжан.

¹ За год до краха японского колониального режима Е Ун Хен (Монян) создает организацию «Союз по возрождению корейского государства» (*Конгук тонмён*), одной из главных политических целей которой была разработка практических мероприятий на территории Кореи после ее освобождения. Понимание того, что надо делать и как следует поступать в чрезвычайной ситуации освобождения, помогло Е Ун Хену в августе 1945 г. принести положительные результаты при работе в Комитете по подготовке к возрождению корейского государства.

² 65 эпизодов из истории японской агрессии (на кор. яз.). Сеул, 2005. С. 308.

³ Там же. С. 309.

⁴ Дневник Пэк Бом Ким Гу / Под ред. То Чжин Суна (на кор. яз.). Сеул, 2009. С. 394–395.

⁵ *Чжон Ен Ук*. Исследование документов Американской военной администрации (на кор. яз.). Сеул, 2003. С. 239.

⁶ 65 эпизодов из истории японской агрессии. Указ. соч. С. 310.

⁷ Дневник Пэк Бом Ким Гу. Указ. соч. С. 399.

⁸ Там же. С. 426.

⁹ Там же. С. 427.

¹⁰ Там же. С. 428.

- ¹¹ О взаимоотношениях между АВА и Временным правительством можно прочесть более подробно в следующих работах: *Ким Сок Чжун*. Государство и управление в период действия АВА (на кор. яз.). Сеул, 1996. С. 144–150, 155–158; *Со Чжун Сок*. Из истории национального движения современной Кореи (на кор. яз.). Сеул, 2004. С. 264–282, 523–541.
- ¹² *Чжон Ен Ук*. Указ. соч. С. 236–237.
- ¹³ Хебан Ильбо. 04.12.1945. Даже американцы отметили, что коммунисты не выражали глубокой неприязни к ВП, возможно, «по причине высокого престижа членов Чунцинской организации с патриотической точки зрения» // *The Political Adviser in Korea (Benninghoff) to the Acting Adviser in Japan (Atcheson)*. 10.10.1945. FRUS. Vol. 6. P.1070.
- ¹⁴ О движении по борьбе с опекой и политических мотивах Ким Гу см.: *Ким Н.Н.* Политические дискуссии вокруг режима опеки на юге Кореи // *Корейский полуостров: время новых вызовов*. Сб. докладов. М., 2009.
- ¹⁵ Дневник Пэк Бом Ким Гу. Указ. соч. С. 423.
- ¹⁶ *Чжон Ген Хван*. Политическая идеология Ким Гу (на кор. яз.). Сеул, 2008. С. 156–159.

А. А. Курмызов*

ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА И ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В РК (1960–1961 гг.)

Период с конца апреля 1960 по май 1961 г. может быть определен как первая в истории Кореи попытка построения государства, основанного на принципах либеральной демократии. Однако демократический эксперимент закончился полным крахом, поскольку новое правительство не смогло решить проблемы, стоявшие тогда перед страной. Оно так и не преуспело в деле создания прочной общественно-политической и экономической системы. В результате военного переворота 16 мая 1961 г. снова произошел поворот к авторитарной политической модели, в рамках которой Республика Корея продолжала развиваться еще четверть века.

Феномен Второй Республики ставит перед исследователями ряд вопросов. Самый главный из них состоит в том, что послужило причиной ее краха в условиях, когда народ РК, казалось бы, поддерживал идею демократических преобразований, стремление к которым декларировала пришедшая к власти на волне Апрельской революции Демократическая партия (*Минчжудан*).

В то же время проблема Второй Республики представляет актуальность не только с точки зрения корейской истории. XX век, особенно период после Второй мировой войны, стал временем модернизационных процессов в странах третьего мира. Модернизация охватывала различные сферы жизни общества и включала в себя создание современных политических институтов. Однако восприятие принципов западной демократии в этих странах происходило неодинаково и зависело от многих факторов, в том числе и от особенностей политической культуры данной страны или региона. И, как показывает пример Второй Республики, демократизация общественно-политической системы отнюдь не является быстрым и безболезненным процессом, равно как и уни-

* Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва.

версальным решением основополагающих проблем политического и экономического развития той или иной страны.

26 апреля 1960 г. Национальное собрание Республики Корея приняло резолюцию, требовавшую отставки Ли Сын Мана. На следующий день министр иностранных дел Хо Чжон заявил, что возлагает на себя функции главы «переходного правительства». Хо Чжон, назначенный Ли Сын Маном на свой пост за несколько дней до этого, прежде являлся его соратником, однако в последние годы он не поддерживал деятельность Либеральной партии (*Чаюдан*), а потому не воспринимался широкими кругами корейской общественности как одиозная фигура.

Несмотря на определенные (впрочем, достаточно умеренные) действия правительства Хо Чжона по наказанию наиболее одиозных лиц, служивших прежнему режиму, уже на этом этапе обнаружилось противоречия между действиями правительства и более радикальными ожиданиями народных масс. Южнокорейский политолог Хан Сын Чжо справедливо обращает внимание на то, что кабинет Хо Чжона составляли люди, отнюдь не придерживавшиеся радикальных взглядов и не демонстрировавшие решимость провести революционные преобразования, и характеризует политический курс его правительства как «революцию неревольюционными методами»¹. В частности, это сказалось в том, что Хо Чжон стремился к пересмотру существующей конституции при сохранении парламента прежнего, т.е. лисынмановского состава, что не свидетельствовало о радикальном разрыве с прежней политической практикой. В мае в Сеуле, Пусане и Тэгу прошли многочисленные демонстрации с требованием роспуска существующего парламента, однако они не оказали воздействия на правительство Хо Чжона.

15 июня 1960 г. парламент утвердил поправки к конституции. Теперь парламент должен был состоять из двух палат — нижней (представителей) и верхней (советников). Предусматривалось избрание президента обеими палатами большинством голосов в 2/3. Президент объявлялся главой государства, однако исполнительной власти он теперь не имел. Реальными властными полномочиями стал обладать кабинет министров и его глава. Таким образом, произошел переход от президентской республики к парламентской.

29 июля прошли парламентские выборы, на которых победу одержала оппозиционная лисынмановской *Чаюдан* Демократическая партия (*Минчжудан*). Несмотря на то, что эти выборы характеризуются многими как самые свободные с момента существования Республики Корея, и они не обошлись без подтасовок. Об этом свидетельствует тот факт, что в 13 избирательных округах результаты выборов были признаны недействительными и, соответственно, в них были проведены повторные выборы². 12 августа на заседании обеих палат президентом был избран Юн Бо Сон, премьер-министром стал Чан Мен. 1 октября 1960 г. была провозглашена Вторая Республика. Представители правящего истеблишмента обещали покончить с негативным наследием правления Ли Сын Мана и обеспечить демократические права и свободы в Южной Корее.

Здесь следует отметить несколько факторов, обусловивших в дальнейшем слабость политических позиций демократов. Хотя *Минчжудан* в годы правления Ли Сын Мана зарекомендовала себя как оппозиционная партия, она обладала слабой легитимностью. Апрельская революция, сделавшая возможным приход демократов к власти, представляла собой стихийное народное восстание, ведущую роль в котором, как известно, сыграло корейское студенчество. *Минчжудан* не была организатором апрельского восстания, но получила власть благодаря ему. По своей сути эта партия, несмотря на оппозиционность по отношению к *Чаюдан*, представляла собой не контрэлиты, осознанно стремившуюся к проведению радикальных политических преобразований, но часть прежней политической системы, а потому в дальнейшем, как будет показано ниже, не могла адекватно реагировать на решительные требования широких масс населения.

Другое важное обстоятельство состояло в том, что еще до прихода к власти Демократическая партия не была монолитной. Она четко делилась на две фракции — «старую» и «новую». Первая состояла из выходцев из пров. Чолла (т.е. из юго-западной части страны), а также старых деятелей демократии. Одним из ее руководителей был Юн Бо Сон, ставший летом 1960 г. президентом страны. Во второй преобладали выходцы из пров. Пхеньан или из юго-восточных провинций Кореи. Ее лидером являлся Чан Мен, занявший во Второй Республике пост премьер-министра и сосредоточивший в своих руках фактическую власть.

В сентябре 1960 г. 86 членов «старой» фракции вышли из состава Демократической партии и 8 ноября 1960 г. создали Новую демократическую партию (*Синминдан*). Ее возглавил Ким До Ен, доверенное лицо президента Юн Бо Сона.

Еще одним фактором была личность нового премьер-министра страны. По мнению американского корееведа Г. Хендерсона, Чан Мен был ответственным, трудолюбивым и умным человеком, лишенным каких-либо диктаторских амбиций, а его кабинет состоял из профессионалов, редко совершавших ошибки. Однако никто из этих людей не обладал качествами лидера, что мешало реализовывать на практике многие полезные начинания правительства³.

Так, несмотря на обещания новых лидеров страны покончить с коррупцией, она несколько не уменьшилась⁴.

Политические позиции Демократической партии ослаблял и фактический распад силовых структур. Режим Ли Сын Мана опирался на хорошо организованный полицейский аппарат, во многом являвшийся продуктом японского колониального господства. Накануне свержения Ли Сын Мана 70% высших офицеров полиции, 40% инспекторов и 15% лейтенантов составляли люди, служившие еще в период японского господства⁵.

Рассматривая полицию как опору прежнего режима, новое правительство провело ее реорганизацию, уволив из ее рядов только за первые 3 месяца пребывания у власти 4,5 тыс. офицеров⁶. Всякая активность полиции стала рассматриваться правительством и общественностью как попытка вернуться к авторитарной практике времен Ли Сын Мана, что порождало бездействие и пассивность со стороны полицейских структур. В армии существовало сильное недовольство нарастающим в стране хаосом, а стремление правительства Чан Мена сократить численность вооруженных сил также не вызывало симпатий у армейского офицерства.

В результате ослабления силовых структур значительно возрос уровень преступности. Во 2-й половине 1960 г. ежедневно фиксировалась в среднем 1 тыс. преступлений — краж, грабежей, убийств, изнасилований. Политическая ситуация также была нестабильной. С апреля 1960 по апрель 1961 г. в Южной Корее произошло примерно 2 тыс. демонстраций с числом участников около 1,2 млн человек. Участники демонстраций резко критико-

вали деятельность правительства и требовали социальной справедливости.

Чтобы навести порядок, правительство Второй Республики попыталось в марте 1961 г. ввести временный чрезвычайный антикоммунистический закон и закон о контроле над демонстрациями, дававшие широкие полномочия для подавления антиправительственных выступлений. Однако эти начинания, равно как и другие проекты правительства Чан Мена, так и не были реализованы на практике из-за массовых протестов оппозиции и населения.

В сфере экономики правительство стремилось к преодолению негативного наследия прежней власти. Режим Ли Сын Мана оставил после себя слабую экономику. Новым правительством была разработана обширная программа вывода страны из экономического кризиса, получившая название Программы национальной реконструкции. По сути дела это был 5-летний план (1961–1965 гг.). Программа предусматривала строительство заводов и фабрик, ГЭС и ТЭС, реконструкцию портов и железных дорог, увеличение добычи угля и металла. Однако США отказались финансировать ее, связывая свой отказ с нецелевым использованием американской финансовой помощи в период правления Ли Сын Мана.

8 февраля 1961 г. было подписано Корейско-американское экономическое и техническое соглашение. Оно предоставляло американским должностным лицам широкие возможности для вмешательства в экономическую жизнь страны. Это соглашение вызвало бурные дебаты в парламенте, причем некоторые депутаты сравнивали его с договором о протекторате, навязанном Японией в 1905 г.⁷

Партии и общественные движения левой ориентации осудили это соглашение и провели демонстрации протеста против него.

Безработица в период Второй Республики достигла рекордного уровня. Она была обусловлена экономической стагнацией, аграрным перенаселением, а следовательно, и массовой миграцией крестьян в города, и импортом потребительских товаров из США, что препятствовало развитию отечественной промышленности.

Пытаясь бороться с безработицей, правительство республики в декабре 1960 г. объявило о внедрении в жизнь программы, которая предусматривала привлечение безработных к общественным

работам, таким, как ирригация, городское и дорожное строительство, сооружение дамб. Однако она стала претворяться в жизнь лишь в мае 1961 г., незадолго до военного переворота.

Нерешенность основных проблем развития страны способствовала утрате правящей Демократической партией популярности. Выборы в местные органы власти 29 декабря 1960 г. по уровню насилия, подкупа, жульнического подсчета голосов ничем не отличались от выборов периода правления Ли Сын Мана⁸.

В этих условиях происходит активизация деятельности оппозиции. Лисынмановская *Чаюдан* не смогла стать ею, поскольку после бегства из страны ее лидера фактически распалась. В то же время возник ряд других партий и политических организаций, стремившихся к более радикальным переменам, чем правительство Чан Мена.

В оппозиции можно выделить 3 направления. Первое из них было представлено партиями реформистской направленности, немалая часть которых носила умеренно левый характер. Этот факт стоит особо отметить, поскольку в правление Ли Сын Мана левое движение было фактически раздавлено, т.е. теперь происходило его возрождение. Из 24 партий, существовавших на тот момент в стране, 16 являлись социалистическими. Таковыми партиями, в частности, были *Сахведан* (Социалистическая партия) и *Сахве тэчжундан* (Социалистическая массовая партия). Главное противоречие между ними и правительством заключалось в разных подходах в отношении объединения Кореи. Если *Минчжудан* и *Синминдан* декларировали необходимость всекорейских выборов в соответствии с Конституцией РК и под наблюдением ООН, а в присутствии американских войск в Южной Корее видели гарантию безопасности страны, то левые выступали за вывод иностранных войск с территории Кореи, видя в них главное препятствие для объединения, и за контакты с КНДР.

Второе направление было представлено выступлениями рабочих. Лишь с апреля по сентябрь 1960 г. произошло 485 стачек с участием 340 тыс. человек. Требования рабочих носили главным образом экономический характер: повышение заработной платы, выплата задолженности, прекращение произвольных увольнений.

Третье направление было представлено многочисленным и политически активным корейским студенчеством. Именно оно

стало главной силой, приведшей к власти Демократическую партию. Однако вскоре студенты разочаровались в неспособности нового правительства расследовать вопрос о фальсификации президентских выборов марта 1960 г., выявить и наказать виновников кровавых расправ над демонстрантами.

11 октября 1960 г. студенты ворвались на заседание Национальной ассамблеи и захватили парламентскую трибуну. Они потребовали наказать виновников кровавых расправ, а также положить конец фракционной борьбе внутри правящей партии. Правительство не решилось наказать студентов, совершивших столь вызывающие действия. Этот факт достаточно наглядно демонстрирует как возрастание роли политически активного студенчества в стране, так и степень хаоса, царившего в Южной Корее.

Именно студенты наиболее активно высказывались в пользу развития контактов с Северной Кореей вплоть до требований о немедленном объединении. Студентами Сеульского университета была создана Лига объединения нации (*Минчжок тхониль ен-мэн*). 4 мая 1961 г. Лига выступала за мирное объединение нации, за избавление от иностранного влияния и на Юге, и на Севере.

Позиция правительства Второй Республики по этим вопросам была более умеренной, чем во времена Ли Сын Мана, поскольку оно отказалось от лозунга «Похода на Север», однако по-прежнему относилось настороженно к развитию контактов с Северной Кореей. Поскольку КНДР в начале 1960-х годов превосходила РК по уровню экономического развития, именно ей принадлежала инициатива в вопросе объединения Кореи. Предложение Ким Ир Сена о создании Конфедеративной Республики Корё стимулировала дискуссии южнокорейской общественности относительно вопроса объединения.

Лигой было принято решение организовать в Пханмунджоме встречу студентов Севера и Юга. Окончательное решение об организации студенческого марша на Пханмунджом было принято 13 мая. Начало марша было запланировано на 20 мая.

Однако за 4 дня до начала предполагаемого марша, 16 мая 1961 г., в Сеуле произошел военный переворот, положивший конец недолгой истории Второй Республики. Началась новая эпоха в истории РК.

Правительство Второй Республики не смогло решить ни политические, ни экономические проблемы страны, в результате чего потеряло авторитет и было свергнуто относительно небольшой группой военных.

Обычно среди причин падения демократического правительства выделяют такие факторы, как слабость исполнительной власти, обусловленную конституционными преобразованиями 1960 г., некомпетентность и нерешительность премьер-министра Чан Мена и членов его правительства, идейная и социальная поляризация в обществе. Хан Сын Чжо особенно акцентирует внимание на последнем факторе. По его мнению, после свержения режима Ли Сын Мана в южнокорейском обществе обострился конфликт между группами, так или иначе связанными с прежним лисынмановским режимом (бюрократы, выдвинувшиеся при Ли Сын Мане, полиция, армейская верхушка, представители бизнеса) и настроенными антилисынмановски (большинство университетских профессоров и студентов, представители прессы, многие профессиональные политики) с одной стороны, и между консерваторами и радикалами — с другой.

Если правительство Демократической партии было настроено более консервативно и декларировало поддержку принципам антикоммунизма, союза с США и социального консенсуса, то оппозиция (партии реформистского толка, значительная часть студенчества) выражала негативное отношение к зависимости РК от США, поддерживала идею объединения с Севером и активно критиковала существующий социально-экономический порядок, склоняясь к некоему «среднему» пути между капитализмом и социализмом. Эти конфликты способствовали нарастанию хаоса в обществе, что не способствовало развитию страны. Важным фактором, во многом обусловившим неудачи политики Второй Республики, следует считать и раскол в правящей партии, тогда как для успешного решения проблем, стоящих перед страной в столь критический период, необходима консолидация правящей элиты.

История Второй Республики показывает, что заимствование внешних атрибутов демократии (парламентаризм, многопартийность, свободная пресса, регулярные выборные процедуры и т.д.) не всегда приводит к созданию эффективного демократического

строения. Для функционирования либерально-демократической модели необходимо наличие таких факторов, как традиции свободного волеизъявления, выборности, укоренившиеся представления о свободе человеческой личности и равенстве людей, наличие многочисленного среднего класса и относительная политическая стабильность. В Республике Корея начала 1960-х годов эти факторы отсутствовали.

История Второй Республики также показывает, что свержение авторитарного режима не приводит автоматически к установлению стабильной и эффективно функционирующей демократии. Более того, в условиях Южной Кореи это привело к анархии и хаосу в обществе. Ян Сын Чхоль, характеризуя политическую деятельность правительств Хо Чжона и Чан Мена, утверждает, что демократия выродилась в демократизм. Под демократизмом он понимает «крайнюю демократию», или охлократию — власть толпы⁹. Действительно, после свержения диктаторского режима немалая часть населения воспринимала демократию как вседозволенность, свобода отождествлялась с неограниченными правами, а революция — с анархией и разрушением прежних структур власти под предлогом борьбы с авторитаризмом.

Традиционная корейская политическая культура была достаточно далека от западных представлений о демократии. Среди тех тенденций внутри нее, которые мешали адекватному восприятию демократии, можно назвать чрезмерную централизацию власти и системы управления, отсутствие общественных организаций, могущих составить конкуренцию государству, недостаток плюрализма. Японский колониальный режим также представлял собой жестко авторитарную структуру. После освобождения Кореи в 1945 г. режимы, установившиеся на Юге и на Севере, также базировались на принципах, далеких от либерально-демократических.

Безусловно, в общественном сознании южнокорейцев к началу 1960-х годов произошли определенные перемены, свидетельством чему может служить Апрельская революция, носившая характер антидиктаторского восстания. Даже в правление Ли Сын Мана проводились регулярные президентские и парламентские выборы (пусть и при активном вмешательстве государства и подтасовках), существовала оппозиция и относительно свободная

пресса. Немалую роль в сохранении демократического фасада играли США. Проникновение в Южную Корею западной (главным образом – американской) культуры способствовало привлекательности демократических идей среди немалой части населения. Однако, за исключением европейски образованных интеллектуалов, корейцы имели слабое представление о демократических ценностях. В этих условиях демократия стала рассматриваться как некий идеал и панацея от всех проблем, однако было непонятно, как его достичь.

Само «внедрение демократии» в период Второй Республики осуществлялось теми же административно-командными методами. «Вместо содержания был заимствован только фасад, за которым скрывались беспорядок и хаос, наступившие в результате разрушения традиций и авторитетов. Говоря о свободе и демократии, большинство не понимало значения этих слов или, наоборот, преувеличивало их содержание»¹⁰.

В условиях политической нестабильности, сложившейся после свержения режима Ли Сын Мана и низкого уровня экономического развития демократические преобразования вряд ли могли быть по-настоящему эффективны. К тому же раскол внутри руководства страны серьезно ослабил Вторую Республику, что и привело к ее скорому падению.

¹ Han Sunjoo. The failure of democracy in South Korea. Berkeley, 1974. P. 58.

² История Кореи. М., 1974. Т. 2. С. 376.

³ Henderson G. Korea. The politics of the vortex. Cambridge-Massachusetts-London, 1978. P. 431.

⁴ Ibid. P. 179.

⁵ Kim Quee Young. The fall of Syngman Rhee. Berkeley, 1983. P. 21.

⁶ Han Sunjoo. Op. cit. P. 157.

⁷ История Кореи. М., 1974. Т. 2. С. 380.

⁸ Прошин А. А., Тимонин А. А. НеокOLONИализм США и Южная Корея. М., 1985. С. 10.

⁹ Yang Sung Chul. The North and South Korean political systems. A comparative analysis. Seoul, 1999. P. 196.

¹⁰ Асмолов К. В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М., 2009. С. 41.

*В. Н. Дмитриева**

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА В РК

*Есть люди, которые полагают,
что все, что делается
с серьезным видом, разумно.*

Г. К. Лихтенберг (мыслитель XVIII века)

Глобализация и мировой экономический кризис свидетельствуют о новой, еще не вполне осознанной реальности, и некоторые исследователи новаторских проектов и планов заявляют о необходимости перемен, которые будут способствовать быстрому развитию социально-экономической модернизации. В разных общественных науках – философии, истории, политологии, филологии, экономике и др. понятие «глобализация» трактуется по-разному.

Существует мнение, что глобализация означает начало новой эпохи человеческой истории в результате «денационализации» экономики, усиления влияния транснациональных систем производства, новых условий торговли и новой системы финансовых организаций.

Глобализация меняет фундамент современного мироустройства, а трансформация экономических структур охватывает страны, регионы, практически всю планету. Вместе с глобализацией возникает целый ряд вопросов, на которые пока нет ответов. Где границы глобализации? В создании мегаобщества? Нет сомнений, что последствия глобализации для международных отношений нуждаются в очень внимательном и глубоком анализе. Какое влияние может оказать глобализация на роль и значимость национального государства, его суверенитета?

* МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва.

В результате денационализации экономики, упрочения транснациональных систем производства, изменения правил торговли и функционирования финансовых систем создается новая структура функционирования экономики.

Сохранение национального государства в качестве основного субъекта международных отношений — это принципиальный вопрос международного права¹.

Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин выступает против позиции западноевропейских ученых, подчеркивая значимость государства. Сегодняшняя опасная тенденция ведет к тому, что конкретные политические понятия «граница» и «государство» вытесняются юридически неопределенными, не имеющими опоры ни в одном юридическом праве географическими и социально-экономическими терминами.

Весьма существенным фактором, влияющим на суверенитет, может выступать военно-политическая зависимость, особенно в сфере безопасности. В качестве примера можно указать на зависимость стран Западной, Восточной, Юго-Восточной Европы, Японии, Австралии, Южной Кореи и ряда других стран от США².

Между глобализацией и национально организованной жизнью существует противоречие — это противоречие между интересами участников глобальных рынков и национальными интересами государств. Они могут привести к конфликтам. Нередко ставится вопрос об адаптации, приспособлении национальных интересов к более глобальным интересам других участников международных отношений.

В. В. Михеев подчеркивает, что в культурологическом направлении исследований глобализация рассматривается на пересечении интересов экономики, права, международных отношений, политологии, культурологии, информатики. Он анализирует мнение зарубежных ученых. Ф. Джеймсон (США), рассматривая глобализацию в философском контексте, утверждает, что в природе такого явления, как глобализация, не существует, поскольку мир остается разделенным на национальные государства. Другие считают, что глобализация существовала всегда, как только люди на планете стали мигрировать и торговать друг с другом³. Они трактуют этот период как новую стадию развития капитализма, стадию многонационального монополистического капитализма, которая

ведет к взаимоотношениям между ведущими и ведомыми нациями. Ф. Джеймсон отмечает весьма очевидный факт: глобализация по своей сути означает американизацию и стандартизацию сфер производства и потребления. Такая «схема» рассматривается им в качестве антитезиса национально-хозяйственным условиям. К этому можно добавить, что эта новая «схема» ведет к новой колонизации народов и стран.

Западные ученые по-разному трактуют суть глобализации, цель которой — ликвидация безработицы и упрощение экономической и финансовой интеграции. Некоторые считают, что вместо «железного занавеса», разделявшего раньше Восток и Запад, в эпоху глобализации опустится «золотой занавес», промышленные страны будут защищать собственные рынки труда. Для промышленно развитых стран главная дилемма — вопрос гармонизации усилий при использовании сравнительных преимуществ в решении социальных проблем.

Японские ученые считают, что в Японии двойной подход к глобализации. Понимая, что ее нельзя игнорировать, т.е. отказаться от сотрудничества с мировыми рынками, они опасаются того, что придется платить за глобализацию высокую цену. Дело в том, что в Японии двойная структура экономики: индустриальная ее часть в основном нацелена на внешние рынки, а сельское хозяйство, финансовая сфера и социальная система остаются закрытыми, что сказывается на длительной стагнации, и это влияет на замедление реформ. В Японии глобализация требует серьезной перестройки структуры экономики, чтобы она была более динамичной в сфере стабилизации экономики и повышения жизненного уровня населения.

В США главная цель глобализации — добиться либерализации рынков других стран и при этом сохранить защищенными собственные рынки. Для сохранения лидерства в научно-технической сфере в США соблюдается концепция «привлечения мозгов из разных стран», в том числе из России.

Современный этап развития когнитивного направления в изучении национальных культур характеризуется повышенным интересом к анализу характеристик исторического развития стран АТР.

Цивилизационные особенности стран Дальневосточного региона необходимо рассматривать в системе координат, связан-

ных с процессами модернизации, что дает возможность выделять группы стран, отличающихся друг от друга спецификой своего развития.

В XXI в. в центре внимания научных школ находится человек в быстро меняющемся мире на фоне планетарных событий, когда общемировые тенденции развития коммуникативных актов по-разному проявляются в странах и регионах. Используются новые научные концепции. Внимание ученых-востоковедов привлекает когнитивное направление в социологии, философии и психологии. Можно ли понять внутренний мир человека без его психологических особенностей? Можно ли осознать собственное место в мире, роль человека, страны без философии развития истории, философского осмысления реальной действительности, которая окружает нас?⁴

На нашей планете существуют цивилизации, народы которых гордятся своей многовековой историей, памятниками древней культуры, особыми духовными ценностями в семье и обществе.

Понимание, анализ и прогнозирование межкультурных контактов с представителями стран Дальнего Востока невозможны без глубокого и всестороннего изучения многовекового процесса формирования Дальневосточной цивилизации, специфики общественного сознания, этнических традиций, взаимовосприятия, запечатленного в исторической памяти народа.

Возрождение интереса к Тангуну и истории древних государств Восточной Азии периодически происходило не только на Севере Корейского полуострова, но и в Южной Корее, которая в ходе реализации своей политики глобализации столкнулась с необходимостью найти дополнительные возможности самоидентификации в условиях становления все более интернационализованной или, по крайней мере, американизированной и японизированной Восточной Азии⁵.

В современных условиях «эпохи глобализации» этнопсихологические особенности разных народов в той или иной степени отражаются во взаимоотношениях, в поведении, в специфической аргументации обсуждаемых проблем.

Республика Корея — страна, позиционирующая себя в современном мире как убежденный сторонник глобализации, как активный участник создания мультикультурного общества на

Корейском полуострове, где еще не так давно гордились моноэтническим государством, где ксенофобия по отношению к лицам другой национальности, и даже к корейцам из Китая, — обычное явление. Массовый эготизм пронизывает все справочники для туристов: «Небывалый экономический рост — гордость народа, который добился установления в стране моральной демократии»⁶.

Не все разделяют концепцию особых азиатских ценностей. Даже в условиях традиционного общества сформировалась группа сторонников либерализма. Они полагают, что рассуждения о традиционных ценностях лишь тормозят нормальное развитие процесса демократизации. Лауреат Нобелевской премии Ким Дэ Чжун отметил, что теория особых азиатских ценностей есть не что иное, как миф, выдвинутый противниками процесса модернизации азиатских стран⁷.

В автобиографической книге «Новое начало» Ким Дэ Чжун обратил внимание на то, что мир в настоящее время стремительно меняется. Мы вступили в эру всемирной экономической войны. От индустриального общества мы перешли к постиндустриальному. Жизнь состоит из вызовов и ответов на них. На протяжении всей истории прогресс достигался бесконечным стремлением человечества к новому⁸.

В инаугурационной речи при вступлении в должность президент Ким Дэ Чжун подчеркнул: «Наша энергия должна быть направлена на глобализацию корейской культуры в целом».

В последние годы Корейский полуостров привлекает внимание молодых исследователей, у них свой взгляд на историю стран Дальнего Востока. Для них Корея — загадочная страна. История ее развития — это сменяющиеся периоды многовекового застоя и стремительного роста, низкопоклонства и отстаивания независимости, «государство-отшельник» превратилось в «Империю Великой Кореи». Будучи втянутой в ситуацию противоречий великих держав, она вынуждена была подписать договор с Японией. Так началась для Кореи эпоха глобализации.

XX век изменил Корею — и в этом тоже помогла глобализация, ускорившая модернизацию и включение Кореи в систему регионального разделения труда. 1945 год принес долгожданную независимость, но наступило глобальное противостояние капиталистической и коммунистической систем, что привело к граждан-

ской войне. КНДР проводила политику закрытости и «опоры на собственные силы». Стали возрождаться идеи «корейской исключительности» и особого пути развития корейской нации, корни этого феномена уходят в XVII в.

В 1960-е годы генерал Пак Чжон Хи заложил основу модернизации РК, быстрыми темпами происходила урбанизация страны, благодаря помощи США и Японии удалось добиться успехов в экономике, опередив более развитый экономически Север. После Олимпиады 1988 г. в Сеуле, вступления КНДР и РК в ООН в 1991 г. демократически избранный президент РК Ким Ен Сам объявил программу ускоренной «глобализации». Однако новый термин «*segeхва*» относился к понятиям традиционной иерархической системы международных отношений, т.е. «не может быть «просто» глобализации» и не может быть равных государств. У каждой идеи есть свой источник и своя сфера влияния. Включение Южной Кореи в мировое сообщество должно было означать самоопределение статуса и политических амбиций.

Глава Комитета по продвижению глобализации И О Рён выдвинул лозунг: «Хотя мы и опоздали с индустриализацией, мы можем опередить всех с информатизацией». В 1990-е годы основной задачей правительства РК и корейского общества стало создание мощной и конкурентоспособной экономики и культуры на базе традиционных корейских ценностей.

После кризиса 1997 г. политика «глобализации», основанная на успехе южнокорейских ТНК, отличающихся значительной включенностью в мировую экономику, помогла закрепиться во всех доступных уголках мира. Правительство и частные фонды спонсировали экспорт поп-культуры, доминирование на азиатских рынках.

С 2005 г. «работает программа по формированию положительного имиджа страны», широкая пропаганда в разных странах национальной культуры Кореи, распространение учебников корейского языка, стимулирование переводов литературных произведений с корейского языка на иностранные языки, чтобы жители разных стран могли познакомиться с современной корейской литературой. Ученые, специалисты разных отраслей наук из других стран приглашаются на работу в РК. Представители Южной Кореи занимают важные посты в международных организациях.

Государство стремится занять ведущие позиции в системе стран Северо-Восточной Азии и во всемирных организациях⁹.

Республика Корея с первых лет установления дипломатических отношений между нашими странами проявляет большой интерес к нашей системе образования, особенно к учебникам по истории Кореи и корейскому языку. Корейские специалисты следят за содержанием текстов, высказывают критические замечания. Российским школам и университетам присылаются учебники, изданные в РК. Мы высоко ценим такую помощь и выражаем глубокую благодарность за очень важную для нас заботу и внимание. Однако у нас тоже есть замечания, они, в частности, касаются неверных сведений о событиях на Корейском полуострове в конце XIX в.

В учебнике корейского языка «*Ток-токхан хангугин*» (Достойный кореец), изданном в 1991 г. Сеульским государственным университетом, излагаются исторические сведения о российско-корейских отношениях, где говорится: «...бегство императора Кочжона в миссию России является убедительным фактом вторжения России на Корейский полуостров». Архивные документы свидетельствуют о реальных фактах, хорошо известных историкам. «Правительство Ким Хонджипа продолжало прояпонскую политику.. Патриотические силы защитницей Кореи считали прежде всего Россию. Именно по совету сторонников прорусской группировки ван Кочжон принял решение, покинув Токсугун, укрыться в здании русской миссии, где он находился 375 дней, его правление страной оттуда фактически стало мирным переворотом». Из сторонников русской ориентации было сформировано новое правительство, в 1896 г. были подписаны Сеульский меморандум и Московский протокол. У России не было никаких планов территориальных притязаний к Корею, в том числе и приобретения незамерзающего порта. Главное внимание российской дипломатии было направлено на недопущение развязывания Японией войны против Кореи¹⁰.

В июле 2000 г. в Сеуле была проведена уникальная выставка «Россия. 1000-летняя история и искусство». Выставку для корейских граждан организовали три государственных организации — Гохран, Алмазный фонд и Государственный исторический музей. Они представили великолепную коллекцию, которая имеет огромную материальную и культурную ценность, в том числе кол-

лекцию полного титула ордена Андрея Первозванного, который принадлежал русским императорам. Подобная выставка проводилась впервые в истории не только российской, но и мировой музейной практики. На выставке были представлены исторические документы российско-корейских отношений конца XIX в. — уникальная коллекция из Российского государственного архива Санкт-Петербурга (бывший архив Сената—Синода).

Необходимо подчеркнуть, что в тот период исторические пути России и Кореи очень тесно переплелись. Россия сыграла особую роль, когда в период японской экспансии она выступила как защитник и союзник Кореи. Следует вспомнить, что во времена политического кризиса после убийства японцами королевы Мин в ответ на ультиматум японского правительства российское руководство предприняло все меры, чтобы защитить короля. Кочжон провозгласил себя императором с территории российской миссии, руководил всей антияпонской борьбой. На выставке были выставлены уникальные документы, рассказывающие о том, что очень многие корейские граждане принимали российское подданство, чтобы защитить себя от притеснений японских захватчиков. Цель этой выставки — восполнить пробелы, существующие в познаниях корейцев об истории, культуре России и ее исторической роли на Корейском полуострове, внести свой вклад в укрепление дружбы и взаимопонимания между нашими народами¹¹.

У корейского народа наблюдается поразительная способность синкретического восприятия чужих духовных, культурных и других ценностей, что придает современной культуре самобытный, неповторимый и в какой-то степени уникальный характер.

Совершенствование технологий в разных отраслях промышленного производства, активное внедрение во все отрасли новейших информационных технологий свидетельствует об активной вовлеченности Республики Корея в процесс глобализации.

Российские аналитики считают¹², что РК в максимальной степени использует все выгоды, вытекающие из нынешней глобализации. При этом подчеркивается, что глобализация понимается как объективный процесс интернационализации социальной, моральной и даже культурной жизни общества.

Глобализация для ТНК, возможно, обычное и вполне понятное явление, стимулирующее развитие промышленных отраслей

в сфере экономических связей разных стран, где могут преследоваться определенные цели. Социальный инстинкт — достичь более высоких результатов — заложен в подсознании человека, а его поведение рассчитано на развитие своего бизнеса.

Рост производства влияет на миграционные потоки рабочей силы. Глобализация может привести к потере национальной самобытности культуры. Чудовищная дезинформация и дезориентация в наше время влияют на жизнь иностранных рабочих, создавая негативный эффект. Проблема нового смысла существования человека в других условиях влияет на общественное сознание, постепенно формирует маргинальное мышление людей.

В 2001 г. в Сеуле была опубликована книга Пак Ночжа (В. М. Тихонова)¹³ «Ваша Республика Корея». В главе «Портрет южно-корейского общества» говорится об особенностях общественного сознания современных жителей Южной Кореи, где и сохранились черты предыдущих эпох, периода диктатуры Пак Чжон Хи, колониального и средневекового периода, и существует идея почитания «старшего государства» (принцип *садэчжувый*), в настоящее время таким государством считается США. Автор книги уделяет внимание «восточному ориентализму» — дискриминации, которой подвергаются в РК соотечественники из Китая.

Новые факторы, которые появляются в процессе развития международных отношений под влиянием глобализации, также требуют всестороннего изучения роли современного государства в международном общении, изучения трансформации общественной мысли.

В РК глобализации придается огромное значение во всех сферах деятельности человека, т.е. глобализация, которая прежде всего «имеет экономическую природу, меняет «фундамент» современного моноэтнического общества на «мультикультурный».

Создание условий для мультикультурного общества в РК происходит под мощным воздействием всемирной глобализации.

Некоторые страны опередили РК в создании многонационального государства нового типа, основанного на миграции рабочих из других стран.

О современном мультикультурном обществе Австралии можно прочитать в книге Т. Габрусенко «Эти непонятные корейцы»¹⁴

в главе «Корейцы за рубежом». Автор подробно рассказывает об особенностях мультикультурной Австралии, где все жители говорят по-английски, хотя все имеют право говорить на своих национальных языках. Национализм, расизм — под строгим запретом, и за нарушение закона производится арест. В рекламах можно увидеть негритянские, азиатские лица и лица других национальностей. В стране много межнациональных, межрасовых браков, на улицах можно встретить этнически смешанные дружеские компании. Здесь же упоминается, что лет 25–30 назад все было по-другому. До 1972 г. была запрещена «желтая» эмиграция, а местные аборигены получили избирательные права только в 1968 г. И лишь среди стариков можно встретить скрытые расистские настроения. Интернационализм в стране стал нормой жизни.

Но здесь же наблюдается картина, которая может показаться странной: в «мультикультурной» стране все говорят только по-английски. Никто из стран Азии не говорит на своем родном языке. Китайцы, корейцы, арабы — все говорят и между собой, и с детьми — на английском. Первая волна корейских эмигрантов в Австралии воспринимает язык своих предков «как язык нищеты. А язык страны, в которую приехали, — как язык преуспевания и благоденствия». Самая заветная мечта большинства корейских эмигрантов — чтобы их дети смогли как можно основательней вращаться в эту благополучную среду и стать «настоящими австралийцами» (или «русскими», «американцами»). Недаром очень многие корейцы второго поколения в СССР выбирали русское филологическое образование, чтобы великолепно выучить русский — и полностью забыть корейский. Автор книги считает, что здесь дело в том, что «язык лучше, чем что-либо иное, концентрирует в себе культуру нации. На каждом шагу национальная ментальность, заложенная в языке, вступает в противоречие с мышлением, господствующим на новой родине». Принцип сыновней почтительности в конфуцианских странах в семейных делах играет важную роль, и родителям-эмигрантам пришлось бы учить своих детей иному менталитету и довольно сложным речевым правилам, а дети должны, говоря о себе, постоянно употреблять естественную для корейского языка уничижительную форму речи, кланяться взрослым, почтительно разговаривать с ними. С западной массовой культурой такие правила не сочетаются. Для многих корейс-

ких эмигрантов их родной язык — негативный символ уже не бедности, а «отсталой», «репрессивной» конфуцианской идеологии.

В США у корейской молодежи возникают похожие проблемы. Преподаватели корейского языка Колумбийского университета, который входит в число самых престижных и самых дорогих университетов страны, поделились своими проблемами в связи с необычной ситуацией: корейский язык учат американцы, учат с интересом и с хорошими результатами. А студенты из корейских семей эмигрантов не хотят его учить, хотя родители настаивают, чтобы их дети дома разговаривали по-корейски. Ссылаясь на трудности корейской грамматики, студенты всячески стараются уклониться от культуры «сыновей почтительности».

Т. Габрусенко считает, что в реальной жизни «провозглашенный мультикультурализм» оборачивается своей противоположностью — ассимиляцией... Ведь страна — это как семья... Народы должны скреплять единые ценности. А единые ценности диктует тот, чьи позиции в стране сильнее... Видимо, в рамках большой и сильной страны ассимиляция малых народов — явление хотя и грустное, но неизбежное... О «зове этнической родины предков» российские корейцы заговорили, когда... корейский язык стал ассоциироваться не с Пхеньяном, а с преуспевающим Сеулом».

¹ Клепацкий Л. Н. Роль государства в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения: Регионоведение». М., 2009. С. 132–135.

² Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. № 3. С. 18.

³ Михеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М., 2001. С. 12–21.

⁴ Долуцкий Ч. И., Журавлева В. И. Всемирная история XX века. М., 2002. Ч. 1. С. 21.

⁵ Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., 2006. С. 21.

⁶ Корея. Цифры и факты. Справочники для туристов. 1993, 1998, 2003.

⁷ Толстокулаков И. А. Особенности политической модернизации. Сборник статей. СПбГУ, 2004. С. 135.

⁸ Ким Дэ Чжун. Новое начало. М., 1998. С. 104.

⁹ Ольферт А. В. Глобализация по-корейски // Аналитическая работа по

курсу «Процессы глобализации в мировой политике» студента 4 курса РГГУ, отделение Международных отношений, 2010.

¹⁰ Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898 гг.). Автореферат дисс. на соискание степени доктора исторических наук. М., 2006. С. 25, 35.

¹¹ Выставка «Россия. 1000-летняя история и искусство» // Сеульский вестник. 31.07.2000.

¹² Ким К. Е. Глобализация и институты трудового права РК // Корейский полуостров и вызовы глобализации. М., 2006. С. 175.

¹³ Симбирцева Т. М. Портрет современного южнокорейского общества. Вестник центра корейского языка и культуры. СПбГУ, 2004. С. 127, 129.

¹⁴ Габрусенко Т. В. Эти непонятные корейцы. М., 2003. С. 255–265.

*А. А. Гурьева**

«ТРАДИЦИОННОЕ В НОВОМ» В СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Сочетание нового и традиционного можно рассматривать как формулу любой современной культуры. Это справедливо и для Республики Корея, где новые явления часто содержат традиционные элементы или базируются на них. В современной культуре это явление представляет особый интерес и в данном сообщении будет рассмотрено на примере визуального искусства (кино, живопись), литературы (проза, поэзия, драматургия), на уровне массовой культуры (реклама). В культуре Кореи сегодня мы видим сочетание нового/заимствованного и традиционного, часто по модели присутствия традиционного элемента в новом явлении. Эта формула проявляется и в реалиях повседневной жизни на поведенческом уровне/на уровне материальных объектов.

Реклама. В массовой культуре самыми яркими и наглядными примерами такого сочетания являются, пожалуй, реклама и приемы, используемые для привлечения потребителя. Вот несколько примеров.

Воплощением указанного сочетания может служить поставленная у ресторана быстрого питания «Макдоналдс» пластиковая фигура девушки, склонившейся в приветственном поклоне (1997 г.). В данном случае поклон как неотъемлемая часть корейского повседневного внеречевого этикета носит знаковый характер в рекламе американского заведения общепита.

Популярная музыкальная группа, выступавшая в конце 1990-х—начале 2000-х годов, взяла себе название «Пуль хёчжа» («Непочтительные сыновья»). В данном случае способом привлечения внимания выступает прием обыгрывания актуальной для корейской культуры универсальной категории сыновней поч-

* СПбГУ, г. Санкт-Петербург.

тельности хё. Музыканты позиционируют себя как антиподы конфуцианского идеала «почтительного сына» и тем самым привлекают интерес публики.

В рекламе могут использоваться и традиционные элементы письменной культуры, носящие знаковый характер. Пример такой рекламы: «Вклад, о котором не знал *Хынбу*» — использование популярного образа из традиционной литературы. Имеется в виду, что самый знаменитый в корейской литературе бедняк мог бы стать богаче, если бы воспользовался вкладом, который предлагает рекламируемый банк (2006 г.). Имя другого персонажа — богатого Нольбу — фигурирует в названии ресторанной сети «У Нольбу» и призвано подчеркнуть качество продуктов и блюд, предлагаемых посетителям, которое соответствует имени, ставшему символом достатка.

Литература. Литература, давшая истоки таким рекламным лозунгам, предлагает большое количество образцов современных произведений, построенных на основе традиционного сюжета. Развитие традиционных сюжетов — богатая разнообразными примерами тема в мировой литературе. Широко известным примером хождения сюжета может служить античный миф о Пигмалионе, получивший развитие в произведениях сначала Публия Овидия Назона, затем Жан-Жака Руссо и, наконец, в пьесе перенесшего действие в современную ему Англию Бернарда Шоу, по мотивам которой поставлен знаменитый мюзикл «Моя прекрасная леди».

В этом отношении корейская литература, безусловно, не исключение. Развитие старых сюжетов и моделей в новом варианте было свойственно и традиционной культуре Кореи и проявилось особенно ярко в литературе. В частности, популярным явлением была переработка китайских произведений: так в корейскую литературу вошли рассказы Ким Си Сыпа (1435–1493 гг.), написанные под влиянием прозы китайского писателя Цюй Ю (1341–1427 гг.), повесть Квон Пхилиа (1569–1612 гг.) «История Чу», основанная на новелле танского писателя Цзян Фана, и т.д. Популярные повести *чон* на родном языке часто восходят к индийским *джатакам* или китайским романам. Развитие же исконно корейских сюжетов представляет еще одно явление в литературе Кореи. К примеру, в литературе *пхэсоль* «бродячие» сюжеты, впервые зафиксированные письменно в XIII–XIV вв., обрастали новыми

подробностями, иногда со сменой главного персонажа, встречаясь в творчестве разных авторов на протяжении последующих нескольких столетий. Отдельные мотивы *пхэсоль* автора Чхон Е о мелком чиновнике в сундуке превратились в «Повесть о чиновнике Пэ». По мотивам *пхэсоль* из сборника Лю Мон Ина (1559–1625 гг.) его современник Чо Ви Хан (1558–1649 гг.) написал повесть на китайском языке «Чхве Чхок». Сюжеты романов Ким Ман Чжуна (1637–1692 гг.) «Сон в заоблачных высях» (*Ку ун мон*) и «Скитания госпожи Са по югу» (*Са сси намчжон ки*) легли в основу двух направлений в рамках жанра романа последующих эпох¹.

Многообразны и истоки повестей *чон*, составивших наиболее известные образцы корейской традиционной литературы. Такие истории, как «Повесть о Симчхон» или «Повесть о Чхунхян», не только имеют сразу несколько источников формирования сюжета, но и отличаются широким жанровым диапазоном: их сюжет обыгрывается не только в повестях, но и в песнях *пхансори* или *чанка*. Они же привлекают авторов новой эпохи — века XX, и примером тому пьеса Чхэ Ман Сика (1902–1950 гг.) «Слепец Сим», роман Хван Со Гёна (род. в 1943 г.) «Симчхон, путь лотоса», пьеса Чве Ин Хуна «Луна, луна, о ясная луна», пьеса О Тхэ Сока «Отчего Симчхон бросилась в воду Индансу дважды?», цикл стихотворений, посвященных Чхунхян, поэта Со Чон Чжу и т.д.

Другие традиционные темы также популярны в современной литературе. В корейской прозе второй половины XX в. исторический роман представляет собой достаточно яркое явление. Исторические события и художественные сюжеты легли в основу романов известных писателей XX в. К примеру, роман Чве Ин Хо (род. в 1945 г.) «Четвертое государство» о государстве Кая или роман Ли Мун Еля (род. в 1948 г.) «Менсон ванху» о королеве Мин, по которому был поставлен спектакль в сеульском Центре искусств (1998) и многие др.

Особенности развития традиционных сюжетов в творчестве современных авторов будут рассмотрены на примере отдельных произведений поэта Со Чон Чжу (1915–2000 гг.), драматургов Чве Ин Хуна (род. в 1936 г.) и О Тхэ Сока (род. в 1940 г.), а также писательницы Син Ген Сук (род. в 1963 г.).

Проза. В 2007 г. популярная женская писательница Син Ген Сук обратилась к историческому роману. Однажды в руки писа-

тельницы попал документ, в котором были приведены краткие сведения о том, что 100 лет назад французский дипломат с первого взгляда влюбился в девушку из окружения королевы и увез ее с собой во Францию. История показалась Син Ген Сук интересной, и она начала работать над книгой, посвященной этой истории. Ли Чжин – имя девушки – послужило названием произведения. В романе угадывается традиционный сюжет: девушка встречает молодого человека, доверяет ему свою судьбу и остается верной ему, несмотря на все испытания. В произведении Син Ген Сук после расставания с возлюбленным героиня возвращается в Корею и, узнав о гибели королевы Мин, решает покончить с собой.

О современном характере произведения свидетельствует тема анализа главной героиней своей личности. Так, Ли Чжин пишет, что в Париже обрела себя. Психология кореянки из окружения королевы, оказавшейся в европейской столице, составляет отдельную тему, вписанную в рамки основной любовной драмы.

Драматургия. Отдельный материал для рассмотрения в плане темы доклада представляет современная драматургия. Пьесы популярных авторов 2-й половины XX в. – прозаика и драматурга Чве Ин Хуна и драматурга О Тхэ Сока – позволяют выделить в этой области несколько направлений.

1. Пьесы по мотивам отдельно взятой легенды или истории (пьеса О Тхэ Сока «Отчего Сим Чхон бросилась в воду Индансу дважды?» и пьеса Чве Ин Хуна «Когда, где и кем став мы снова встретимся?»²).

2. Подражание фольклору (пьеса Чве Ин Хуна «Когда наступит весна, в горах и на полях...»³).

3. Самостоятельный сюжет с отдельными аллюзиями на фольклор (пьеса Чве Ин Хуна «Вот так в старину прогоняли птиц»). Особенности традиционного элемента в новой драматургии будут рассмотрены на примере первой подгруппы. О Тхэ Сока⁴ касается истории своего государства в большинстве произведений. Они представляют собой переосмысление реальных событий из истории Кореи: судьбы шестерых казненных узурпатором Сечжо ученых [пьеса «Тхэ» («Плацента»)], заключенного своим отцом в ящик психически нездорового наследного принца [пьеса «Лучжаючхин» («Между отцом и сыном должна быть близость»)], событий периода Корейской войны [пьеса «Чачжонго» («Велосипед»)].

Пьеса же «Отчего Сим Чхон бросилась в воду Индансу дважды?» обращается к легенде. Автор заимствует основных персонажей популярной повести *чон* – преданную дочь Сим Чхон и Морского владыку-дракона – для создания нового сюжета. Повстречавшись со знакомыми с детства героями на первых страницах пьесы, читатель переносится вместе с ними в современность. В ней герои сразу же сталкиваются с преступным миром, особую тягу к которому испытывает, как ни странно, Морской Дракон. Проводником героев в современности становится человек с обожженным лицом, и именно его линия использована автором для постановки острых вопросов и раскрытия заданной в пьесе проблематики. Это проблемы жестокости и черствости, культа наживы, обмана, использования человеческого материала, социальные проблемы преступности и проституции и другие проблемные аспекты общества, извечные по сути, но по-своему проявляющиеся в сегодняшней действительности. Неожиданные повороты сюжета и проявления характеров – своеобразно реализованный автором прием отстранения – способствуют созданию ощущения нестабильности, неуверенности.

Второй автор – Чве Ин Хун – избрал для своего «римейка» историю об Ондале-дурачке, вошедшую в исторические хроники «*Самгук саги*» («Исторические записки Трех государств»). В его пьесе сохраняется историческая канва, но развиваются события на основе любовной линии, переходящей в фон для темы предательства и стремления к власти. По версии Чве Ин Хуна, главный герой гибнет не от оружия врага, но от руки предателя из числа ближайшего окружения. Записанный в исторических хрониках финал превращения известного «дурачка» в национального героя изменен: в пьесе вслед за Ондалем погибает и его жена-принцесса.

Богатый фольклорный антураж – сны, поверья и т.д. – свидетельствует о времени указанных событий, но при этом он словно осовременен ярко выписанной любовной темой, особенности развития которой не соответствуют традиции. Так, диалоги героев лишены привычных клише и эпитетов, любовь выражается косвенно, но предельно эмоционально и сцениграфично. Влюбленность выражена современными средствами. К сугубо традиционным элементам в пьесе можно отнести то, что главные персонажи в ней представляют собой однозначно положительных героев: они

верны своей любви друг к другу, почтительны к старшим в лице матери Ондаля, т.е. свекрови принцессы. Однако при этом их положительность является таковой с современной точки зрения, но не соответствует идеалам времени появления первоисточника, осудившим бы дерзость и своеволие принцессы. Следует отметить, что хроники «*Самгук саги*», в состав которых входит повествование об Ондале, относятся к официальной истории Кореи. В связи с этим приведенные в них события воспринимаются как реально имевшие место, что объединяет эту пьесу Чве Ин Хуна с теми пьесами его современника О Тхэ Сока, которые написаны на основе реальных исторических событий.

В случае с обоими рассмотренными произведениями счастливый или, по крайней мере отчасти, положительный конец, присущий первоисточнику, заменяется современным автором на трагичный и надрывный, причем трагичный «по-европейски», когда из ситуации практически нет выхода. Пьесам присущ напряженный психологизм. Создается впечатление, что автор наблюдает за действующими лицами и едва успевает фиксировать их поступки и слова. При этом построение пьес не линейно: при общем соблюдении хронологии событий, оба автора порой опускают сюжетные связи. Такая особенность компенсируется вниманием к деталям, которое актуализируется при постановке пьес на сцене: Чве Ин Хун оставляет комментарии для предполагаемого режиссера, а О Тхэ Сок ставит свои произведения сам.

Таким образом, в числе особенностей произведений современных драматургов на традиционные темы можно отметить многоплановость, пессимизм, проблему ненахождения героями своего места в обществе. В фокусе авторского внимания оказываются два-три главных действующих лица, но, в отличие от традиционного первоисточника, пьесы не о них, а о той действительности, в которую они помещены. Узнаваемость персонажей и их знакомость по тому или иному признаку помогает автору сделать более насыщенным пространство между строк.

Поэзия. В творчестве крупнейшего поэта XX в. Со Чон Чжу исследователи часто отмечают развитие буддийских элементов, традиционных тем. К числу ранних стихотворений автора относится цикл «Выдержки из Силла» (1960), тексты которого посвящены тому или иному лицу или событию из истории государс-

тва Объединенное Силла. Мы коснемся стихотворения, в основу которого легло произведение традиционной литературы: это стихотворение «Старик преподносит цветы», вошедшее в цикл о Силла и написанное по мотивам одноименного *хянга* и его прозаического обрамления из «*Самгук юса*» («События, опущенные в «Исторических записях Трех Государств»»). Вошедший в «*Самгук юса*» текст представляет собой повествование о несравненной красавице, супруге губернатора госпоже Суро. Один из эпизодов повествования посвящен тому, как неизвестный старик достал и вручил госпоже цветы, которые она желала получить, но которые при этом росли на скале на недоступной для обычного человека высоте.

В тексте стихотворения строки Со Чон Чжу перемежаются с переведенными на современный корейский язык вставками из «*Самгук юса*» — самим *хянга* и словами госпожи Суро из прозаического обрамления. Исторический текст повествования о госпоже Суро изначально имеет сакральную функцию и воспроизводит ритуал, в котором старик представляет жреца-зачинателя. У Со Чон Чжу он переосмысливается как романтическая история. В трактовке современного поэта старик очаровывается красотой госпожи Суро и именно благодаря романтическому чувству преодолевает свой возраст и прочие препятствия:

Забыл ли он о своей седой бороде,
О своем возрасте?
Конечно, он обо всем забыл.
Забыл ли он и о том, что она чужая жена,
И обо всем прочем?
Конечно, он обо всем забыл.
У него не оставалось ничего, кроме чувства,
Подобного тому, как один цветок
улыбается от радости при виде другого.

Следует отметить, что исконный сакральный смысл *хянга* и его прозаического обрамления утрачен сегодня и не известен современному читателю (реконструкция лежащего в основе данного текста мифологического пласта была проделана М. И. Никитиной). Ввиду сказанного, поворот темы в стихотворении Со Чон Чжу можно трактовать двояко. С одной стороны,

привнесение романтического элемента, отсутствующего в тексте, указывает на изменение основного смысла первоисточника. Однако следует обратить внимание на то, что тема влюбленности акцентирует мужское начало в старике, что важно в связи с его ритуальной функцией. Происходит это с привлечением современных средств. Возможно, в этом смысле не случайно в тексте появляются строки, объясняющие происходящее современным нам языком:

Выражаясь современным языком,
Он только и мог знать и чувствовать, как
Воздух, которым были пропитаны их губы, уши и глаза,
Которым были пропитаны их слова и движения,
Становился столь близким и знакомым.

Кино. Еще одна область, в которой распространено рассматриваемое явление, — это кинематограф. Перенос действия классического литературного произведения на иную почву или в иную эпоху мы находим в сегодняшней западной поп-культуре кино, изобилующей римейками. В частности, популярность пользуются американские римейки произведений классической литературы, к примеру пьеса «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана, превратившаяся в комедию о современном герое-неудачнике; роман Шодерло дэ Локло «Опасные связи», послуживший основой для кинофильма об интригах в старшей школе. Наиболее популярны в этом отношении произведения Шекспира, по мотивам которых снимают картины разного уровня: это «Ричард III», облеченный в образ фашиста⁵, «Ромео и Джульетта», превратившаяся в гангстерский боевик⁶, шекспировская «Двенадцатая ночь», по мотивам которой поставлена молодежная комедия о девушке, притворившейся юношей ради возможности профессионально играть в футбол⁷. В Европе такие «римейки с перемещением», скорее, представляют собой попытку серьезного осмысления или переосмысления человеческой трагедии, описанной классиком. Это и фильм финского режиссера Аки Кауризмаки «Гамлет идет в бизнес» (1987), в которой принц датский выступает в качестве вероломного проходимца, намеренно реализующего план обретения власти в компании, и недавно вышедший на экраны фильм Карена Шахнозарова «Палата № 6» (2009). Из азиатских примеров один из наиболее ярких — работа Акира Куросавы по мотивам ро-

мана Ф. М. Достоевского «Идиот» (1951), где, как известно, действие переносится в послевоенный период.

Корейская киноиндустрия чаще обращается к истории реальных лиц или событий и пересматривает ее. Из фильмов такого рода последнего времени можно отметить фильм режиссера Чан Юн Хена «Хван Чжини», посвященный жизни известной поэтессы и *кисэн* XVI в., где особое внимание обращено к теме любви героини⁸. Пример обращения к тенденции полного римейка западного произведения — картина О Чжэ Ена «Скэндаль», снятая по мотивам все тех же «Опасных связей». Действие картины происходит при дворе и в соответствующей исторической обстановке.

Говоря о кино, интересно проследить обратные случаи, которыми корейский кинематограф изобилует: современный сюжет, строящийся по традиционной модели. В качестве примера приведем популярный в свое время фильм известного режиссера Им Гвон Тхэка «Кильсоттым» (1983). По сюжету картины, по телевидению объявляется о том, что в Сеуле устраивается встреча для людей, разлученных Корейской войной. Поддавшись уговорам близких, главная героиня идет на эту встречу, поскольку 30 лет назад во время войны она потеряла своего сына. Вместо сына женщина встречает его отца, своего бывшего возлюбленного, который рад встрече и уговаривает ее вести совместные поиски их ребенка, который к этому времени должен стать уже взрослым мужчиной. В результате поисков они выходят на человека с именем и рядом признаков, которые указывают на то, что, возможно, это их сын. Однако мужчина оказывается деревенским трудягой, проживающим в захолустном местечке Кильсоттым, выпивающим и не вполне благополучным. Отец мужчины не стыдится его, в то время как разочарование главной героини отторгает ее от предполагаемого сына, и когда генетический анализ не дает определенного ответа на вопрос о родстве, женщина прекращает общение с ним. В фильме можно усмотреть традиционную модель развития сюжета, когда герои оказываются разлучены под влиянием обстоятельств, чаще всего вызванных воздействием отрицательных героев, проходят через ряд трудностей, прежде чем вмешательство внешних добрых сил сводит их вместе. Таков распространенный сюжет романов социального типа XVII—XVIII вв., литературы *пхэсоль* позднего периода, новой прозы *син-соль* начала XX в.

Отклонение от традиционной модели заключается, в первую очередь, в нетипичности образа главной героини — матери. Так, традиционная литература подразумевает соответствие главных действующих лиц тому или иному конфуцианскому образцу. В основном это относится к женским персонажам, которые часто воплощают тип «преданной женщины» *елне*⁹. В то же время героиня кинокартины Им Гвон Тхэка не стремится к воссоединению с сыном и достаточно равнодушно воспринимает встречу с его отцом. Неблагополучие и низкий социальный статус молодого человека оказываются для нее важнее, чем потенциальная возможность того, что он ее родной сын. Как результат, традиционная в целом сюжетная канва приводит к нетрадиционному финалу. В отличие от гармоничной развязки в традиционной прозе финал кинофильма возвращает героев к состоянию разобщенности, в котором они находились в начале картины.

Живопись. Традиционный элемент в современной корейской живописи — отдельная богатая тема для рассмотрения. В докладе использован один из наиболее ярких примеров: творчество президента Ассоциации международного творчества и живописи, современной художницы Ли Бо Сок. Выход в мир традиционного зафиксирован в названии двух циклов ее работ — «Ариран. Время — семена вселенной» (2003) и «Ариран-Хангыль» (2007).

Как можно предположить исходя из названия, в первом цикле художница затрагивает тему мужчины и женщины и рождения как результата взаимоотношения полов. Тема раскрывается через многослойные образы, наподобие коллажа составленные из традиционных корейских и универсальных символов. Лейтмотивами цикла стали перец, веер, сама ткань *моси* или ее живописное воспроизведение, изображения стрелок как символа времени и сочетание противоположных по цвету фигур как воплощение идеи о началах *Инь* и *Ян*, а также само слово «*ариран*». Каждое произведение динамично и словно развивается во времени. Общая цветовая гамма достаточно насыщена, но при этом в каждой работе выбран один основной оттенок.

Второй цикл развивает затронутую тему. В нем условные обозначения полов сменяются фигурами мужчин и женщин, в которых угадываются знакомые по творчеству знаменитых средневековых художников образы. Знаки корейского алфавита *хангыль*

служат фоном. На условность или, точнее сказать, обобщенность образов указывает эффект «маски», создаваемый за счет контрастного распределения цветной светотени на лицах. Композиция картин так же динамична. Создание различными художественными средствами впечатления диалога, общности изображенных фигур представляет собой свойственный и традиционной живописи элемент.

Подводя краткие итоги, можно отметить следующее. В традиционном элементе рассмотренных произведений выделяется три основных плана.

1. Нарочито использованный автором традиционный элемент: а) внешняя атрибутика, вызывающая ассоциации с персонажем; б) сюжетная канва традиционного произведения или знаковая для него ситуация.

2. Традиционная модель развития действия, угадываемая в новом произведении: а) модель развития взаимоотношений главных действующих лиц; б) модель развития сюжета при возможном изменении характеров.

3. Традиционный элемент, переосмысленный с точки зрения сегодняшней действительности.

Общими для большинства произведений являются изменения в образе главных действующих лиц, которые представлены как более многоплановые в сравнении с традиционным текстом. Акцентируется психологический и эмоциональный аспекты. Внимание к деталям лишено традиционных клише. В целом знаковые персонажи или ситуации чаще всего используются для обращения к общим актуальным проблемам, которые становятся смысловым центром произведения.

¹ Об этих и других примерах см.: *Троцевич А. Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб, 2004.

² На русский язык пьеса была переведена под названием «Когда мы снова встретимся» (*Чхе (Цой) Ин Хун.* Пьесы / Пер. с корейского Чжон Мак Лэ и А.Д. Степанова. СПб., 2004).

³ На русский язык пьеса была переведена под названием «Когда придет весна» (*Чхе (Цой) Ин Хун.* Пьесы. Указ. соч.).

⁴ Автор благодарен профессору Женского университета Сукмен Ли Чжин А за предоставленную информацию об этом авторе.

⁵ Кинокартина Ричарда Лонкрейна «Ричард III» с Яном Мак-Келленом в главной роли (США, Великобритания, 1995).

⁶ Кинокартина База Лурмана «Ромео+Джульетта» (США, 1996).

⁷ Кинокартина Энди Фикмена «Она – мужчина» (США, 2006).

⁸ Примечательна рекламная фраза, призванная привлечь публику: «Жившая в XVI веке женщина XXI века».

⁹ См.: *Троцевич А. Ф.* Указ. соч.

*М. Е. Осетрова**

РОЛЬ КОРЕЙСКОЙ КУХНИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОРЕЙЦЕВ

Изучение пищевых и застольных традиций определенного сообщества играет важную роль в понимании его культуры в целом. Через предпочтения в еде и манеру поведения за столом люди выражают себя, свои представления о жизни и своем положении в обществе, обозначают характерные отличия себя от других.

Питание есть также большая часть повседневной жизни людей, культурно-символическое значение которой, к тому же, усиливается за счет ежедневной повторяемости, что переводит ее как бы на «автоматический» уровень исполнения. Таким образом, смыслы, вложенные в эту регулярную практику, закладываются очень глубоко и прочно в сознании людей, иногда даже на уровне генетической памяти.

Традиционные нормы и обычаи питания, в свою очередь, есть значительная часть национальной культуры, и, исследуя их культурно-символические смыслы, можно делать выводы о более общих и типичных сторонах национальной культуры.

В корейском культурном контексте гастрономическая тема занимает особое место, которое упрощенно можно охарактеризовать как «культ еды». Эта особенность уже не раз подмечалась не только российскими и зарубежными специалистами-корееведами¹, но также журналистами и рядовыми путешественниками². Согласны с этим утверждением и сами корейцы³.

Особое отношение в корейском обществе и культуре к еде и всему, что с ней связано, рождает множество интересных исследовательских вопросов, в частности к антропологам и этнографам.

* Университет Ёнсе. г. Сеул, РК.

Один из них: «Какова связь между корейской кухней и национальным самосознанием современных корейцев?»⁴ Настоящий доклад ставит своей задачей определить, описать и проанализировать эту связь.

Понятие «национальная кухня» прежде всего тесно связано с идеей национальности и национального государства. Оно возникает вместе с необходимостью утвердить географические, политические и культурные границы существования определенного национального сообщества. Национальная кухня становится в такой ситуации своего рода метафорой национальной принадлежности. То есть, можно предположить, что современные корейцы стали обращать особое внимание на свои национальные кулинарные традиции в ситуации, когда возникла необходимость ясно определить и продемонстрировать окружающим свои отличительные свойства как нации, своего собственного, ни от кого не зависящего места в мире. На сегодняшний день можно с полным правом сказать, что национальная кухня в Южной Корее по степени важности в массовом сознании уже соперничает с традиционным искусством, архитектурой, достижениями в области спорта, науки и техники.

Вопрос о восприятии современными корейцами своей национальной кухни можно разделить на два аспекта: развитие данной темы внутри страны и продвижение отечественной кулинарии за пределы Кореи. Оба аспекта тесно связаны между собой и одновременно с проблемой формирования национального самосознания. Разделение это довольно условно и используется больше для удобства изложения фактологического материала доклада.

Отношение к отечественной кулинарии внутри страны. Если говорить о современном этапе развития Южной Кореи, то нужно отметить, что особое внимание корейской общественности к отечественной кулинарии начало проявляться в эпоху Пак Чжон Хи (1961–1979 гг.), в частности во второй ее половине, когда национальные интересы и ценности получили огромный приоритет в государственной политике. В те времена корейские кулинарные традиции стали напрямую рассматриваться как часть национального культурного наследия в целом. Примером может служить то, что в декабре 1970 г. традиции придворной кухни эпохи Чосон официально были включены в список главного нематериального

культурного наследия Кореи *чжу-ё-мухен-мунхвагжэ* под номером 38⁵. Любопытно отметить, что изначальная инициатива исходила не от представителей власти, а от частного лица (г-жи Хван Хе Сон). Она же в 1971 г. открывает исследовательский институт корейской придворной кухни⁶, который ведет активную деятельность по изучению придворной кулинарии и продвижению этих традиций в современную жизнь.

Идеологическое обоснование важности национальных пищевых традиций выразилось в концепции *синтхобульи* («тело и земля неразделимы»). Слово «*синтхобульи*» подразумевает идею о том, что продукты, выращенные на родной земле, лучше других подходят для питания и здоровья живущих на этой земле.

Существует несколько версий появления этого выражения в современном южнокорейском дискурсе⁷. По одной из них, оно пошло из популярного средневекового медицинского трактата «*Тоньый погам*» («Сокровища восточной медицины»), в котором описывается жизнь корейского врача Хо Чжуна, посвятившего себя созданию самобытной корейской медицины. В колониальный период *синтхобульи* часто использовали японцы. А после освобождения под его лозунгом в Корее развернулась кампания по защите отечественных сельскохозяйственных продуктов от их импортных аналогов⁸. Сегодня это слово — довольно популярное название для ресторанов корейской кухни.

Рассматривая взаимосвязь корейской кухни и национального самосознания современных корейцев, интересно обратить внимание на изменяющееся положение в коллективном сознании жителей Южной Кореи основного символа корейской кухни — квашеной капусты *кимчи*⁹. Во время летних Олимпийских игр в Сеуле 1988 г. она была официально выбрана в качестве основного блюда спортсменов¹⁰. Хотя при японцах корейцы стеснялись *кимчи* и ее запаха — она воспринималась как признак отсталости, приверженности не отвечающих духу времени традициям, — после освобождения она постепенно начала приобретать совершенно противоположное значение и стала поводом для гордости, синонимом патриотизма, а позже, уже в наше время, также и здорового питания.

Постепенно *кимчи* получила статус национальной пищи корейцев. И хотя формально она всего лишь закуска, а не основная пища (как, например, рис), тем не менее корейцы, желая подчер-

кнуть свою гастрономическую (а следовательно, и культурную) самобытность, выбрали именно *кимчи* в качестве своего национального блюда, тем самым дистанцируя себя от японцев и других восточноазиатских наций, также употребляющих рис как основу своего пищевого рациона. В ознаменование этого факта в 1986 г. в Сеуле открылся первый музей *кимчи*, который впоследствии даже переехал в СОЕХ, главную международную выставочную площадку Южной Кореи.

Если придворная кухня и *кимчи* сравнительно давно являются символами национальной кулинарии и поводом для национальной гордости, то одним из «новых имен» в данной области можно назвать корейскую говядину *хану*. Последнее время в ежедневном дискурсе она также приобрела статус «национального наследия», пусть пока и неофициально¹¹. В связи с этим сразу приходят на память знаменитые демонстрации 2008 г., когда вся Корея поднялась против решения правительства узаконить импорт американской говядины. Протестов такого масштаба Корея не видела уже 20 лет, и не случайно их причиной стала одновременно и «пищевая», и «национальная» тема.

В серии недавних примеров изменения статуса национальной пищи также достойна упоминания традиционная рисовая брага *макколли*, хотя формально это не еда, а напиток. Сейчас *макколли* активно пропагандируется как здоровый национальный алкоголь, превосходящий по качеству многие популярные западные спиртные напитки (виски, виноградное вино)¹². Однако раньше она прочно ассоциировалась с дешевым и низкокачественным спиртным, употреблявшимся в основном крестьянами и простолюдинами.

Еще один пример — бобовая (гороховая) каша *кхонпан*. Раньше это слово было синонимом скудного стола. Есть даже расхожее выражение «несколько лет есть гороховую кашу», означающее «несколько лет сидеть в тюрьме». Сегодня же рис с добавлением других злаков (в том числе бобов) считается одним из эталонов здорового питания. Зерновые смеси стоят недешево, и позволить их себе могут далеко не все. Только называют такую еду по-другому во избежание ненужных ассоциаций, теперь это не *чжапгок*, а *часапгокпаб* (т.е. не просто каша, а каша из зерна).

Продвижение хансик за рубежом. Зарождение тенденции продвижения корейской кухни (*хансик*) за рубежом можно отметить также

в 1980-х годах. На нее не могло не оказать влияния избрание Южной Кореи местом проведения XXIV летних Олимпийских игр. Именно тогда корейцы впервые так вплотную столкнулись с вопросом о том, как показать корейскую кухню иностранцам, причем не только своим непосредственным соседям, но и людям с Запада.

Следующей страницей в истории продвижения *хансик* за рубеж стала корейско-японская так называемая «капустная война», которая началась в 1996 г. во время Олимпиады в Атланте. Тогда Токио предложил сделать японское *кимучи* официальной едой Олимпиады, но корейцам удалось в конце концов отстоять свою национальную пищу.

Недавней ступенью на пути продвижения корейской кухни за рубеж явилась корейская волна (*халлю*) и, в частности, невиданная популярность сериала «*Тэчжангым*» (2003 г.), повествующего о жизни женщин, готовящих еду и прислуживавших ванскому двору за столом.

Наконец, в 2008 г. был озвучен правительственный план по глобализации корейской кухни *хансик* с тем, чтобы представить ее в мире как символ корейской культуры в целом. Патронировать программу взялась сама первая леди РК г-жа Ким Юн Ок. В рамках этого движения она даже дала специальное интервью американскому каналу CNN¹³, в котором рассказывала о достоинствах и секретах корейского вкуса, а также о том, что в основе привлекательности *хансик* лежит, прежде всего, идея о том, что еда и лечебно-оздоравливающие средства имеют одинаковый источник. Здесь как раз нельзя не увидеть параллель с идеей *синтхобульи*. В планах правительства стоит задача добиться, чтобы к 2017 г. корейская кухня вошла в пятерку самых известных кулинарных традиций мира (наряду с французской, итальянской, японской)¹⁴. Одним из шагов на этом пути можно назвать открытие в г. Ёнин (пров. Кенгидо) специального исследовательского института рисовых хлебцев *топнокки*, которые, по планам правительства, должны стать одним из главных экспортных корейских блюд. В этой организации специалисты работают над созданием новых рецептов хлебцев, которые смогут понравиться людям за пределами Кореи. Это, кстати, еще один пример изменения статуса национального блюда. Раньше *топнокки* считались не самой полезной уличной едой, которая была популярна в основном среди школь-

ников и студентов. Сегодня же из этого незатейливого блюда хотят сделать один из символов корейской кухни в мире¹⁵.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в многочисленных ознакомительных материалах, которые последнее время специально создаются в больших количествах для того, чтобы представлять традиции *хансик* за рубежом, корейская кухня показывается не просто как выражение вкусовых пристрастий корейцев, но и как отражение корейского образа жизни, эстетики и философии. Например, в документальном фильме, подготовленном компанией «Ариран», объясняется, что цвета ингредиентов в широко известном блюде *пибимпан* (красный, желтый, зеленый, белый и черный) не случайны, а подобраны специально. Они соответствуют цветам, традиционно символизовавшим в восточной философии и космологии 5 основных элементов Вселенной: огонь, землю, воду, металл и дерево.

Наконец, самым недавним примером активных усилий корейцев по продвижению своей кухни в мир стало включение корейских блюд в меню космонавтов международной космической станции. Впервые на орбиту их доставила первая корейская женщина-астронавт Ли Со Ен, тогда это была *кимчи*. Позже для употребления на станции было официально сертифицировано еще несколько блюд корейской национальной кухни: вареный рис, красная перечная паста *кочучжан*, соевая паста *твенчжан*, лапша *рамён*, зеленый и женьшеневый чай. В ближайшем будущем Южная Корея планирует поставить для полета очередной космической миссии 6 различных корейских блюд и напитков. Если это произойдет, Республика Корея станет третьей страной после России и США, которая официально поставляет продукты питания на МКС¹⁶.

Резюмируя все вышесказанное, можно уверенно сказать, что в последнее время в южнокорейском обществе все ярче проявляется тенденция подчеркивания своей национальной идентичности с помощью выделения и продвижения национальных кулинарных традиций как внутри страны, так и за ее пределы. Из этого факта можно сделать следующие выводы.

Это явление, во-первых, в очередной раз показывает особое отношение корейцев к теме еды и питания в культуре. Само желание доказать свою культурную самобытность не только и не столько через достижения в искусстве, литературе, науке, технике, но

и через достоинства национальной кулинарии, говорит само за себя.

Во-вторых, следует отметить, что эта тенденция приобрела особое значение еще в колониальный период истории Кореи, а в дальнейшем только усугублялась. Острая необходимость сохранить свою национальную самобытность, которая долгое время подвергалась притеснениям со стороны японцев, сильно повлияла на формирование чувства гордости за свои кулинарные традиции и культуру в целом. Сегодня корейцы считают свою кулинарию не только замечательной по вкусу, но и как чрезвычайно полезной для здоровья, так и обладающей очень древней историей и традициями, а самое главное — абсолютно самобытной. Все эти характеристики довольно субъективны и во многом спорны, но в массовом сознании корейцев они воспринимаются сегодня как единственно верные.

Однако, несмотря на это, в корейской современной кулинарно-пищевой традиции продолжает присутствовать и развиваться большое количество элементов японской кухни: как непосредственных блюд (*одэнь*, *удон*, *кимпан*, *чхобан* и др.), так и застольных норм поведения и этикета. Это, несомненно, говорит о сложностях формирования постколониального сознания современных корейцев, что видно и на примере гастрономических традиций и развития национальной кухни.

Наконец, в-третьих, интересно наблюдать, как корейцы преодолевают этот своего рода «постколониальный комплекс». Так, попытки продвижения своей кулинарной традиции за рубеж, в том числе в рамках второй серии Корейской волны, могут быть рассмотрены именно в таком смысле, особенно учитывая тот факт, что распространение *хансик* в мире идет не естественным, свободным образом, а при всесторонней поддержке и под контролем правительственных организаций. При этом корейцы готовы даже порой изменять оригинальные вкусы национальной еды и традиционные методы ее приготовления в угоду пристрастиям зарубежного потребителя, надеясь таким образом завоевать мировое признание своим блюдам, пусть и в несколько измененном виде.

¹ Симбирцева Т. М. Корея на перекрестке эпох. М., 2000. С. 195; Габ-

русенко Т. В. Эти непонятные корейцы. М., 2003. С. 23; Ланьков А. Быть корейцем. М., 1997; 비데 에릭 (최미경 옮김) 「한국의 일상 이야기: 어느 프랑스인이 본 처가의 나라 꼬레」, 서울: 눈빛, 2003. P. 85.

- ² Weaver, Ryan. Seoul Survivor: living and working in South Korea. Seoul: EunHaeng NaMu, 2010. P. 38.
- ³ Ким Чан Хо. Мунхваи балген: КТХ эсо цимцилбанкади (Открытия культуры: от КТХ до сауны). Сеул: Изд-во «Мунхак гвадиденса», 2007. С. 119–126; Бапмасын салмасыда. Чжу Ен Хва «Ымсик чончжен мунхва чончжен» (Вкус каши – вкус мяса. Чжу Ен Хва. Война еды, война культуры). Сеул: Изд-во «Сагечжел мунхвачжэчон», 2000. С. 4.
- ⁴ Под понятием «современные корейцы» автор понимает поколение, жившее и живущее в Южной Корее после 1945 г.
- ⁵ Сайт корейского агентства по культурному наследию: [http://www.cha.go.kr/korea/heritage/search/Culresult_Db_View.jsp?mc=KS_01_02_01&VdKvgwKey=17,00380000,11&queryText=\(V_KDCD=17\)](http://www.cha.go.kr/korea/heritage/search/Culresult_Db_View.jsp?mc=KS_01_02_01&VdKvgwKey=17,00380000,11&queryText=(V_KDCD=17))
- ⁶ Сайт исследовательского института корейской придворной кухни <http://www.food.co.kr>
- ⁷ http://kbslivechollian.hanmal.pe.kr/bbs/view.php?id=olh_eunmalsseum&no=1463
- ⁸ Han, Kyung-Koo. Some Foods are Good to Think: Kimchi and the Epitomization of National Character // Korean Social Science Journal. 27(1): 2000. P. 232.
- ⁹ В широком смысле «кимчи» – это не только острая квашеная капуста, но и любые овощи, засоленные подобным образом.
- ¹⁰ Хан Ген Гу. Оттон ымсикын сэнгакхагиэ чжотта: кимчива хангукминчжонсоны чжонсу. (Полезная для умственного труда пища: кимчи и национальные блюда Кореи). Издание Корейского научного общества народной культуры «Проблемы корейской народной культуры. 1994. Т. 26. С. 60.
- ¹¹ Часто именно «национальным наследием с пятидесятилетней историей» называют хану в рекламных роликах.
- ¹² [http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=21154;](http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=21154)
[http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=21747;](http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=21747)
http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=22102
- ¹³ Первая леди Южной Кореи рассказала CNN о любимом блюде своего мужа. PrimaMedia. Рубрика «Азия» от 27.10.2009. [http://primamedia.ru/news/27.10.2009-109751/p=\(?\)](http://primamedia.ru/news/27.10.2009-109751/p=(?))
- ¹⁴ Kim Hyun-cheol. Campaign Starts to Globalize Korean Food // The Korea Times. 10.16.2008.
- ¹⁵ Масыро сынбуханын халлю се барам (Новый ветер халлю – через вкус еды) // Тогук сосик. 2009. № 4. С. 10–11.
- ¹⁶ http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_science_detail.htm?No=10739

Е. А. Похолокова*

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА

Реклама является одним из функциональных инструментов экономического прогресса, рекламный текст представляет собой особый дискурс, обладающий огромной силой психологического воздействия на социум. Уже одно это обстоятельство вызывает интерес к изучению способов речевого воздействия на аудиторию и манипуляции ею, которые составляют основу рекламного сообщения.

Цели, задачи и функции рекламы. Давая определение рекламе, следует сказать, что в первую очередь это «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке»¹. «Реклама – это оплаченная, неперсонализированная коммуникация, осуществляемая идентифицированным спонсором и использующая средства массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию»².

Цель рекламы – донесение информации от рекламодача до целевой аудитории, а ее задачи заключаются в том, чтобы побудить представителей целевой аудитории к действию (выбору товара или услуги, осуществлению покупки и т.п., а также формированию запланированных рекламодателем выводов об объекте рекламирования).

По своим целям реклама может быть коммерческой, социальной и политической. По месту и способу размещения это может

* Московский государственный лингвистический университет, г. Москва.

быть телевизионная реклама, радиореклама, Интернет-реклама (текстовые блоки, баннеры, контекстная реклама, реклама в блогах, реклама на карте), печатная, наружная (биллборды, троллы, суперсайты, стиллайты, брендмауэры, стритлайны, бизнес-карты, призматроны, информационные указатели и пр.), реклама в транспорте, кинотеатрах, прямая почтовая рассылка, реклама в местах продаж (промо-акции) и пр.

Для данного исследования мы выбрали печатную журнальную рекламу, так как в ней сконцентрированы вербальная и визуальная, языковая и психологическая составляющие. Традиционно в вербальной части рекламного сообщения выделяют 4 основные части: 1) слоган/рекламный лозунг; 2) заголовок; 3) основной рекламный текст; 4) эхо-фраза.

Слоган — это рекламная фраза, в сжатом виде излагающая основное рекламное предложение в рамках рекламной кампании³. Именно слоган формирует ту необходимую связь идей, которая наглядно, в нескольких словах, выражает суть предлагаемой сделки.

Заголовок — самая важная вербальная часть рекламы. Он вбирает в себя основное рекламное обращение и основной рекламный аргумент, он подобен телеграмме, сообщающей информацию, по которой люди судят, стоит им читать дальше или нет.

Если заголовок — это определенное выдвигаемое предложение, то *основной рекламный текст* — совокупность аргументов, подтверждающих заголовок.

Эхо-фраза всегда является завершающим элементом вербального текста, именно она представляет главный аргумент в пользу потребления товара или услуги.

Наряду с вербальной частью, исключительную роль в рекламном сообщении играет визуальный ряд. Обладая большей способностью привлекать внимание потребителя, визуальная часть рекламы способна проиллюстрировать основную идею рекламы, а также добавить ей больше образности, выразительности, придать дополнительные смыслы.

Принципиальное различие между словесной частью и изображением сводится к тому, что для восприятия линейного текста требуются время и умственные усилия, изображение же доступно восприятию любого человека, который владеет системой кодов

и символов, свойственных традициям данной культуры. В основе такого моментального восприятия изображения лежит его способность к передаче образов, эмоций, ассоциаций, прочно закрепленных в сознании получателя сообщения. Достаточно лишь намекать с помощью персонажа, предмета, ситуации, цвета, формы, чтобы актуализовать их. Однако необходимо отметить, что для рекламного воздействия недостаточно вызвать у потребителя только образ или эмоцию. Нужно, чтобы они были прочно закреплены за рекламируемым товаром. Установление такой связи невозможно без использования слова.

В процессе восприятия рекламы первыми в глаза бросаются образы, которые несет визуальный ряд, но они настолько многозначны и абстрактны, что только текст позволяет задать нужный уровень восприятия.

Приведем пример многозначности визуального образа, который с помощью вербального оформления приобретает более конкретную направленность. Яркий пример российской рекламы: загорелая девушка, лежащая на песке у берега моря в воздушном белом одеянии — этот образ может использоваться и в рекламе духов, крема для загара, шоколада, зубной пасты, услуг турфирмы, так как в сознании граждан эта визуальная информация вызывает ассоциации с благополучием, отдыхом, хорошей погодой и жизнью без проблем. Очевидно, что подобный рекламный образ в южнокорейской действительности почти невозможно встретить. Здесь срабатывает вопрос различия социальной культуры, психологических штампов и непараллельности ассоциаций на конкретный визуальный раздражитель, различия в картине мира носителей разных культур и пр.

Таким образом, реклама является отражением психологических установок некой социальной группы, одновременно она принимает активное участие в формировании этих психологических установок человека, системы его оценки окружающей среды и самооценки, характера реакций на различные раздражители. В связи с этим вполне оправданно выделение психологической, а возможно, и культурологической, психоэтнической роли рекламы.

В контексте разговора о рекламе хотелось бы поднять тему «пропаганды», которая прямо или косвенно имеет к ней отношение. *Пропаганда* (лат. *propaganda* — «подлежащая распростра-

нению») — распространение политических, философских, научных, художественных, патриотических взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности. Субъект пропаганды — это социальная группа, интересы которой она выражает. Решающим для понимания процесса пропаганды являются социальные интересы ее субъекта, их соотношение с интересами общества в целом и отдельных групп, к которым она обращена⁴.

Ж. Эллюль⁵ рассматривает пропаганду как заранее спланированное и целенаправленное духовное воздействие на аудиторию, целью которого является привлечение аудитории на сторону того, кто ведет пропаганду, т.е. контроль за мышлением и поведением. Для достижения своих целей пропаганда может отбрасывать некоторые важные факты или искажать их, а также пытаться отвлечь внимание аудитории от других источников информации. Она является одним из основных средств политической манипуляции.

По мнению автора, существуют предпосылки для того, чтобы проводить параллели между рекламой и пропагандой в корейской языковой и внеязыковой действительности. Первое существенное основание — это нечеткость понятия «реклама», а точнее, двоякость этого понятия, в отличие от русского языка. В корейском языке существуют два слова, которые используются в зависимости от контекста и ситуации, — это «кванго» и «сонджон»⁶.

В корейско-русском словаре Л. Б. Никольского находим: «кванго» — «объявление, реклама, афиша»; «сонджон» — «пропаганда». В корейско-английском словаре «Минджун» «кванго» — «announcement, advertisement, notice, publicity»; «сонджон» — «propaganda, publicity, propagation, propagandism; advertisement, advertising campaign; selling». Как видим, в южнокорейской языковой действительности эти два понятия в некоторых точках имеют семантические соприкосновения. Насколько реклама, агитация и пропаганда имеют общие корни, мы рассмотрим позже не только на уровне лексики, обозначающей эти понятия, но и на примерах конкретных рекламных сообщений.

В Корее термин «кванго» появился на страницах газеты «Хансон сунбо»⁷ 20 ноября 1883 г. В статье под названием «Как создать свою фирму?» впервые было представлено понятие рекламы: «Основав фирму, следует посредством рекламы рассказать

обществу об услугах, которые она предлагает»⁸. Хотя, конечно, само явление рекламы/объявления появилось задолго до этого. О существовании рекламных вывесок с объявлениями уже в эпоху государства Корё говорится в хрониках «Корё-тогён»⁹.

Первая в Корее реклама современного типа была опубликована 22 января 1886 г. в газете «Хансон чубо»¹⁰, состояла из 24 строк, была посвящена туристическим услугам¹¹. С 1896 г., с первого выпуска газеты «Тоннип Синмун»¹², а затем и в «Тона Ильбо»¹³ (с 1920 г.), рекламе была выделена постоянная колонка. На южнокорейском радио реклама появилась в 1959 г., сначала на пусанской, а затем уже на различных сеульских радиостанциях. В 1961 г. была основана государственная телекомпания «Кей-Би-Эс», которая с 1963 г. стала транслировать телевизионные рекламные ролики.

Век телевидения открыл абсолютно новые возможности воздействия на потребителя с помощью рекламы. С того момента как реклама стала выходить на международную арену вместе с товарами, которые она рекламировала, ощутимо стала возникать потребность в переводе и адаптации рекламных сообщений.

Перевод рекламы — один из ярчайших примеров межкультурной коммуникации. Сегодня он стал необходимым повседневным явлением в жизни мирового сообщества. Знание теоретических основ создания рекламы и ее перевода с одного языка на другой является гарантией качества рекламы и продвижения товара или услуг на рынке.

В современном мире задача перевода рекламы в привычном понимании никогда не ставится, так как самобытность рекламных текстов делает их зачастую труднопереводимыми, к тому же при переводе теряется яркость и эмоциональность рекламы, разрушается механизм прокоммуникационного психологического воздействия рекламных обращений. Чтобы рекламный текст выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно перевести, он должен быть включен в культурную среду языка перевода.

Журнальная реклама в сравнении с другими видами рекламных сообщений обладает следующими преимуществами: престижность; хорошее качество воспроизведения; долгое функционирование объявления; сравнительно большой размер объявления (на всю страницу, иногда на целый разворот); обязательное сопровождение текста цветным графическим изображением.

На примере национальной (направленной на внутреннего пользователя) журнальной рекламы мы попробуем выявить некоторые психологические и языковые особенности южнокорейского рекламного дискурса.

В первую очередь следует заметить, что коммерческая реклама в Республике Корея эстетически ориентирована и, как мы предполагали выше, национальную рекламу трудно назвать пропагандой в прямом смысле, так как у нее есть основная коммерческая составляющая, однако методы психологического воздействия на аудиторию достаточно оригинальны, а именно коммерческая реклама тесно переплетена с социальной рекламой.

В связи с этим мы заметили, что южнокорейская национальная реклама антропоцентрична, приближена к человеку, его чувствам, переживаниям, эмоциям. С другой стороны, она очень патриотична. И так как рекламная этика находится в поле зрения общественности, то заметно, что на нее возлагаются функции поддержания патриотического духа граждан и воспитания национального самосознания. Складывается впечатление, что посредством рекламы правительство и бизнес осуществляют совместную реализацию южнокорейского «нацпроекта».

В подтверждение высказанной гипотезы представим ряд рекламных сообщений (с переводом на русский язык), рассчитанных на внутреннего потребителя.

Life is wonderful
코끝을 스치는 바람내음에도, 두
줄짜리 문자메시지 한 통에도,
사락사락 웃음이 눈송이처럼
피어납니다. 설레임과 놀라움, 기쁨과
감동으로 가득한 하루하루 KT 가
당신의 삶을 원더로 가득 채워
드리겠습니다.

Life is wonderful, KT¹⁴

Жизнь прекрасна
Слегка касаясь кончика но-
са, мимо Вас проносится дуно-
вание теплого ветра. Даже пара
строк в сообщении способна на-
полнить Вашу жизнь радостью.
Каждый день с KT – это счастье,
веселье и масса впечатлений.
KT наполнит Вашу жизнь чу-
дом!

KT: жизнь чудесна!

Эта реклама – типичный пример особого корейского миро-
восприятия и особого психологического воздействия на клиен-

та. Не зная, чем занимается компания, практически невозможно понять, что она рекламирует. Текст отличается особой экспрессивностью. Для привлечения внимания аудитории в рекламе часто используются такие приемы, как: ономато-поэтические слова и звуко-символизмы (사락사락 웃음 — «улыбка»); редупликация (하루하루 — «каждый день»); текст, слово, часть текста на иностранном языке (Life is wonderful, KT), окказиональные заимствования (원더 — от англ. wonder — «чудо»). Все эти приемы становятся частью «визуального оформления» рекламы наряду с цветом и изображением.

일의 공백. 없어진 둘만의 시간.

들어갈 양육비.

임신테스트 양성.

출산휴가를 내야 한다.

일의 공백이 생길 것이다.

신혼은 이제 끝이다.

둘만의 시간은 줄어들 것이다.

아침마도 구해야 한다.

돈의 들어갈 곳이

한두 군데가 안일 것이다.

출산의 진실

인생의 기쁨. 진정한 사랑.

내 것이 된 세상.

아이가 생겼다. 출산휴가를 낼
것이다.

아이에게 전념할 시간이다.

엄마가 될 것이다.

비로소 완전한 가족이 된다.

아이가 아프면 나도 아플 것이다.

진정한 사랑을 알게 될 것이다.

Конец работе. Больше не будет
такого — «лишь муж и я».

Нужно много денег, чтобы вы-
растить ребенка.

Положительный тест. Надо ухо-
дить в декрет. Конец работе.

Мы больше не будем молодеже-
нами.

У нас не будет времени, чтобы
побыть вдвоем.

Нужно искать няньку, домра-
ботницу, а денег все меньше
и меньше.

Вся правда о рождении

Радость жизни. Настоящая лю-
бовь.

Это мой мир.

У меня будет ребенок. Уйду в де-
крет.

Буду уделять все свое время ре-
бенку.

Я стану мамой.

Впервые я смогу обрести насто-
ящую семью.

Ребенок заболел, я буду болеть
вместе с ним.

생명을 주고 온 세상을 받을 것이다.

생각을 이동하라. KTF 적인 생각.

Ребенок будет расти, и вместе с ним буду расти и я.

Я узнаю, что такое настоящая любовь. Я создаю жизнь и получаю весь мир.

Меняй свои взгляды. Мысли, как KTF.

Данный текст – прекрасный пример совмещения социальной и имиджевой рекламы. Услуги компании не рекламируются в основном тексте сообщения. Состоит текст из 23 коротких предложений, посередине он визуально разделен заголовком. Все, что выше заголовка, говорит о том, как тяжело растить ребенка; все, что ниже, – о том, какое это счастье – растить ребенка. На каждое негативное предложение из первой части приходится параллельное и противопоставленное по смыслу предложение из второй части. Все предложения заканчиваются либо существительным, либо субстантивом, что тоже создает особую, почти стихотворную ритмику рекламы.

할아보지, 개성이 어디예요?

KT 남북간 전화 개통

«할아보지, 개성이 어디예요?»

«개성은 할아버지 고향이란다.»

할아보지가 우리 술인지만 했을 때 학교도 다니고 친구들이랑 개울에서 가재도 잡던 곳이지».

그곳이 낡이건 복이건 마음 달는 곳이라면 어디든지 – kt 는 당신이 계신 곳 어디서나 늘 감동 가득한 하루를 드리기 위해 노력하겠습니다. 놀라운 나라, 감동의 내일을 만들어 갑니다.

Дедушка, а где находится Кэсон?

Телефонная связь КТ между Севером и Югом.

«Дедушка, а где находится Кэсон?»

«Кэсон – это бабушкина родина. В нашем возрасте бабушка ходил в школу и ловил с друзьями раков на речке».

Где бы Вы ни были – на Севере или на Юге, – КТ прилагает все усилия, чтобы радовать вас каждый день.

Удивительная страна, мы делаем все, чтобы наполнить завтрашний день эмоциями!

Сообщение привлекает читателя тем, что призывает обратить внимание не только на связь телефонную, но и на связь поколений, связь прошлого, настоящего и будущего, связь Севера и Юга, связь человека с его корнями и т.д.

세상은 즐거움으로 가득하다.

건강한 식탁이 하루를 즐겁게 합니다.

풀잎 위의 빗방울이 자연을 즐겁게 하고 내 아이의 노랫소리가 인생을 즐겁게 합니다.

건강하게, 즐겁게, 편리하게

당신은 즐거운 일만 생각하십시오.

CJ 는 세상을 즐거움으로 가득 채우겠습니다.

즐기세요 생활문화기업 CJ¹⁵

Мы наполняем мир радостью.

Мы заботимся о том, чтобы Вы каждый день с радостью ели здоровую пищу.

Как капля дождя наполняет природу жизнью, как пение детей, которое наполняет жизнь радостью.

Здоровье, радость и польза.

Думаете только о хорошем. CJ стремится наполнить мир радостью.

Радуйтесь! Общественно-культурная организация CJ

Имиджевая реклама через красивые образы и ритмичное повторы однокоренных слов от прилагательного 즐겁다 – «радостный» стремится настроить клиента на позитивный лад и здоровый образ жизни ради здоровья нации.

«저는 나라를 생각하는 휴대폰입니다»

남았다고 버림받은 휴대폰이지만

저에게도 기회를 주세요.

깨끗한 환경도 생각하는 착한

휴대폰으로다시 태어나고 싶어요.

주인님! 저를 꼭 KTF 에 기부해주세요.

Think Korea!

다음 세대를 위해 우리 나라를 사랑하는 일,

KTF 가 나라 사랑 캠페인을 펼치고 있습니다.

«Я – телефон, который думает о своей стране».

Хоть я и устарел и меня пора выбросить, дайте мне шанс.

Я хочу переродиться в хороший телефон, который заботится о чистоте окружающей среды.

Дорогой хозяин! Обязательно сдай меня в KTF.

Думай о Корее!

Это общее дело в интересах нашей страны и будущего поколения.

KTF начинает проект «Люби свою страну!»

Реклама услуги, предоставляемой KTF: сдай старый телефон и получи скидку на покупку нового. Компания не призывает прямо получить новый телефон взамен старого, компания агитирует аудиторию, выдвигая как аргумент «думать об окружающей среде и будущем поколении», тем самым завоевывая уважение покупателей, тем самым подвигая их на ожидаемые действия. Интересна

оказиональная фраза «Think Korea!», которая, с точки зрения грамматики английского языка, неправильна, однако очень емка и даже многозначна. Предложение такого типа предполагает призыв: «Думай как? Думай, как Корея!» или же это сокращение от «Think about Korea» – «Думай о Корее».

Усан гатхи сысыллеё?	С Вами поделиться зонтом?
Епхе итнын гы сарами бирл матко	Если пошел дождь,
Иттамен усан хан кхоныл нануо чжу-сеё	а человек рядом стоит без зонта, поделитесь с ним своим зонтом.
Деханмингук модуга содо нокнокхан усан	В Корее достаточно зонтов.
Оныл КТФ чжокин сенгакын бирл тхаго опнида	Если мыслить как КТФ, то зонтов хватит на всех.
Пхелче босеё!	Раскройся!
КТФчжокин сенгак	Мысли как КТФ!

Опять мы наблюдаем антропоцентричную рекламу, в которой компания предлагает раскрыть не только зонт, но и душу, об этом свидетельствует безобъектная фраза **펼쳐 보세요!** Языковой интерес представляет слово **넉넉한**, которое в контексте предложения было переведено как «В Корее достаточно зонтов». Однако рекламодатели играют на многозначности слова, которое может означать «1) достаточный, многочисленный; 2) богатый, состоятельный, обеспеченный; 3) щедрый, великодушный, либерально мыслящий».

Чам суго манысетсыбнида	Спасибо, хорошо поработали.
Деханмингук телебичжен	Корейские телевизоры
Деханмингук чжадонча	Корейские автомобили
Деханмингук бандоче	Корейские полупроводники
Деханмингук футепхон	Корейские сотовые телефоны
Ичже SK телекоми Деханмингуки	Теперь SK Telecom экспортирует корейские телекоммуникации.
Коммюникейшеныл сучулхапнида	
Сарамыл хянхапнида	Ближе к людям!
Деханмингукыл серопке ханын хим	SK Telecom – новая сила Кореи!
SK Telecom	

Южнокорейская национальная реклама часто демонстрирует уникальность технических, промышленных или научных побед страны на международной арене. Слоган компании **사람을 향합니다** «Все для людей, ближе к людям», несмотря на свою простоту, непросто для перевода. В переводе теряется многозначность слова и глубина смысла слова **향하다** – «смотреть на, двигаться в направлении к, стоять перед и пр.». Также интересна вторая часть слогана **대한민국을 새롭게 하는 힘**, которая очень похожа на лозунг. Дословный перевод фразы – «сила, делающая Корею новой».

수다떠다 – 결심한다 – 화를낸다 – 사랑한다.	Болтать – принимать серьезное решение – злиться – любить.
우리가 보내는 것은 문자메시지가 아닙니다.	Мы отправляем не просто сообщение. Мы отправляем часть нашей души.
마음입니다.	В тексте сообщения – наша душа!
문자메시지가 우리의 마음을 전합니다.	За всеми технологиями стоит человек!
기술 안에는 사람이 있습니다.	
사람을 향합니다	Все для людей!
대한민국을 새롭게 하는 힘	SK Telecom – новая сила Кореи!
SK Telecom	

Сообщение построено на антитезе. Четыре слова в заголовке рекламы последовательно отрицают предыдущее слово. Далее подача информации тоже строится как бы на отрицании и антитезе, которые тем самым подчеркивают мысль о том, что за технологиями и электронными сообщениями стоит человек со своим внутренним миром. Пропагандируя заботливое отношение к человеческим чувствам, компания не призывает купить пакет услуг, она пробуждает у аудитории подсознательные положительные эмоции, чувство умиления, тем самым вызывая уважение и пиетет к человеколюбивой политике компании, и, следовательно, подвигает людей к приобретению товара и услуги.

고정관념을 넘어섰습니다
 '우리가 달에 가려는 것은 그것이 쉬워서가 아니라 오히려 어려워서다' 이생각이 우주로 향한 도전의 시작이었습니다
 모두의 안된다는 고정관념을 깨고 쏘아올린 누군가의 새로운 생각은 세계로, 우주로 뻗어가는 대한민국의 큰 도약이었습니다
 남들과 다른 깨어있는 생각, 불가능에 대한 도전, 고정관념 없는 새로운 생각들이 대한민국을 더 크게 바꾸고 있습니다
 사람을 향합니다
 대한민국을 새롭게 하는 힘
 SK Telecom

Мы преодолели стереотипы.
 «Полет на Луну – дело очень нелегкое».
 Эта мысль положила начало идеям о развитии космоса.
 Чья-то радикально новая мысль разрушила стереотипы и позволила РК совершить скачок не только в мире, но и в космосе.
 Мысли, идущие вразрез с массовым мнением, вызовы невозможному, новые идеи без стереотипов и предрассудков – все это меняет РК.
 Ближе к людям!
 SK Telecom – новая сила
 Кореи!

В рекламе присутствует образ ракеты и космонавта. В свете последних достижений РК в космической сфере, эти образы смотрятся очень выигрышно и порождают в глазах корейских граждан лишь положительные эмоции. Вербальная информация этой рекламы расположена в виде стихотворения, название которого «Мы преодолели стереотипы».

В каждом из «четверостиший» находятся слова «стереотипы», «мысли», «вызов», «космос», «новый» – все это создает позитивный фон для восприятия информации.

미래를 개척하는 현대중공업
 세계는 우리를 첫 번째라 말하지만
 우리에겐 대한민국이 첫 번째입니다.
 사람이 유일한 희망인 나라,
 대한민국. 동해의 조용한 어촌을 세계
 최대의 조선소로 일군 현대중공업. 이
 땅의 내일을 생각하는 개척정신으로
 새로운 미래를 도전하겠습니다.
 우리가 잘 되는것이 나라가 잘

«Хёндэ Хэви Индастриз» открывает будущее.
 Весь мир считает нас первыми, но для нас РК первая. (досл.)
 Страна удивительных людей – РК.
 Лучшие в мире судостроительные заводы «Хёндэ» находятся в тихих морских заливах Восточного моря.
 Мы бросаем вызов будущему, думая о завтрашнем дне нашей страны.

되는길이며 나라가 잘 되는것이
 우리가 잘 될수 있는 길이다.
 Наши успехи – это успехи нашей страны, если у страны все хорошо, то и у нас тоже.
 Реклама-лозунг, которая не избежала участи использования таких слов как «вызов», «будущее», «успехи нашей страны» и т.д.

Подводя некий итог наблюдению за южнокорейской рекламой, хотелось бы отметить следующее.

1. Зная законы языка, возможно выявить закономерности функционирования общественной, культурной, исторической жизни, а также тенденции последующего развития. Это выводит филологию из ряда теоретических описательных наук о языке и речи в сферу практики, связывая ее с системой философских, психоэтнических, лингво-культурологических, антропологических знаний о человеке и мире. Национальная реклама является, с одной стороны, воплощением вышеперечисленных знаний о мире у конкретной нации, с другой – мощным механизмом воздействия на сознание и подсознание людей. Рекламные тексты по своей сути не имеют культурной ценности (т.е. не хранятся и не могут послужить основой для создания вторичных текстов), но, несомненно, обладают культурной значимостью, так как способны «моделировать» сознание людей в соответствии с целями и нуждами производителей-рекламодателей.

2. Перевод рекламы в чистом лингвистическом плане невозможен и не востребован, так как предполагает выработку особого метода переноса рекламных сообщений из одной «культурно-языковой реальности» в другую.

Особую роль при переводе рекламных текстов играет различное семантическое наполнение лексических единиц, препятствующее передаче как смысла, так и ассоциативных связей, содержащихся в исходном тексте и оформляющих его в семантическое и языковое целое. Перевод рекламных сообщений заключается в трансформации текста оригинала средствами языка перевода, поскольку речь идет не столько о создании эквивалентного вербального текста, сколько о передаче на другом языке всей совокупности формальных (композиционных, синтаксических), семантических и образных (ассоциативных) составляющих для достижения коммуникативного эффекта, равноценного исходному по силе воздействия.

Основным критерием эквивалентности текста перевода и текста оригинала следует считать их коммуникативную адекватность.

3. Южнокорейская национальная реклама имеет ряд отличительных черт, которые роднят ее с агитацией, пропагандой, политическим лозунгом. Коммерческая имиджевая реклама в Республике Корея тесно переплетена с социальной рекламой. В целом, реклама сдержана, ненавязчива, уважает устои общества, семьи, преемственности поколений, она антропоцентрична, приближена к человеку, его чувствам, переживаниям, эмоциям, с особым вниманием относится к духовному миру граждан РК, прививает, воспитывает и поддерживает любовь к родине, ее истории и традициям.

4. Уроки истории для корейской рекламы таковы: исторически обусловленное стремление страны к свободе, демократии, независимости, мощному в экономическом, научном, политическом плане государству привели к появлению некоего рекламного пласта, нового по своей стилистике — коммерческая имиджевая реклама с элементами социальной рекламы и пропаганды.

¹ Федеральный закон РФ от 13 марта 2006 г. №38-ФЗ «О рекламе».

² Уильям Уэллс. Реклама: принципы и практика. СПб, 2001.

³ Морозова И. Слагая слоганы. М., 1998.

⁴ Большой энциклопедический словарь.

⁵ Ellul J. Propagandes. Paris, 1990.

⁶ Кванго («широко+сообщать, объявлять»), сончжон («объявлять+перед авать»).

⁷ Хансон Сунбо.

⁸ Чоымыро хвесарыл солипхагочжа ханын чжа нын чжучжи сесан сарам-дылэге квангохаё дончжирыл чаттнында (Желающий создать фирму, объясняя людям суть своего дела, приобретает друзей).

⁹ Коре доген.

¹⁰ Хансон чжубо.

¹¹ Название рекламного сообщения было следующим — '덕상세창양행광고' (德商世昌洋行廣告) (Честная подробная реклама).

¹² Докрип синмун.

¹³ Тонъ-а илбо.

¹⁴ Korea Telecommunication (с середины 2009 г. уже не КТ, а КТФ — Korea Telecom Freetel).

¹⁵ CJ — Cheil Jedang (крупная компания, занимающаяся продуктами питания).

А. А. Груздев*

СОВРЕМЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В КОРЕЕ

Каждый человек современного мира живет в обществе, является членом определенного социума. Культура каждого отдельного социума определяется, проносится сквозь время, сохраняется или изменяется на уровне отдельного индивида, каждого члена общества. Культура социума и конкретного представителя этого социума наиболее ярко и непосредственно проявляется в речи и поведении при общении индивида с другими представителями общества.

Менталитет человека и языкового коллектива не только запечатлен в языке, но также и поддерживается им и, в определенной степени, сам зависит от способа отображения внеязыковой действительности тем или иным естественным языком, от закодированной в его выражениях культурно значимой информации.

Рост интереса к проблематике «язык и культура» связан с изменением социально-политической ситуации в мире в последнее десятилетие. Эпоха резких изменений в обществе сопровождается, как правило, резкими изменениями в языке и в речевой практике, и это явление прослеживается сейчас в Южной Корее.

Переход на антропологическую парадигму, в которой в центре внимания исследователей находится комплекс проблем, связанных с взаимодействием человека и языка, привел к возникновению новой области гуманитарных исследований, находящейся на стыке языкознания и культурологии, — лингвокультурологии. Ее материал — не сугубо фольклорные тексты, а живые коммуникативные процессы и различные дискурсы как источники культурной информации в языковых единицах и выражениях.

При общении люди руководствуются своим внутренним чувством и принятыми в той или иной социальной среде правилами

* Дальневосточный государственный технический университет, г. Владивосток.

и нормами поведения, т.е. правилами этикета, которые в полной мере обнаруживают и показывают взаимоотношения членов общества, а следовательно, и культуру общества.

Корейское общество издревле было расслоено на сословия, и нормы и правила, предписанные с самых древних времен, находят отражение и в современных взаимоотношениях между людьми, в особенности на бытовом уровне.

Как известно, корейское общество стало складываться под сильным китайским влиянием, которое началось еще в VII в. до н.э., и уже с эпохи 3-х государств китайская культура стала восприниматься корейской элитой в качестве образца для подражания, постепенно проникая во все сферы бытовой жизни корейского общества.

Китайская традиционность проникала в корейское общество в основном через конфуцианские и буддийские трактаты. И именно конфуцианство с присущим ему культом патриархальной семьи (хоть и лишившись впоследствии статуса официальной религии) формирует основную базу традиционной поведенческой культуры и речевого этикета корейцев, а также определяет очень многое в системе их моральных ценностей. Конфуцианское влияние сформировало прочные основы взаимоотношений между корейцами.

Хотя в Южной Корее после 1945 г. начался быстрый и стремительный процесс модернизации и вестернизации, все же он оказал влияние на всевозможные области жизни общества в различной степени. Во многих сферах жизни влияние традиционных устоев хоть и ослабло, все же до сих пор играет главенствующую роль. Это касается и традиционного корейского этикета, который хоть и не соблюдается во всей своей строгости и жесткости, но все же даже наиболее модернизированные и вестернизированные молодежные группы им не пренебрегают.

Наиболее ярко корейский этикет проиллюстрирован в речевом и невербальном поведении между старшими и младшими как внутри семьи, так и в служебной обстановке.

Реализуется речевой этикет прежде всего в: 1) использовании специальной лексики; 2) употреблении определенных адресивов и аппелятивов; 3) выборе грамматических конструкций, выражающих степень вежливости, т.е. выполняющих гоноративную и

депрециативную функции. Кроме этого, важную роль в общении корейцев имеет невербальный компонент.

Невербальный компонент выражается во всяческого рода поклонах, положении сидящих во время официальных и неофициальных торжеств и приемов, жестах, выражающих одобрение или неодобрение, уважение, согласие, и т.д.

Выбор лексики при коммуникации. В корейском обществе для обозначения отношений «говорящий—слушающий» часто используется гоноративная лексика, которая имеет свойство подчеркивать статус говорящего по отношению к слушающему. Лексика может выступать индикатором категории вежливости личного отношения. Для многих слов в корейском языке существуют вежливые эквиваленты, которые употребляются по отношению к старшим и людям, имеющим более высокий статус. Далее представлены лишь некоторые из них (см. таблицу).

Таблица

Эквиваленты некоторых слов и выражений в корейском языке

Значения	Скромные эквиваленты	Вежливые эквиваленты
День рождения	сэн ир	сэн син
Имя, фамилия и имя	ирым	сончин
Улыбка	усым	мисо
Выражение лица	натбит	гисэк
Быть голодным	бэ гопхуда	сидянхада
Болезнь	бен	бенхван

Наиболее часто употребляемым классом слов, отражающих положение индивида в обществе относительно слушающего, являются личные местоимения. Практически для каждого местоимения имеются эквиваленты, функциональной особенностью которых является подчеркивание более высокого, равного или низкого положения в обществе относительно слушающего. Недопустимо употреблять, например, местоимение 2-го лица единственного числа «L-» (ньо, «ты») по отношению к матери, отцу или начальнику.

Однако роль местоимений у корейцев в разговорном языке ограничивается рядом обстоятельств. Во-первых, фактически от-

существуют вежливые местоимения 2-го лица. А во-вторых, местоимения в роли обращений способны оказывать негативное влияние на стиль высказываний и выражений. Это находит проявление в том, что, например, в почтительных и вежливых высказываниях не принято употреблять притяжательные местоимения.

Также стоит обратить внимание на употребление местоимения «вы» (*дансин*). Хотя в большинстве учебников по корейскому языку данное местоимение выступает основным местоимением для обозначения 2-го лица, на самом деле оно может употребляться лишь в ограниченном количестве случаев: по различным источникам, либо только во время диалога между мужем и женой, либо только во время ссоры между ними, а также в некоторых других особо исключительных случаях. Но в любом случае иностранцам лучше отказаться от употребления данного местоимения во избежание неловких ситуаций.

Выбор и употребление адрессивов и аппелятивов. Особое внимание хотелось бы уделить употреблению адрессивов и аппелятивов в корейской речи. По-корейски они называются «*хочин-о*» и «*чжичин-о*».

Аппелятивы — *хочин-о* — это лексические единицы, используемые при прямом обращении к какому-либо лицу.

Адрессивы — *чжичин-о* — лексические единицы, используемые в речи при указании на 3-е лицо.

Употребление адрессивов и аппелятивов в речи зависит от различных факторов: от обстановки, положения, занимаемого в обществе адресатом и реципиентом, родственности и близости отношений. При неверном их употреблении можно раздосадовать, огорчить и даже оскорбить адресата высказывания.

Использование адрессивов и аппелятивов на уровне семьи можно проследить на примере их употребления супругами друг относительно друга.

Аппелятивы, используемые женой по отношению к мужу: сразу после бракосочетания запрещается употреблять используемые ранее «*опа*» (брат) и «*чжаги*» (сам, сама); рекомендуется использовать «вы» (*е-бо*) либо «имя мужа+си» (т.е. «господин такой-то»). После рождения детей и внуков возможно употребление конструкций «имя ребенка+*абочжи* (отец)» (т.е. «отец такого-то») и «имя внука+*харабоди* (дедушка)» (т.е. «дедушка такого-то»).

Адрессивы, используемые по отношению к мужу, при разговоре с третьими лицами:

1) при общении со свекром и свекровью не имеющая детей жена называет мужа «*г-ы*». Если же у супругов уже имеются дети, то — «*аби*» или «*абом*»;

2) при общении со своими родителями и старшими братьями и сестрами используется конструкция «имя+*собан*» («господин такой-то»), а также «*г-сарам*» («тот человек»);

3) при общении с братьями и сестрами мужа используются те адрессивы, которые должны использовать братья и сестры относительно его, либо используется конструкция «имя ребенка+*абочжи*»;

4) при указании на мужа при общении со своей младшей сестрой используется «*хенбу*», со своим младшим братом — «*мэхен*»;

5) в случае общения жены со своими друзьями используются «*ури намхен*» (наш муж), «*г-ы*», «*э-абочжи*» (отец ребенка), «*ури гэсу*» (досл. наш профессор), «*ури сачжан*» (досл. наш начальник).

Аппелятивы, используемые относительно жены отличаются только при наличии внуков, в данном случае используются слова «*е-бо*», «*им-чжа*». Также могут использоваться слова «*бу-ин*», которое достаточно необычно, и «*манура*», которое депрецирует жену, т.е. принижает ее статус.

Адрессивы, используемые относительно жены мужем:

1) при общении со своими родителями используется слово «*гы-сарам*» (тот человек);

2) тестю и теще муж говорит «*чжип сарам*» и «*ан сарам*» (домашний человек) относительно их дочери. Эти же адрессивы используются при разговоре с братьями и сестрами и их супругами, а при разговоре со своими младшими братьями и сестрами используется выражение «*сэ онни*» (новая сестра).

Как можно заметить, статус мужа со стороны жены повышается, а статус жены со стороны мужа занижается. Такое же явление можно заметить относительно любых мужчины и женщины.

Также требования для употребления адрессивов и аппелятивов расписаны для каждого члена корейской семьи.

Правила употребления адрессивов и аппелятивов в служебной обстановке могут образовываться несколькими способами. В качестве обращений используются фамилии вместе с именами или

только фамилии людей, которые в абсолютном большинстве случаев функционируют в языке в составе следующих сочетаний:

- фамилия (и имя) + название должности;
- фамилия (и имя) + ㄹ «господин, госпожа»;
- мисто «мистер» или мис «мисс + фамилия»;
- фамилия + *сонбэ* (*ним*) (буквально «старший, более опытный, ранее окончивший учебное заведение»);
- фамилия + *хен* буквально «старший брат»;
- фамилия (и имя) + *сонсэн* (*ним*) «учитель»;
- фамилия + *е-са* «госпожа» (обращение к замужней женщине);
- имя + *ян* «барышня» (обращение к девушке) или *гун* «молодой человек» (обращение к парню).

Сочетания, включающие в себя фамилии и имена или только фамилии, используются в качестве обращений для выражения почтительного отношения к собеседнику, например: Ким Чон Ир *сонсэн* – «учитель Ким Чон Ир»; И Чжу Ен *чагван* – «заместитель министра Ли Чжу Ен».

Обозначения, которые включают в себя фамилии без имен, указывают на то, что существуют такого же ранга персоны и с другими фамилиями. В русском языке сочетаниям, включающим в себя фамилии без имен, примерно соответствуют обращения типа «имя–отчество» и «отчество».

К вопросу о грамматических средствах выражения вежливости. В области грамматики речевой этикет подразумевает употребление различных грамматических конструкций, которые указывают либо на почтительное отношение к реципиенту высказывания, либо уничижительное.

В то же время средства выражения отношений между людьми в корейском языке образуют довольно сложную систему, которую принято называть формами вежливости (личного отношения или ориентации).

Объяснение сущности форм вежливости корейского языка вытекает из учета неременной двусторонности актов языковой коммуникации. Это значит, что наличие любого высказывания, а следовательно, и его автора, предполагает наличие реципиента (непосредственно участвующего в диалоге собеседника, слушателя, читателя).

Отсюда следуют практические выводы.

1. В каждом сообщении, высказывании или предложении корейского языка должны отражаться отношения между собеседниками, к числу которых могут принадлежать люди без конкретного адреса (слушатели радио, зрители кино, телевидения, постановок, читатели книг и т.п.).

2. Средства языка должны обеспечивать отражение не только непосредственных отношений между людьми, вступающими в акт коммуникации, но и сложности пересечения, наложения, взаимоисключения различных явлений.

Эти выводы материализуются в формах вежливости корейского языка:

- а) почтительной;
- б) вежливой, включающей в себя мужской и женский варианты;
- в) учтивой с ее партикулярным и интимным вариантами;
- г) фамильярной, членимой на приятельский и покровительственный варианты.

Кроме сложной и запутанной системы форм вежливости, в корейском языке существуют и другие способы выражения вежливости на грамматическом уровне, например: суффикс вежливости «*си*», именной суффикс вежливости «*ним*», окончания «*кэсо*» и «*кэ*» и т.д.

Чаще всего употребление одного из средств выражения вежливости требует употребления в этом же предложении также и средства другого уровня.

Незнание современного и корейского традиционного этикета и неверное речевое поведение иностранцев с представителями корейского общества в большинстве случаев приводит к невозможности развития процесса межкультурной коммуникации.

*Ли Сан Юн**

ТЕМА ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПАК ВАН СО

(Рассказ «Цветок анемона тех дней, когда погибли в боях»)

В Республике Корея тема гражданской войны 1950–1953 гг. остается актуальной и в наши дни, хотя прошло 67 лет со времени ее начала. Среди корейских литераторов — как непосредственных участников военных действий, так и тех, кто пережил эти трагические события в детские или юношеские годы — трудно найти писателей, которые в своих произведениях не уделили бы внимания вопросам, связанным с войной и ее последствиями. Эта тема занимает важное место и в творчестве Пак Ван Со, одной из ведущих писательниц Республики Корея¹.

Теме «6.25» (так по дате ее начала — 25 июня — в Южной Корее называют эту войну), разделению нации, борьбе двух политических систем повышенное внимание уделялось в послевоенные годы, но именно в 1970-х, когда имя писательницы стало известно в литературном мире РК, появилось множество романов и рассказов, описывающих страдания людей в то страшное время, потерю родных и близких, голод, разруху в городах и деревнях.

О жизни простых людей, на которых обрушилась война, Пак Ван Со рассказала и во многих других произведениях, написанных в ранний период своего творчества. Это рассказы «Рядом с Буддой» («Бучоним гынчо»), «Фотоаппарат и рабочий» («Камерава воко»), «Время года, когда мучит жажда» («Мокмарын гечжел») и вторая часть трилогии «Мамина опора» («Омма ы малтук»), изданная в 1981 г., за которую писательница получила престижную литературную премию им. Ли Сана. В этом произведении рассказывается о судьбе матери. Война между КНДР и Республикой Корея лишила ее родины. Она мечтала вернуться в свою родную деревню, но

* РГПУ, г. Санкт-Петербург.

этот участок земли остался на территории Северной Кореи. Мать умерла, так и не дождавшись объединения страны.

Следует отметить, что в своих рассказах и романах, посвященных мирной жизни, раскрывая характеры людей, которые начали строить новое индустриальное общество, Пак Ван Со в той или иной мере затрагивает тему войны, тему противостояния двух идеологических лагерей, разделения единого народа.

Корейский критик Чо Хечжон, исследуя творчество писательницы, особое внимание обращает на ее произведения, посвященные этой трагической теме. Она отмечает, что «Пак Ван Со описывает не военные действия и сражения, в которых погибают герои, а судьбы людей, потерявших дом, семью, любимых. Автор реалистично показывает страдания, отчаяние и боль народа, переживающего ужасы военного времени. Эти романы и рассказы свидетельствуют о том, что раны, оставленные войной, еще не зажили»².

Рассказ «Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях»³ — одно из произведений, подтверждающих мнение Чо Хечжон. Он состоит из двух отдельных историй, в которых описаны события, случившиеся во время Корейской войны. Военные действия служат только фоном, на котором разыгрываются драматические эпизоды из жизни героев. Но этот фон дает представление о масштабах трагедии народа, оказавшегося заложником в политической игре двух идеологических лагерей. В первой истории действие разворачивается в маленьком горном селении.

«Жители деревни Талле были очень доброжелательными людьми.

Эти независимые селяне среднего достатка пахали землю, проливая пот и не жалея живота своего, следуя велению неба, поэтому и голода не знали. Они чтили общечеловеческие законы, которые следовало обязательно соблюдать, независимо от того, следит за этим кто-нибудь или нет, поэтому и жили дружно.

Но и в укрывшейся в добром лесу, как в гнездышке, зажиточной и благородной деревне однажды раздались оружейные залпы. <...>

Селянам не пришлось наблюдать бой вблизи своих домов, и бомбежкам они ни разу не подвергались. До них только в виде слухов доходили истории о том, что где-то в мгновение ока дом

превратился в груды пепла, или о том, что тело только что игравшего рядом ребенка разлетелось на кусочки, да так, что и собрать и похоронить было нельзя. <...> Но по числу людских потерь жители деревни не уступали своим соседям, погибшим в боях и под бомбами. В течение нескольких месяцев войска то наступали, то отступали, в связи с чем и мир менялся с невероятной легкостью. В зависимости от того, кто захватывал деревню, люди — будто сходили с ума — доносили о предательстве или противодействии властям, друг на друга, поэтому снова и снова кто-то лишался жизни. С начала войны часть молодых людей ушли в корейскую армию⁴, часть из них забрали в народную армию⁵, кто-то укрылся на юге, а кого-то насильно увели на север. Поэтому население заметно поредело»⁶ (С. 240).

Так Пак Ван Со начинает рассказ. На примере этой маленькой деревни писательница показывает, как противостояние двух различных идеологий ведет к трагедии и что происходит с обществом, когда люди перестают соблюдать законы чести, которых придерживались веками. В то же время читатель узнает, как в испытаниях, выпавших на долю простых селян, проявляются различные человеческие качества.

В деревню, где остались одни женщины, вдовы и девушки, прибывают американские солдаты и настойчиво ищут девиц легкого поведения, стучась в ворота каждого дома. Героиня истории, уважаемая всеми тетушка, считает своим долгом спасти честь молодых женщин и добровольно вызывается сыграть роль такой девицы. Нарядившись в яркую одежду своей внучки, попросив разукрасить румянами свое морщинистое лицо, старая женщина надеется, что «это самое дело» будет происходить в темноте. Она готова умереть, если раскроется обман. Темным вечером ее привозят в школу, где расположилась воинская часть, и при ярком освещении начинают раздевать. Лицо она закрывает рукой.

«...Но и без этого солдаты уже поняли, что их обманули. У старой женщины мелькнула даже мысль: “Хорошо бы, они застрелили ее сразу, в один миг”».

Неожиданно раздался веселый смех. Она услышала его в тот самый горестный момент, когда уже собралась умереть, откусив язык. Возможно, поэтому ей показалось, что такой искренний веселый хохот она слышит впервые в жизни. <...> Находясь в за-

мешательстве, но, тем не менее, движимая любопытством, старая женщина сквозь пальцы стала потихоньку наблюдать за действиями янки. А они все как один попадали со своих стульев и катались по полу, держась за животы и скорчившись от смеха.

Наконец хохот прекратился, кто-то поднял ее и стал одну за другой подавать ей одежду» (С. 247).

Тетушка готовилась к смерти, но американские солдаты привезли ее назад и оставили у ворот дома большие коробки с продуктами. Рассказав ожидавшим ее женщинам подробности своего опасного приключения, тетушка высказывает мнение, что вернулась домой живой благодаря гуманности, присущей людям западной культуры.

Во второй истории рассказывается о женщине 60 лет, вынужденной из-за больного мужа остаться в деревне, из которой эвакуировались все жители. Рядом проходила линия фронта, и однажды между боями в деревню приходит молодой солдат и находит домик этой тетушки.

«За это время явно соскучившись по людям, она обрадовалась молодому человеку и потянула его в комнату.

Пол был теплым⁷. Старая женщина ужинала в одиночестве.

— Как вы оказались здесь одна?

— Старика хватил апоплексический удар, поэтому и уйти с ним нельзя было, и оставить его тоже нельзя было...

— А дети где?

— Сын ушел в армию.

— Да? Вот как. А где ваш муж?

Ким быстро осмотрел комнату, взглядом ища старого человека, свалившегося после апоплексического удара.

— А он покинул этот мир.

— Когда?

— Несколько дней назад. Такая несчастная доля была у старика. Умер бы раньше или пожил бы еще, посмотрел бы на спокойную жизнь — как было бы хорошо.

— Значит, вы и похороны справили одна?

— Да разве это можно назвать похоронами? Взяла и просто закопала его.

— Одна?

— Если бы кто-то был.

— И как это вам удалось!

— Да что там. Что только не сможет сделать человек, когда нужда заставит.

— И все-таки.

— Но если посмотреть, то я еще крепкая. Мало того, что несчастье случилось с моим стариком, так еще и единственного сына надо было выучить, вот я одна и работала в поле. Поле-то не очень большое.

— Да, вот как бывает...»

В этом диалоге — вся история жизни деревенской женщины, посвятившей себя мужу и сыну. Несмотря на несчастья, выпавшие на ее долю, она, не жалуясь, просто рассказывает о себе. Солдат признается тетушке, что у него есть девушка, которая ждет его, но он может погибнуть в бою. Рассказывает он и о смерти многих юношей-девушечников, и о гуляющем среди военных слухе, будто вражеская пуля ищет тех солдат, кто еще не стал мужчиной. В старой женщине просыпается чувство жалости к мальчику, который боится смерти, и она предлагает юноше лишиться невинности с ней. Возможно, благодаря именно сочувствию и доброте тетушки молодой человек остается в живых, несмотря на жестокие сражения, в которых ему пришлось участвовать после описанной встречи в пустой деревне. Только дожив до преклонных лет, этот человек осознает, насколько был глуп в молодости, когда с отвращением вспоминал поступок старой женщины, продиктованный, на самом деле, «исключительно ее душевными побуждениями», желанием спасти юного солдата.

Эти две истории напоминают короткие рассказы XV–XVII вв. — зарисовки в жанре *пхэсол* (буквально «пустые речения»), соединенные тематически одним названием как «цепочка историй». К этим сочинениям, существовавшим в виде сборников, в которых записывалось подряд все, что «видят глаза и слышат уши», относились как к литературе «второго сорта» и называли «записками от скуки». Но в них включались и серьезные сведения — по истории, литературе, этнографии, описывались случаи из частной жизни⁸. В *пхэсол* в конце повествования автор, как правило, высказывает свое суждение.

Несмотря на то что в своих произведениях Пак Ван Со удерживается от прямых наставлений, в рассказе «Цветы анемона

тех дней, когда убивали в боях» она высказывает свое мнение. Возможно, это продиктовано не только тем, что автор следует традициям жанра. В этом можно усмотреть и влияние Л. Н. Толстого. На одной из встреч с читателями писательница призналась, что после чтения романов великого писателя, проповедовавшего идеи гуманизма, она почувствовала желание наставлять читателей на правильный путь, писать о важности соблюдения этических норм, о непреходящих духовных ценностях. Влияние это было сильным, поскольку книги Толстого она перечитывала много раз. Но писательница преобразовала это влияние под корейскую культуру, идеи русского гуманиста она пыталась донести до читателей своими методами. В ее произведениях содержится мысль о том, что человек всегда должен помнить заповедь о любви к ближнему, как бы ни была тяжела ситуация, в которой он оказывается. Эта мысль действует, может быть, лучше, чем нравственные уроки в виде прямых наставлений.

«Старые женщины дожили до такого возраста, когда уже стыдятся своего долголетия, но, несмотря на это, они не утратили женственности, с которой трудно сочетаются безличные слова “бабушка” и “старуха”. Они не смогли расстаться с тем, что называют словом “женщина”. Я не хочу и не буду их называть бабушками или старухами. И одну, и другую я могу назвать только Женщиной» (С. 257).

Возможно, писательница избрала такую форму повествования, чтобы подчеркнуть традиционность представленных в рассказе героинь, напомнить об истинном предназначении женщины.

К. И. Шилин, говоря о женственности, присущей дальневосточным культурам, отмечает: «Сдерживание собственной активности в пользу жизни ребенка и мужчины, самоотверженность, самопожертвование, любовь, гармоничность — все эти психологические черты присущи скорее женщине, чем мужчине»⁹. Этими чертами обладают и героини Пак Ван Со — две пожилые тетушки.

Символично название рассказа: «Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях». Писательница сравнивает героинь — старых женщин — с ясным полевым цветком, растущим на обочине проселочной дороги среди дикой травы. Цветок анемона можно определить как знак душевной красоты, поскольку в дальневосточной культуре «...красота природы неотделима от внутренней

красоты человека. В образах цветов <...> видят то благородство и ту душевную высоту, к которой должен стремиться человек»¹⁰. В то же время традиционная корейская оппозиция «культивируемый цветок» — «дикий цветок» подразумевает, что истинная красота не бросается в глаза, она таится там, где ее никто не ожидает увидеть — среди дикой природы, а не в ухоженном саду, у «красных (дворцовых) перил»¹¹.

Примечательно, что в аллегорической повести Лим Чже «История цветов» есть такие слова: «Цветы гуманны, заслуживают доверия и чужды всех страстей»¹².

Следует отметить, что в «Исторических записях трех государств» («Самгук саги»), составленных Ким Бусиком (1075–1151 гг.), в разделе «Биографии» помещена притча «Предостережение царю цветов»¹³, написанная Соль Чхоном (660–730 гг.), государственным деятелем государства Силла. В этой притче персонажи представлены в виде цветов: красавицы Розы и нищего мудреца Анемона, «убеленного сединами, больного и старого». Старец, рискуя вызвать гнев правителя, осмеливается намекнуть царю цветов о его неправильном поведении, тем самым показывая свои высокие моральные качества. Таким образом, Анемон, цветок, растущий среди лесной травы, ассоциируется с мудростью и душевной красотой человека и символизирует истинную красоту. Героев своего рассказа автор соотносит с природой, цветком, символизирующим жизнь.

Рассказ «Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях» помещен во 2-й том полного собрания рассказов Пак Ван Со, написанных в 1970-е годы. Если в романах этого периода писательница часто обращалась к теме войны, то в рассказах главной темой была жизнь общества в период индустриализации, а образ героя этого времени — новый тип современной корейской женщины, которая не удовлетворена своей ролью в семье и обществе. Героини этих рассказов («Черная вдова», «Как их много!», «Дети райской земли», «Замужние женщины» и др.) самоутверждаются, стремятся завоевать себе место «наверху», и все их помыслы направлены на обретение благополучия. Писательница показывает, как законы, по которым живет это общество потребления, чрезмерное влияние денег на умы людей приводят к нарушению традиционных отношений в семье, к утрате женщиной «женствен-

ности» — чувств любви, доброты, терпимости и почтительности к старшим. «Цветок анемона тех дней, когда погибали в боях» отличается от этих рассказов, и прежде всего тем, что затрагивает проблему внутреннего мира человека.

В этих двух историях представлены женщины традиционного типа, женщины-матери, и Пак Ван Со подсознательно выражает свое отношение к природе женщины, ее назначению. Жительницы маленьких деревень, затерянных среди гор, как правило, занимают традиционное место в семье и коллективе, где в неразрывной связи с природой размеренно и естественно протекает жизнь, и они остаются женщинами, в которых чувства доброты, сострадания, материнская нежность и готовность к самопожертвованию никогда не угасают. Поэтому внутренний мир старых женщин освещен душевной красотой, которая помогает им жить в гармонии.

В результате испытаний, выпавших на долю старых тетушек в годы войны, у них проявились самые лучшие человеческие качества, в то время как у молодых женщин, живущих в мирное время, в «борьбе» за благополучную жизнь обнажились низменные черты, которые уничтожили в них естественную природу, лишили нежности и добрых материнских чувств.

Этим активным «деятельницам» эпохи индустриализации и противопоставлены героини военного времени.

Таким образом, можно сказать, Пак Ван Со не случайно поместила «Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях» рядом с рассказами о мирной жизни. Писательница своим рассказом как будто предупреждает читателей об опасности потери моральных ценностей. Чтобы жить в гармонии, люди должны сохранять добрые человеческие отношения между собой в любых жизненных ситуациях, будь то война или другая беда.

¹ Пак Ван Со родилась в 1931 г. В 1950 г. она окончила школу и поступила в Сеульский государственный университет на факультет корейского языка и литературы. Но начавшаяся война помешала учебе. Во время войны погибли брат и дядя Пак Ван Со, и будущая писательница должна была зарабатывать на жизнь своим трудом. Она поступила на работу в универсам при американской воинской части в отдел художника, рисовавшего портреты. Сохранившиеся в памяти писательницы события, пережитые в 20–23-летнем возрасте, легли в основу ее первого романа

ДУХ СВОБОДЫ И БУНТАРСТВА В ПОЭЗИИ КИМ СУ ЕНА

В 1945 г. издательство «Есультпулак» публикует стихотворение Ким Су Ена¹ «Песни Мёджон». В 1949 г. Ким издал коллективный сборник «Союз нового города и горожан» в соавторстве с Ким Кён Нимом и Пак Ин Хваном, куда, помимо стихов, вошли статьи о поэзии. Критики охарактеризовали его творчество как модернизм.

В произведениях «Гигантский корень», «Современный мост» и «Музыкальные вариации на тему любви» отражен искренний интерес к историческому прошлому.

«Основная тема стихов Ким Су Ена – свобода. Тема прослеживается с первых его произведений вплоть до последних. Он разоблачает невыносимые условия политической несвободы. И его стихи не похожи на песни, они, скорее всего, крик или вопль израненной души, изнемогающей от жажды в условиях неволи» (Ким Хен, 1974. С.143).

Раздел Кореи на две части четко обозначил гражданскую позицию поэта. В стихотворении «Вертолет» Ким Су Ена на первый план выходит драматическая ситуация. Если в настоящее время многие корейцы южной части полуострова уже свыклись с мыслью о разделе страны, больше думая об экономической стабильности государства, то в тот период это была незаживающая рана для каждой корейской семьи. 38-я параллель – демаркационная линия, разделяющая Север и Юг, как знак слабости страны в послевоенную эпоху. Для поэта стало унижением осознание того факта, что кто-то третий решает за народ его судьбу.

Ким Су Ен, отдавая дань модернистской технике, больше внимания уделял содержанию, писал в обличительном и свободололюбивом духе.

* ИВ РАН, г. Москва.

«Голое дерево» («Намок»), который был опубликован в 1970 г. в женском журнале «Есон тона» и сразу привлек внимание критики.

² *Чо Хечжон*. Пак Ван Со мунхак-есо пипхёнын муосинга? //Тхальсикминчжи сидэ чисикин-ый кыль икки-ва сам икки.(Что собой представляет критика творчества Пак Ван Со?/Чтение текста, чтение жизни интеллигента в постколониальный период). Сеул, 1995. С. 197.

³ В корейском названии дается конкретный цветок хальмиккот, который на русский язык переводится как «сон-трава» или «анемон»; латинское название – *pasqueflower*. По-корейски хальмиккот означает «бабка-цветок»; сравнивая с седыми волосами старого человека, его называют еще «цветком старой свекрови».

⁴ Вооруженные силы Республики Корея.

⁵ Вооруженные силы Корейской Народной Демократической Республики.

⁶ *Пак Ван Со*. Танпхён сосоль чончжип. (Собрание рассказов Пак Ван Со.) Сеул, 1999. Т. 2. С. 239–258. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц.

⁷ Корейские дома отапливаются горячим дымом из топки, змеевидный дымоход которого располагается под полом.

⁸ См.: *Елисеев Д. Д.* Корейская средневековая литература пхэсоль. М., 1968.

⁹ *Шилин К. И.* Экологичность японской лирики // Человек и мир в японской культуре. М., 1985. С. 221.

¹⁰ *Тань Аошуан*. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М., 2004. с.168.

¹¹ См.: *Жданова Л. В.* Поэтическое творчество Чве Чхивона. СПб., 1998. С. 80.

¹² *Лим Чже*. История цветов //История цветов. Корейская классическая проза. Л. 1991. С. 324.

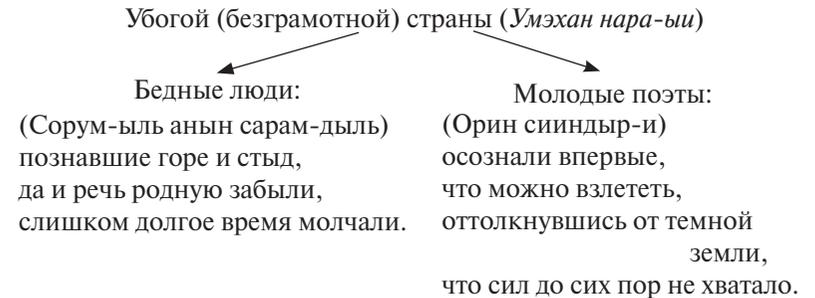
¹³ *Ким Бу Сик*. Самгук саги. М., 2002. Т. 3. С. 170–171.

Вертолет

1. Страдания есть в каждой судьбе человека.
Что можно взлететь, оттолкнувшись от темной земли,
Что сил до сих пор не хватало, и осознали...
Молодые поэты убогой страны.
Увидев, как вертолет взлетел легче воздушного шара.
Испугались люди, познавшие горечь и стыд.
Слишком долгое время молчали, да и речь родную забыли,
Ведь говорили на пришлое чужом языке.
И на нем-то едва говорили, лишь только кричали.
Было горем изъедено время.
Но и это время не в счет, ведь позднее
Произошло вертолета явление вечное.
2. 1950 год, июль, после этого силуэт вертолета
Зачастил над хребтами гор нашей страны.
Так случилось впервые, но, конечно, до этого
Реактивный самолет и автомобиль побывали здесь.
Ведь наемник не за рулем вертолета
Пересек Атлантический океан!
В наших мыслях крутилось: чья это злая восточная шутка?
Начертана мрачная линия и летает злой ее знак.
И не только над нашими узкими двориками,
Даже в узком горле кувшина виден его силуэт.
Так наши чистые души и чувства
Обнажаются перед ним.
Вертолет, ты непонятное чудище!
3. Свобода.
Страдание (печаль).
4. Там наверху не нужен такой уж широкий обзор.
Нет гор, нет моря, нет глинистой почвы, нет болота,
даже нет сожаления.
Ты просматриваешь нас до каждой косточки костлявого тела,
до каждой клетки организма и нервов,
вплоть до глазного яблока.
Заставляешь чувствовать себя глупцом?
В твоих смелых намерениях, легких и воздушных, как туман.
До того как заглянуть в души чужие,
чтобы увидеть свою силу и мощь,

Погляди на себя, ведь у тебя есть гордость и добрые чувства.
Наши предки: твои и мои,
Взявшись за руки, во Вселенной начинали устраивать жизнь.
Строили свободный духом, прекрасный первозданный мир.
Ты также нас обнаружил до предписанных правил.
Сегодня ты на осколке свободы, давшей стране биографию.
Стыдишься сам в скромном молчании...²

Стихотворение состоит из четырех строф. Оно насыщено оценочными эпитетами, характеризующими субъект (вертолет) и объект (люди, их родная земля и жилища). В структуре произведения поэт воссоздал шаткость послевоенного мира в стране. Обращает на себя внимание мир текста первой строфы, который насыщен лексикой в стилистике *хан*, поэт описывает душевное состояние людей:

Прежде всего бросается в глаза экспрессивно-окрашенная лексика. Чувства досады и бессилия, помимо абстрактных существительных (горе и стыд сорум), передают сказуемые и определения, выраженные прилагательными и причастиями (страдающий, познающие горе, темный, убогий, безграмотный).

Вторая строфа как антитеза первой: слабым и униженным людям противопоставлен вертолет. Мрачная линия (пиэ суджиксон) разрушила страну, а вертолет — ее символ. Бездушная машина нарушает покой и гармонию в природе. «Вертолет, ты непонятное животное! (*Хелликхонпто-йо но-нын сорун тонзмур-ида*)», — восклицает поэт, обращаясь к нему, как к живому созданию. Вертолет, как мифическое страшное животное, не дает человеку остаться наедине с собой, с семьей и друзьями, вселяя чувства тревоги и опасения за близких и страну в целом.

Теза

Несчастливые (познавшие горе) люди
(*Сорум-ыль анын сарам-дыри*)

Антитеза

Непонятный (злой) зверь
(*Сорун тоньмурида*)

Ключевые слова первых строф [сорум (1-я строфа) – сорун (2-я строфа)] корреспондируют между собой по звучанию. Эти слово-омофоны различаются по значению и по грамматической форме: сорум (сущ.), в значении печаль, горе; сорун (прил.) в значении непонятный (незрелый), в контексте стихотворения как злой и опасный, то, что непонятно, настораживает и вызывает опасение. Но и этой железной машине присуще сострадание, так как ею управляет человек. В русской поэзии Серебряного века тема бездушной машины была затронута А. Блоком.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить Творца?

Стихотворение «Самолет» А. Блок написал в 1910 г. «Есть мир природы: это «бездна», «сердце», «любовь», «душа», «лицо». Есть мир антиприроды: это «стальная», «бесстрастная птица» с «мертвыми крыльями», с «винтом» вместо сердца, <...> смысл стихотворения – в отрицании родственности между живым и неживым»³.

Третья строфа в стихотворении Ким Су Ена самая короткая, состоящая из двух отдельных слов, выделенных графически. Но именно они несут основную идею произведения: свобода (чаю) и страдание (пиэ) как значимые лексические сегменты. Выстраданная свобода бедных и слабых людей, свобода от колониального режима, звучит лейтмотивом через все стихотворение. В народном представлении свобода – это счастье и радость, а горе и печаль приносят страдания, поэтому они не идентичны и составляют бинарную оппозицию слову «свобода». В корейском языке пиэ в переводе на русский язык составляет лексический ряд слов: страдание, печаль, горе, тоска, скорбь. Но в тексте стихотворения свобода и страдания (печаль и горе) оказываются синонимичны, эти слова тождественны по отношению к слову люди, которые долгое время жили в неволе; свобода вызывает насто-

женность и чувство страха. Выстраивается тождественная лексическая цепь:

свобода – страдание – вертолет – непонятный зверь.

Как указывал Ю. Лотман: «День и ночь, жизнь и смерть могут в поэтическом тексте быть синонимами»⁴.

Четвертая строфа – синтез как попытка единения тезы и антитезы первых двух строф. В ней поэт выражает надежду на примирение. Он взывает к сознанию человека, управляющего вертолетом.

Предки

твои и мои,
взявшись за руки, вместе строили
первозданный мир!

Политическая тема в поэзии РК вскрыла новые лексические значения привычных слов в контексте стихотворений. Слово приобретает значение иного лексического ряда. Ким Су Ен, несомненно, один из первых в РК, кто смог дать поэзии иное звучание. Его стихи обращены к людям. Бросается в глаза, прежде всего, декламационный характер его произведений. Поэт создает новые, не известные корейской поэзии, образы. Как, например, прием гиперболы: вертолет, как огромная чудовищная птица, пожирает души слабых людей, врываясь в их быт и сознание.

Апрельские студенческие выступления (19 апреля) 1960 г. против диктатуры и коррупции власти обострили чувства поэта, его гражданская позиция стала более ясной. Работы «Ха... Здесь нет тени», «Краткое руководство права к революции», «Голубое небо» выявили его активный интерес и стремление к революционным переменам, к демократии и свободе.

Ха ... нет тени

Наши противники не так уж бравы и солидны.
Наши противники в (хаки), в образах Дугласа
или Ричарда Видмака не так уж и злы.
Они и на малость не выглядят злыми,
В какой-то мере они даже добры.
Они очень демократичны.
Сами о себе говорят, что благонадежны,

«Гигантский корень» (*Кодэхан нури*) увидели свет уже после его кончины. Ким Су Ен в июне 1968 г. погиб в автомобильной катастрофе. Два сборника Ким Су Ена вышли из печати в издательстве «Минымса» в 1981 г. The 100 years of Modern Korean Literature / Seoul National University, Institute for Research on information System in the Humanities, 2000 (CD–Rom).

² Далнараы Чаннан. Изд-во «Чучжоса», 1959.

³ См.: *Эткинд Е.* Разговор о стихах. СПб.: Детгиз, 2004. С. 131.

⁴ *Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии. СПб: Искусств», 2001. С. 92.

⁵ *Ким Хен.* Чаю ва кум. Ким Се Уны кум (Свобода и мечта. Мечты Ким Се Уна) // Сборник «Гигантский корень (*Кодэхан нури*)». Изд-во «Минымса», 1974. С. 143–155.

⁶ *Ли Ги Бек.* История Кореи: новая трактовка. М.: ООО «ТИД “Русское слово”–РС», 2000. С. 398.

ЭКОНОМИКА

С. С. Суслина*

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОРА ЗРЕЛОСТИ?

За 20 лет российско-южнокорейские экономические отношения прошли свои стадии взлетов и падений и утвердились в прогрессивном поступательном развитии. Анализ динамики и характера изменений форм и направлений этого взаимного сотрудничества показывает, что, несмотря на весь накопленный позитив и проявление многих положительных тенденций, двусторонний формат нашего сотрудничества по-прежнему опирается на весьма узкую базу взаимодополняющих экономик, а поиск новых сфер хозяйственного обмена пока ограничен и малоэффективен.

К чему же пришли две страны, обладающие весьма существенными и разнообразными экономическими потенциалами, в итоге своего 20-летнего хозяйственного взаимодействия?

За последние годы динамика развития российско-корейского торгово-экономического сотрудничества существенно возросла. Республика Корея является третьим по значению торговым партнером России в Восточной Азии (после КНР и Японии).

За период с 2002 по 2008 г. объем товарооборота между двумя странами увеличился в 8,3 раза – с 2,1 до 18,4 млрд долл. Объем взаимной торговли в 2008 г. составил 18,4 млрд долл. (+22,0% по сравнению с 2007 г.), в том числе российский экспорт в РК – 7,78 млрд долл. (+26,3%), импорт из РК – 10,59 млрд долл.

МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва.

(+19,0%). Доля РК в объеме российского экспорта в 2008 г. составила 2,5%, импорта — 3,9%. Однако доля России в общем объеме корейской внешней торговли по-прежнему остается незначительной и составляет менее 2%.

Все эти достаточно значимые результаты следует рассмотреть в более широком контексте тех достижений в экономическом развитии и внешнеэкономическом сотрудничестве, к которым пришли обе страны за данный не слишком большой период времени.

Если говорить об основных изменениях в экономическом развитии Республики Корея, то прежде всего следует выделить его постиндустриальный, инновационный характер. Уже с 2005 г. РК входит в пятерку стран-лидеров по затратам на НИОКР и в первую десятку по экспорту высокотехнологичной продукции. Все более развитым, в том числе и в экологическом плане, становится характер экономического потенциала страны. Демократизация общества, начавшаяся с правления администрации Ро Дэ У в 1987 г., эволюционировала в создании гражданского общества в стране, где на протяжении почти трех десятилетий господствовала власть авторитарных режимов, при которых и была в целом реализована программа экономического взлета.

За прошедшее 20-летие РК смогла существенно продвинуться по пути либерально-демократического развития в экономической сфере и после тяжелых испытаний финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг. перевести свою, по сути, новоиндустриальную экономическую модель в разряд стран среднеразвитого рыночного хозяйства. Это проявилось в достижении устойчивого развития и достаточно зрелой социально-экономической структуры, в изменении роли количественных и качественных параметров роста, смене приоритетов в экономическом развитии.

Всего через 11 лет после того, как ВВП на душу населения в РК составил 10 тыс. долл. США, этот показатель удвоился. Однако разрыв в уровне национального дохода на душу населения между РК и индустриально развитыми странами остается значительным. 2 года назад РК находилась на 34-м месте по душевому уровню национального дохода в 20 015 долл. В 2010 г. он должен составить 16 тыс. долл., а к 2011 г. вновь достигнуть уровня 20 тыс. долл. на человека¹.

Переход к постиндустриальному развитию потребовал от РК соответствующих корректировок и в ее внешнеэкономической политике, предполагавших в первую очередь дальнейшее следование по пути еще большей открытости ее экономики. РК вступила в ряд престижных и влиятельных экономических группировок и организаций — ВТО, ОЭСР, АТЭС — и стала активным проводником политики внешнеэкономической либерализации. Она ведет активные переговоры по заключению соглашений о свободе торговли со многими странами и региональными экономическими группировками.

Республика Корея последовательно улучшает свой международный инвестиционный рейтинг, проводя соответствующие меры по совершенствованию инвестиционного климата в стране. Так, например, по данным обзора Doing Business, подготовленного The World Bank Group по 183 странам, Южная Корея по комплексному показателю Doing Business заняла 19-е место². По числу процедур (8) он несколько уступает усредненному показателю по странам ОЭСР (6). Однако по затратам на оформление и оплату процедур для ввоза или вывоза товара показатели Южной Кореи существенно превосходят средние индексы ОЭСР.

Результаты столь активного участия в глобализации не замедлили сказаться в росте доли страны в мирохозяйственных процессах, в повышении ее международного авторитета.

В 2008 г. по объему поставок товаров в зарубежные страны, который составил на тот год 422 млрд долл., РК заняла 12-е место в мире (в 1948 г. Южная Корея занимала 100-е место по объему экспорта, составлявшего всего 19 млн долл.). Понятно, что с началом в сентябре 2008 г. финансового кризиса продажи южнокорейских товаров за рубеж несколько снизились. По предварительным подсчетам Банка Кореи, в 2009 г. объем южнокорейского экспорта достиг всего 363,5 млрд долл., а импорта — 323,1 млрд долл. Профицит торгового баланса составил 40,4 млрд долл., что является очень хорошим показателем на фоне отрицательного сальдо в 2008 г. (впервые с 1980 г.), составившего более 13 млрд долл.³ Но при этом, даже в условиях текущего кризиса, Южной Корее удалось по итогам первых 10 месяцев непростого 2009 г. занять 9-е место в мире по объему экспорта, а по сумме профицита торгового баланса — 5-е, после Китая, Германии, России и Нидерландов.

Причину этого южнокорейцы видят в том, что отечественные компании в последние 10 лет переориентировали свой экспорт с США и Японии на рынки развивающихся стран, в первую очередь Китая и Юго-Восточной Азии, т.е. на рынки, которые в наименьшей степени подверглись влиянию мирового финансового кризиса. Многие корейские товары приобрели репутацию качественных и недорогих товаров (компьютеры, мобильные телефоны, ЖК-телевизоры). Кроме того, с сентября 2008 г. курс корейской воны снизился по отношению к основным мировым валютам, что привело к росту ценовой конкурентоспособности южнокорейских товаров. Таким образом, конкурентоспособность южнокорейского экспорта удалось обеспечить с помощью диверсификации экспортных рынков, высокого качества товаров, а также за счет низкого курса национальной валюты. Рост экспорта сопровождается и усилением зависимости южнокорейской экономики от внешней торговли. Если в 2000 г. она составляла 62%, а в 2007 г. — 69%, то в 2008 г. — уже 92,3%⁴. Эти данные свидетельствуют об усилении зависимости РК от мировой экономики и о падении спроса на отечественные товары на ее внутреннем рынке, что вызывает естественную тревогу у южнокорейских экономистов. К этому привела последняя волна текущего кризиса, и выход из этой ситуации южнокорейцам видится в расширении значительных инвестиций в развитие новых технологий, особенно «зеленых технологий», чтобы поддержать экспорт на должном уровне и сократить безработицу. Необходимо также осваивать новые рынки. В настоящее время крупнейшими экспортными рынками РК являются Китай и Индия, но они одновременно являются и конкурентами. По данным Банка Кореи и Таможенной службы РК, зависимость южнокорейской внешней торговли от Китая составила в 2009 г. 20,53%, в то время как от торговли с США и Японией сократилась до 10% с каждой. Примечательно, как быстро нарастала эта зависимость. В 1991 г. на долю КНР приходилось всего 2,9% всей корейской торговли, но в 2001 г. — уже 10,8%, в 2003 г. Китай опередил по этому показателю Японию, а в 2004 г. — и США, превратившись в крупнейшего торгового партнера РК. Объем южнокорейского экспорта в КНР в 2009 г. вырос до 86,7 млрд долл. (23,85% от всего объема экспорта РК). Доля Китая в южнокорейском импорте достигла 52,2 млрд долл. (16,79%)⁵.

Неизменно высокие темпы роста китайской экономики изменили структуру южнокорейской внешней торговли. В 2009 г. на долю экспорта по давальческой схеме приходилось 24% всего южнокорейского экспорта в КНР. Доля импорта по давальческой схеме составляет 12% всего объема импорта.

В РК также хорошо понимают, что чрезмерная зависимость от ориентации на эти рынки чревата серьезными последствиями, связанными с развитием экономической ситуации в этих странах. Поэтому РК продолжает поиск новых рынков, в том числе и для того, чтобы обеспечить себе стабильный доступ к запасам сырья и энергоносителей.

Как для многих стран мира, так и для Южной Кореи важнейшим определяющим фактором развития в прошедшем 2009 г. явился кризис, охвативший практически все сферы социально-экономической жизни. Проявлением его стали: экономическая нестабильность, отрицательные темпы роста, падение производства, рост безработицы и социальной напряженности. Уже с конца 2008 г. объем производства в РК падал ежеквартально в среднем на 11%. В конце 2009 г. количество безработных составило более 800 тыс. человек, что на 6% превысило аналогичный показатель 2008 г. Кризис отразился и на внешнеэкономической активности Южной Кореи. Как свидетельствуют данные таможенной службы страны, объемы экспорта и импорта, по-прежнему очень важных показателей для южнокорейской экономики, ориентированной на внешние рынки, упали по сравнению с 2008 г. на 13,9% и 25,8% до уровня 363,5 млрд долл. и 323,1 млрд долл. соответственно⁶.

Однако в III квартале 2009 г. Южная Корея стала первой страной Организации экономического сотрудничества и развития, зафиксировавшей положительный квартальный прирост ВВП на уровне 0,9% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. Благодаря этим положительным тенденциям она вышла, по предварительным оценкам, на годовой прирост ВВП за 2009 г. в 0,2%. РК смогла также обеспечить увеличение своих золотовалютных резервов на 25% до уровня 270 млрд долл.⁷

Важным фактором развития корейской экономики на современном этапе является также постепенное укрепление ее национального статуса и более активное участие в международных процессах. Несомненно, крупной победой для РК стало то, что

в текущем году Сеул станет хозяином саммита «двадцатки» G20 и сопровождающих его мероприятий.

Определенные позитивные результаты были зафиксированы и во внешнеторговом секторе. Несмотря на общее уменьшение в 2009 г. объемов экспортных операций и утрате мирового первенства в судостроении (уступила его КНР), Южная Корея смогла сохранить и расширить свои позиции в мире в таких отраслях, как производство полупроводников, мобильных телефонов, ЖК-дисплеев, автомобилестроение (рис. 1).

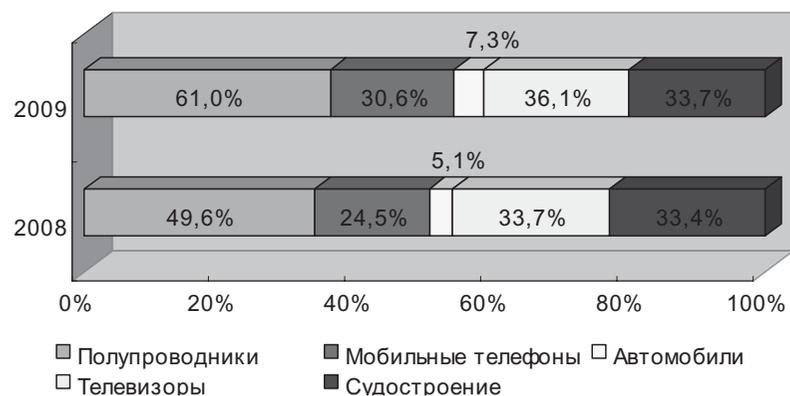

Рис. 1. Доля корейской продукции на мировом рынке

Доля южнокорейского экспорта на мировом рынке выросла с 2,6% (2008 г.) до 3,1% в 2009 г.⁸ и Республика Корея заняла 9-ю строчку в рейтинге ведущих экспортеров мира.

Укрепление позиций на мировом рынке стало возможным благодаря деятельности ряда крупных южнокорейских корпораций в 2009 г.

Samsung Electronics заняла 1-е место в мире среди технологичных компаний по уровню продаж, которые составили 117 млрд долл. Hyundai Motor, ведущий автопроизводитель РК, зафиксировал удвоение дохода, заработав в кризисный год порядка 2,6 млрд долл. При этом продажи автомобилей были рекордными для компании – 3,1 млн единиц, что на 11,7% выше показателя 2008 г.

Успех в продажах объясняется, *во-первых*, увеличением трат на маркетинговые программы, что стало возможным благодаря падению курса вон в конце 2008 и начале 2009 г., в то время как основному конкуренту – японскому концерну «Toyota» – как раз приходилось экономить на этой статье расходов из-за укрепления иены.

Во-вторых, «Hyundai» в кризисный год запустил принципиально новые модели автомобилей, сразу завоевавшие предпочтения потребителей своим ультрасовременным дизайном и высокими технологичными решениями. «Tucsonix» и «Sonata YF», на разработку которых ушло 4 года и порядка 600 млн долл.¹, стали большим событием на мировом автомобильном рынке. Именно запуск новых моделей поможет компании противостоять таким негативным для автомобильного сектора тенденциям 2010 г., как рост цен на нефть, укрепление вон и повышение учетных ставок.

На современном этапе Республика Корея сталкивается с необходимостью корректировать свой внешнеэкономический курс с изменениями темпов роста ее основных партнеров. Если развитие Китая, Индии, Индонезии ускоряется на текущем этапе, то США, Япония и страны ЕС готовятся к затяжному периоду близкого к нулю роста экономики, что, несомненно, скажется на активности инвесторов из этих стран на южнокорейском рынке, а также на уровне спроса и потребления корейской продукции в указанных странах.

Значительные проблемы для РК возникают и по причине того, что во многих странах сокращение экономической активности сопровождается усилением политики протекционизма. Правительства ужесточают систему регулирования импортных и миграционных отношений, призывая местное население покупать продукцию своего производства, а работодателей пользоваться услугами своих специалистов.

Как выглядит на этом фоне российско-южнокорейское торговое сотрудничество?

Следует отметить, что, при всем отмеченном определенном динамизме развития торгового товарооборота между двумя странами в 2000-е годы по сравнению с началом 1990-х годов, их взаимное торговое сотрудничество значительно отстает по объемам и темпам роста от торгового обмена каждой из рассматриваемых

мых стран с другими своими основными торговыми партнерами. В частности, рассмотрим основные тенденции в экспорте и импорте РК (табл. 1, 2).

Таблица 1

Экспорт РК в КНР, США, Японию, Индию и Россию, млрд долл.

Годы	Весь экспорт	США	Китай	Япония	Гонконг	Германия	Индия	Россия
2005	284,4	41,3	61,9	24,0	15,5	10,3	4,6	3,9
2006	325,5	43,2	69,5	26,5	19,0	10,1	5,5	5,2
2007	371,5	45,8	82,0	26,4	18,7	11,5	6,6	8,1
2008	422,0	46,4	91,4	28,3	19,8	10,5	9,0	9,7
2009	363,5	37,6	86,7	21,8	19,7	8,8	8,0	4,2

Источник: Monthly Statistical Bulletin. 2010. № 1. The Bank of Korea. P. 128–129.

Таблица 2

Импорт РК из КНР, США, Японии, Индии и России, млрд долл.

Годы	Весь импорт	США	Китай	Япония	Гонконг	Германия	Индия	Россия
2005	261,2	30,6	38,6	48,4	2,0	9,8	2,1	3,9
2006	309,4	33,7	48,6	51,9	2,1	11,4	3,6	4,6
2007	356,8	37,2	63,0	56,3	2,1	13,5	4,6	7,0
2008	435,3	38,4	76,9	61,0	2,2	14,8	6,6	8,3
2009	323,1	29,0	54,2	49,4	1,4	12,3	4,1	5,8

Источник: Monthly Statistical Bulletin. 2010. № 1. The Bank of Korea. P. 130–131.

Как видно из табл. 1 и 2, динамика роста товарооборота между РК и РФ малосопоставима с динамикой развития торговых связей между РК и КНР, США и Японией. Но по объему и удельному весу вполне сопоставима с товарооборотом Южной Кореи с Индией. При этом объем взаимного торгового сотрудничества РФ и РК отстает по динамике от развития товарообменных связей РК с Гонконгом и Германией.

Можно с сожалением констатировать, что, несмотря на провозглашение в середине 2000-х годов «этапа стратегического партнерства» во взаимном сотрудничестве РК и РФ, соответствующе-

го ускорения этой формы сотрудничества между двумя странами, аналогичного масштабам связей Южной Кореи с КНР и некоторыми другими странами, фактически пока не случилось.

Следует отметить, что данные о торговом обороте несколько различаются в национальных статистиках РК и РФ, что определяется разными методиками подсчета, но эти различия не столь уж велики, чтобы не дать возможности для более или менее объективного анализа текущей ситуации.

Снижение мировых цен на энергоносители и влияние мирового финансово-экономического кризиса привели к тому, что в 2009 г. отмечается резкое сокращение стоимостных и физических объемов двусторонней торговли. Так, по данным российской федеральной таможенной статистики, объем российско-корейской торговли сократился на 42,6%, в том числе российский экспорт в Республику Корея – на 27,0%, импорт из Республики Корея – на 54,1% (табл. 3).

В структуре российского экспорта в Республику Корея по-прежнему доминируют поставки сырьевых товаров. Если рассматривать подробно, то основными товарами российского экспорта в Республику Корея в 2009 г. являлись (табл. 4):

- минеральное топливо, нефть и нефтепродукты – 3 726,4 млн долл. (удельный вес в российском экспорте – 65,5%; уменьшение на 5,3% по сравнению с 2008 г.);
- продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 733,2 млн долл. (удельный вес в российском экспорте – 12,9%;

Таблица 3

Товарооборот между РФ и РК, млрд долл.

Показатели	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Экспорт	1,2	1,32	1,96	2,36	2,74	6,16	7,79	5,7
Рост, %		5,4	46,4	20,2	15,9	225,5	26,3	-27,0
Импорт	0,9	1,33	2,03	4,0	6,78	8,84	10,52	4,9
Рост, %		43,1	52,4	97,5	69,3	30,3	19,0	-54,1
Оборот	2,1	2,65	3,99	6,36	9,52	15,0	18,31	10,6
Рост, %		18,5	21,3	49,4	59,5	57,7	22,0	-42,6
Сальдо	0,3	-0,01	-0,07	-1,64	-4,04	-2,6	-2,73	0,8

Источник: ФТС России.

Таблица 4

Структура российского экспорта в РК в 2009 г.

Код ТН ВЭД	Наименование	Объем, млн долл.	в % к итогу
25-27	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	3 726,4	65,5
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	733,2	12,9
72-83	Металлы и изделия из них	677,5	11,9
28-40	Продукция химической промышленности	269,9	4,7
84-90	Машины, оборудование, транспортные средства	144,9	2,6
	Итого:	5 551,9	97,6
	Всего экспорт в 2009 г.	5 689,0	100,0

Источник: по данным Министерства экономического развития РФ.

увеличение в 7,7 раза по сравнению с 2008 г. произошло, в основном, за счет роста поставок морепродуктов);

- металлы и изделия из них – 677,5 млн долл. (удельный вес в российском экспорте – 11,9%; уменьшение на 7,6% по сравнению с 2008 г.);

- продукция химической промышленности – 269,9 млн долл. (удельный вес в российском экспорте – 4,7%; уменьшение на 0,4% по сравнению с 2008 г.);

- машины, оборудование и транспортные средства – 144,9 млн долл. (удельный вес в российском экспорте – 2,6%; увеличение на 1,2% по сравнению с 2008 г.).

Перспективы наращивания российского экспорта связаны с возможной масштабной поставкой в Республику Корея энергоносителей (природного газа и угля), электроэнергии, а также с оказанием услуг по транзиту грузов южнокорейской внешней торговли.

Основными товарами российского импорта из РК в 2009 г. являлись (табл. 5):

- машины, оборудование и транспортные средства – 3560,5 млн долл. (удельный вес в импорте – 73,2%; снижение на 7,9% по сравнению с 2008 г.);

- продукция химической промышленности – 638,7 млн долл. (удельный вес – 13,1%; увеличение на 3,2% по сравнению с 2008 г.);

Таблица 5

Структура российского импорта из РК в 2009 г.

Код ТН ВЭД	Наименование	Объем, млн долл.	в % к итогу
84-90	Машины, оборудование и транспортные средства	3 560,5	73,2
28-40	Продукция химической промышленности	638,7	13,1
72-83	Металлы и изделия из них	251,8	5,2
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	117,8	2,4
50-67	Текстильная продукция, обувь	108,2	2,2
	Итого:	4 677,0	96,1
	Всего импорт в 2009 г.	4 865,2	100

Источник: по данным Министерства экономического развития РФ.

- металлы и изделия из них – 251,8 млн долл. (удельный вес – 5,2%; рост на 1,9% по сравнению с 2008 г.);

- продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 117,8 млн долл. (удельный вес – 2,4%; увеличение на 1,2% по сравнению с 2008 г.);

- текстильная продукция, обувь – 108,2 млн долл. (удельный вес – 2,2%; увеличение на 0,7% к уровню 2008 г.).

К каким выводам можно прийти после анализа рассмотренных тенденций?

Во-первых, современное развитие внешнеэкономических связей РФ с РК испытывает на себе все большее влияние определяющих тенденций развития глобальной экономики, которые, в частности, проявляются в сокращении емкости рынков одних стран и расширении других.

В этих условиях происходящие корректировки курсов внешнеэкономической политики РФ (поворот к азиатскому рынку для экспорта нефти и газа), а также постепенная переориентация РК с развитых стран на рынки развивающихся стран создают реальные основы для увеличения потенциала взаимного сотрудничества и расширения его форм и объема.

Во-вторых, сложившаяся структура экономического взаимодействия двух стран не может быть быстро изменена, поскольку объективно отражает реальные возможности и степень заинтересованности друг в друге на современном этапе их развития экономик. Следовательно, ее постепенное изменение возможно на пути

реальных подвижек, и прежде всего по пути инновационного развития российской экономики.

В-третьих, при значительном преобладании количественных параметров нашего сотрудничества постепенно просматриваются и некоторые положительные качественные сдвиги. Это, правда, замедленное увеличение доли каждой страны в объемах внешнеэкономического сотрудничества, это пусть незначительное, но увеличение доли обработанной продукции в экспорте России в Южную Корею, это и возвращение к положительному для России сальдо взаимного товарообмена.

В-четвертых, как показывает международный опыт, узкую базу взаимного сотрудничества можно расширить за счет увеличения взаимного инвестирования и создания интегрированных производственных связей. Это к тому же закладывает прочные основы для стабильного и долговременного сотрудничества. При этом создается реальная возможность сравнительно быстро перейти от устоявшейся международной, в основном сырьевой, специализации России к производству и экспорту товаров с высокой добавленной стоимостью. В какой-то мере такой путь прошла и сама Южная Корея.

В-пятых, и в-последних, постепенное изменение структуры товарообмена будет выгодно обеим странам. Для России это очевидно. РК выиграет от диверсификации своих рынков и снижения зависимости от КНР, Японии и США, от экономии затрат на логистику, а также за счет возможности получить более широкий доступ к богатым природным ресурсам России. Осознавая это, обеим странам следовало бы подвинуть свои практические структуры к разработке более конкретных, комплексных планов действий, чем был предыдущий.

На наш взгляд, в них следовало бы прописывать не только планируемые объекты сотрудничества, но и детально прорабатывать меры правительственной поддержки. Представляется, что в условиях финансового кризиса и обращения некоторых стран к протекционизму доля здравого патернализма нам не помешала бы.

¹ KBS WORLD. 12.05. 2009.

² The World Bank Group. Doing Business 2010. Doing Business in Korea.

³ Monthly Statistical Bulletin. The Bank of Korea. 2010. № 1. P. 126–127.

⁴ KBS WORLD. 11.30.2009.

⁵ KBS WORLD. 02.10. 2010.

⁶ Корейская таможенная служба. URL: <http://www.customs.go.kr>

⁷ Министерство стратегии и финансов РК. URL: <http://www.mosf.go.kr>

⁸ Корейская ассоциация внешней торговли. URL: <http://www/kita.org>

*В. Г. Самсонова**

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

После десятилетия динамичного экономического роста Россия и Республика Корея столкнулись с серьезнейшими экономическими вызовами. Глобальный экономический кризис привел к падению производства, росту безработицы, снижению доходов населения. Его воздействие на Россию имеет свою специфику, что связано с накопленными деформациями структуры экономики, высокой зависимостью от экспорта природных ресурсов, слабой конкурентоспособностью несырьевых секторов экономики, неразвитостью ряда рыночных институтов, включая финансовые.

В 2009 г. промышленное производство в России снизилось на 10,8% к предыдущему году. Спад связан, прежде всего, с ускорением падения инвестиционной активности, а также резким сокращением запасов, обусловленным падением производства при сдержанных темпах сокращения конечного потребления. Инвестиции в основной капитал сократились за январь—май 2009 г. на 17,7% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Одной из причин интенсивного спада экономики остается сокращение внешнего спроса: экспорт в I полугодии 2009 г., по оценке, составил 53% к соответствующему периоду прошлого года, прежде всего в результате падения цен на нефть и сырьевые товары. Импорт товаров сократился почти на 40%¹.

Как отмечает президент России Д. Медведев, отрицательной чертой нашей экономики является то, что отечественный бизнес, за малым исключением, не изобретает, не создает нужные людям вещи и технологии. Торгует тем, что сделано не им, — сырьем либо импортными товарами. Готовые же изделия, произведенные

* Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва.

в России, в основной массе пока отличаются крайне невысокой конкурентоспособностью. Отсюда и большее, чем у других экономик, падение производства во время нынешнего кризиса. И за пределы колебания фондового рынка².

Что касается притока иностранных инвестиций в Россию, то абсолютное значение накопленного на конец 2009 г. иностранного капитала в экономике страны составило 268,2 млрд долл., это на 1,4% больше, чем годом ранее. Ключевой показатель доверия к экономике — прямые инвестиции. В 2009 г. они сократились на 41,1% по сравнению с 2008 г. и составили 15,9 млрд долл.³ В сложившейся ситуации Россия и Республика Корея выработали программу антикризисных мер, в которой большое внимание уделяется инвестиционному сотрудничеству. В программе антикризисных мер правительства РФ на 2009—2010 гг. приоритетом было названо сохранение доверия российских и иностранных инвесторов, создание наиболее благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций, совершенствование законодательной базы в этой сфере.

На сегодняшний день Россия рассматривает Республику Корея как своего стратегического партнера, уделяя особое внимание совместным инвестиционным проектам с этой страной. Со стороны южнокорейских предприятий и компаний также существует интерес к инвестиционным проектам на территории России. По данным Росстата, общая сумма накопленных южнокорейских инвестиций в российской экономике в 2008 г. составила 1 230,67 млн долл., в том числе прямых инвестиций — 580,96 млн долл. В 2008 г. в российскую экономику было привлечено южнокорейских инвестиций на сумму 829,97 млн долл. (рост в 3 раза по сравнению с 2007 г.), в том числе прямых инвестиций — 298,2 млн долл. (см. рисунок)⁴. По данным Korea Exim Bank, общая сумма накопленных южнокорейских инвестиций в российской экономике в 2009 г. составила 1 469,8 млн долл.⁵

Эксперты отмечают, что, несмотря на непростую экономическую ситуацию, российский рынок оставался привлекательным для иностранного инвестора и снижение притока иностранных инвестиций является временным явлением. Специалистами Торгово-промышленной палаты (ТПП) России было проведено исследование, посвященное инвестиционному климату страны, в ходе которого было опрошено более

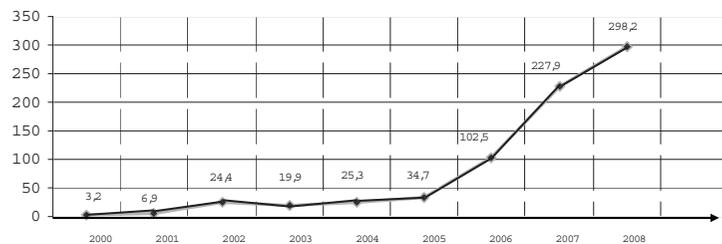

Рисунок. Объем прямых инвестиций РК в Россию, млн долл.

50 руководителей иностранных компаний, работающих в России. Опрос показал, что иностранные инвесторы в целом положительно отзываются об инвестиционном климате в России, отмечая в числе основных проблем коррупцию, недостаточную прозрачность законодательной базы, административные барьеры и отсутствие независимости судебной системы.

Деловыми кругами Республики Корея российский рынок рассматривается как потенциально очень емкий, с достаточно высоким платежеспособным спросом практически по всем товарным группам, которые представляют первостепенный интерес для южнокорейских экспортеров. Южнокорейские эксперты считают его одним из самых перспективных рынков в мире: имеются богатые и сравнительно недорогие природные ресурсы, высококвалифицированная рабочая сила, отсутствует серьезная конкуренция со стороны российских производителей. Кроме того, российский рынок считается одним из немногих, где спрос на потребительские товары остается очень высоким, а относительная узость их предложения по ассортименту при общем не столь уж высоком качестве открывает широкий простор для диверсификации товарной структуры за счет поставок именно южнокорейскими экспортерами. Примечательно, что спрос на российском рынке по своей структуре ближе к спросу, характерному для большинства промышленно развитых стран. Основная масса потребителей в РФ стремится в максимальной степени имитировать типичную структуру потребления именно в таких странах. Это также создает дополнительные благоприятные стимулы для южнокорейских экспортеров, тем более что конкуренция на российском рынке

пока не достигла того уровня, который характерен для рынков большинства других стран. По мнению южнокорейских деловых кругов, на нем еще достаточно долго будет существовать немало свободных ниш, заполнить которые относительно легко могут именно предприниматели РК.

Продолжает расширяться география корейских капиталовложений в Россию, она охватывает не только Москву и Санкт-Петербург, но и российские регионы: Татарстан, Хабаровск, Таганрог, Ульяновск, Нижний Новгород, Калининград, Калужскую и Кемеровскую области. Следует отметить, что, на фоне общего негативного положения с привлечением прямых иностранных инвестиций в Россию, приток иностранных инвестиций (в том числе и южнокорейских) в вышеназванные регионы продолжает расти. Так, по данным Росстата, в 2008 г. иностранные инвестиции в Татарстан составили 2 593,828 тыс. долл., что почти на 55% выше показателей 2007 г.

Первыми ласточками южнокорейского бизнеса на российском рынке были такие компании, как «Хёндэ», «Самсунг», «Дэу» и «Эл Джи». Свой выход на российский рынок корейские корпорации прежде всего начали с завоевания рынка потребительских товаров. Благодаря ценовой привлекательности, по сравнению с аналогичными товарами японских и европейских производителей, корейские товары смогли завоевать достаточно большой сегмент российского рынка. Начало было успешным. Например, только на одну корпорацию «Самсунг» в 1990-х годах приходилось более 20% общих продаж на российском рынке бытовой электроники.

В середине 1990-х годов южнокорейские корпорации принимают решение о создании своих производств на территории России. Каковы причины этого явления? Конечно, первой из них является желание закрепиться на перспективном рынке, но немаловажной причиной являлась неуверенность в экономической политике РФ. Предприниматели опасались, что Российская Федерация могла поднять тарифы на импорт с целью стимулирования внутреннего производства и заняться так называемым «серым» рынком, когда импортируемые телевизоры продаются в основном по действительно низким ценам вследствие широкого распространения незаконных операций и контрабанды импортируемой продукции.

Компания «Самсунг» первой начала сборку своих телевизоров на российском заводе в г. Тольятти в 1994 г., в январе 1997 г. была открыта 2-я сборочная линия в г. Александрове, а в июне того же года заработало 3-е подобное предприятие в г. Новгороде. Несмотря на кризис, эта компания продолжает свою экспансию на российский рынок, открывая в 2008 г. в Калужской обл. завод по производству бытовой техники. Общий объем инвестиций в строительство завода по производству телевизоров, логистического центра (площадью 55 тыс. кв. м) и цеха по производству корпусов для телевизоров превысит 200 млн долл. После ввода завода в эксплуатацию доля телевизоров, произведенных в России, в структуре продаж компании демонстрировала уверенный рост. По прогнозам экспертов компании «Самсунг», в 2010 г. завод произведет 2,4 млн единиц продукции, а с 2011 г. планируется производить 2,8 млн единиц техники ежегодно⁶.

Не отстает от этой компании и корпорация «Эл Джи», построившая завод по производству бытовой электроники в г. Рузе Московской обл. (объем инвестиций – 150 млн долл.) с количеством персонала свыше 1,5 тыс. человек. На территории общей площадью около 50 га функционируют 4 корпуса по производству жидкокристаллических и плазменных телевизоров, домашних кинотеатров, компьютерных мониторов, холодильников и стиральных машин⁷.

Несмотря на кризис, полным ходом идет строительство компанией «Лоттэ Групп» гостинично-торгового комплекса в г. Москве (стоимость проекта – 260 млн долл.) и кондитерских фабрик в г. Санкт-Петербурге и г. Обнинске Калужской обл. Что касается строительства компанией «Хёндэ Мотор» автосборочного предприятия в Санкт-Петербурге, то, как сообщил директор по юридическим вопросам и связям с государственными органами В. Васильев, компания не планирует изменений в объеме инвестиций (330 млн евро) для реализации этого проекта. «В настоящее время реализация проекта автомобильного завода проходит в соответствии с установленными сроками», – заявил он⁸.

К вышеперечисленным проектам добавим следующие:

1) строительство табачной фабрики в Московской обл. компанией «KT&G»;

2) строительство завода по производству полиэтилентерефталата (ПЭТФ) и терефталевой кислоты на территории ОЭЗ

«Алабуга» в Республике Татарстан (объем инвестиций – 135 млн евро) компанией «KP Chemical»;

3) производство автомобильных сидений в Республике Татарстан компаниями «KP Chemical» и «DaeWon»;

4) строительство ТЭС мощностью 500 МВт в Кемеровской обл. компанией «Korea Midland Power» совместно с «УГМК-Холдинг»;

5) проведение геолого-разведочных работ и добыча урана на юге Республики Саха (Якутия) компаниями «КЕРСО», «KORES», «LG International».

Динамично развивается инвестиционное сотрудничество в области автомобильной промышленности. ОАО «Sollers» на основании лицензионного соглашения с корейской компанией «SsangYong Motor Company» налажено производство в России внедорожников, с выходом на объемы продаж до 10 тыс. автомобилей в год. Это производство осуществляется по полному производственному циклу, включающему в себя организацию сварки, окраски и сборки. Численность персонала составляет 1800 человек. В рамках дальнейшего сотрудничества на производственной площадке ОАО «Sollers» – Набережные Челны в 2010 г. будет налажен выпуск кроссовера «SsangYong C200». В Калининградской обл. на предприятии ЗАО «Автотор» организовано крупноузловое сборочное производство легковых автомобилей модельного ряда «Kia», за 2008 г. предприятием было выпущено свыше 31 тыс. автомобилей этой марки.

Однако, к сожалению, инвестиционное сотрудничество наших стран, претендующих на вхождение в десятку крупных экономик мира, все еще отстает от современной динамики развития РФ и РК и не отвечает их экономическим и политическим интересам.

Плачевно обстоит дело с российскими инвестициями в РК, размер которых на конец 2008 г. составлял лишь 500 тыс. долл. Для активизации российских инвестиций за рубеж, и в том числе в Республику Корея, необходима реализация полноценной государственной политики стимулирования экспорта отечественных прямых капиталовложений. Однако, в отличие от ведущих экономических держав, в России пока только планируется создание полноценной системы государственного поощрения и страхования отечественных ПИИ по образцу развитых стран, где давно

осознана необходимость стимулирования зарубежных капиталовложений компаний среднего размера. Более того, в настоящее время это направление вызывает настороженное отношение в России. И это вызвано боязнью столкнуться лишь с новой формой «бегства капитала», замаскированной под легальные зарубежные инвестиции⁹.

Южнокорейские бизнесмены отмечают следующие факторы, негативно влияющие на рост иностранных инвестиций в Россию:

1. Сложные таможенные процедуры.
2. Недостаточная информированность деловых кругов РК об инвестиционных возможностях в России.
3. Недостаточная правовая стабильность, что сопровождается принятием все новых законодательных актов.
4. Определенный страх долгосрочных вложений средств в страну, в которой еще недавно доминировали принципы централизованного планового хозяйства, возможность национализации иностранной собственности¹⁰.
5. Недостаток рабочей силы, ее высокая стоимость.
6. Языковой барьер.
7. Низкий уровень развития рыночной инфраструктуры.
8. Изношенность производственной и транспортной инфраструктуры.
9. Проблемы, связанные с визами для южнокорейских граждан.
10. Бюрократия.
11. Коррупция.

Сопутствующий таможенным процедурам бюрократизм является большой проблемой для южнокорейских инвесторов. Предприниматели РК отмечают нехватку в России мощностей и оборудования для быстрого таможенного оформления грузов. Так как задержки при законном таможенном оформлении ведут к дополнительным расходам на аренду складов, то многие компании идут по пути «серого» оформления¹¹. К сожалению, реалии отечественного бизнеса таковы, что большинство участников ВЭД считают «серую» схему таможенного оформления наиболее оптимальной и выгодной, несмотря на то что при возникновении у таможни претензий при таком «формате» отношений отстоять свой груз в большинстве случаев будет просто невозможно. С одной

стороны, применение подобных приемов позволяет уменьшить таможенные платежи путем замены инвойсов на границе, изменения кода ТН ВЭД. С другой — использование «серой» схемы обычно подразумевает вступление импортера в своего рода сговор с руководством таможенного поста. Как правило, сам этот пост бывает прекрасно осведомлен о «цвете» оформляемой партии, но, будучи в доле, закрывает глаза не только на замену документов, по которым производится оформление, но и на более мелкие огрехи, которые практически всегда встречаются при импортной поставке (особенно если она осуществляется первый раз). Импортер, проводящий оформление по «серой» схеме, автоматически лишается головной боли: проверки документов перед отгрузкой и согласований с поставщиком на предмет соответствия требованиям российской таможни. Также он застрахован от затягивания сроков оформления из-за предоставления неверно заполненных бумаг, что, в конечном счете, может вылиться в простой машины или дополнительные расходы по хранению груза на складах временного хранения¹².

Серьезной проблемой является то, что Россия до сих пор не применяет используемую в большинстве стран мира электронную систему обмена данными (Electronic Data Interchange — EDI), что резко снижает скорость процесса таможенного оформления товара.

Коррупция также усложняет деятельность иностранного бизнеса в России. По словам президента России, согласно данным «Транспэрэнси Интернэшнл», которые были опубликованы в 2009 г., в рейтинге состояния коррупции наша страна занимает печально «почетное» 147-е место из 180. По данным некоторых социологических опросов, 1/4 наших граждан вообще не считают, что коррупция является ненормальным явлением, и более того — приветствуют ее. То есть в обществе в целом практически отсутствует нетерпимость к коррупции как к институту¹³.

Как отмечает журнал «Forbes», российские чиновники охотно рассуждают о необходимости иностранных инвестиций, но когда речь заходит о решении конкретных проблем, дело стопорится. Журнал приводит пример: завод «Hyundai Motor», строящийся в Санкт-Петербурге, долго не мог подключиться к электросетям. Сейчас в компании говорят, что проблем нет, но между тем заводу

пришлось использовать генераторы, о чем рассказывают в компании «Тетра Электрик», специализирующейся на обеспечении временного и резервного энергоснабжения¹⁴.

¹ По данным Министерства экономического развития России.

² *Медведев Д.* Россия, вперед! <http://www.kremlin.ru/transcripts/5413>

³ По данным Федеральной службы государственной статистики. www.gks.ru

⁴ *Ли Чжэ Эн, Ли Сын Чол.* Стратегии проникновения на российский рынок: опыт компаний Республики Корея. Хабаровск, 2009.

⁵ http://www.koreaexim.go.kr/en2/05_fdi/02_statistic/04.jsp

⁶ По данным компании «Samsung Electronics». www.samsung.com

⁷ По данным компании «LG Electronics». www.lg.ru

⁸ Газета «Коммерсант». <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=f5283e43-b305-4406-bc2a-aa49f74ac0fd&docsid=1223495>

⁹ *Кузнецов А. В.* Зарубежные инвестиции российских компаний в условиях кризиса: что дальше? http://www.perspektivy.info/rus/ekob/zarubezhnye_investicii_rossiyskih_kompanii_v_usloviyah_krizisa_chno_dalshe_2009-2-27-24-45.htm

¹⁰ *Ли Эн Гил.* Перспективы экономического взаимодействия Южной Кореи и России // Российский экономический Интернет-журнал. www.e-rej.ru/Articles/2009/Lee.pdf

¹¹ *Ли Чжэ Эн, Ли Сын Чол.* Указ. соч.

¹² <http://www.puchkov.net/publications/oform-goods1/white.html>

¹³ <http://www.kremlin.ru/news/4150>

¹⁴ *Forbes.* 2010. № 3. С. 43.

*Л. В. Забровская**

НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В РОССИЙСКО-СЕВЕРКОРЕЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ

Заключение нового межгосударственного договора в 2000 г. между Россией и КНДР продемонстрировало готовность сторон расширить все возможные формы торгово-экономических отношений. Именно КНДР проявила в этом вопросе особую активность. Ее торгово-экономические ведомства ежегодно направляли свои делегации в административные органы дальневосточных краев и областей с конкретными предложениями наладить экономический обмен.

Как правило, эти предложения сводились к перечню сырьевой группы российских высоколиквидных на мировом рынке товаров (лес, нефть, нефтепродукты, коксующийся уголь), которые хотела бы получать КНДР на долговременной основе в обмен на свою неквалифицированную рабочую силу. Причем при ссылках на внутренние экономические трудности выдвигались пожелания получать российское сырье по ценам ниже рыночных, а взамен предлагалось присылать рабочую силу в неограниченном количестве. Разумеется, такой неэквивалентный «товарообмен» не нашел особого сочувствия у административных органов дальневосточных краев и областей и не вызвал энтузиазма у российских бизнесменов.

Однако северокорейские власти не теряли надежд на смягчение позиции российской стороны и старались проработать свои планы с каждым российским должностным лицом, посещавшим Пхеньян, вели активный поиск третьих сторон для финансирования северокорейских проектов на российской тер-

* ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.

ритории. По сообщениям южнокорейской печати, общественные фонды и организации РК, в частности Корейский фонд, являющийся департаментом Министерства иностранных дел и внешней торговли Республики Корея, и Сеульский международный институт сельскохозяйственного развития, совместно с северокорейскими властями планировали участвовать в проекте по созданию в Приморье промышленно-сельскохозяйственной зоны вблизи оз. Ханка.

Предполагалось, что эта зона займет территорию 189 тыс. кв. м земельных угодий, состоящих из бывших рисовых полей, лугов и пастбищ. В зону также войдет и 124,2 тыс. кв. м земли, приобретенной в 2000 г. в собственность у российского правительства южнокорейской сельскохозяйственной компанией. Основная трудность с вводом в действие этой зоны — проблемы с финансированием. Пока южнокорейский бизнес не готов полностью профинансировать этот проект. Северокорейская же сторона объявила, что в любой момент готова прислать рабочую силу в количестве 250 тыс. человек, и рассчитывала ежегодно получать 800 тыс. т риса, который предполагалось выращивать на территории этой зоны¹. Однако до настоящего времени эти амбициозные планы остаются нереализованными.

Со своей стороны, южнокорейские представители выражали надежду, что со временем эта экономическая зона станет автономным административным районом с преобладанием корейского населения. Иными словами, решение экономических вопросов по снабжению КНДР рисом, выращенным на российской территории, может повлечь за собой демографические и политические проблемы. Российским центральным и региональным властям опасно руководствоваться только благотворительными мотивами в решении вопросов предоставления экономической помощи КНДР или принятия подобных южнокорейских предложений.

Продовольственный и экономический кризис второй половины 1990-х годов привел к дезорганизации северокорейских производственных мощностей. Рабочие в КНДР, не получавшие в течение ряда лет зарплату и продовольственные пайки, тайком от властей разбирали и переправляли на металлолом в Китай заводское оборудование. Многие квалифицированные рабочие потеряли трудоспособность или были вынуждены искать другую ра-

боту, например переселиться в сельскую местность и заняться сельскохозяйственным трудом, чтобы прокормить себя и свою семью.

Внутриэкономические трудности привели к дезорганизации производства и существенно ограничили экспортные возможности северокорейской экономики, что привело к еще более значительному сокращению северокорейской номенклатуры экспортных товаров и в то же время могло бы способствовать расширению ассортимента российского экспорта в КНДР. Так, по сведениям российского Министерства экономического развития и торговли, в 2001–2005 гг. в состав российского экспорта в КНДР вошли машины, промышленное оборудование и запчасти, химические удобрения, черные металлы, нефтепродукты, древесина, уголь, рыба и морепродукты. Экспорт КНДР в Россию по-прежнему состоял до 80–90% из услуг рабочей силы, текстильных изделий, а также реэкспортных товаров китайского и японского производства. В целом, торгово-экономическое сотрудничество между Россией и КНДР стало носить ограниченный характер разовых торговых операций, оплата которых частично покрывалась бартерным обменом.

Итогом такого положения дел явилась утрата Россией ведущих позиций во внешней торговле КНДР. В настоящее время на долю России приходится 5–6% всего объема северокорейской внешней торговли, которая составляла в отдельные годы 1,8–3 млрд долл. В последние годы большая часть внешней торговли КНДР состоит из поставок из Китая, Японии и Республики Корея.

Тем не менее время от времени стороны прилагали усилия по активизации торгово-экономических связей. В 2003 г. было заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о сотрудничестве в таможенных делах, которое состоит из 19 статей и вступило в силу в декабре 2007 г. Срок действия данного соглашения — 5 лет с последующей пролонгацией после каждого 5-летия. Соглашение призвано «способствовать упрощению таможенного контроля и ускорению пассажирского и грузового сообщения между двумя государствами»².

Во время встреч на высшем уровне в 2000–2001 гг. и на переговорах комиссии по экономическому сотрудничеству россий-

ские представители поднимали вопрос о выплате северокорейского государственного долга России. Однако власти КНДР продолжали отделять эту проблему от всего комплекса торгово-экономических связей, предлагая приступить к ее рассмотрению через 20 лет.

Одновременно северокорейская сторона настаивала, чтобы Россия начала инвестировать средства в реконструкцию заводов и фабрик, которые были построены при техническом и финансовом содействии СССР с помощью советских специалистов. Так, России предлагалось принять участие в реконструкции металлургического завода им. Ким Чака, инвестировать средства в развитие СЭЗ «Раджин – Сонбон», в строительство 2-й очереди Восточнохеньянской ТЭЦ и доведение ее мощности до 100 тыс. кВт. Таким образом, северокорейская сторона пыталась реанимировать прежнюю схему экономических отношений – получать новые кредиты в условиях продолжающейся невыплаты советского долга, который был пересчитан в доллары и составил 2,88 млрд.

Власти КНДР также стали инициаторами развития торгово-экономических отношений с отдельными российскими регионами, которые выбирались с учетом того, есть ли на их территории необходимое сырье или полезные ископаемые. Предпочтение отдавалось Приморскому и Хабаровскому краям, а также Амурской обл., которые обладают лесными ресурсами, Сахалинской и Кемеровской областям, а также Якутии, имеющим залежи коксующихся углей, нефти и газа. Именно в эти регионы российского Дальнего Востока северокорейские власти старались направить своих рабочих.

В начале нового столетия наблюдалось стабильное развитие торгово-экономических связей с вышперечисленными регионами. На эти регионы приходилось до 80% российско-северокорейского товарооборота, что можно расценить как положительный фактор активизации двустороннего сотрудничества в целом.

КНДР неоднократно предлагала увеличить в Приморье численность северокорейских рабочих до 5–20 тыс. человек. Однако такие предложения не находили отклика в среде приморских предпринимателей, предпочитавших привлекать даже на низкооплачиваемые строительные-отделочные работы россиян. Тем не менее статистические данные за 2005 г. свидетельствуют, что северокорейской стороне все же удалось переломить ситуацию и

Таблица 1

Количество предприятий с северокорейским капиталом в Приморском крае в 1992–2008 гг.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Количество	2	2	2	4	3	3	2	2
%*	1,1	1	0,7	1,3	0,8	0,7	0,6	0,5

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Количество	3	2	3	3	6	7	7	8	8
%*	0,6	0,4	0,6	0,6	1,3	1,1	1,4	1,9	2

* Процент от всех совместных предприятий с иностранным капиталом в Приморском крае.

Источники: Приморский край в 1996 г.: Стат. ежегодник. Приморский краевой комитет государственной статистики, 1997. С. 206; Внешнеэкономическая деятельность в Приморском крае за 1999 г.: Кратк. стат. сб. Владивосток, 2000. С. 20; Приморский край в 2001 г. Приморский краевой комитет государственной статистики, 2002. С. 46; Приморский край: Стат. ежегодник. Владивосток: Росстат, 2005. С. 145.

трудоустроить в Приморье более 5,5 тыс. своих рабочих. Это объясняется тем, что за последние годы КНДР несколько увеличила свое инвестирование в этом регионе российского Дальнего Востока, создав новые совместные предприятия с привлечением капиталов японских корейцев.

Как видно из табл. 1, подъем в создании российско-северокорейских совместных предприятий в Приморском крае пришелся на середину 1990-х годов и 2005–2008 гг. Это было связано, прежде всего, с ростом северокорейских инвестиций в приморскую экономику: в 1995 г. – 50 тыс. долл.; в 1997 г. – 55,6 тыс. долл.; в 2000 г. – 60,3 тыс. долл.; в 2001 г. – 1,9 тыс. долл.; в 2003 г. – 30 тыс. долл.; в 2005 г. – 50 тыс. долл. (см.: табл. 2). Хотя суммы ежегодных инвестиционных взносов невысоки, но проявление интереса к созданию предприятий за рубежом является качественно новым подходом во внешнеэкономической политике КНДР и свидетельствует о принципиальном изменении отношения к экономическому сотрудничеству с Россией.

Северокорейская сторона не каждый год могла инвестировать капиталы в экономические предприятия российского Дальнего

Таблица 2

Динамика северокаорейских инвестиций в экономику краев и областей российского Дальнего Востока (2000–2007 гг.), тыс. долл.

Регионы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Саха (Якутия)	-	-	2 800	-	195	-	-	4 867,7
Приморский край	60,3	2	-	30	-	50	-	109,3
Хабаровский край	-	-	-	-	-	-	-	0,6
Амурская обл.	-	-	-	-	-	-	-	138,4
Сахалинская обл.	-	-	-	-	-	-	-	1,1
Всего	60,3	2	2 800	30	195	50	-	5 117,1

Источники: Приморский край в 2001 г. Владивосток: Приморский краевой комитет государственной статистики, 2002. С. 142; Инвестиции в экономику Сахалинской области (2000–2005 гг.): Стат. сб. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2006. С. 110–111, 115; Иностраннные инвестиции в экономику Сахалинской области за январь–декабрь 2007 г.: Стат. бюлл. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2008. С. 5, 12, 14, 15.

Востока. Общая сумма инвестиций мала, но имеет тенденцию к повышению. Важен в данном случае сам факт инвестирования в России, так как до этого северокаорейские капиталовложения наблюдались только в Северо-Восточном Китае в китайско-северокаорейские совместные предприятия по производству компьютеров.

В 2004–2007 гг. отмечен рост числа северокаорейских совместных предприятий в Приморском крае за счет создания предприятий не только с российскими бизнесменами, но и с зарубежными, в частности с японскими. Двойной рост количественного показателя северокаорейских совместных предприятий сопровождался увеличением их удельного веса среди всех совместных предприятий, образованных на территории Приморского края. Хотя и в данном случае этот показатель также оставался крайне низким, но он говорит о том, что северокаорейцы, проявляя завидную коммерческую активность, ищут и находят новые резервы в развитии экономических связей с Россией.

Как следует из данных табл. 2, к 2007 г. объем инвестиционных накоплений КНДР в России превысил 5 млн долл., что сопоставимо с российскими инвестициями в северокаорейскую экономику и свидетельствует об уровне ее потенциала.

Инвестированные в Приморском крае северокаорейские средства направлялись, прежде всего, на создание российско-северокаорейских совместных предприятий, которые занимались в основном ресторанным бизнесом, имели сравнительно быстрый оборот средств, но ограниченные возможности по трудоустройству северокаорейских граждан на российском Дальнем Востоке. В целом, совместные предприятия с КНДР занимали ничтожную долю во всем спектре приморского сотрудничества с зарубежными партнерами и не играли заметной роли в развитии экономики края. Тем не менее значение северокаорейского предпринимательства в России велико, поскольку позволяет обеим сторонам приобретать опыт совместной работы, укрепляет экономические связи, расширяет круг северокаорейских внешних партнеров, что, в свою очередь, ведет к политической открытости КНДР, к повышению доверия между нашими странами.

Таким образом, наиболее реальными и способными в дальнейшем поступательно развиваться представляются те области экономического сотрудничества, которые апробированы временем, где накоплен определенный опыт и есть практические заделы и, главное, — этот опыт базируется на использовании северокаорейских трудовых ресурсов. Среди таких сфер сотрудничества представлены лесная и угольная промышленность, сельское хозяйство и рыболовство. Именно в этих отраслях экономики северокаорейские власти заинтересованы сотрудничать с регионами Дальнего Востока России. Весь спектр приобретенных традиций, форм, особенностей и трудностей, прослеживаемых в российско-северокаорейских межгосударственных торгово-экономических связях, характерен и для аналогичных связей КНДР с отдельными российскими регионами.

¹ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. Азиатско-Тихоокеанский регион. 25.11.2005.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о сотрудничестве в таможенных делах // Бюллетень международных договоров. 2009. № 7. С. 62.

*А. Н. Рязанова**

РОЛЬ И ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В РК

Научно-техническая политика государства в РК начала формироваться в начале—середине 1960-х годов как продолжение и составная часть промышленной политики. В 1967 г. было создано Министерство науки и технологий РК, задачами которого стали разработка и реализация государственной научно-технической политики, был принят закон о поддержке науки и техники¹.

Технологическая политика определялась, прежде всего, исходя из необходимости поддержки ввоза и адаптации зарубежных технологий и создания собственной технологической базы. В это же время (1966 г.) был создан первый, финансируемый государством, исследовательский институт — Корейский институт науки и технологии [Korean Institute of Science and Technology (KIST)], задачей которого стало содействие промышленности в применении, изучении, адаптации и улучшении иностранных технологий².

С середины 1970-х годов начался следующий этап в развитии промышленной и научно-технической политики. Было положено начало целевой поддержке стратегических отраслей промышленности. Государственную поддержку получили более капиталоемкие и технологически интенсивные отрасли, такие, как машиностроение, судостроение, химическая промышленность, электроника и электроэнергетика. В области технологий было продолжено укрепление технологического потенциала, строились новые мощности в стратегических отраслях. На базе Корейского института науки и технологии создавались новые, финансируемые государством, исследовательские институты, специализирующиеся на исследованиях в стратегических отраслях, задачей которых

* Томский ГУ, г. Томск.

оставалась ассимиляция и улучшение иностранных технологий для внутреннего использования. Развивалась система подготовки исследовательских и инженерных кадров. Тогда же создавались и высшие учебные заведения соответствующей направленности, например Корейский институт передовой науки и технологии [Korean Advances Institute of Science and Technology (KAIST)], ставшие инструментом реализации государственной политики в области управления развитием людских ресурсов и подготовки кадров³.

В начале 1980-х годов наступил 3-й этап в развитии и реализации научной политики. В 1982 г. стартовала первая Национальная программа в области исследований и разработок. Государственные приоритеты были смещены от прикладной науки в фундаментальную область. Исследовательские институты были реструктурированы с учетом решения новых задач. В это же время был создан научный городок Даэдеок (Daedeok Science Town), прототипом которому послужил, в том числе, и Академгородок в Новосибирске⁴. Город науки был создан для того, чтобы на небольшой территории предоставить помещения и учебным и исследовательским институтам, как финансируемым государством, так и частным, высокотехнологичным и венчурным фирмам, и содействовать их совместным исследованиям. Еще одной особенностью этого периода становится значительное внутреннее инвестирование компаний в исследования и разработки.

1990-е годы стали следующим этапом в развитии научно-технической политики РК. Перед экономикой страны была поставлена задача войти в группу технологически развитых государств. Для решения этой задачи Министерство науки и технологий инициирует принятие специального закона о научных и технологических инновациях, формирует 5-летний план научных и технологических инноваций (на 1997—2002 гг.), разрабатывает проект Highly Advanced National Project (HAN) и ряд других программ. Они становятся инструментами реализации государственной политики в научно-технической сфере.

Большая роль в развитии научно-технического потенциала РК отводится малым и средним предприятиям (МСП). По данным Администрации малого и среднего бизнеса РК на 2005 г., в стране насчитывалось около 3 млн МСП, что составляло 99,5% всех ком-

паний⁵. Среди них доля малых компаний составляла 97%. Малые и средние компании в Южной Корее являются важнейшим местом трудоустройства, поскольку в них занято 87% экономически активного населения страны (свыше 10 млн человек). На долю МСП приходилась половина производства ВВП страны (около 240 млрд долл.) и 43% южнокорейского экспорта⁶.

Характерной чертой государственной политики поддержки МСП в последние годы является обеспечение низких процентных ставок по заемному капиталу и расширение программ банковского кредитования этих предприятий. Важным шагом в развитии венчурного бизнеса стало принятие в 1997 г. Специального акта по развитию венчурного бизнеса, призванного систематизировать поддержку венчурных компаний. В Южной Корее зарегистрировано 13 тыс. венчурных компаний (данные 2005 г.).

Из них по типу деятельности 72% связано с внедрением новых технологий, 13% — с венчурным капиталом и 15% занимаются научно-технологическими разработками. Большая часть венчурных компаний работает в сфере производства (65%), информации и услуг — 27% и лишь 0,2% — в сельском хозяйстве⁷.

В Южной Корее существует ряд государственных и частных организаций, оказывающих поддержку МСП. Законодательную базу и регулирующие функции обеспечивает государственная Администрация малого и среднего бизнеса (АМСБ). Основным исполнительным органом является подведомственная АМСБ Корпорация малого бизнеса, которая реализует государственную политику развития МСП. Неправительственная Федерация малого и среднего бизнеса Кореи объединяет отраслевые и региональные кооперативы, тем самым способствуя более эффективной защите прав и интересов МСП⁸.

Действующим законодательством предусмотрены различные стимулирующие меры начинающим венчурным компаниям (которым не более двух лет), включая бизнес-инкубаторы и налоговые преференции. В частности, они на 50% освобождены от уплаты корпоративного и подоходного налогов в течение 1 года с момента создания, полностью освобождены от уплаты налога на регистрацию имущества, приобретенного в течение двух лет после создания фирмы, а также от уплаты налога за приобретение имущества в указанный период.

Специальные налоговые преференции предусмотрены для компаний с участием венчурного капитала и ограниченной ответственностью. Корпоративный налог не уплачивается в случае трансфертных платежей и доходов, полученных в виде дивидендов в результате инвестирования в компанию венчурного капитала. Подоходный налог не уплачивается, если то или иное юридическое лицо приобретает ценные бумаги или другие активы компании с венчурным капиталом посредством прямого инвестирования в нее.

Предусмотрена поддержка венчурных компаний, разработавших технологии и планирующих их внедрение в производство. В этом случае кредиты предоставляются на оплату расходов, связанных с привлечением экспертов из консалтинговых фирм, осуществлением дизайна товара и упаковки, приобретением сырья и комплектующих, издержками на маркетинговые исследования и рекламу, проведение тестов и получение сертификатов качества и т.д. Такие кредиты выдаются сроком на 5 лет с процентной ставкой 6,5%.

Кредиты могут получать также новые венчурные компании, удовлетворяющие следующим критериям: 1) занятость в сфере производства, горнодобывающем секторе, строительстве (количество персонала не должно превышать 10 человек); 2) в сфере коммунальных услуг [электричество и газ, ремонт ширпотреба, оптовая и розничная торговля, небольшие гостиницы и рестораны, предприятия общепита, хранение и транспортировка грузов, телекоммуникации, недвижимость, образовательные учреждения (персонал — до 5 человек)]; 3) на модернизацию, передислокацию или расширение производства.

Льготные кредиты могут предоставляться нескольким компаниям одновременно, если они направлены на: а) повышение эффективности производства; б) внедрение технологий по защите окружающей среды; в) строительство склада или проведение выставки для демонстрации своих товаров.

Государственные научно-исследовательские институты привлекаются для разработки новых технологий, поскольку малые и средние компании не в состоянии самостоятельно разработать необходимую технологию. Около 20% средств, предназначенных для МСП, предоставляется безвозмездно инновационным венчурным компаниям, планирующим разработку и внедрение новых технологий.

Реализацию государственной политики в отношении МСП осуществляет АМСБ, которая исполняет функции секретариата при Президентской комиссии по МСП и одновременно является структурным подразделением Министерства торговли, промышленности и энергетики. К решению вопросов по развитию экспортного и инновационного потенциала сектора МСП, наряду с МСIE и SMBA, привлекаются Министерство иностранных дел и внешней торговли и Министерство науки и технологии.

SMBA координирует деятельность всей системы государственной поддержки и развития МСП, которая включает 35 программ финансовой помощи и 8 крупных программ технической поддержки (строительство объектов недвижимости; консультационные службы и обучение; стажировка специалистов за рубежом; организация выставок; информатизация; сертификация производств, продуктов и услуг по требованиям ISO; посредничество в торговых переговорах, представительство в других странах и на международных рынках; развитие международной кооперации; и многое др.). Наряду с SMBA в стране действует ряд других крупных правительственных, общественных и частных организаций, поддерживающих развитие МСП и уделяющих особое внимание развитию экспорта, в их числе:

- Корпорация малого бизнеса (SBC);
- Корейская федерация малого бизнеса (KFSB);
- Корейское агентство по содействию торговле и инвестициям (KOTRA);
- Корейская международная торговая ассоциация (KITA)⁹.

SBC является правительственным агентством, обеспечивающим развитие инфраструктуры поддержки МСП и оказывающим техническую, финансовую и организационную помощь малым и средним предприятиям. SBC реализует 12 программ кредитования МСП на общую сумму 2,3 млрд долл., что позволяет оказывать финансовую поддержку примерно 6500 предприятиям ежегодно. Кредиты от 0,42 млн долл. до 2,5 млн долл. выдаются на срок от 3 до 10 лет, в зависимости от цели использования. Экспортные кредиты не превышают 1,3 млн долл. и выдаются на срок до 6 месяцев.

Для коммерциализации инновационных разработок и реализации НИОКР предоставляются кредиты на срок до 5 лет, мини-

мальный размер кредита составляет 0,42 млн долл., однако его величина может быть увеличена в зависимости от перспективности рыночной реализации разработки. Для финансовой поддержки венчурных компаний в SBC создан венчурный фонд с капиталом 250 млн долл., который предоставляет кредиты размером до 0,8 млн долл. на срок от 3 до 5 лет. Наряду с финансовой поддержкой SBC придает большое значение распространению в МСП прогрессивных технологий и передового опыта, почерпнутого из практики наиболее успешных зарубежных компаний. Для этого создано 2 технологических центра и множество консультационных пунктов, в которых ежегодно приглашаются для работы 350 иностранных консультантов и 250 инженеров.

Корейская федерация малого бизнеса (KFSB) является неправительственной общественной организацией, представляющей интересы 2,8 млн малых предприятий (имеет 12 региональных отделений, 1 исследовательский институт и 3 учебных центра). KFSB защищает права и интересы МСП на различных уровнях законодательной и исполнительной власти, подготавливает рекомендации для правительства по вопросам совершенствования поддержки МСП, проводит научные исследования.

Государственное агентство содействия внешней торговле KOTRA имеет 104 представительства в 74 странах, которые способствуют развитию международных торговых отношений, акцентируя особое внимание на расширении корейского экспорта и привлечении иностранных инвестиций в развитие национальной экономики. Это агентство организует международные выставки и ярмарки с участием многих тысяч корейских предпринимателей, собирает информацию о потребностях зарубежных рынков, составляет рекомендации для корейских предпринимателей и изыскивает возможности наиболее эффективных инвестиций за рубежом.

Одной из влиятельнейших экономических ассоциаций, объединяющей более 80 тыс. предприятий, является Корейская международная торговая ассоциация (KITA). Деятельность этой ассоциации связана с маркетинговыми исследованиями зарубежных рынков, с развитием международной торговой кооперации и проведением экономических исследований, на основе которых делаются предложения для правительства страны по совершенствованию экономической и промышленной политики.

Вследствие работы всех вышеперечисленных организаций в Южной Корее возникает устойчивое развитие инновационной экономики.

Инновационные сети возникли преимущественно в высокотехнологических отраслях — таких, как биотехнология, информация и связь. Они отличаются высокой специализацией, поддерживают тесные связи с высшей школой, государственными НИИ и другими частными фирмами. Как правило, они склонны к географической консолидации и действуют в рамках региональных агломераций. Примером могут быть «Долина Тэдок», «Технопарк Пхохан» и некоторые города-спутники вокруг Сеула.

Так, наукоград «Долина Тэдок» строится по принципу Силиконовой долины и по сути своей является региональной инновационной системой со всеми присущими ей элементами: институтами разной природы, инфраструктурой, технологическим бизнес-инкубатором и высокотехнологическими промышленными фирмами. Биотехнологический кластер «Долины Тэдок», к примеру, консолидируется вокруг холдинга ИнБиоНет, который в 1996 г. отпочковался от крупного государственного института — бизнес-инкубатора. Он включает 14 компаний, специализирующихся на различных направлениях биотехнологий и отличается необычайно высокой эффективностью: так всего за 7 лет со дня основания холдинг нового типа с 40 сотрудниками разработал более 40 технологий и получил 17 патентов на изобретения. Одновременно с участием в сети «Долины Тэдок» он участвует в 8 других инновационных сетях. Важно, что синергетический эффект сетевого взаимодействия достигается несколькими инструментами: совместным использованием дорогостоящего научного оборудования, сотрудничеством в разработке «пакетных» технологий, инкубированием новых бизнесов и гибким использованием исследователей в различных комбинациях в зависимости от проектов.

Увеличивается доля НИОКР, осуществляемых малыми и средними фирмами в кооперации с другими участниками инновационного процесса. Как правило, они пытаются взаимодействовать с другими инновационными институтами в среднетехнологических нишах (текстильная, обувная промышленность, часто тоже в рамках агломераций) или как специализированные субпоставщики крупных корпораций. Партнерами малых инновационных

фирм являются университеты (38,9% проектов), государственные лаборатории (20%), национальные корпорации (35,2%) и иностранные фирмы (5,9%). Новым явлением стали альянсы крупных корпораций и малых технологических фирм: первые заинтересованы в новых бизнесах при сохранении специализации основной компании; вторые получают доступ к инвестиционным и маркетинговым ресурсам крупных корпораций.

Экономическая политика страны на ближайшие 15–20 лет ориентирована на агрессивное проникновение на мировые рынки за счет создания новых продуктов и услуг, основанных на реализации передовых научно-технических достижений. Этому будет способствовать и организационно-техническая помощь в развитии инновационных и экспортных возможностей всех участников экономической деятельности. Особое внимание будет уделяться усилению конкурентоспособности МСП на внутренних и международных рынках. Наиболее перспективными направлениями инновационной деятельности при создании конкурентоспособных продуктов и услуг считаются информатика, коммуникационные технологии, фармацевтика, электроника и материаловедение.

¹ Министерство науки и технологии РК. <http://was.most.go.kr/most/english>

² Korean Institute of Science and Technology (KIST). <http://www.kist.re.kr/en>

³ Korean Advances Institute of Science and Technology. <http://www.kist.re.kr>

⁴ Daedeok Science Town. <http://www.dtv21.co.kr>

⁵ Администрация малого и среднего бизнеса Южной Кореи. <http://www.smba.go.kr/main/english>

⁶ По данным Администрации малого и среднего бизнеса РК на 2005 г. Официальный сайт: <http://www.kfsb.or.kr/english>

⁷ Там же.

⁸ The Small and Medium Business Administration (SMBA). <http://www.smba.go.kr/main/english>; Small Business Corporation (SBC). <http://www.sbc.or.kr>; Korea Federation of Small Business (KFSB). <http://kfsb.or.kr/english>

⁹ Корпорация малого бизнеса [Small Business Corporation (SBC)]; Корейская федерация малого бизнеса (Korea Federation of Small Business (KFSB)); Корейское торгово-инвестиционное агентство [Korea Trade-Investment Promotion Agency (KOTRA)]. <http://www.kotra.or.kr/eng>; Корейская международная торговая ассоциация [Korea International Trade Association (KITA)]. <http://global.kita.net>

*Л. В. Захарова**

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ КОРЕИ

15 июня 2010 г. исполняется 10 лет с момента обнародования Совместной декларации Севера и Юга, придавшей мощный импульс развитию двустороннего экономического сотрудничества. Масштабные успехи, достигнутые на пути сближения Севера и Юга в области экономики за период 2000–2007 гг., заставили экспертов рассуждать о перспективах и потенциале межкорейского экономического сотрудничества. Резкое изменение курса РК после прихода к власти президента Ли Мен Бака и спад в отношениях Севера и Юга во всех областях побуждает говорить о влиянии различных переменных на процесс развития межкорейского сотрудничества.

Автор статьи ставит перед собой цель проанализировать значимость для КНДР и РК основных внутренних и внешних политических и экономических факторов в процессе развития межкорейских экономических отношений.

Основные факторы, значимые для Пхеньяна на пути развития межкорейских экономических отношений

1. Главным внутривластным приоритетом для руководства Северной Кореи, безусловно, является поддержание стабильности ее политического режима и недопущение его подрыва со стороны Юга.

После окончания холодной войны и потери союзника в лице СССР Пхеньян оказался ослабленным как в военном, так и в экономическом отношении. В период адаптации к изменившимся геополитическим условиям, а также уязвимости внутреннего по-

* Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва.

ложения в стране, вызванной смертью Ким Ир Сена и глубоким продовольственным кризисом, КНДР не могла позволить себе развернуть активное сотрудничество с Югом. По оценкам южнокорейских специалистов, Пхеньян намеренно поддерживал напряжение на полуострове в 1990-х годах для предотвращения слишком быстрого и грозившего выйти из-под контроля развития экономических отношений с Сеулом вследствие опасений северокорейского руководства, что резкое улучшение отношений с Югом может негативно повлиять на внутривластную ситуацию в КНДР¹.

В тех условиях очень важным для Пхеньяна заявлением Ким Дэ Чжуня стала его Берлинская декларация – в части о том, что РК не собирается поглощать КНДР. Развитие отношений между Севером и Югом при президентах Ким Дэ Чжуне, объявившем об отделении политики от экономики в отношении с КНДР, и Но Му Хене, продолжившем «политику вовлечения» Севера, продемонстрировало реальные возможности развивать эффективное взаимовыгодное экономическое сотрудничество между двумя странами, несмотря на периоды осложнения политической обстановки и новый ядерный кризис на Корейском полуострове. Во время пребывания у власти президентов-либералов зависимость КНДР от РК существенно увеличилась – как за счет масштабной получаемой помощи, так и за счет ускоренного развития торговли и совместных проектов. В 2007 г. Южная Корея уже стала крупнейшим экспортным рынком для КНДР, вытеснив с этого места Китай. Объемы двусторонней торговли выросли с 425 млн долл. в 2000 г. до 1,797 млрд долл. в 2007 г.

В то же время, в процессе расширения межкорейского экономического сотрудничества неизбежно происходило усиление контактов между гражданами двух стран. С позиции Пхеньяна, тесное общение северян и южан безопасно для его режима только в случае полной подконтрольности северокорейским властям, стабильности ситуации внутри страны и дружественности южнокорейской правящей элиты. В долгосрочном плане развитие торгово-экономического сотрудничества с Югом может создать реальную угрозу для стабильности северокорейского режима, поскольку в страну неизбежно станет поступать все больше информации извне. В связи с этим вполне объяснимыми являются колебания

в политике северокорейского руководства по отношению к сотрудничеству с Югом. Важным фактором здесь для Пхеньяна, безусловно, является позиция южнокорейского руководства.

После прихода к власти в РК Ли Мен Бака и объявления им новой северокорейской линии межправительственные контакты между Севером и Югом оказались прерваны, а на полуострове вновь воцарилась атмосфера враждебности. В декабре 2008 г. КНДР ввела жесткие ограничения на пересечение сухопутной границы для южан и их пребывание на Севере, приостановила туристические поездки в Кэсон. Этот шаг Пхеньяна, безусловно, негативно отразился на южнокорейских инвесторах, участвующих в этих проектах. Чаще всего в качестве причин такого поведения Севера аналитики называли желание надавить на Ли Мен Бака и заставить его пойти на уступки, используя совместные проекты в качестве «заложников». В то же время, некоторые эксперты объясняли данные меры как попытку максимально закрыть страну от переставшей быть лояльной к Пхеньяну Южной Кореи в условиях потенциальной внутренней нестабильности (которая могла бы быть вызвана болезнью Ким Чен Ира и процессом смены руководства). Видимая стабилизация внутренней ситуации в КНДР к середине 2009 г. усилила активность и инициативность Пхеньяна в вопросах реанимации замороженных двусторонних проектов и снятия наложенных ограничений.

В совместной передовой статье трех главных газет КНДР, опубликованной 1 января 2010 г., подчеркивается необходимость активно продвигать процесс национального объединения и сотрудничества, основываясь на выполнении исторических соглашений от 15 июня 2000 г. и 4 октября 2007 г. В статье также провозглашается намерение КНДР развивать внешнюю торговлю усиленными темпами. По сравнению с передовой статьей от 1 января 2009 г. налицо существенный прогресс, так как в ней и вовсе не упоминалось о внешней торговле. Как бы в доказательство своей решимости Пхеньян уже с января 2010 г. начал вести активные переговоры с Сеулом о развитии Кэсонского промышленного комплекса (КПК), возобновлении туристических поездок в Кэсон и Кымгансан.

2. Важным экономическим фактором для Пхеньяна, тесно связанным с внутривластной целью поддержания стабильности северокорейского режима, является кризисное положение

экономики КНДР и необходимость получения помощи извне для выведения страны из этого состояния.

По мнению А. З. Жебина, именно сложная экономическая ситуация в КНДР (в условиях прекращения прежней подпитки со стороны СССР и КНР и неопределенности перспектив получения экономической помощи Запада) вынудила Пхеньян пойти на сближение с Сеулом и согласиться на проведение саммита в 2000 г. В ходе последовавших за ним межкорейских контактов стало ясно, что приоритетом для КНДР было получение экономического содействия и безвозмездной помощи со стороны РК. Каждая «уступка» Севера в виде заключения/выполнения соглашений должна была щедро «оплачиваться» Югом в виде масштабных поставок².

По данным Министерства объединения РК, за 1998–2008 гг., Северная Корея получила от Южной гуманитарную помощь на сумму 2,07 трлн вон по линии правительства и 768 млрд вон от южнокорейских НПО³. Эта гуманитарная помощь играла существенную роль для испытывающей хроническую нехватку продовольствия КНДР. (Согласно оценкам южнокорейских экспертов, ежегодно Северной Кореи не хватает около 1 млн т продовольствия для того, чтобы обеспечить им население страны.) Однако после прихода к власти в РК президента Ли поставки гуманитарной помощи по правительственной линии были прекращены.

Реализация совместных проектов с РК на территории Северной Кореи дает Пхеньяну приток иностранной валюты (например, за 2001–2008 гг. Север заработал более 144 млн долл. только за посещение южанами туристической зоны Кымгансан⁴), а также обеспечивает обучение рабочей силы, освоение передовых технологий, строительство инфраструктурных объектов в районах совместных проектов за счет инвестиций Юга. Реализация договоренностей, достигнутых на втором межкорейском саммите, могла бы оказаться существенным подспорьем в развитии экономики Севера.

Для того чтобы достойно встретить в 2012 г. 100-летие со дня рождения Ким Ир Сена, Пхеньян объявил 2010 г. годом прорыва в сельском хозяйстве и легкой промышленности. Достижение поставленных амбициозных целей невозможно без помощи со стороны других стран, в том числе Южной Кореи.

В феврале 2010 г. Пхеньян заявил о своем возвращении в проект Туманган и открытии Банка государственного развития КНДР, 30% уставного капитала которого смогут купить иностранные инвесторы через Международную инвестиционную группу Тэпхун, занимающуюся привлечением иностранных инвестиций в КНДР⁵. Эти действия можно рассматривать как практическое свидетельство готовности Пхеньяна к международному сотрудничеству в целях выведения из кризиса своей экономики. И межкорейский трэк, гипотетически, мог бы стать одним из направлений этого сотрудничества.

3. В области внешней политики поведение Пхеньяна прежде всего определяется стремлением обеспечить свою безопасность и защитить свой суверенитет – как через разработку ядерного оружия и ракетной техники, так и через переговорный процесс. События, связанные с ядерным кризисом и американо-южнокорейским военным союзом, накладывают свой отпечаток на взаимодействие Севера и Юга в экономической сфере. При президентах Ким Дэ Чжун и Но Му Хене, проводивших более независимую от США политику и не заявлявших об увязывании развития межкорейского экономического сотрудничества и предоставления помощи Северу с урегулированием ядерного вопроса, совместные проекты развивались ускоренными темпами.

Более жесткая позиция Ли Мен Бака в данном вопросе и его стремление укрепить союз с США, пусть и в ущерб отношениям с КНДР, привели к резко негативной реакции Пхеньяна, спаду и осложнению в реализации совместных проектов. Ни одна из новых идей, озвученных на 2-м межкорейской саммите, не получила своей реализации. В частности, объем двусторонней торговли в 2009 г. упал на 8,5% по сравнению с предыдущим годом и составил 1,67 млрд долл.⁶

4. Среди других важных факторов, влияющих на стремление Пхеньяна развивать сотрудничество с Сеулом, нельзя не отметить мировой экономической кризис и действующие в отношении Северной Кореи международные санкции. Эти обстоятельства также подталкивают КНДР к активизации использования немногочисленных легальных источников получения иностранной валюты и помощи, среди которых прежде всего уже существующие совместные с Югом проекты.

Кроме того, нельзя забывать и о том обстоятельстве, что в условиях мирового экономического кризиса усилилась зависимость КНДР от Китая, главного торгового партнера и донора. Долгосрочные же интересы Пхеньяна диктуют необходимость диверсификации внешнеэкономических связей, чтобы ослабить эту зависимость. Одним из возможных путей для этого является улучшение экономических отношений с РК и получение помощи от нее. В январе 2010 г. Пхеньян впервые за период администрации Ли официально попросил у Сеула гуманитарную помощь.

Основные факторы, значимые для Сеула на пути развития межкорейских экономических отношений

1. Главной переменной, определяющей усилия РК в экономических отношениях с КНДР, безусловно, является позиция находящегося у власти президента, подкрепленная общественным мнением. Существенных успехов в деле развития разнообразных контактов с Севером достигли президенты Ким Дэ Чжун и Но Му Хен. Согласно опросу, проведенному Институтом национального объединения РК в 2005 г., 85% населения выступили за развитие межкорейского экономического сотрудничества, которое тогда активно развивалось даже на фоне продолжавшегося ядерного кризиса⁷.

После победы на президентских выборах в РК в конце 2007 г. кандидата от правой партии «Ханнара» стало ясно, что политика Сеула в отношении Пхеньяна претерпит существенные изменения. Ли Мен Бак, опирающийся на крупный бизнес и проамерикански настроенных консерваторов РК, словно вернулся к докимдэчжуновскому принципу увязывания политики и экономики. И если Но Му Хен рассматривал полномасштабное сотрудничество с КНДР как стимул для Пхеньяна отказаться от своей ядерной программы, то Ли Мен Бак заявил, что полномасштабное межкорейское сотрудничество возможно лишь тогда, когда КНДР откажется от нее.

Нельзя не отметить, что эти изменения отражали общественные настроения. Согласно данным опроса, проведенного в марте 2008 г. Консультативным советом по национальному объединению, 72% граждан РК выступили за модификацию или отказ от политики вовлечения, которую практиковали по отношению к Северной Корее президенты Ким Дэ Чжун и Но Му Хен⁸.

Став новым президентом РК, Ли Мен Бак сразу же заявил, что он против безвозмездной помощи Пхеньяну и что сотрудничество с КНДР должно быть основано только на выполнении Севером ряда условий, главные из которых — полное ядерное разоружение и соблюдение прав человека.

По мнению А. В. Воронцова, концептуальные заготовки президентской команды являются изначально противоречивыми. Наряду с декларированными, внешне привлекательными, но практически трудно реализуемыми, задачами, а именно: способствовать подъему жизненного уровня северян до 3 тыс. долл. дохода на душу населения, сделать межкорейские саммиты регулярными и т.д., выдвигаются требования, автоматически блокирующие возможность выполнения вышеназванных намерений. К примеру, прогресс в межкорейских отношениях увязан со свертыванием ядерной программы КНДР, хотя, по мнению экспертов, эта проблема относится к сфере не межкорейских, а американо-северокорейских отношений. Экономическая помощь ставится в зависимость, в частности, от того, насколько она будет способствовать внутренним изменениям в Северной Корее⁹.

Что касалось новых межкорейских проектов, зафиксированных в Декларации от 4 октября 2007 г., Ли Мен Бак подчеркнул: «Новое правительство будет выполнять договоренности Юга и Севера с учетом обоснованности этой работы, финансового бремени и гражданского согласия»¹⁰. На практике все это привело к заморозке межправительственных контактов Севера и Юга более чем на год и невыполнению достигнутых Но Му Хеном договоренностей.

Недавние опросы общественного мнения показали, что хотя 72,9% южных корейцев и считают ядерный потенциал Севера «угрожающим» для Юга, 63,3% выступают за национальное объединение¹¹. Согласно данным другого опроса, лишь 22,2% рассматривают КНДР как «надежного партнера по диалогу», но при этом 75,3% считают, что работа над главным совместным проектом — КПК (Кэсонским промышленным комплексом) — должна быть продолжена¹². Эти данные демонстрируют двойственное отношение южнокорейского общества к развитию отношений с КНДР. С одной стороны, поведение Пхеньяна и его ядерная политика внушают южанам недоверие и опасения. С другой — вопрос объ-

единения и необходимости развития экономических отношений с Севером остается для них «священной коровой».

При президенте Ли существенно усилились позиции антисеверокорейского лобби, однако в РК продолжает существовать и группа населения, выступающего за активизацию экономического сотрудничества с Севером. Прежде всего, это предприниматели, которые уже начали вести там свой бизнес, в частности это компания «Хендэ Асан» и Комитет предпринимателей КПК. Их мнение правительству РК также приходится учитывать.

Компания «Хендэ Асан» несет огромные убытки после закрытия в 2008 г. двух совместных туристических проектов и прикладывает максимум усилий для их возобновления (пример — визит главы «Хендэ Групп» в КНДР в августе 2009 г. и достижение договоренности о возобновлении туров; теперь дело за принятием решения на межправительственном уровне). В конце 2008 г.—2009 г. действующие в Кэсоне компании также начали нести существенные убытки и требовать компенсаций от правительства РК¹³.

К началу 2010 г. единственным функционирующим совместным проектом остался КПК с более чем 110 южнокорейскими фирмами и 42 тыс. северных корейцев, работающих в нем. Согласно начальному Плану развития комплекса компании «Хендэ Асан», в 2009 г. там должно было работать уже 700 фирм и 120 тыс. рабочих. На саммите в 2007 г. РК и КНДР договорились как можно быстрее перейти ко второй стадии развития КПК. Для этого, прежде всего, нужно было продолжить работу по либерализации условий транспортировки, связи и таможенных процедур между Севером и Югом, построить общежитие и другие объекты, необходимые для увеличения численности северокорейских рабочих. Однако в связи с прерыванием правительственных контактов между Севером и Югом и приостановкой финансирования со стороны южнокорейского правительства все эти вопросы остаются нерешенными.

2. При выстраивании северокорейской политики очень большое значение для президента Ли имеют внешнеполитические факторы. В частности, это процесс урегулирования ядерного вопроса КНДР и позиция США, которые и при Б. Обаме не спешат навстречу КНДР.

С самого начала во внешнеполитическом блоке правительства Ли были главным образом представлены сторонники тесного союза с США. И если два предыдущих президента проводили более независимую от Вашингтона политику в отношении Севера, то Ли Мен Бак решил эту ситуацию изменить и поставить межкорейские отношения «в более широкий контекст отношений Сеула с другими странами» (в частности, с США). В начале 2009 г. новым министром объединения РК был назначен ученый-политолог Хен Ин Тхэк. Южнокорейская газета «Чосон Ильбо» сообщала тогда, что при нем главные усилия министерства будут сосредоточены уже не на развитии межкорейских обменов и увеличении помощи Северу, а на выработке среднесрочного и долгосрочного политического курса, который будет способствовать изменениям в КНДР¹⁴.

После длительного перерыва в межправительственных переговорах между Севером и Югом с августа 2009 г. началось обсуждение идеи проведения 3-го межкорейского саммита. Ее реализация могла бы придать существенный импульс межкорейским экономическим отношениям, но на данном этапе выглядит малопродуктивной в свете разности позиций сторон. Если для Пхеньяна эта встреча важна для обсуждения будущего межкорейских отношений и совместных проектов, то Сеулу она нужна, чтобы добиться успеха в денуклеаризации КНДР.

Показателем позиции политических сил, близких к президенту РК, могут служить рекомендации Консультационного совета по вопросам мирного объединения, сделанные в конце 2009 г., о том, что межкорейские переговоры на высшем уровне следует начинать после того, как будет заключен договор о контроле за ядерной программой Северной Кореи¹⁵.

3. На данном этапе политические факторы являются определяющими для действий правительства Ли относительно развития экономического сотрудничества с Севером. Но не стоит забывать и о существовании экономических факторов, которые могут сыграть свою роль в будущем. Использование существенных запасов минеральных ресурсов КНДР и дешевой северокорейской рабочей силы в условиях мирового финансового кризиса и растущей конкуренции со стороны Китая может принести значительную выгоду южнокорейской экономике и способствовать сохранению ее конкурентоспособности в условиях глобализации.

Развитие межкорейского экономического сотрудничества является очень перспективным и с точки зрения своего огромного потенциала в случае постепенной интеграции Корейского полуострова. По оценкам аналитиков банка «Goldman Sachs», ВВП единой Кореи в долларовом исчислении сможет превзойти ВВП Франции, Германии и, возможно, Японии через 30–40 лет, если удастся грамотно реализовать экономический потенциал Северной Кореи¹⁶.

Участие РК в развитии СЭЗ КНДР (как, например, КПК) может принести существенную выгоду как предприятиям Юга, так и экономике Севера, подготовив ее к более высокой степени сотрудничества с РК. В случае начала постепенного процесса экономической интеграции на полуострове, от Сеула потребуются существенные вливания в экономику Севера. Снизить «стоимость объединения» в долгосрочном плане могло бы расширение экономического сотрудничества уже сейчас, особенно в области реализации на Севере инфраструктурных и энергетических проектов.

4. Среди других важных для РК факторов, влияющих на перспективы развития межкорейского экономического сотрудничества, можно выделить следующие:

- общее состояние мировой экономики: мировой финансовый кризис сфокусировал внимание южнокорейского правительства на решении внутренних проблем, оттеснив вопросы межкорейского экономического сотрудничества на второй план. Кризис также привел к сокращению объемов заказов на промышленную продукцию, производимую в рамках совместных проектов, и снизил возможности новых капиталовложений со стороны южнокорейских предприятий;

- международные санкции, введенные СБ ООН в отношении КНДР, которые сужают для РК возможности межкорейского сотрудничества.

В то же время КНР, также присоединившаяся к санкциям, активизировала свою экономическую активность на северокорейском направлении. В феврале 2010 г. появились сообщения о том, что китайские компании планируют осуществить инвестиции в КНДР в размере 10 млрд долл. Вложения будут осуществлены в проекты реконструкции железных дорог на территории КНДР, строительства жилья в Пхеньяне и портовых сооружений на вос-

точном побережье¹⁷. Эта информация сразу же обеспокоила южнокорейские власти и, вероятно, дала повод для размышлений. Южнокорейским компаниям и правительству следует поторопиться, пока все наиболее выгодные ниши в экономике КНДР не оказались заняты китайцами.

* * *

В конце января 2010 г. в интервью американскому каналу CNN президент Ли Мен Бак сообщил, что надеется на обсуждение предложенного им проекта «большой сделки» для КНДР (отказ от ядерного оружия в обмен на пакет широкомасштабной помощи и гарантии безопасности) в рамках шестисторонних переговоров, как только они возобновятся¹⁸. Подобное предложение очень напоминает условия рамочного соглашения и гипотетически может дать старт широкому экономическому сотрудничеству КНДР с внешним миром, и прежде всего с РК. Однако в сегодняшних условиях, когда уровень доверия между участниками переговоров невысок и существует печальный опыт невыполненных обещаний Рамочного соглашения, а межкорейские отношения находятся в кризисе, проект «большой сделки» представляется малореальным.

Что касается будущего экономических отношений между Севером и Югом, то, по мнению автора, на них будут продолжать существенно влиять внешние факторы, а также готовность двух стран с пониманием отнестись к позициям друг друга и учесть в своем поведении значимые для партнера моменты. Со стороны КНДР, все большее значение будет приобретать международное сотрудничество для выведения страны из кризиса. Со стороны же РК, при Ли Мен Баке по-прежнему определяющими будут оставаться политические и военные факторы.

¹ Каукин И. Основные черты межкорейского экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1.

² Жебин А. З. Межкорейские отношения: взгляд из России // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2.

³ Presentation on the North Korea Policy. www.unikorea.go.kr

⁴ Why Does the North Oppose Lee's Policy? www.ifes.kyungnam.ac.kr

⁵ KBS World. 24.02.2010.

⁶ Таможенная служба РК. 18.01.2010.

⁷ Christine Ahn. Reunification Is on the March // International Herald Tribune. 09.02.2006.

⁸ North Korea Policy. 31.10.2008. www.unikorea.go.kr

⁹ Воронцов А.В., Ревенко О.П. Южная Корея в поисках баланса // Россия в глобальной политике. 2008. № 6.

¹⁰ Тона Ильбо. 22.01.2008.

¹¹ The Korea Herald. 30.09.2009.

¹² The Korea Herald. 25.06.2009.

¹³ Там же.

¹⁴ Чосон Ильбо. 20.01.2009.

¹⁵ KBS World. 08.01.2010.

¹⁶ Goocheon Kwon. A United Korea? Reassessing North Korea Risks // Goldman Sachs Global Economics, Commodities and Strategy Research: Global Economics Paper No: 188. 21.09.2009.

¹⁷ North Korea Lures Large-Scale Chinese Investment. www.ifes.kyungnam.ac.kr

¹⁸ KBS World. 30.01.2010.

*М. М. Стеклов**

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОЙ КОРЕИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Столкнувшись с необходимостью выстраивать прямые торгово-экономические связи на постсоветском пространстве за пределами России, Южная Корея направила основное внимание на Центрально-Азиатский регион.

Особый интерес Южной Кореи к бывшим советским среднеазиатским республикам был вызван рядом существенных для Сеула факторов. Главным из них стало наличие в регионе значительных сырьевых ресурсов, в которых нуждается Южная Корея — нефти, газа, цветных металлов, урана, хлопка.

Кроме того, в расчет принимались и политические соображения. Для стран региона характерна авторитарная форма правления, облегчающая принятие решений и более понятная для южнокорейских функционеров и бизнесменов, прошедших школу диктаторских режимов и конфуцианского воспитания. Имеется влиятельная корейская диаспора, тяготеющая к своей исторической родине. Исламские корни нынешней власти в среднеазиатских государствах Сеул не смущали — южнокорейские политики и бизнесмены приобрели по этой части богатый опыт в странах Ближнего Востока, давно ставшего основным нефтяным источником РК.

Главным плацдармом для реализации южнокорейских интересов в Центральной Азии стал **Узбекистан**. Именно он вышел в лидеры по объему торговли и инвестиций. Во многом этому способствовал особый характер отношений, сложившихся на высшем уровне государственного руководства. Узбекский руководитель 8 раз посещал РК и был одним из немногих глав государств, присутствовавших на инаугурации президента Ли Мен Бака в феврале 2008 г.

* МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва.

Примечательно, что многие важные для развития двусторонних экономических связей решения оперативно принимаются в Узбекистане на высшем государственном уровне. По сути, это делает формальной работу совместного узбекско-корейского комитета по сотрудничеству в торгово-экономической сфере, действующего с 1994 г. За 15 лет его существования проведено всего 6 заседаний, последнее из которых состоялось в Сеуле в апреле 2009 г.

В первом 10-летию развития двусторонних отношений основу узбекского экспорта в РК составлял хлопок-сырец — 78% от общей стоимости экспорта. Однако снижение деловой активности в Южной Корее вследствие валютно-финансового кризиса привело к сокращению в 2002 г. на 25% закупок хлопка-сырца в Узбекистане и их переориентации на более выгодные рынки Китая и Вьетнама, что показало бесперспективность сохранения ранее сложившейся структуры торговли между двумя странами.

Наращивание в узбекском экспорте других товарных групп (цветные металлы, продукты питания) и внесение ряда изменений в законодательство, регламентирующее внешнюю торговлю и иностранные инвестиции, позволили уже в 2005 г. довести товарооборот между РК и Республикой Узбекистан (РУ) до 564 млн долл. с превышением уровня 2004 г. на 38%.

К началу 2006 г. между двумя странами было подписано более 60 документов, заложивших юридическую основу для последующего развития двусторонних отношений. Объем накопленных южнокорейских инвестиций в Узбекистане превысил в 2009 г. 2 млрд долл.

В середине 2006 г. территории трех районов Ташкента были выделены совместному узбекско-корейскому СП «Jisong Korea Industrial» для строительства на их месте комплекса под названием «Новый город». В 2012—2016 гг. здесь будут построены 24-этажные административные здания, банки, гостиницы, супермаркеты, спорткомплексы, бизнес-центры, представительства иностранных компаний, жилые многоэтажки, благоустроено озеро с парком. Начальная стоимость проекта — 470 млн долл. Проект был одобрен президентом страны Исламом Каримовым.

В результате стремительного роста цен на нефть на мировом рынке и обострения политической ситуации на Ближнем Востоке

Узбекистан стал рассматриваться Южной Кореей, на 98% зависимой от внешних источников энергии, как перспективный источник энергоресурсов.

В апреле 2006 г. в ходе визита президента Узбекистана в Сеул главное внимание стороны уделили развитию сотрудничества в нефтегазовой, нефтехимической и горнорудной промышленности. Было подписано 15 документов. Их важность для обеих сторон была призвана подчеркнуть политическая декларация о стратегическом партнерстве. Южнокорейские компании получили возможность участвовать в добыче золота, цинка и урана.

В целях упрощения финансовых операций между двумя странами Korea Exchange Bank и Национальный банк Узбекистана подписали соглашение о сотрудничестве, по которому южнокорейский банк предоставил узбекскому партнеру краткосрочную экспортную линию в размере 20 млн долл.

В декабре 2007 г. во время визита вице-преьера РК Квон О Пю в Ташкент был подписан меморандум о выделении РУ льготного кредита в размере 60 млн долл. на развитие экономики. Как положительный итог экономического сотрудничества стороны отметили создание в Узбекистане 138 совместных предприятий и открытие представительств 37 южнокорейских компаний¹.

В немалой степени этому способствовало создание благоприятного климата для активизации контактов. В развитии гуманитарных связей важную роль играют Общество дружбы Узбекистан—Республика Корея и Корейский образовательный центр, занимающийся организацией повышения квалификации и обучения узбекских преподавателей и студентов в Республике Корея. При Узбекском государственном университете мировых языков и Самаркандском государственном институте иностранных языков функционируют центры корейского языка и культуры. В 9 высших учебных заведениях Узбекистана созданы кафедры корееведения, в 112 школах налажено изучение корейского языка. Развиваются связи между научными организациями, министерствами здравоохранения, образования, труда и социальной защиты населения. При Ташкентском университете информационных технологий открыт совместный Центр информационных технологий. В Южной Корее трудоустроено значительное количество узбекских гражд-

дан. До 2004 г. Узбекистан ежегодно отправлял в РК до 4,5 тыс. трудовых мигрантов².

Посетивший Узбекистан в мае 2008 г. премьер РК Хан Сын Су подписал договоренность о предоставлении Узбекистану в 2008–2011 гг. льготных кредитов на сумму 120 млн долл., меморандум о взаимопонимании между компанией «Узбекнефтегаз» и Корейской газовой корпорацией (KOGAS) по проекту производства диметилового эфира и использования технологий сжатого газа, меморандум о взаимопонимании между «Узбекнефтегаз» и Корейской национальной нефтяной корпорацией (KNOC) о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли. Стороны договорились также о совместной разработке узбекских месторождений молибдена и вольфрама, создании индустриального комплекса в Ташкенте для корейских компаний, о перестройке центра Ташкента и модернизации столичного аэропорта. Подписано соглашение и о поставке в РК в период с 2010 по 2016 г. 2600 т урана (около 9% потребности Южной Кореи в уране) на сумму около 400 млн долл. Состоялось открытие совместного предприятия «UzKorGasChemical» (участники KOGAS и «Узбекнефтегаз», сфера деятельности – геолого-разведочные работы в Сургияльском руднике, производство полиэтилена и полипропилена, общая стоимость проекта – 1,84 млрд долл.).

В 2008 г. товарооборот между РУ и РК увеличился на 123,7% и составил 1,056 млрд долл.³, в 2009 г. – 1,228 млрд долл.⁴

Основными статьями узбекского экспорта являются хлопководство, транспортные, туристические, коммуникационные услуги, продовольственные товары, машины и оборудование. В импорте из РК преобладают машины и оборудование, химические продукты и пластмасса, черные металлы, услуги (транспортные, консультативные, коммуникационные), продовольственные товары, нефтепродукты.

Льготные кредиты, предоставленные Фондом экономического развития и сотрудничества (EDCF) ЭКСИМбанка РК, составили 117 млн долл., которые были направлены на реализацию приоритетных проектов. На сегодняшний день в Узбекистане действует 351 предприятие с участием южнокорейских компаний, 57 из которых со 100%-ным южнокорейским капиталом. Их деятельность охватывает легкую, химическую, пищевую промышленность, торговлю, машиностроение и металлообработку, жилищ-

но-коммунальное хозяйство, здравоохранение, туризм и услуги. В Министерстве внешнеэкономических связей, инвестиций и торговли РУ аккредитовано 91 представительство южнокорейских компаний, занятых проведением экспортно-импортных операций, оказанием транспортных услуг, текстильным производством, сервисным обслуживанием электроники⁵.

Во время визита в РК в феврале 2009 г. И. Каримов имел встречи с руководством авиакомпании «Korean Air Lines» (KAL) и Корейской газовой корпорации (KOGAS), в ходе которых была достигнута договоренность о привлечении в экономику Узбекистана инвестиций в размере около 2 млрд долл. В том же году Национальная авиакомпания Узбекистана получила два грузовых самолета А300-600, взятых в оперативный лизинг у южнокорейской авиакомпании.

В мае 2009 г. состоялся визит в Узбекистан президента РК Ли Мён Бака. Итогом саммита стало подписание пакета документов, среди которых меморандум о совместных мерах по привлечению южнокорейских инвестиций в свободную индустриально-экономическую зону в г. Навои, договоренность о предоставлении корейским «Эксимбанком» Национальному банку Узбекистана и банку «Асака» кредитной линии по 100 млн долл. каждому на финансирование проектов в Навои, меморандум между национальными нефтегазовыми компаниями о совместной разработке инвестиционного блока в Ферганском регионе, кредитное соглашение по выделению Фондом развития экономического сотрудничества льготного кредита в 10 млн долл. на проект дооснащения современным медицинским оборудованием Центра кардиохирургии им. В. Вахидова, меморандум о сотрудничестве в сфере поставок уранового сырья, хлопкового сырья, катодной меди и молибдена (в рамках этой договоренности в Южную Корею планируется поставить 2,6 тыс. т уранового концентрата).

Ли Мён Бак предложил Узбекистану совместно строить новый «шелковый путь», обещав при этом содействие во внедрении новейших информационных технологий в логистику и железнодорожную сеть Узбекистана с целью обеспечения устойчивых поставок энергоресурсов из Центральной Азии в РК.

Вскоре после визита Ли Мён Бака в РУ в Ташкенте состоялся бизнес-форум и кооперационная биржа, по итогам которых между

предпринимателями двух стран подписано несколько десятков соглашений о реализации совместных проектов на территории свободной индустриально-экономической зоны в Навоийской обл., создаваемой в районе международного аэропорта по указу главы государства, подписанному в конце 2008 г. На бизнес-форуме были рассмотрены перспективы развития аэропорта и логистического центра «Навои» и обозначены основные сферы сотрудничества.

В июле 2009 г. Торгово-промышленная палата Узбекистана и южнокорейская компания «Korea Trade Network» (KTNET) подписали соглашение о сотрудничестве в сфере электронной коммерции. Соглашение станет основой для практической реализации проектов по развитию электронной коммерции и внедрению информационно-коммуникационных технологий, в частности предусматривает сотрудничество в разработке и реализации совместного проекта по созданию современной полнофункциональной сети по оказанию услуг электронной торговли для субъектов экономики Узбекистана⁶.

В том же году Корейская национальная нефтяная корпорация приступила к геологоразведке двух блоков в Ферганском регионе — Чуст-Папском и Наманган-Тергачинском. Эта программа рассчитана на 5 лет и предусматривает инвестиции южнокорейской компании в размере 60,9 млн долл.⁷

Восходящую динамику южнокорейско-узбекских отношений был призван подчеркнуть государственный визит президента Узбекистана И. Каримова в Южную Корею, состоявшийся в феврале 2010 г. В ходе саммита достигнута договоренность о выделении Узбекистану помощи в размере 12 млн долл., из которых 3,5 млн Сеул предоставляет для ремонта систем отопления административных зданий в Хорезмской обл., 3 млн в виде помощи в борьбе с инфекционными заболеваниями, 1,5 млн — на строительство четырех насосных станций в Хорезме и 650 тыс. долл. — на опреснение солончаков. Остальные средства пойдут на подготовку 97 узбекских специалистов в РК и содержание 57 южнокорейских экспертов, работающих в Узбекистане.

На более высокий уровень поднимается и инвестиционное сотрудничество: подписано инвестиционное соглашение между правительством Узбекистана и консорциумом южнокорейских компаний во главе с KOGAS о строительстве Устюртского газохи-

мического комплекса. Стоимость проекта оценивается в 3,3 млрд долл. Строительство планируется осуществить в период 2011–2015 гг.

Новым моментом, расширяющим формат двусторонних отношений, является подписание меморандума о взаимопонимании в области оборонного сотрудничества, который предусматривает создание межгосударственного комитета по закупке военной техники.

В развитие ранее достигнутых договоренностей о сотрудничестве в нефтегазовой сфере подписан протокол между узбекской Национальной холдинговой компанией (НХК) «Узбекнефтегаз» и KNOC о вступлении в силу соглашения о геологоразведке двух новых инвестиционных блоков – Ферганском и Чинабадском. Объем инвестиций составит около 50 млн долл.⁸

В знак крепнущих отношений между двумя государствами южнокорейская сторона взяла обязательство к 2012 г. построить в Ташкенте «Сеульский Парк», призванный содействовать распространению южнокорейской традиционной культуры и укреплению связей с соотечественниками (в Узбекистане проживает около 175 тыс. этнических корейцев, из которых около 80 тыс. – в Ташкенте). Средства на строительство выделяет правительство РК, а земельный участок предоставляется Узбекистаном⁹.

Другим важным направлением внешнеторговой и инвестиционной активности Республики Корея на постсоветском пространстве является **Казахстан**, который также рассматривается Сеулом как стратегически значимый партнер в Центральной Азии. Особый характер двусторонних отношений подчеркивает и тот факт, что с 2004 г. Казахстан остался единственной из СНГ страной, из которой разрешена трудовая миграция в РК (2,5 тыс. человек в год)¹⁰.

В результате оживления в Южной Корее спроса на товары сырьевой группы объем товарооборота между РК и Казахстаном в 2002 г. вырос по сравнению с 2001 г. на 21% (до 197,7 млн долл.), в том числе южнокорейский экспорт увеличился на 27% (до 71,6 млн долл.), импорт – на 18% (до 126,1 млн долл.), отрицательное saldo при этом выросло на 5% (до 54,5 млн долл.), что было вызвано стабильно высоким спросом на казахстанские металлы (90% всех обращений южнокорейских компаний в Посольство Казахстана в Сеуле касалось цветных металлов).

Существенных изменений в структуре торговли при этом не произошло. Казахстанский экспорт в Южную Корею сохранил сырьевую направленность: феррохром – 22%, сталь и металлопрокат – 9,6%, золото – 8,6%, серебро – 6,9%, ферросилиций – 6,2%, урановый концентрат – 2,7%, натриевые соединения и другие виды химического сырья – 1,2%. При этом поставки казахстанского феррохрома увеличились в 2 раза, а золота и серебра – более чем в 3 раза.

По ряду товарных позиций значение южнокорейского рынка для Казахстана было весьма значительно. Так, доля Южной Кореи в казахском экспорте меди нерафинированной составила до 90% от общего объема ее поставок.

В структуре импорта преобладали: электроника, включая аудио-видеотехнику, телевизоры, цифровую вычислительную технику и компоненты к ним; полиэстер и нефтехимическая продукция, телекоммуникационное оборудование, витринные стекла, кондиционеры, текстильная и бумажная продукция, фармацевтические и пищевые продукты и различные товары народного потребления. Заметно выросла доля комплектующих к телевизорам и видеоаппаратуре, а также телекоммуникационного оборудования, что связано с ростом объемов сборочного производства на предприятии «LG Electronics» в Алматы и обеспечением телефонных станций Алматинской области цифровым оборудованием (по проекту, финансируемому Корейским фондом экономического сотрудничества и развития на сумму 14 млн долл.). Поставки из РК полиэтиленететрафталата составили 85% от общего объема потребностей Казахстана, пассажирских автобусов – 60%.

В 2005 г. товарооборот между двумя странами превысил 0,5 млрд долл. в основном за счет увеличения южнокорейского экспорта, составившего 60%¹¹. В 2007 г. объем торговли между Казахстаном и Южной Кореей достиг рекордного уровня – 843,3 млн долл. (в 2006 г. – 590 млн долл.)¹². Однако в 2008 г. взаимная торговля сократилась на 10,5% (до 754,1 млн долл.), в том числе казахстанский экспорт составил 330,8 млн долл. (в 2007 г. – 217,4 млн долл.) импорт – 423,3 млн долл. (в 2007 г. – 625,9 млн долл.). Основными статьями казахстанского экспорта являются сырьевые материалы (уран, ферросплавы, прокат нелегированной стали и железа, золото, медь). В структуре импорта

преобладает электроника, оборудование и другая продукция машиностроения¹³.

В мае 2009 г. на заседании казахстанско-южнокорейского Комитета по таможенному контролю стороны договорились об упрощении таможенных процедур с переводом их в режим «одного окна».

Существенно осложняет торговлю транспортная проблема. Основной поток грузов идет через Транссибирскую железнодорожную магистраль, что ставит экспедиторские компании Казахстана в зависимость от монопольно высоких тарифов «Российских железных дорог» (транспортная составляющая при вывозе сырьевых товаров зачастую превышает 50% экспортной стоимости самого товара, что существенно снижает их конкурентоспособность на мировом рынке). Попытки Астаны заработать на транзите, перенаправив часть грузопотока, следующего из Южной Кореи в Европу, на северный коридор Трансазиатской железной дороги через Китай и Казахстан, пока не увенчались успехом.

При подсчете объема взаимной торговли стороны сталкиваются с проблемой различия статистических данных, что также характерно и для других стран СНГ в торговле с Южной Кореей.

На инвестиционном направлении интерес Сеула наиболее рельефно обозначился в области освоения нефтяных ресурсов Каспия. В 2001 г. был сформирован южнокорейский консорциум для участия в разработке нефтегазового месторождения Каражанбас. Вместе с тем казахстанская сторона дала ясно понять, что удовлетворение южнокорейского спроса на нефть будет тесно увязываться с южнокорейскими инвестициями в высокотехнологичные производства на территории Казахстана.

Другими значимыми для сторон секторами являются отрасли добывающей промышленности, строительства, телекоммуникационной инфраструктуры и электронного оборудования. Наиболее активны в инвестиционной сфере южнокорейские концерны «Samsung», «Daewoo», «LG».

В 2005 г. в Казахстане было зарегистрировано 110 компаний с участием южнокорейского капитала, из них 48 — совместные предприятия и 62 — представительства¹⁴. В 2007 г. в стране действовало свыше 300 совместных предприятий с участием южно-

корейского капитала. Однако на общем фоне инвестиционная активность Южной Кореи в Казахстане пока невелика. По данным Национального банка Казахстана, за период с 1993 по 2008 г. объем накопленных прямых инвестиций из Южной Кореи в Казахстан достиг 3 млрд долл. (3,6% от общего объема привлеченных в Казахстан прямых иностранных инвестиций), из них в 2007 г. — 780,7 млн долл. В тот же период капиталовложения Казахстана в РК составили всего 66,7 млн долл.¹⁵

Примечательно, что некоторые южнокорейские компании, работающие на казахстанском сырье, переводят свой бизнес в Казахстан. Решающими факторами при этом являются относительно высокая квалификация его специалистов, низкая себестоимость труда и сырья. Так, южнокорейская фирма «PJ», закупая золото у «Казахмыс», производит изделия в Казахстане и экспортирует их в США.

В качестве новой тенденции можно отметить возросший интерес к Казахстану со стороны южнокорейского финансового сектора. В марте 2008 г. было объявлено о решении Kookmin Bank, одного из ведущих банков РК, приобрести 30%-ный пакет акций Центрального кредитного банка Казахстана стоимостью 634 млн долл.¹⁶

В последние годы отмечается интерес малого и среднего бизнеса РК к казахстанскому рынку информационных технологий. В начале 2006 г. на базе Национальной инженерной академии Казахстана открыт Корейско-казахстанский центр технологического сотрудничества (ККТС) с целью более активного освоения казахстанского рынка небольшими южнокорейскими инновационными фирмами, ожидающими информационно-технологического бума в Казахстане, где рынок IT-технологий в среднем ежегодно увеличивается на 20% и может резко расшириться после удешевления доступа в Интернет и компьютеризации транспортной, налоговой и таможенной систем. Южная Корея выделила 3 млн долл. на строительство в Алматы центра для подготовки казахстанских IT-специалистов. В качестве основных партнеров центра выступают Федерация малого и среднего бизнеса Казахстана и Национальная инженерная академия. Корейская сторона берет на себя строительство нового здания, обеспечение оборудованием и привлечение высококлассных преподавателей.

В мае 2008 г. состоялся визит в Казахстан южнокорейского премьера Хан Сын У. Одним из главных вопросов повестки дня встречи стало сотрудничество в нефтяной сфере. Стороны обсудили перспективы реализации проекта «Жамбыл» с участием казахстанской компании «КазМунайГаз» и южнокорейского консорциума во главе с Корейской национальной нефтяной корпорацией. Подписан пакет соглашений об уступке в пользу корейского консорциума 27%-ной доли в контракте на разведку по участку «Жамбыл», о совместной деятельности, о финансировании.

Кроме того, был подписан ряд документов, в том числе протокол о намерениях в области капитального строительства и меморандум о взаимопонимании в области развития в Казахстане текстильной промышленности, заключен долгосрочный контракт на поставку в РК казахстанских урановых концентратов.

О возрастающей важности для РК экономического сотрудничества с Казахстаном свидетельствует визит президента РК Ли Мён Бака в Астану в мае этого года, в ходе которого был подписан пакет документов, реализация которого оценивается в 5 млрд долл. Среди наиболее значимых проектов, в которых намерены принять участие южнокорейские компании, Балхашская электростанция мощностью 1200 МВт (КЕРСО и Samsung Constuction&Technologies претендуют на 65%-ную долю в этом проекте), угледобывающие предприятия, развитие сети Интернет в Казахстане¹⁷.

Что касается **Туркмении**, то до недавнего времени торгово-экономические контакты РК с нею были несущественны. Однако возросший интерес со стороны Сеула к туркменскому газу может послужить стимулом для их активизации.

В мае 2007 г. в Ашхабаде находилась делегация южнокорейских бизнесменов во главе с замминистра торговли, промышленности и энергетики Ким Чжун Гваном, проявившая особенный интерес к развитию сотрудничества в области энергетики.

В ходе первой встрече на высшем уровне в ноябре 2008 г. во время визита президента Туркмении Г. Бердымухамедова в РК состоялось подписание пакета документов, призванных вывести торгово-экономические отношения между двумя странами на новый уровень. В числе приоритетных направлений межгосударственного сотрудничества собеседники обозначили торгово-экономическую и топливно-энергетическую сферы, транспорт, связь

и телекоммуникации, промышленность, строительство, сельское хозяйство.

Со среднеазиатскими странами, **Таджикистаном и Киргизией**, не располагающими востребованными в Южной Корее ресурсами, торгово-экономические отношения развития практически не получили.

В мае 2005 г. президент Таджикистана Э. Рахмонов прибыл в Сеул для участия в проводимом под эгидой ООН Глобальном форуме по реформе управления. В ходе встречи с таджикским руководителем президент РК Но Му Хён подчеркнул возрастающую роль стран Средней Азии в мире как с экономической, так и с политической точек зрения, однако значимых вопросов в контексте двусторонних торгово-экономических отношений при этом не обсуждалось.

Аналогичная ситуация наблюдается в торгово-экономических отношениях РК с Киргизией.

В целях оживления экономических связей между двумя странами президент Киргизии К. Бакиев в июне 2008 г. подписал Закон о ратификации Соглашения между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Корея о поощрении и защите инвестиций, подписанного 19 ноября 2007 г. в г. Сеуле. Наиболее продвинутым можно считать проект «электронного правительства». Меморандум о взаимопонимании по данному вопросу был подписан в марте 2008 г. в Бишкеке. Под «электронным правительством» подразумевается предоставление информации и оказание государственных услуг гражданам и бизнесу с использованием информационных технологий. На разработку этого проекта Южная Корея обещала выделить 220 тыс. долл.¹⁸

¹ URL: www.economy.gov.ru

² URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/095/panorama01.php#5>

³ URL: <http://www.regnum.ru/news/1174762.html>

⁴ URL: <http://www.ferghana.ru/news.php?id=14021&mode=snews>

⁵ URL: <http://www.regnum.ru/news/1161816.html>

⁶ URL: www.economy.gov.ru

⁷ URL: <http://www.ferghana.ru/news.php?id=14021&mode=snews>

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/095/panorama01.php#5>

¹¹ Эксперт Казахстан. 27.03.2006.

¹² URL: <http://en.government.kz/site/news/052008/03>

¹³ URL: <http://evrazia.org/news/8302>

¹⁴ Эксперт Казахстан. 27.03.2006.

¹⁵ URL: <http://en.government.kz/site/news/052008/03>

¹⁶ URL: <http://www.reuters.com/article/rbssFinancialServicesAndRealEstateNews/idUSSEO27663720080317>

¹⁷ URL: <http://www.reuters.com/article/rbssUtilitiesElectric/idUSLD84093020090513>

¹⁸ URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/economylib/mertwelcome/economy/economycooperation/econoointorgdirect/doc1237471367484>

*Б. С. Лу**

ПРОБЛЕМЫ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ СО СТРАНАМИ СНГ

Отношения между Узбекистаном и Республикой Корея могут быть рассмотрены в комплексе по трем базовым компонентам: историческим, экономическим и культурным связям. При этом, с учетом современных тенденций глобализации, экономическая компонента, возможно, имеет значение ведущей.

В Узбекистане существует и доминирует государственное управление экономическими процессами, в этой связи опыт реформирования экономики и общества в Республике Корея, особенно в период правительства Пак Чжон Хи, важен и интересен. Этот опыт важен и с точки зрения обоснования рациональной внешней экономической политики Узбекистана.

Узбекистан активно развивает сотрудничество с Республикой Корея. Что преследует каждая из сторон в этом сотрудничестве? Узбекистан, так же как и другие страны Центральной Азии, богат топливом и энергией, минерально-сырьевым и природными ресурсами и находится на стадии перехода к рыночной экономике, имеет все черты, характерные для стран постсоветского пространства. Страна, обретшая независимость как результат распада СССР, только сейчас вернулась к советскому уровню экономического потенциала. Ей необходимо найти свое собственное место в мировом процессе глобализации, в реализации потенциальных возможностей.

Обмен товарами и услугами имеет традиционную составляющую. Из Узбекистана в РК — первичные (сырьевые) товары, топливо и энергетические ресурсы, и в обратном направлении — оборудование, потребительские товары и новые технологии. Иностранские инвестиции и связанные с ними новая техника и

* ТГПУ, г. Ташкент.

технологии, новый менеджмент необходимы для Узбекистана, в этом смысле Южная Корея является одним из главных его партнеров.

В сфере торговли между двумя странами с 1992 г. действует режим наибольшего благоприятствования, что сказывается на росте торгового оборота между ними: в 2009 г. данный показатель составил 1,2 млрд долл. В Узбекистане действует 351 узбекско-корейское совместное предприятие, 91 южнокорейская фирма открыла там свои представительства.

Все еще остается проблемой точная и действительная характеристика потенциала стран региона. Возможно, в этом заключается причина некоторого падения доверия инвесторов к развивающимся рынкам Центральной Азии.

Для РК представляют очевидный интерес богатейшие природные ресурсы и развитие новых объемных потребительских и сырьевых рынков всего региона и всех стран СНГ в целом. По каким-то направлениям она пытается проникнуть в эти страны через Центральную Азию (об этом говорит опыт компаний «УзДэу Электроникс», «УзДэу авто», продукция которых шла на экспорт в Россию и в другие страны СНГ).

Ныне инвестиции РК в экономику Узбекистана превышают 3 млрд долл. Опыт формирования совместных узбекско-корейских предприятий позволяет сделать ряд выводов о необходимости усиления экономического взаимодействия между двумя странами, реализации всего потенциала.

Представляется, что опыт вложения южнокорейских инвестиций в обрабатывающую промышленность (автомобилестроение, электроника, текстильное производство) и связанный с этим приход новой техники и технологии имели огромное значение для экономики Узбекистана. Все эти предприятия работают, несмотря на уход группы «ДЭУ».

РК является стратегическим партнером для Узбекистана, задача состоит в поиске новых направлений сотрудничества, где бы использовались богатейшие природные ресурсы Узбекистана и решались вопросы диверсификации и совершенствования структуры его экономики. Отношения между двумя странами развиваются в духе подписанной в 2006 г. Совместной декларации о стратегическом сотрудничестве.

По результатам недавнего визита президента И. Каримова в РК подписано соглашение, предусматривающее реализацию проекта по строительству Устюртского газохимического комплекса на базе месторождения Сургиль и освоение рудника. Стоимость данного проекта превышает 3 млрд долл. Указанный проект важен с точки зрения увеличения глубины переработки природного сырья, эффективного использования энергетических ресурсов.

Трудовая миграция есть часть процесса глобализации в экономике. Это часть общественного процесса в современном мире, когда происходит миграция населения по разным причинам, прежде всего по экономическим, происходит взаимодействие культур, идут часто весьма болезненные процессы межкультурной коммуникации.

Узбекистан имеет более чем 15-летний опыт технического обучения граждан в Республике Корея. Начинаясь этот процесс с направления первых 200 человек в качестве рабочих, на сегодня квота на экспорт рабочей силы в РК превышает 15 тыс. человек (еще плюс порядка 6 тыс. там находятся нелегально). В то же самое время действуют общества, объединяющие граждан Республики Корея в Узбекистане (это представители и волонтеры различных компаний, бизнесмены). Только в Ташкенте проживают и работают 2,5 тыс. южнокорейских граждан.

Трудовая миграция в Южную Корею имеет ряд положительных моментов. Рабочие, прошедшие суровую трудовую школу на предприятиях РК, в стране рыночной экономики, это — люди хорошей закалки. Многие из них заработали деньги, выучили корейский язык (некоторые работают переводчиками), имеют у себя на родине собственный бизнес. Хотя в официальных документах работа граждан Узбекистана в РК называется «техническим обучением», но это не учеба в обычном понимании, а учеба на практике, в реальной деятельности южнокорейского предприятия. Корейскую сторону вообще не интересует, какое образование (среднее или высшее) имеет наш рабочий, фактически на работу едут даже кандидаты наук. Задача же узбекской стороны добиться признания квалификации своих кадров со стороны южнокорейских работодателей.

Трудовая миграция из Узбекистана в значительной мере связана с Российской Федерацией, Казахстаном, другими странами

СНГ и дальнего зарубежья, и обмен на рынке труда с РК – это часть общего процесса. Существенная деталь в трудовой миграции появляется в связи с тем, что правительство Республики Корея выдает этническим корейцам Узбекистана визу Н-2 на 5 лет (сегодня в РК находятся 3,9 тыс. этнических корейцев из Узбекистана).

Экономические взаимоотношения между Республикой Корея и Узбекистаном, в частности на рынке труда, вызывают пристальное внимание исследователей и государственных структур и к управлению трудовой деятельностью, управлению персоналом. Проблемы подобного рода существуют и у корейских бизнесменов в Узбекистане, когда они набирают и используют местных рабочих и менеджеров. Понятно, что система управления персоналом на «южнокорейских» предприятиях в Узбекистане существенно отличается от местных.

Южнокорейских предпринимателей беспокоят такие вопросы, как менталитет, национальный характер, психология местных рабочих, а также то, насколько местные рабочие и менеджеры понимают идеи, замыслы корейских управленцев. Поэтому предполагаются исследования об условиях бизнеса в Узбекистане, о проблемах управления персоналом на узбекско-южнокорейских предприятиях (как принимаются и увольняются работники, повышают свою квалификацию и имеются ли на это планы, каковы формы поощрения и т.д.). Целью изучения этих проблем является оказание содействия в преодолении разницы в менталитете, культурных ориентациях при совместной деятельности южнокорейцев и местного населения, что в конечном счете может содействовать повышению эффективности работы южнокорейских предпринимателей в одной из стран СНГ. Опыт подобных исследований силами южнокорейских специалистов по России имеется.

Все это связано с тем, что большинство конфликтов и в РК (когда используют рабочих из Узбекистана), и в Узбекистане (когда южнокорейские предприниматели используют местных рабочих) обусловлено разницей в культуре, менталитете, сбоями в межкультурной коммуникации в процессе совместной трудовой деятельности.

Интересны данные южнокорейской статистики об иностранных гражданах, работающих в Республике Корея. По возрасту более 90% пребывающих в Республике Корея составляют граждане

от 25 до 45 лет, в том числе их удельный вес составляет по Узбекистану 94,34%, по Кыргызстану – 98,66%, по Вьетнаму – 98,83%.

Заработная плата иностранных рабочих распределена следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Заработная плата иностранных рабочих

В тыс. корейских вон	до 700	700–800	800–900	900–1000	1000–1200	Свыше 1210
Удельный вес, %	3,50	28,21	37,44	24,79	4,51	1,55

Примечание. 1 долл. равен 1180 корейским вонам.

Практика показывает, что предприятия с низкой заработной платой – это малые предприятия с малым объемом заказов от потребителей и там очень велика опасность того, что иностранные рабочие разбегутся.

Наибольший удельный вес составляют рабочие с заработной платой от 800 тыс. до 900 тыс. корейских вон, что примерно составляет 720 долл. (37,44%).

В отраслевой занятости иностранных рабочих особое место занимает строительство, сельское хозяйство, рыбная промышленность и отрасль сервиса. По данным 2008 г., велико их число в строительстве (из Вьетнама – 2515, Таиланда – 3202), в сельском хозяйстве (из Вьетнама – 4690, Таиланда – 1766, Камбоджи – 1254 человек), а в сервисе – из Монголии (204 человека из общего количества занятых в отрасли). Работают иностранные рабочие в основном на промышленных предприятиях. Так, их удельный вес в процентном отношении составляет: рабочие из Вьетнама – 86,7; из Филиппин – 97,8; из Таиланда – 86,4; из Монголии – 91,3; из Индонезии – 95,8; из Шри-Ланки – 96,9; из Китая – 75,4; из Узбекистана – 97,5; из Пакистана – 93,6; из Камбоджи – 66,6; из Непала – 92,1; из Мьянмы – 97,0; из Кыргызстана – 92,3; из Бангладеш – 96,3, а в целом по всем странам – 90,7%.

Главной проблемой для южнокорейских предпринимателей является переход на нелегальную работу лиц, приехавших в страну по различным видам виз, особенно для технического обучения в производственных отраслях. Данные табл. 2 показывают, что

число нелегалов в 2 раза больше среди временно пребывающих (виза Н2), чем у непрофессиональных (по визе Е-9).

Таблица 2

Процент нелегалов по видам виз

Тип визы	Дата					
	09.09	06.09	03.09	01.09	12.08	12.09
Виза Е-9	6,9	6,7	6,9	7,2	6,9	10,2
Виза Н-2	16,9	16,9	17,2	18	17,3	23,4

По данным Министерства юстиции РК на сентябрь 2009 г., при наличии разрешения на работу (виза Е-9) почти полностью на нелегальном положении находятся работники в таких сферах деятельности, как пищевая промышленность (312 человек), уборка (12 человек), уход за больными (108 человек).

Интересна оценка удельного веса нелегалов по видам деятельности и видам поездок: велик удельный вес лиц, становящихся нелегалами, среди работников искусств (29,8%), туристов (15,3%), выезжающих на учебу (9,2%), есть нелегалы даже среди профессоров (0,9%) и религиозных деятелей (табл. 3).

Особый комментарий необходимо сделать по миссионерской работе протестантских церквей в РУ. В среднеазиатских странах, и в Узбекистане особенно, вызывает большое беспокойство про-

Таблица 3

Удельный вес нелегалов по видам деятельности и видам поездок

Виды деятельности и виды поездок	Общее количество	в том числе		Доля нелегалов, %
		легальное положение	нелегальное положение	
Профессора	2096	2077	19	0,9
Деятели искусства	4562	3203	1359	29,8
Туристы	58032	49135	8897	15,3
Приехавшие на учебу	65174	59763	6011	9,2
Религиозные деятели	1676	1620	56	3,3
Приехавшие по рабочей визе (Н-2)	307329	304342	2987	1,0

никновение христианства. Только в Ташкенте и Ташкентской обл. зарегистрировано 25 церквей (пресвитерианских, баптистских и др.). Вызывают скандалы случаи, когда студенты коренных национальностей посещают южнокорейские христианские церкви.

К слову, о веротерпимости. Республика Корея, кроме основной буддистской, имеет представителей всех религий – христианской (православной, римско-католической), ислама (приверженцев – около 25 тыс., их завезли турки во время Корейской войны 1950–1953 гг., имеются две мечети в Сеуле). Как этого удалось достичь, это другой вопрос. Есть утверждения, что когда президентом был Ли Сын Ман и когда главную роль играла американская помощь, для ее получения надо было записаться в церковь.

Студенты, выезжающие на учебу, в том числе краткосрочную и долгосрочную (на год или более), также иногда бросают учебу и вместо нее идут работать. Так, из 65 174 студентов 6011, или 9,2%, стали нелегалами, по данным на конец сентября 2009 г. Случаи бегства студентов из вузов Узбекистана были даже во время краткосрочной учебы (месяц или два). Это вызывает большую напряженность у ведомств, которые отправляют студентов на учебу, и у корейских посольств в странах Средней Азии.

Корейскую сторону в борьбе с нелегалами беспокоит также, во что обходится их содержание и выдворение. С 2008 г. было депортировано 60 тыс. иностранцев. В 2009 г. через иммиграционные центры прошли 18 153 иностранца, примерно 45 человек в день. Причем их надо содержать за счет бюджета и отправлять также за счет РК. Южнокорейскую сторону беспокоит, что на одного задержанного приходится не 6,6 кв. м, как положено, а всего 4.

Южнокорейские менеджеры считают, что выгодно использовать нелегалов-иностранцев, даже если это грозит большими штрафами. Поэтому, похоже, убежавших нелегалов не очень ищут, потому что они нужны южнокорейской экономике.

*Д. Г. Инчоль**

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РК

В последние годы в Республике Корея постоянно увеличивается количество трудовых мигрантов, основную массу которых составляют низкоквалифицированные иностранные рабочие, легально или нелегально пребывающие в стране. Однако существуют и другие представители иностранной общины, проживающие и работающие в Южной Корее, — это студенты, профессора, преподаватели, журналисты, ученые и высококвалифицированные специалисты. Подробнее рассмотрим эти категории трудовых мигрантов.

Быстрыми темпами растет число иностранных студентов, обучающихся в южнокорейских вузах и колледжах. Если в 1966 г. в Республике Корея проходили обучение около 2 тыс. иностранцев, то в 2000 г. — 6160, в 2006 г. — около 22 тыс., а к концу 2007 г. — 32 056 человек¹. По данным Минюста РК по состоянию на 30 апреля 2009 г., в стране обучались 78 тыс. студентов из 130 стран мира, из которых 60 400 человек (77,7%) являлись гражданами Китая, 3200 человек — Монголии, 2100 человек — Вьетнама, 1800 человек — Японии и 1100 человек — США².

Наиболее быстрыми темпами ежегодно растет количество китайских студентов. Это объясняется в первую очередь возросшей в КНР популярностью южнокорейских вузов, однако определенное число граждан Китая получают студенческие визы с целью нелегального трудоустройства в РК. Так, в 2009 г. насчитывалось порядка 8 тыс. (13,2%) подобных случаев³. Еще одной причиной увеличения количества китайских студентов в Южной Корее является желание вузов РК компенсировать финансовые потери, вызванные резким снижением количества корейских студентов

* СГУ, г. Сургут.

в результате демографического кризиса и сокращения рождаемости в стране.

Кроме того, 6 декабря 2004 г. Министерство образования и подготовки людских ресурсов приступило к реализации крупномасштабного комплексного проекта под названием «Учеба в Корее» («Study in Korea»), в рамках которого было увеличено число государственных стипендий, предназначенных иностранцам. При этом более половины стипендий целенаправленно выдается студентам из стран Азии, поскольку данный проект осуществляется в рамках глобальной программы превращения Республики Корея в деловой центр Северо-Восточной Азии⁴.

Привлечением иностранных студентов занимаются и дипломатические представительства РК в зарубежных странах, сотрудники которых работают консультантами по вопросам образования. Кроме того, действует широкая сеть подготовительных курсов корейского языка, проводятся «образовательные ярмарки» и другие мероприятия, направленные на распространение корейского языка и культуры за рубежом.

Привлечение иностранных студентов является взаимовыгодным процессом как для Республики Корея, так и для стран, откуда они прибывают. Иностранцы, получившие образование в РК, возвращаются на родину высококвалифицированными специалистами в различных отраслях науки и техники, в первую очередь в области передовых информационных технологий, и тем самым способствуют техническому прогрессу в своей стране. Кроме того, по замыслу авторов проекта «Учеба в Корее», иностранцы, знакомые с южнокорейской системой образования, образом жизни, языком и культурой, будут служить «проводниками» интересов Республики Корея у себя на родине и создадут мощную глобальную «корпорацию» выпускников корейских вузов⁵.

Что касается возможности последующего трудоустройства иностранных студентов на территории РК, то 28 октября 2007 г. в Министерстве юстиции Южной Кореи было объявлено о том, что для привлечения на работу в южнокорейские компании перспективных студентов из других стран, окончивших корейские высшие учебные заведения, необходимо облегчить для них процедуру трудоустройства. В связи с этим с 1 ноября 2007 г. студенты-иностранцы, окончившие южнокорейские университе-

ты, могут устраиваться на работу и менять студенческую визу на рабочую, не выезжая из страны. До принятия данных мер таким правом пользовались лишь иностранцы, являющиеся выпускниками естественнонаучных и инженерно-технических отделений корейских вузов. Теперь преимуществами этой системы смогут воспользоваться и выпускники гуманитарных факультетов, однако данное нововведение касается лишь выпускников магистратур и аспирантур, имеющих рекомендацию ректора или декана вуза⁶.

Такие иностранцы смогут сразу после получения диплома работать преподавателями или научными сотрудниками в средних специальных и высших учебных заведениях Южной Кореи (виза E-1), либо трудоустроиться по контракту на государственные и частные предприятия страны (виза E-7). Если выпускнику потребуется дополнительное время для поиска работы по специальности в РК, то при наличии рекомендации научного руководителя он сможет продлить свою студенческую визу на срок до 6 месяцев⁷.

Кроме того, Министерство юстиции разрешило студентам-иностранцам работать большее количество часов в неделю: до 1 ноября 2007 г. иностранные студенты, начиная со 2-го семестра обучения, могли трудиться не более 20 час. в неделю. С 1 ноября того же года данная норма распространяется только на дни рабочей недели, т.е. с понедельника по пятницу, а в выходные дни иностранные студенты могут работать без ограничений по времени⁸.

На фоне процессов глобализации и интернационализации в южнокорейских вузах растет и число иностранных профессоров и преподавателей. Если в 2005 г. в профессорско-преподавательском составе 188 вузов РК насчитывалось 1728 иностранцев, то в 2007 г. их число составило 2301⁹.

Особо выделяются преподаватели английского языка, которые формируют одну из самых многочисленных групп среди «западных» иностранцев в Южной Кореи. Только к концу 2005 г. в стране насчитывалось 14 335 учителей английского языка с преподавательской визой E-2, право на получение которой имеют только граждане англоговорящих стран – США, Канады, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Около 1 тыс. иностранцев являлись обладателями так называемой «профессорской» визы E-1, для получения которой требуется ученая степень, однако в это число вошли не только преподаватели английского

языка¹⁰. Кроме того, в РК нелегально трудится определенное число иностранцев, для которых преподавание английского языка является дополнительным источником заработка. Эту группу иностранных граждан обычно формируют выходцы из тех государств, которые не входят в официальный список англоговорящих стран.

В последние годы в РК сложилась целая индустрия преподавания английского языка, которая состоит из трех основных типов учебных заведений. Во-первых, это так называемые *хагвоны*, т.е. частные языковые курсы, где обычно занимаются подготовкой к экзаменам. Во-вторых, это южнокорейские общеобразовательные школы, которые в последнее время стали чаще приглашать на работу носителей языка. В-третьих, это южнокорейские вузы, где в каждом трудится от 2-3 до 10–15 иностранных преподавателей¹¹.

Хагвоны считаются самыми нестабильными рабочими местами с почасовой оплатой труда, поэтому в этих учебных заведениях обычно преподают иностранцы, недавно приехавшие в страну: те, которые не имеют преподавательской визы E-2, либо те, кому необходим гибкий рабочий график. Общеобразовательные школы РК являются более престижными и высокооплачиваемыми рабочими местами, чем *хагвоны*. Однако работать со школьниками сложнее, чем со студентами. Южнокорейские вузы пользуются репутацией наиболее стабильных, престижных и высокооплачиваемых рабочих мест для иностранцев. Кроме того, университетскому преподавателю, как правило, легче найти учеников для частных уроков.

Среди преподавателей английского языка преобладают молодые люди в возрасте от 23 до 33 лет, которые являются выпускниками не самых престижных западных вузов. Ежемесячный заработок этой группы иностранных граждан составляет 2–2,5 тыс. долл.¹² Нередко преподаватели-иностранцы имеют дополнительный доход от ведения частных уроков, редактирования текстов, участия в съемках телесериалов и рекламных роликов. При этом их зарплата практически не облагается налогами, а жилье обычно оплачивается работодателем.

Как правило, преподаватели английского языка трудятся в РК от 1 года до 5 лет, после чего им на смену прибывают другие. Можно выделить две основные причины текучести кадров: во-первых, это принципиальная невозможность для иностранца

сделать карьеру в корейской структуре, во-вторых, это постоянная нестабильность работы.

Однако небольшой процент иностранных преподавателей все же остается в Южной Корее. Это люди в возрасте старше 35 лет. Всех их можно условно разделить на две группы. К первой относятся иностранцы, которые хорошо адаптировались в РК. Как правило, они женаты на кореянках, которые обеспечивают частичную ассимиляцию, но не имеют детей школьного возраста. Обычно эти иностранцы уходят из преподавания и начинают работать в иностранных фирмах и организациях. Некоторые продолжают преподавать язык в южнокорейских вузах, поскольку эта работа оставляет много свободного времени.

Вторую, более многочисленную группу, формируют иностранцы, которым некуда возвращаться, и те, которые не смогут найти работу у себя на родине. Некоторые из них страдают от алкогольной зависимости, имеют психические отклонения или просто не желают создавать и обеспечивать семью, а также брать на себя какую-либо ответственность¹³.

Помимо английского в стране преподаются и другие иностранные языки: немецкий, французский, японский и русский. Все они изучаются в вузах в меньшем объеме, поэтому носители этих языков составляют немногочисленную группу университетских преподавателей. Другие языки, за исключением китайского, представлены единичными носителями.

Еще одну категорию иностранных граждан, работающих в РК, составляют англоязычные журналисты, которых условно можно разделить на три группы.

Первую группу иностранных журналистов формируют сотрудники традиционных печатных СМИ — газет и журналов, среди которых можно выделить собственных корреспондентов и стрингеров. Собкоры, или «заведующие бюро», находятся на верхней ступени иерархии, которая сложилась в западном газетном мире. Собственные корреспонденты, как правило, находятся на полном обеспечении редакции, которое, помимо солидного вознаграждения, включает в себя оплату жилого и рабочего помещений, предоставление автотранспорта, а также разнообразные служебные расходы. В Сеуле, например, содержание одного собкора ежемесячно обходится в 10–15 тыс. долл. Поэтому в настоящее

время в южнокорейской столице существуют только три печатных издания, которые имеют в штате собственных корреспондентов: «Интернэшнл геральд трибюн», «Файнэншл таймс» и «Уоллстрит джорнэл»¹⁴.

Следующую ступень иерархии занимают так называемые «стрингеры», которые постоянно сотрудничают с каким-либо западным изданием. Они занимаются подготовкой материала на определенную тему: либо заказанную из центрального офиса, либо предложенную самими стрингерами и одобренную редакцией. Стрингерам не возмещают их повседневные расходы, и в целом доход этой группы журналистов значительно уступает зарплатам собкоров.

Существует и другая, более многочисленная (около 20–30 иностранцев), группа стрингеров, которые пишут материалы на различные темы, после чего пытаются их опубликовать в том или ином издании. Поскольку такая деятельность не приносит стабильный доход, большинство стрингеров занимаются журналистикой в свободное от основной работы время¹⁵.

Ко второй группе иностранных журналистов относятся корреспонденты информационных агентств. В настоящее время в РК размещаются офисы четырех англоязычных информагентств, самый крупный из которых принадлежит агентству «Рейтер», где работает около 20 журналистов¹⁶.

В третью группу иностранных журналистов входят представители телевизионных агентств и радиокompаний. Свои представительства в РК имеют «Си-Эн-Эн», «Би-Би-Си», «Голос Америки» и некоторые малые радиостанции. Кроме того, в последнее время увеличивается число радиожурналистов—стрингеров¹⁷.

Всех иностранных журналистов, работающих в РК, объединяет ряд особенностей, обусловленных спецификой данной страны.

Во-первых, в большинстве случаев происходящие в Южной Корее события освещаются корреспондентами из Пекина или Токио, командированными в Сеул, что выходит редакции проще и дешевле. Однако подобный метод работы приводит к осложнениям в подготовке достаточно серьезных материалов.

Во-вторых, собкоры и политические корреспонденты информационных агентств, представляющие собой элиту сеульской журналистики, как правило, не являются специалистами по Корее и не знают корейский язык.

В-третьих, практически все крупные редакции и телекомпании последовательно проводят в жизнь принцип ротации кадров, в соответствии с которым их сотрудники не должны находиться в РК, как и в любой другой стране, дольше 4–5 лет. Следует отметить, что подобный подход применяется не только в СМИ, но и на дипломатической службе, а также в большинстве крупных компаний. Считается, что он позволяет предотвратить потерю широты взгляда на ту или иную проблему. Однако использование принципа ротации кадров не застраховывает от того, что иностранные журналисты, работающие в РК и знакомящие весь мир с той или иной ситуацией в стране, черпают информацию из бесед с англоговорящими корейцами и чтения местной англоязычной печати, что зачастую приводит к недостаточно глубокому изложению хода событий¹⁸.

Наряду с другими представителями иностранной общины в Южной Корее трудятся высококвалифицированные специалисты в области электроники, телекоммуникаций, информационных технологий, аэрокосмической сферы, экологии и в других, приоритетных для РК, отраслях науки и техники. РК ежегодно приглашает на работу в местные государственные НИИ научных сотрудников из России, Украины, Белоруссии, Румынии, Польши, Китая, Индии, Узбекистана и некоторых других стран. Выбор стран-экспортеров иностранных ученых обусловлен тем, что в этих государствах есть технологически компетентные специалисты, готовые работать за более низкую заработную плату по сравнению с научными сотрудниками из развитых стран Европы, США или Японии, а также корейскими коллегами аналогичной квалификации.

Южнокорейское правительство занимается привлечением в страну иностранных инженеров посредством рекомендательной визовой системы, такой, как «IT Card» Министерства сообщения и связи, «Gold Card» Министерства промышленности, торговли и энергетики и «Science Card» Министерства науки и технологии. Так, в 1995 г. были зарегистрированы 9622 квалифицированных иностранных рабочих, а в 2006 г. — 26 761 человек¹⁹.

Крупные южнокорейские компании, такие как «Самсунг» или «Эл-Джи», могут себе позволить нанимать лучших корейских ученых, а также открывать исследовательские центры для подготовки специалистов в других странах, например в России. «Самсунг»

ежегодно нанимает от 50 до 100 иностранных специалистов: первоначально большинство из них назначали на должности, связанные с научно-исследовательской и опытно-конструкторской работой, однако в последнее время иностранцы также занимаются стратегическим маркетингом и розничными продажами²⁰. Острый дефицит высококвалифицированных сотрудников с опытом работы испытывают малые и средние южнокорейские предприятия, которым трудно найти местных специалистов, поскольку последние предпочитают трудоустроиваться в крупные компании.

Следует отметить, что многие российские специалисты, работающие в Южной Корее, ранее занимались военными разработками. Как отмечает Пак Сон Тхэ из Корпорации малого бизнеса, защищающей интересы небольших компаний, это произошло потому, что в России после распада СССР значительно сократилось государственное финансирование военных и аэрокосмических исследований, в результате чего ученые и инженеры стали переходить в частный сектор. А поскольку рабочих мест в частном российском бизнесе для таких специалистов оказалось недостаточно, они стали искать работу за рубежом²¹.

В последнее время, по мере развития российской экономики и промышленности, уменьшается число специалистов из РФ, впервые приезжающих на заработки в РК. Это связано с тем, что такие транснациональные компании, как «Интел», «Моторола», «Самсунг» и «Эл-Джи», создают исследовательские институты на территории России, поэтому у российских ученых появляется шанс найти высокооплачиваемую работу на родине²².

В целом, правительство РК способствует трудовой миграции высококвалифицированных специалистов, выдавая малым и средним предприятиям гранты на приглашение иностранных ученых и инженеров в размере 10 млн вон за одного специалиста, которые распределяются через Корпорацию малого бизнеса²³.

Таким образом, по тем или иным причинам южнокорейское правительство заинтересовано в приглашении иностранных студентов, профессоров, преподавателей, журналистов, ученых и высококвалифицированных специалистов, что приводит к одному положительному результату: на фоне процессов глобализации и интернационализации общества в Республике Корея развивается политика взаимовыгодного сотрудничества с другими странами,

позволяющая эффективно разрешать различные внутригосударственные проблемы.

- ¹ Гуенков В. Южная Корея зовет к себе студентов из-за рубежа // Сеульский вестник. 11.12.2004. <http://vestnik.kr/author/guenkov>; Штефан Е. Корейские вузы будут привлекать иностранных студентов // Сеульский вестник. 11.11.2000. <http://vestnik.kr/author/stefan>; Гуенков В. Студентов в Корее становится все больше // Сеульский вестник. 26.11.2007. <http://vestnik.tripod.com>
- ² Штефан Е. Три четверти иностранных студентов в Корее – китайцы // Сеульский вестник. 23.07.2009. <http://vestnik.kr/author/stefan>
- ³ Гуенков В. Южная Корея зовет к себе студентов из-за рубежа. Указ. соч.; Штефан Е. Три четверти иностранных студентов в Корее – китайцы. Указ. соч.
- ⁴ Гуенков В. Южная Корея зовет к себе студентов из-за рубежа. Указ. соч.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Гуенков В. Иностранцам студентам в Корее разрешили больше работать // Сеульский вестник. 29.10.2007. <http://vestnik.tripod.com/>
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Гуенков В. В корейских вузах на пять преподавателей-мужчин приходится лишь одна женщина // Сеульский вестник. 15.05.2008. <http://vestnik.tripod.com>
- ¹⁰ Ланьков А. О преподавателях английского // Сеульский вестник. 22.04.2007. <http://vestnik.kr/author/lankov>
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ланьков А. Иностранцы журналисты в Корее // Сеульский вестник. 16.06.2007. <http://vestnik.kr/author/lankov/>
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Korea needs fresh mindset toward foreign workers / Maeil Business Newspaper. Jan. 26 & Feb. 2, 2007 // Korea Focus. Spring, 2007. P. 82–91.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Штефан Е. «Чунъан дэйли»: Русские идут... с навыками в сфере высоких технологий // Сеульский вестник. 10.11.2004. <http://vestnik.kr/author/stefan>
- ²² Там же.
- ²³ Там же.

SUMMARY

POLITICS

Zhebin A.Z.

The Diplomatic Struggle over the Creation of a New Peace System on the Korean Peninsula: A Journey in a Closed Circle

The author analyzes the main proposals for replacing the armistice agreement in Korea for a peace agreement (treaty) and a new system for maintaining peace on the peninsula made by the DPRK, the ROK and the U.S. over the past two decades. Attention is drawn to the fact that, despite the often divergent goals, which set themselves the warring parties, the motivation of these initiatives has often proved very similar to the one recently proposed by the other party, and usually rejected. Than kind of walking on a closed circle reveals the most complicated knots of contradictions between the parties on security issues on the Korean peninsula and provides us with a chance to propose some possible compromises on these issues.

Tkachenko V.P.

ROK-Russian Diplomatic Relations: History of Establishment

The author considers some aspects, connected with normalization of the relations between the USSR and RK at the end of past age. Specially are accented on that of them, where exist the divergences in analysis and interpretation. Noting the most typical divergences, author not at all puts the purpose to obtrude whomever its standpoint. The question is that: the subjects with the opinion miscellaneous needs in the additional study or more deep argumentation. The simple list of such divergences can be of use for young researchers, who choose subject of the studies for itself.

Saveliev R.V.

65th Anniversary of Korea's Liberation: from 20-th Century to 21st one

The campaign in Korea has become one of the stages of the Allied victory over militaristic Japan. By the order the American commander

MacArthur in 1945 Korea was divided by the 38th parallel. This recorded the responsibility of the winners for the fate and development of the peninsula, as two Korean states, began its existence in 1948, entered the XXI century, having failed to overcome the competition and find the future of rebuilding a united Korean nation.

Kim En Un

65th Anniversary of Great Victory and Significance of the USSR's War against Militaristic Japan

The war against militaristic Japan was a severe burden for the USSR. The Soviet Union promised to begin war against Japan after 2-3 months after end of war in Europe at the Tehran Conference in November, 1943. USSR repeatedly confirmed that promise, including during Yalta Conference in February 1945. Soviet Red Army during one week defeated most fighting-efficient Japanese Kwantun Army of about 1 million soldiers. The USSR's participation in war against Japan speed up the Pacific war more than 18 months and save hundred thousands lifes of Chinese, Korean and Japanese as well as Indochina, Indonesia, etc. and tenth thousands of the U.S. soldiers. Also it save from forced labor hundreds thousands of Koreans and sexual slavery tens of thousands of Koreans, Chinese and other Asian woman.

Vorontsov A.V.

The Korean Peninsula Nuclear Problem – Deadlock or Cross-road?

Though the last months of 2009 saw a surge in diplomatic activity centered around the DPRK, the prospects for the resolution of its nuclear problem remain at best unclear. In particular, a question mark hangs over the future of the six-party talks. The conclusion stemming from the above is that gradually the protracted tide of confrontation triggered by the DPRK's April-May, 2009 nuclear and missile tests and the international community's ensuing reaction is subsiding, and the interested parties are already looking for a way to reanimate the negotiations. Moreover, the current dynamics is at times breeding unrealistic expectations concerning the negotiations over the nuclear problem. The optimal approach in the current unstable situation is to focus on reaching at least a minimal level of accord among the parties – not excluding the DPRK! - concerning the conditions for re-opening the talks, the issues on the table, and the pertinent organizational aspects.

Khrustalev V.V.

The Nuclear Deterrence Model of DPRK: Things South Africa Failed to Do?

DPRK has conducted its new nuclear test on May 25, 2009. Now the possibility that North Korea has acquired the operational nuclear capabilities is publicly admitted and accepted as real option. But what is the nuclear strategy of North Korea? Actually it looks very much alike the South Africa's nuclear concept of late 1970's aimed at deterring the scenario with rapid deterioration of political situation around this nation. Pretoria did not move farther than initial stage of its nuclear project. In the case of DPRK we can see that this state has methodically accomplished the full set of goals and timelines invented by SAR earlier. The similarity of situation is stressed by the fact that both DPRK and SAR - in proper time - were engaged in "total strategy" approach. It meant the total mobilization of national resources to protect and preserve the ruling regime under the pressure of various international sanctions. Accordingly we are free to compare the situation in both countries, make assessments and prognosis concerning the development of military-strategic and political situation. The present North Korean regime will scarcely undertake the transparent and irreversible dismantling of its nuclear deterrence arsenal. If it happens one day we can definitely assume that the ruling elite of DPRK has silently capitulated and de facto fallen under foreign control. But this scenario is quite unrealistic until Kim Jong-Il stays at the helm in Pyongyang.

Toloraya G.D.

On Some Issues of Russian Strategy in Korean Affairs

Russia needs to set priorities to face the not only a regional, but also a global challenge of Korea. The questions are: Should we expect collapse of the regime and unification? What is the real danger of North Korea's nuclear potential? What are the chances of denuclearization and a probable outcome for Russia? What is our leverage in Korean affairs? Russian interests diverge from both those of the West (which puts stress on denuclearization as a possible prelude to the change of the regime) as well as China, which is not against conservation of the regime inside Beijing's sphere of influence. Allergic as it is to North Korean regime, Russia still cannot form its policy based on the hopes of its demise: North Korean elite has enough potential to prevent it, regardless of economic problems and the issue of succession. The truth is that under existing rules of the game voluntary denuclearization of DPRK cannot be expected. DPRK's nuclear potential at the same time

(provided no more increase in it and proliferation are permitted) is a factor of stability- albeit confrontational, but still more acceptable to Russian than a crisis. However we must support the Six Party Talks, as at their table Russian interests and positions in Northeast Asia are at stake. Only our independent position without blocking neither with USA, Japan, ROK nor with China could preserve our value for the partners. We also should preserve the traditional channels of interaction with North Korea, while letting Pyongyang know we want modernization of the regime and lessening of its hostility. Our strategy to ROK should be based on the notion that our approach to Korean nation makes peaceful solution of all problems, including the nuclear one, as well as unification issues, an absolute imperative and that for Russia the center of attention is the economy, including possible trilateral projects.

Bugai N.F.

ROK-Russia during the 1990s: History of Mutual Perceptions

By the beginning of the 1990s all the conditions had been created to establish diplomatic relations between the Republic of Korea and the Soviet Union. Koreans live in Russia and in the countries of the CIS along with such countries as the USA, China and Australia. According to approximate data there are more than 550 thousand Koreans in the states of the CIS and about 200 thousand in Russia. A great devotion to the historical homeland (the Republic of Korea and DPRK) is typical of Koreans as of no other ethnic community in Russia. The Korean community's role has appreciably increased, it also has become very important in Russian-Korean relations.

In this connection the problem of mutual understanding between Russia and Korea (South Korea and North Korea) and the problem of ethnic Koreans in Russia are getting more topical, proviso being a coherent component of strengthening relations between Russia and the states of the Korean Peninsula, developing the culture of international communication.

Verkhoturov D.N.

A Perspectives of Collaboration in Space Between Korean States

Korean states had upgraded the approximately level of rocket's technology at present day. In 2009 the DPRK and the ROK had launch of carrier rocket. Instead of failure of these launches it is possible to conclude that both Korean states can develop launch vehicles. During 5-6 years they will launch successfully. It is opening prospects for collaboration in space between Korean states. Such cooperation is possible as that is shown by

experience of Apollo-Soyuz Test Project in 1975. The Korean states can develop launch vehicles and to build a satellite. They also can cooperate in international science projects in the space.

Efimova A.I.

Current Sate of the European Union's Policies towards DPRK

The EU political course towards North Korea has been aimed at engaging DPRK in various cooperation activities, which has been possible due to the ability of addressing political and humanitarian issues separately. However, with the second nuclear crisis the EU's participation has decreased significantly in number of projects and aid volume. The Country Strategy Paper adopted in 2002 was suspended for an indefinite period. European humanitarian role is presumed to contribute to economic modernization and transformation of the political regime in the DPRK in a mid/long term perspective. A similar scenario appears plausible only in case of upgrading the EU's Common Foreign and Security Policy towards DPRK and coordinating efforts with the USA and regional powers.

HISTORY AND CULTURE

Grinyuk V.A.

Japanese Experts on the 100th Aniversary of Annexation of Korea

The annexation of Korea, carried out by the ruling circles of Japan in summer of 1910, was one of the most important events in modern history of Korea and Japan. On that occasion, Japanese historians, specialists of international law and diplomats discussed the nature of colonial rule of Japan over Korea, reasons and mechanisms of formation of complicated psychological barriers between the two nations. Japanese experts expressed their considerations on the ways of solving the present confrontation between Japan and the DPRK and noted contradictory nature of relations between Japan and South Korea. The specialists stated that as for today's relations between Tokyo and Seoul, there are elements of cooperation and confrontation in the sphere of policy, interaction and competition in economy, deepening of mutual interest and active development of exchanges in the sphere of culture.

Song J.G.

USSR-Japan Relations in 1920-1930s and the Fate of Russian Koreans

In order to establish bilateral contacts, on January 20, 1925 in Beijing, the USSR and Japan signed the so-called "Convention on the basic principles of relations between the USSR and Japan". The document contained a number of significant concessions by the USSR to Japan, for the sake of establishing diplomatic relations and the stabilization of the situation in the Russian Far East.

Asmolov K.V.

Trends of the Contemporary Russian Historiography of the Korean War

The paper deals with the perception of the Korean war in contemporary Russian historiography, describing the evolution of the prevailing viewpoints in comparison with different concepts & propaganda cliché. Although most of works in this field are not written by specialists in Korean studies, Korean War continues to occupy the specific place in the Russian historiography, as these questions are strictly connected with difference of attitudes towards the Soviet period of the Russian history. Because of this propagandistic component of such works frequently dominates the objective historical approach. At the same time works of Russian Koreanists at the present time demonstrated the specific consensus. The Korean War is seen as civil war, provoked by the division of the country and aggravated by external interference.

Ten V. A.

On Some Issues of Australia's Participation in the Korean War

The participation of the Australian troops in the Korean war 1950-1953 was the first evidence of military collaboration between Australia and the Republic of Korea. This paper analyses 74 articles on the problem published during 1950-1954 in the newspaper "The Canberra Times". As the amount of the Australian troops in the Korean War was small, "The Canberra Times" paid more attention to international (in 1950 and 1953) and internal political (in 1950) aspects of Australia's participation in the Korean War. The bilateral cooperation, which was established at that period, continued in 2009, when two countries signed the agreement on defense cooperation.

Dyakova O. V.

Modern Version of Bohai Studies in China

The problem of ancient state of Bohai from VII century AD hitherto always been present in China's policy, since the topic was relevant to the both Korean states. Each state included the Bohai in its history. In recent decades, Chinese scholars proposed a new interpretation of the ethno genesis of the Bohai people. Ultimately the Chinese considered them to be Han.

Tolstokulakov I.A.

Religions in DPRK: History and Modern Situation

When Korea was liberated from Japanese colonial rule Buddhist, Catholic and several Protestant churches have been an active part of socio-political life in the country as well as Confucians and local traditional religions. The DPRK leadership's course for building of «monochromatic» society has turned over by full eradication of any religion. In spite of existing constitutional guarantee for religious freedom, there were no real condition for performance of religious rites and cultivation cult traditions in DPRK. Since the end of 1980th we can observe some reviving of religious life in North Korea, but at the first stage that was only formal process. Nowadays there are some opportunities for real religious activity of Buddhist church and several Christian confessions. North Korean ideology has armed by several elements of local traditional cults and Confucian ideas for enforced ideological treatment of the DPRK citizens in modern situation.

Kim N.N.

Political Line of Kim Gu in South Korea after Liberation

The article analyses a political line of the Provisional government headed by Kim Gu after its return to Seoul in autumn of 1945. Kim Gu's homecoming aroused different feelings between acting political leaders of South Korea. In spite of its positioning as the Government of Korean Republic Provisional government was recognized as it is only by the right conservative minority. As a result Kim Gu has lost the mass support and political recognition as a main leader of the liberated Korea. Founding himself in a complicated political position, Kim Gu kept on looking for political leadership by any means, changing his political course depending on internal and international situation around South Korea.

Kurmyzov A.A.

The Second Republic and the Problem of Democracy in the ROK (1960–1961)

The fall of Syngman Rhee's regime as the result of so-called April revolution gave rise to hopes for democratic reforms. The Second Republic was established. The Democratic party, which had been in the opposition during the First Republic, became ruling party and carried out series of democratic reforms in the direction of decentralization of power and decrease of president's power. Nevertheless the government led by prime minister Chang Myon did not succeed in providing political stability and conditions for effective economical development. Split of ruling party, its inability to put an end to corruption and crime promoted discreditation of the government. This period was also marked by growth of the left forces demanding to provide of social justice and contacts with the DPRK. Chang Myon's government was not able to solve socio – economic and political crisis. As a result it was overthrown by military coup on May 16, 1961.

Dmitrieva V.N.

Globalization and Features of Multicultural Society in the ROK

Globalization and the world economic crisis indicate the existence of a new reality. Different social sciences, such as philosophy, history, economics etc., interpret globalization in their own ways. There is an opinion that globalization signifies the beginning of a new epoch in the history of humankind as a result of “denationalization” of economies, expanding of transnational production systems etc. Social and economic “modernization” causes radical social transformations. Flows of workers from different countries create new culturological problems caused by specific ethnic features of immigrants from different countries of Europe and Middle East. Creating a “multicultural society” in the Confucian culture of the Korean peninsula may cause new social and axiological problems.

Guryeva A.A.

«Tradition in New» in Contemporary Korean Culture

Combination of new and traditional elements may be viewed as a formula of any contemporary culture. This is true also for the Republic of Korea where new phenomena often contain traditional elements or base on them. Development of old plots and models were characteristic for

traditional Korean culture which was especially obvious in literature. In contemporary culture this is of a special interest and will be analyzed in this paper basing on the example of visual art (cinema, art), literature (prose, poetry, drama) as well as on the level of mass culture (advertisement, posters) etc.

Osetrova M.E.

Korean Cuisine and its Role in the Process of National Identity Making in Contemporary Korea

There is a recent vivid trend in South Korean society to stress its national identity by promotion of national culinary traditions. Nowadays their cultural significance can be compared with the main achievements in traditional art, architecture, science and technology. The first lady is actively patronizing the program of hansik globalization in order to present Korean cuisine in the world as one of the main symbols of Korean culture in general. The growing interest in domestic food and culinary customs can be also seen inside Korea. Now Korean cuisine is interpreted not only as reflection of national palates but more likely as symbolic representation of Korean way of life, aesthetics and philosophy. This paper is an attempt to describe and analyze this original phenomenon on the basis of the most recent Korean facts and events, and an endeavor to find its origins and define its role and perspectives in modern South Korean cultural reality.

Pokholkova E.A.

Communicative and Linguistic Features of National Advertising and Intercultural Aspects of its Translation

Being a special kind of the text and representing a unique kind of a communicative discourse, advertisement is an important means of economic progress. The advertising text has a huge potential for emotional and psychological influence on the people with a similar outlook. National advertising is of special interest from the linguistics and psycholinguistics point of view due to the fact that various semantic factors interact with each other, such as verbal, visual, rhythmic etc. The contrastive analysis of Russian, South Korean and North Korean advertisements allows us to reveal both some global tendencies of an advertising discourse, and national-ethnic peculiarities which disclose deep historical and socio-political correlations.

Gruzdev A.A.

Modern Speech Etiquette in Korea

There are a lot of means in Korean language for reflecting the relationship between speaking and listening person in a view of the position that the person hold in a hierarchic community. During learning the culture of foreign country communication among people plays an important role. That's why a degree of speech's politeness is a very important efficient. It is rather difficult for a foreign person to determine how he has to behave and what degree of politeness he has to use in one or another situation. We can obtain it only by the way of all-round learning the features of the social structure of the Korean society and the practice of daily communication with an informant. It is necessary to know the rules of speech etiquette and use it in a speech practice to keep business and scientific communication with Koreans.

Lee San Youn

The Theme of War in the Works of Park Wanseo

Works of Park Wanseo is one of the most significant phenomena in the modern Korean literature. The short story consists of two separate stories in which the author describes the events of Korean War. The warfare is used only as a background for dramatic scenes from the life of the characters. The leading role in these two stories is assigned to the two women who did not fail to take compassion on people and to be ready to sacrifice themselves for someone's sake.

Ni N. I.

The Spirit of Freedom and Protest in Kim Suyong's Poetry

Kim Suyong (1921–1968) was one of significant Korean poets of the second half of XX century. Having acquired style of a modernism, he wrote in an accusatory and freedom spirit. He was one of the first in the history of the Korean poetry who could give it other sounding undoubtedly. His value is comparable to V. Mayakovsky's creativity in Russian poetry. First of all, declamatory character of poems of Kim Suyong is evident. His verses were turned to masses. The poet created new images unknown to the Korean poetry. The author observes innovative tendencies of the poet in poems "Helicopter", «Ha ... here is not a shade», «Moon pranks». The political theme in Korean poetry has opened new lexical values of habitual words in a context of poems. The word takes other meaning.

ECONOMICS

Suslina S.S.

Economic Cooperation between Russian Federation and Republic of Korea: Time of Maturity?

During the last 20 years Russia-South Korea economic cooperation has demonstrated different trends: from positive to negative and vice versa. The base of the mutual complementary collaboration is deeply narrow and insufficient and practically nothing had been done for improving and extending this cooperation. In particular, in the bilateral trade for last five years we have negative balance due to the tendency of outstripping Korean export to Russia in accordance to the backward import from Russia. So, the author analyzed dynamics and modern trends in Russia-South Korea economic cooperation and made some conclusions and suggestions how to speed up and enrich the forms of our strategic partnership in economic sphere.

Samsonova V.G.

Russian-Korean Investment Cooperation: Main Results and Perspectives

Over the last 20 years, the two countries have promoted exchanges and cooperation in various areas, such as politics, science, culture, economy and, of course, investment collaboration. The investment cooperation has become much more intense. During the first quarter of 2009, the total volume of South Korean investments into the Russian economy reached US\$ 1257, 2 million including US\$ 731, 3 million of direct investments. The author makes research into the problems of the investment cooperation between our countries, the main features, trends, and its effect on the economic and social development of Russia. The paper contains the vision of the modern situation, government measures for solving the problems in investment sphere, the moving trends of the negative tendencies in this cooperation.

Zabrovskaya L.V.

A New Tendency in Russia-North Korean Regional Economic Contacts

The paper is devoted on a new tendency in North Korean economic contacts with Russian Far Eastern regions. It underlines that new troubles in North Korean economy push the DPRK's authorities up for looking for new working places abroad for North Korean workers. They invest in Russian Far

Eastern economy – not only in restaurant business as it was in the 1990s, but in coal mining, fish- and wood- processing and other businesses.

Ryazanova A.N.

The Role and Policy of the State in the Innovation Economy

The phenomenon of the East Asian development represents a unique model of economic development. An example of South Korea shows how during the relatively short period of time to achieve impressive economic success, and enter the elite of the world economy. The paper provides a brief overview of the development and implementation of innovative scientific and technological policy of the Republic of Korea, its current state, strategic goals and objectives for the near future and tools to implement it.

Zakharova L.V.

Factors Determining Prospects of the Inter-Korean Economic Cooperation

June 15, 2010 marks the 10th anniversary of the publication of South-North Joint Declaration, which gave a great impetus to the development of the bilateral economic cooperation. Large-scale accomplishments in this process during 2000-2007 and a sharp decline in the inter-Korean relations that has happened after President Lee came to power in the ROK draw our attention to the impact of different variables on the development of South-North cooperation. The aim of the paper is to analyze the importance of the main political and economic factors for the DPRK and the ROK in the process of developing inter-Korean economic cooperation.

Steklov M.M.

ROK Economic Policy in Central Asia

Among the CIS countries (except Russia) the ROK emphasized its economic relations with Uzbekistan and Kazakhstan abundant with mineral resources – oil, gas, nonferrous metals, uranium. The relations with Tshkent is a cornerstone of Seoul policy in Central Asia.

Lee B.S.

On Relations in Labor Sphere between the Republic of Korea and CIS Countries

This article is devoted to the specific sphere of relations between the Republic of Korea and some CIS countries (Uzbekistan, Kyrgyzstan) in

comparison with countries whose citizens are participating in program of technical training in Korea. Analysis is connected with distribution of foreign workers according to kind of visa, countries, branches, spheres of business, legal and illegal positions, level of wages, age. That interconnection in sphere of labor relations is mutual as Korean businessmen are acting in these countries, South Korean community is formed there. There are a lot of problems arising due to distinctions in labor law and culture.

Inchol D.G.

Labor Migration of Foreigners in the Republic of Korea

The population of the ROK is increasing owing to the influx of foreign migrants: students, teachers, highly qualified specialists and scientists, representatives of western companies, businessmen, investors, legal and illegal workers. At the same time according to the data given by Ministry of Justice the number of foreigners who want to get Korean citizenship has been growing and many of them apply for Korean name. China, the USA, Vietnam, the Philippines, Thailand, Japan, Mongolia, Indonesia, Taiwan and Uzbekistan are the top ten countries where immigrants come from. Russian citizens are on the 15th place between Pakistan and India.

Научное издание

Корейский полуостров: Уроки истории.

Доклады, представленные на XIV научной конференции
корееведов России и стран СНГ.
Москва, 30–31 марта 2010 г.

Редактор Н.И. Иванова
Корректор Н.Б. Потапова
Оригинал-макет С.А. Суднищиковой
Оформление Т.В. Иваншиной

Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Подписано к печати ???.?.2010.
Формат 60 x 84/16.
Печ. л. 22,625. Тираж ??? экз.
Заказ № ??.